

В ближайшем номере и в следующем полугодии читайте новые главы книги Сергея Куняева «Вадим Кожин» — о работе критика над книгой «Как пишут стихи», над статьями, посвящёнными «эпохе Возрождения» в русской литературе и термину «критический реализм», дискуссии «Классика и мы», взаимоотношениям героя книги с Юрием Селезнёвым, Михаилом Лобановым, Сергеем Семановым.

«О том, как преломлялись история и современность в умах русских патриотов в конце 1960-х, свидетельствуют интереснейшие дневниковые записи Сергея Николаевича Семанова, сделанные в начале 1969 года.

«Посмотрел свои записи за прошлый год. Какая резкая эволюция: в январе я еще, оказывается, сочувствовал Галанскову и Литвинову (арестованным диссидентам. – С. К.). Здесь надо признать, что Р. (под этим обозначением в дневнике фигурировал Пётр Палиевский. – С. К.) до сих пор шел впереди меня на полшага. Вот хотя бы Солж[еницын], о кот[ором] я постоянно кричал, что он самый выдающийся рус[ский] писатель после 1910 г[ода], и ужасно злился, когда Р. мне умалял его ценность и упрекал в либерализме и позёрстве. А ведь верно. Сейчас по рукам ходит множество его бумажек, к[оторы]е он сам распространяет. Кажется, что он создал себе постамент из них и теперь стал там в добролюбовской позиции. И с евреями стал заигрывать. Я был потрясен, прочтя его произраильский пассаж в ответе студентам. А теперь в очередной своей бумажке о заседании секретариата СП он говорит об ужасных статьях 1949 года... А ведь был «Захар-калита». И ведь евреи очень кисло приняли «Ивана Денисовича». Но теперь он их. И, видимо, насовсем. <...>

...Ей-богу, хочется написать похвальное слово сов[етской] власти! В самом деле. За последние 19-15 лет несом[ненно] улучшился (в общем) уровень жизни материальный, значительно рассосался жилищный голод, принят весьма благоприятный для населения пенсионный закон, соблюдается строжайшая законность, свободы — сколько хочешь, только парламента, слава Богу, у нас нет, да демонстраций. Говорят, напряженный бюджет, но где он хороший?! В Штатах вон какой долг. Говорят, наше планирование неповоротливо и пр. Верно, однако у нас действительно нет неуверенности в завтрашнем дне, что характерно для Запада. Оказывается, и мир без войн, мир без оружия еще рано прокламировать. Значит, ракеты и бомбы нам пригодятся».

НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№5 2021

Поздравляем наших читателей
с праздником Светлой Пасхи!

ХРИСТОС ВОСКРЕС

Повсюду благовест гудит,
Из всех церквей народ валит.
Заря глядит уже с небес...
Христос воскрес! Христос воскрес!
С полей уж снят покров снегов,
И реки рвутся из оков,
И зеленеет ближний лес...
Христос воскрес! Христос воскрес!
Вот просыпается земля,
И одеваются поля,
Весна идет, полна чудес!
Христос воскрес! Христос воскрес!

А. Н. Майков

Мая
С Великим
Праздником
Победы!

ЛИТЕРНЫЙ ЭШЕЛОН

Майским салютом расцвёл небосклон,
Славя весну и Победу...
Литерный в небе идёт эшелон —
Павшие воины едут.

Через разливы бурлящей весны,
Через вселенские кущи
Павшие воины едут с войны
К нашим потомкам грядущим.

Мимо крылечка родного села,
Мимо заводов и пашен...
Всех их в один эшелон собрала
Память священная наша.

Сполохи мирной рассветной зари
К горним возносятся высям.
В небе весеннем парят сизари,
Как треугольники писем.

Гулом объята небесная даль
Отчей родимой округи.
Солнце надраено, словно медаль
“За боевые заслуги”.

Головы воинов снежно белы,
Лица светлы и бесстрашны...
Вот они — русской Победы орлы,
Соколы Родины нашей!

Им колокольный звучит перезвон,
Славя весну и Победу.
Литерный в небе идёт эшелон —
Павшие воины едут.

К однополчанам своим боевым
Через сраженья и беды
Павшие воины в гости к живым
Едут на Праздник Победы!

Евгений СЕМИЧЕВ

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Л. Г. БАРАНОВА-
ГОНЧЕНКО,
А. В. ВОРОНЦОВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
З. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
А. Ю. УБОГИЙ,
В. Г. ФОКИН,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Проза

- Дмитрий ВОРОНИН
На Берлин! Рассказ 8
- Николай КОКУХИН
Молодцы. Рассказ 16
- Юрий ЛЕОНОВ
Хуторянка. Рассказ 23
- Алексей ЛИТВИНОВ
Винтовка. Рассказ 26
- Сергей МУРАШЕВ
Пасха в деревне. Рассказ..... 39
- Юрий КУБАНИН
Дёрн. Рассказ 49
- Александр ЩЕРБАКОВ
Дети Победы. Рассказы 57
- Алексей ФЕДОТОВ
Николушка. Повесть 67
- Леонид БЕЖИН
Коронация и смерть фартового
жигана. Повесть 84

Поэзия

- Наталья ЕГОРОВА
В стремительном витке
преображенья 3
- Иван ЩЁЛОКОВ
Вот нам бы так... 19
- Ренат ХАРИС
Поэтическая летопись 35
- Сергей ПАНФЁРОВ
Единенье Неба и Земли 46
- Андрей ЛОГВИНОВ (протоиерей)
Ради тебя, Христе... 65
- Владимир СИЛКИН
По-солдатски 80
- Борис ОРЛОВ
Будет ли иначе? 101

Очерк и публицистика

- Станислав КУНЯЕВ
“К предательству
таинственная страсть...” 103
- Сергей ШАРГУНОВ
Стоны страны.
Депутатский дневник 116
- Владимир КУЗНЕЧЕВСКИЙ
Кто “виноват” в освобождении
Европы от фашизма? 123

Редакция

Приёмная —
(495) 621-48-71

С. С. Куняев —
заместитель главного редактора,
зав. отделом критики —
(495) 625-01-81
ns-kritika@yandex.ru

А. Ю. Сегень —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47
ns-proza@yandex.ru

К. К. Сейдаметова —
зав. отделом поэзии —
(495) 625-02-81
ns-poetry@yandex.ru

А. Н. Тимофеев —
редактор отдела критики —
(495) 625-30-47

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Константин КОЛОНТАЕВ
Кто развязал
Вторую мировую войну? 132
Юрий НОВОПОЛЬЦЕВ
Пакет Пандоры 149
Наталья СОВЕТНАЯ
Война стучится в двери 165

Слово читателя

“Я надеюсь, что “Наш современник” будет выходить в свет ещё не одно десятилетие” 179

Память

Сергей КУНЯЕВ
Вадим Кожин 186

Критика

Валентин КУРБАТОВ
Свидетели грозной правды,
или Не игра в “войнушку”,
а война 218

Юрий ПАВЛОВ
Виктор Астафьев,
“потаённый” и явленный 223

Алексей МАНАЕВ
В смертный бой не ради
славы... 232

Пётр ТКАЧЕНКО
Какую библию читал
Михаил Полохов 235

Владимир КРУПИН
Перо чайки 257

Людмила ВОРОБЬЁВА
“На глаголице дальних
миров” 260

Среди русских художников

Марина ВОРОПАЕВА
“...Её песня на светлую
чашу весов...” 283

В конце номера

Открытое письмо Президенту 286

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках. Рукописи принимаются как в распечатанном виде по Почте России, так и по электронной почте отделов. Каждая рукопись внимательно рассматривается. Связь с авторами происходит ТОЛЬКО при положительном решении. Вступать в переписку по поводу рукописей редакция не имеет возможности. Рукописи не рецензируются. Журнал не публикует поэмы, сценарии, либретто. Журнал оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес редакции: **Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2**

Сайт в интернете: **www.nash-sovremennik.ru**, эл. почта: **n-sovrem@yandex.ru**

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675. При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП “ПараТайп”.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов. Оператор: Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Подписано в печать 29.04.2021. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 1938-2021. Тираж 3700 экз.

Отпечатано в АО “Красная Звезда”, 125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarprint.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА

В СТРЕМИТЕЛЬНОМ ВИТКЕ ПРЕОБРАЖЕНЬЯ

СКАЗАНИЕ ОБ АНДРЕЕ ПЕРВОЗВАННОМ

С той метельной зимы минул снег неизвестно какой,
Но живёт до сих пор свет предания, Господом данный, —
Как с заплечным мешком да сосновым простым посошком,
Да по тропочке той шёл апостол Андрей Первозванный.

Он за Киев пошёл — к неизвестным истокам Днепра,
К лютым северным льдам в скифском сне беспробудном
медвежьем.

Тёмен город в снегу — ведовская курная нора!
Грозен царь Борисфен, залепивший метелями вежды!

Морды бесов и змей на долблёных кривятся ладьях.
Шкуры вепрей и лис — на парнях и зазнобах счастливых.
Курит град Смоленец смóлы в красных кипучих кострах.
Эту лютую тьму не развеять и Божьим огнивом!

ЕГОРОВА Наталья Николаевна родилась в Смоленске. Окончила Смоленский педагогический институт. Работала в издательстве “Современник”, газетах “День”, “Завтра”. Автор поэтических книг “Золотые шары”, “Птицы в городе”, “Тысяча лет — снегопад”, “Русской провинции свет” и подборок в различных периодических изданиях. Лауреат годовых премий журнала “Наши современники” и Всероссийской православной премии и.м. св. кн. Александра Невского Александро-Невской лавры. Член Союза писателей России.

И такая тут ночь, и такой вековечный мороз,
И такая пурга, что надёжней совсем не родиться!
Но на Тайной Вечере апостолам молвил Христос,
Чтоб страдали и шли — ибо всем надлежит причаститься!

Только здесь и слова, замерзая, плывут в пустоту.
Есть лишь зверьи следы да алмазные звёзды на черни!
Шёл апостол Андрей — и сквозь вьюгу молился Христу,
И просил у Христа вразумленья в молитве вечерней.

И услышал Христос, и по свету сошёл в снегопад,
Рядом встал на холме и вгляделся в морозные дали.
Что за тихая ночь! Этот лес — как Божественный сад
В голубых хрустальных, утоливших земные печали!

Мерно сосны поют над сугробами трубами царств.
Тонко звон тишины в заповеданном царстве зверином.
Под лосиным копытом не хрустнет прогнувшийся наст.
Не шелóхнется снег под бесшумною стаей волчиной.

И руками развёл над великим простором Христос,
И холмы поползли над рекою, подобно телегам.
И великий простор городами сквозь вьюги порос,
И во тьме зазвенел куполами, крестами и снегом.

И из снега, из тьмы, из медвежьих и заячьих троп,
Из праскифского сна, глушь медвежьих распадков осилив,
Из глубин Борисфена, из белых сосновых чащоб
Сквозь седой снегопад за холмами явилась Россия.

В золотых куполах — как свеча над снегами горит!
В красноглавых кремлях — с ясным пламенем чистого сердца.
И идут за Христа на Голгофу князья и цари,
И идут за Христа на мученья и смерть страстотерпцы.

Невский князь Александр солнцем битвы звенит на ветрах,
Инок Сергей поёт песню жизни бойцам Куликова,
Смуту чёрных времён разгоняет Крестом Иринарх,
Мирным Духом горит Серафим из святого Сарова.

И растут города из метельных сугробных берлог,
И заводы дымят по сосновым чащобам морозным,
И плывут корабли льдами синих штормящих дорог,
И летят корабли к замерзающим медленным звёздам.

Это, Господи, рай! Это дивных чудес снеговой!
Это, Господи, сад на искрящей алмазами черни!
Так стояли они — сам Христос и апостол Андрей, —
Замышляя Россию в великой молитве вечерней.

Как на тропочке той, где в сугробе дрожит березняк
И завода труба вмерзла в тучу над красным закатом.
И люблю я смотреть сквозь огнями вихрящийся мрак,
Прозревая легко, что заведомо было когда-то

Вот у этих седых крепостных развалившихся стен,
У церквей и мостов, вмёрзших в снега родную стихию,
Где из тьмы вековой выплывает, клубясь, Борисфен
И священным Днепром за холмами впадает в Россию.

УЛИТКА

Ты в этом мире медленнее всех.
Ползёшь к цветку — и время тратить грех,
Чтоб наблюдать за медленным движеньем.
Но нет быстрее урагана звёзд,
Летающих по спирали млечных вёрст
В стремительном витке преображенья.

Куда тебе спешить и почему —
Навек неясно твоему уму
В пространстве продвижений постепенных.
Ведь если время не остановить,
Так можно спрятать или закрутить
В спиральный панцирь медленных вселенных.

Сгорают звёзды, пролетают дни,
Поют пульсары — времени сродни.
А ты ползёшь замедленной дорожкой
По правилам неведомой игры.
Ведь можно так: свернуть в себя миры —
И с лепестка цветка топорщить рожки.

В ГЖАТСКЕ

В тот кладбищенский храм на осколке земли
Мы когда-то случайно детьми забрели
И всю жизнь вспоминали про это.
На краю ойкумены там кроткая Гжать
Не устала кувшинкой и ряской дрожать,
Вытекая в миры из планеты.

Там старухи, взывая к Творцу о мирах,
На глазах рассыпались в кладбищенский прах
И воскреснуть грозили серьёзно.
Там Гагарин летел над затихшей Землёй,
Всех кумиров планеты затмивши собой,
А в ладонях — кувшинки и звёзды.

Но я помню с тех пор — все мы знаем без слов —
Тот восторг потрясенья до первооснов,
Тот священный покой сизокрылый,
Где старухи поют и сияет звезда,
Я себе не могла объяснить никогда.
Только знала — о, что-то там было!

Эта церковь годá пролежала на дне
Детской памяти — в донной речной глубине,
И всплыла куполами оттуда.
Прочитала случайно я в книжке одной,
Что служил там в изгнании Никон святой —
Воробьёв. Разве это не чудо?

Там, в забвеньи, не споря с нелёгкой судьбой,
Он молился Творцу и боролся с собой
Много горестных лет и счастливых,
Чтоб молчаньем и словом с грехом совладать.
Он ушёл, но стояла звездой благодать
Много лет в прикладбищенских ивах.

И касалась она душ случайных, как мы,
Заглянувших в ту церковь, взрывая умы,
Рассыпая земные химеры.
Что нам — детям — без слов объяснили тогда?
Русский космос рождает отнюдь не звезда,
А река покаянья и веры.

Помолись же о нас из счастливых миров,
Отче Никон, учитель святой Воробьёв,
Рыцарь в душу летящего света
На краю ойкумены, где кроткая Гжать
Не устала кувшинкой и ряской дрожать
О Создателе синей планеты.

Чтоб Гагарин летел и горела звезда,
Кто-то должен светить и молиться всегда
В век безверия, полночью поздней —
И тогда встанут сонмы живых из земли,
И к Небесному Царству взлетят корабли,
Обгоняя кувшинки и звёзды.

* * *

Колышет травы и цветы колышет,
И горизонт колышется вдали.
Здесь, в глубине лугов цветущих, слышно
Особое присутствие земли.

В густой тиши, текущей в мирозданье,
Сливаясь с птицей, бабочкой, травой,
Сквозит её огромное сознание,
Вливаясь в общий разум мировой.

Но, вглубь себя от шумных просек века,
Дорогами текучими пыли,
Как будто бы не видит человека
В другое погружённая земля.

В своей судьбе неведомой отдельной,
Колбля ветром зрелый травостой,
Она живёт и мыслит параллельно,
О жизни не советуясь с тобой.

Но, полноправный гражданин вселенной,
Ты знаешь, что судьба тебе велит,
И ты желаешь вырваться из плена
Влекущей властно в глушь свою земли.

Ты над собою делаешь усилие
Подняться к синей тьме над головой
И для полёта расправляешь крылья,
А крылья поросли густой травой.

* * *

Страницы книжки записной — как рай,
Свод телефонов старых, позабытых.
Под номерами — Тряпкин Николай,
Глушкова, Ступин, Кузнецов — пииты!

Да был бы номер! Тот ли, этот свет —
Тем, кто прозрел однажды, — дела мало!
В безбрежной жизни верует поэт,
Что вечность номеров не поменяла.

Но что им — небожителям — до нас?
Среди миров любви, добра и света,
Испив забвенья неземной запас,
Забыли быстро о Земле поэты.

Я лучше наберу стозначный код
Звезды, не зная лет и расстояний.
И вдруг услышу: в трубке запоёт,
Мирам сердито вторя, мирозданье.

Или, проснувшись рано поутру,
Когда проявит краски солнца гений,
Я длинный генный номер наберу
И позвоню в соседний двор к сирени.

— Алло! Сирень! — Ветвями зашумит,
И вдруг пойму, что слушает и слышит.
Лиловой гроздью медленной дрожит
И бездной, равной мирозданью, дышит.

* * *

Когда, взрывая тьмы отвес
И душ растерянных основы,
На мир, как свет с ночных небес,
Божественное сходит Слово,

Ему внимают царь Давид,
К струне пророческой склонённый,
И горький Иов в тьме обид,
И в чреве бед земных Иона.

За ним следят за тыщи вёрст
В пустынях Азии с Европой
Из тайников железных гнёзд,
Глаза вращая, телескопы.

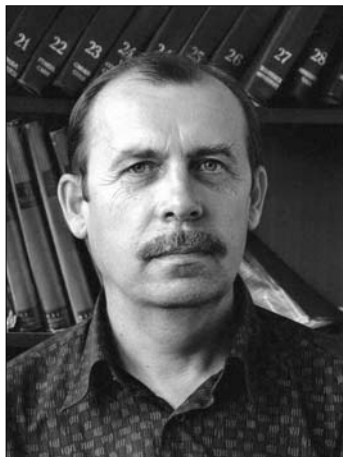
И ты, аукая тайгу
У чёрных изб в углу медвежьем,
Запишешь строчку на снегу
И глянешь в синее безбрежье —

А там — сквозь холод звёзд и снег —
Холодным северным сияньем
Горит один огонь на всех
Над потрясённым мирозданьем.

Так ты, поэт, строкой разя,
В наследство вольных рифм вступая,
Забудь искать во всём себя,
Своей гордыне потакая.

Всему творению родня
Огнём и вечным духом Слова,
Исполнишь общего Огня
И не ищи огня другого.

ДМИТРИЙ ВОРОНИН

НА БЕРЛИН!

РАССКАЗ

1

Шестилетний Андрейка сидел на склоне холма и заворожённо смотрел вниз на дорогу, по которой вот уже второй день нескончаемым потоком шли и шли солдаты в сторону солнечного заката. Рядом с ним примостился его закадычный дружок Вовка, который, как и он, с восторгом и страхом наблюдал за перемещением мощной техники. Танки, самоходки, тягачи с пушками, грузовики со снарядами, минами и патронами — всё это двигалось с ужасающим рёвом, лязгом и грохотом, отчего мальчикам заложило уши, и они теснее прижимались друг к другу. Благоговейный трепет охватывал мальчишек, когда над ними на низкой высоте проносились эскадрильи истребителей с красными звёздами на крыльях.

— Андрейка, глянь, глянь, танка какая! — в полном восторге кричал в ухо другу Вовка. — Ух, силища, ну и силища, скажи, Андрейка!

— Ага, силища! — орал в ответ Андрейка.

— И куда их стоко, а?

— Туда, — кивнул Андрейка в сторону садящегося за горизонт солнца.

— Спросить бы, а?

— Спроси.

ВОРОНИН Дмитрий Павлович родился в 1961 году в г. Клайпеде Литовской ССР. Сельский учитель. Член СПР. Автор трёх книг прозы. Лауреат премии им. А. И. Куприна. Лауреат издания "День литературы" (Москва). Публикации в журналах "Нева", "Наш современник", "Молодая гвардия", "Север", "Подъём", "Сибирь", "Дон", "Простор", "Огни Кузбасса", "Сура" и многих других. Участник 50 альманахов и прозаических сборников в России и за рубежом. Проживает в посёлке Тишино Калининградской области.

— Не, я боюсь, ты храбрее меня будешь.

— Ладно, — важно согласился Андрейка и, поднявшись с травы, закричал во всё горло в сторону проходящей колонны: — Дядьки, вы куда это шлёпаете, так много вас?

— На Берлин шлёпаем, мужики, на Берлин! — засмеялись в колонне. — Супостата Гитлера идём ловить, что вам и не снился. Вот поймаем чудище да к вам привезём в клетке, покажем, и другой зоопарк вместе с ним прихватим.

— А и не страшно вам?

— Не, мужики, не страшно уже. Теперь ему, чудищу, страшно, вона как драпает от нас, только пятки сверкают.

— Где драпает, где сверкают? — заозирались по сторонам мальчишки. — Далеко впереди, не видать уж отсюда, — вновь раздался взрыв хохота.

— А далеко ли до Берлина этого ещё шлёпать?

— Кому как, вам далеко, а нам уже близко, — прозвучало в отдалении.

— На Берлин они идут, слышал? — обернулся Андрейка к другу. — За чудищем Гитлером.

— Слышал, — кивнул Вовка, — на Берлин, за Гитлером.

2

Колхозный “газик” остановился у ворот председателява дома.

— Утром в шесть тридцать чтоб тут уже стоял. Нам завтра в район опоздать никак нельзя, в восемь надо быть на месте, кровь из носу. Важная встреча там с московскими гостями, нужно кое-что обсудить до совещания, — обратился к шофёру председатель колхоза, вылезая из машины.

— Буду, как штык, вовремя, Андрей Степанович. Не волнуйтесь, успеем к восьми, да ещё с запасом. Вы ж меня знаете.

— Ладно уж, езжай домой спать.

Председатель подошёл к калитке и в задумчивости остановился. Посто-яв так несколько минут, он достал из кармана рубашки пачку сигарет “Друг” и закурил.

— Что домой не спешишь, Андрей? Всё в заботах, в думах об урожае да о выполнении-перевыполнении, — прозвучал из темноты насмешливый голос.

— Вовка, ты? — повернул голову в сторону соседского дома Андрей Степанович. — Подойди сюда, дело есть.

— Ну, что там за дело может быть у председателя к простому колхознику? — ощерился Вовка, подойдя к другу детства. — Не было ничего, а тут дело. Прямо заинтриговал.

— Да понимаешь, Вовка, мысль одна уже несколько лет покоя не даёт. Вот хочу посоветоваться, — сделал последнюю затяжку Андрей Степанович и притоптал окурок.

— Несколько лет, говоришь? Это серьёзно, видать. Давай, выкладывай, что там тебя гложет столько времени, — присел Вовка на лавочку у председателевых ворот.

Рядом пристроился и Андрей Степанович.

— Помнишь, Вовка, те несколько летних дней, когда мимо нашего села солдаты на фронт шли и техника двигалась нескончаемо? А мы с тобой сидели на взгорке и всё высчитывали, сколько её мимо нас проезжало. Да постоянно сбивались, счёта нашего для этого не хватало, в школу-то только по осени мне идти предстояло, а тебе так и вовсе через год.

— Помню, как не помнить, — улыбнулся Вовка. — Такое не забудешь, силища какая!

— Ну, и я про то.

— Про танки?

— Про память.

— А что память? Помним же, сам видишь. Или забывать что стал? — покосился на друга Вовка.

— Я нет, а вот другие... — вновь вытащил из кармана сигарету Андрей Степанович.

— И мне дай, — протянул руку за куревом Вовка. — Так что другие? Другие вроде тоже не забывают.

— Это сегодня не забывают. А завтра, а послезавтра, когда никого уже из тех, кто видел войну, не останется? И даже нас, что тогда несмышлёными мальцами были.

— Ну, так фильмы, книги, музеи, памятники. Это-то никуда не денется, — пожал плечами Вовка.

— Да понятно, что никуда не денется. Но я про память тутошнюю, про нашу с тобой память, память наших с тобой потомков, внуков, правнуков.

— Не пойму я что-то тебя, Андрей. К чему ты клонишь?

— А вот к чему, — положил руку на плечо друга Андрей Степанович. — Ты же знаешь, что у нас в Ермаково памятника героям войны нет и не предвидится. Боёв тут активных не было, всех, кто рядом тогда погиб, в райцентре схоронили в братской могиле. Там и памятник воздвигли. А у нас нет. И если бы мы даже и захотели, денег под это дело тоже нет. Колхоз-то, сам знаешь, от урожая к урожаю. Лишняя копейка на жильё, да на школу с садиком, плюс клуб, плюс библиотека, плюс развитие, свет там провести по улицам, и прочее разное. А памятник — дело дорогое, тут и скульптор, тут и материалы, и работы особые. Такое потянуть не каждому крепкому хозяйству по силам, а нам — тем более.

— Ну и что ты предлагаешь? — Вовка ощутил внутри себя неожиданно разливающийся жар.

— А что, если самим поставить, без всяких там скульпторов и разрешений?

— Как? Где? — оживился Вовка.

— Где? А там, на нашем перекрёстке, который за селом в сторону бывшего кулацкого хутора выводит. Там, где мы с тобой мальцами на пригорке солдат на Берлин провожали. Вот посреди него и установим. Дорога в этом месте закругление делает, и внутри как бы островок неезженный образовался, вот на том месте и поставим.

— Так денег же нет, сам говорил.

— А денег и не надо, так если, на материалы чуток. Мы поставим простой памятник, даже скорее памятный знак, что-то в виде обелиска. Из кирпича сложим высотой метра на три, оштукатурим, побелим, посреди копию ордена Отечественной войны прикрепим и надпись напишем, придумать вот только надо.

— Да что тут придумывать, — от волнения Вовка даже привстал. — “На Берлин”! И всё понятно, ясно всё.

— Точно, Вовка, “На Берлин!”

— А кто орден сделает?

— Петьке-кузнецу накажем, он мастер классный, откуёт, что настоящий, а может, и получше даже.

— Андрей, а ты не боишься?

— Кого?

— Начальства своего. Они и по шапке надавать могут. И не одобрить.

— Могут, — согласился Андрей Степанович, — но мы им об этом и не скажем. Сами всё за день-два сделаем, не велика хитрость. А потом пусть попробуют сломать. У кого на памятник Победе рука поднимется? Не самоубийцы же. Да и место там такое, не особо начальство и ездит по той дороге, угол-то медвежий.

— Ну, доброты-то найдутся, чтоб донести, сам знаешь.

— А и пусть, главное — поставить, а там пусть доносят, — улыбнулся Андрей Степанович.

— Здорово, Андрюха, правильная затея!

— Да, Вовка, правильная. И подарок нашим односельчанам к тридцатилетию Победы. Будет куда матерям да вдовам цветы положить, а нашим правнукам — где голову склонить.

На школьной линейке, посвящённой вхождению Крыма в состав России, завуч по воспитательной части торжественно вещала в микрофон:

— Но кроме Крыма, как вы, надеюсь, знаете, наша страна в очередной раз отмечает в этом году и другие славные праздники. Это такие героические страницы нашей истории, как освобождение блокадного Ленинграда из долгого девятисотдневного голодного плена. Нам не дано понять, как люди выжили, получая сто двадцать пять граммов хлеба в сутки. Некоторым из вас не мешало бы испытать такое на себе, а то никакой памяти не сохраняете. Даже на линейке постоять тихо десять минут некоторые не могут, что тут говорить о подвиге. Но есть и другие великие даты в этом году. Это освобождение от фашистских захватчиков Вены и Праги, Будапешта и Варшавы, Софии и Берлина.

— Виктория Альбертовна, Берлин — немецкий город, столица Германии, его брали, а не освобождали, — раздался голос из кучки девятиклассников.

— Киреев, самый умный что ли? — тут же среагировала завуч на замечание в свой адрес. — После линейки со мной к директору. Там ум свой покажешь и расскажешь, кто тебя научил старших перебивать и срывать важные мероприятия.

— Вот, Юлия Владимировна, полюбуйтесь на этого субчика, — отпустила запястье провинившегося ученика завуч, войдя в директорскую. — Все нервы мои измотал, я с ним инфаркт скоро получу. Чуть не сорвал торжественную линейку сейчас. Перебивает меня, слова не даёт сказать. Ну, куда это годится? Совсем уважение к старшим потеряли. Надо срочно принимать какие-то меры, пока окончательно на голову нам не сел. И пример другим каков, а?

— Что опять, Киреев? — упёрлась тяжёлым взглядом в ученика тучная директриса, медленно и грозно поднимаясь из-за стола.

— А чего Виктория Альбертовна путает? Говорит, что Берлин освободили, а его не освободили, а взяли штурмом на....

— Молчать! — побагровев, рявкнула директорша. — Мал ещё, сопляк, старшим указывать, чего там взяли, чего освободили. Сначала дорости до возраста Виктории Альбертовны, а потом рот свой открывай.

— Вот видите, — негодуя встала завуч, — как с таким можно разговаривать? Привыкли всей семьёй командовать. Прадед у него, вишь ли, герой-председатель. Кончились давно те времена, когда он в авторитетах был, как и колхоз его кончился. Теперь-то он кто? Да никто. Пенсионёршка простой, пшик, да и только. Ан нет, гонор-то свой весь по наследству передал, вот и получаем теперь результаты налицо.

— Ничего, мы ему этот его гонор наследственный мигом пообломаем. Характеристику такую оформим, в тюрьму не возьмут. Слышишь ты, чуцело? Вика, вызывай инспектора по делам несовершеннолетних, пусть на учёт ставят.

Свинокомплекс решили построить рядом с кулацким хутором. Инвестор долго выбирал среди разных вариантов и остановился на участке земли рядом с Ермаково. Место подошло практически по всем параметрам. Областной центр в ста километрах, свиней возить не накладно. До райцентра не далеко, вонь с комплекса до чиновников не дойдёт. Речка рядом, экономия на очистных сооружениях. Газопровод проведён, электро мощности в достатке, местная рабсила по дешёвке. Ну и главное — дороги есть. Всё хорошо, всё ладно. Только один недостаток — перекрёсток. Вернее, не сам перекрёсток, а странный знак по его центру с прикреплённым орденом Отечественной войны и надписью “На Берлин!”. Уж больно этот знак движению мешал, большегрузные самосвалы еле разворачивались в этом месте. Но пока шло строительство объекта, с несурзным памятником ещё как-то мирились. Однако стройка закончилась, и оказалось, что проблема с движением стала и вовсе неразрешимой. Длинные фуры разворачиваться на этом участке не смогли.

— Аркадьич, а с этим что делать будем? — кивнул в сторону памятника хозяин свиного комплекса, обращаясь к главе района. — Мешается тут на дороге, ни проехать, ни пройти.

— Да ломай его к чёртовой матери, и дело с концом! — отмахнулся Баталов. — Не шедевр, самопал кирпичный, никакой исторической ценности.

— А народ возбужать не станет? Нам лишний шум сейчас не нужен совсем — открытие через неделю. Уже всё крутится — заказы, поставщики, поросят через пару дней завозить начнут. Любой сбой — колоссальные убытки. Нам они нужны? Ручаешься за спокойствие?

— Ломай, я сказал, — уверенно повторил Баталов, — народ — моя забота. Успокоим, если что. Кого водкой, кого баблом, кого мордой об стол. Нам не впервой, опыт большой за плечами. Я не через одни выборы прошёл, всяких технологий набрался, больше тридцати лет у власти, так что мои гарантии железные. Ломай.

— Уважуха, Аркадьич, — пожал бизнесмен руку Баталова, — мы с тобой сработаемся, я сразу это просёк, как только познакомили нас. Ты деловой человек, без всяких там муси-пуси. Уважуха.

— Только снесите ночью, чтоб утром и следа не было.

— Замётано, — улыбнулся хозяин свиней, — нам тоже не впервой. И не такое ради дела сносили.

5

— Дед Андрей, дед Андрей! — как ураган ворвался в дом правнук Андрюшка. — Там такое, такое!

— Ну, что там ещё такое? — прокряхтел старик, доставая из буфета банку с вареньем. — Война, что ли?

— Хуже! — перевёл дыхание Андрюшка. — Там памятник снесли.

Сердце старика куда-то нырнуло, и всё тело моментально покрылось липким потом.

— Какой памятник?

— Наш памятник — “На Берлин!”. На перекрёстке...

Осколки от банки разлетелись по всей кухне, а варенье обрызгало буфет, штаны старика и растеклось по полу.

6

Собравшиеся у перекрёстка сельчане громко негодовали и наседали со всех сторон на главу района.

— Ну, как же так, Валентин Аркадьевич, что же это такое происходит? Они же наш памятник снесли, память нашу порушили!

— Успокойтесь, граждане, успокойтесь, — выставял ладошки навстречу возмущённой толпе стриженный под ёжик, небольшого росточка, щекастый начальник. — Всё под контролем, ничего страшного не произошло. Всё в нормальном процессе.

— В каком ещё процессе? Под каким контролем? Как это “ничего страшного”? Да вы соображаете, что говорите?! Они памятник наш снесли, а вы — ничего страшного! И снесли-то как! Ночью, тайком, будто воры.

— Ну, это вы уже палку-то совсем перегнули. Какие ещё воры? Всё по плану. Работы идут в авральном режиме, сами знаете, открытие через несколько дней. Губернатор приедет, гостей из Москвы ждём, обещает министр сельского хозяйства прилететь, а тут такое.

— Что — такое?

— Ну, памятник этот ваш. Он же дорогу напрочь блокирует, ни одна фура не пройдёт.

— А сейчас пройдёт? А на-ка, выкуси! — перед носом Баталова появилось сразу несколько фиг. — Мы сейчас дорогу и вовсе перегордим, ляжем тут, и чёрта с два вы нас отсюда отколупаете. Ну, если только бульдозером.

— Мужики, бабы, ну, чего вы ерепенитесь! Вам же как лучше делают. Работы у вас не было, теперь будет. Свет по посёлку проведут, магазины открывают, у школы стадион обновят, детскую площадку...

— Чего ты нам тут заливаешь про радости жизни, не врубаешься совсем, они ж памятник завалили! Всё, бастуем, мужики!

— Ну, вот что, граждане, — перешёл на крик и Баталов, — хватит уже! Что вы тут угрозы строите, на неприятности нарывааетесь! Вон, видите, там автобус в стороне с тонированными стёклами стоит. Росгвардии с дубцами вам не хватает? Сейчас устроим. Сказано вам — порешаем проблему, нечего тут митинги устраивать, людей будоражить.

Ермаковцы, прослышав о Росгвардии, чуть поутихли и с опаской стали оглядываться на пятнистый автобус, одиноко стоявший на обочине. Почувствовав перемену настроения митингующих, Баталов уже уверенным голосом продолжил:

— И памятник ваш никуда не денется. Вернём вам его в прежнем виде. Вот только стоять он будет не на середине дороги, а вон там, на взгорке. И видно хорошо, и транспорту не помеха.

— Когда поставите? — Толпа успокоилась.

— В течение месяца, обещаю.

7

На открытие свинокомплекса с утра съехалось всё районное начальство, к обеду через перекрёсток промчался кортеж губернатора вместе с прибывшим из Москвы министром сельского хозяйства.

— Да, круто, — дивились такому количеству гостей сельские мужики, — при советской власти такое случалось, когда атомную электростанцию запускали. А теперь свиноферму открывает министр. Чудеса.

Через два месяца Андрей Степанович собрал у себя в доме родню.

— Не будут они памятник восстанавливать. Все обещанные сроки прошли, а никто палец о палец не ударил. Самим надо.

— А как самим? Не дадут, полицию нагонят. Что мы против дубинок? Да и не поднять уже народ. Перегорели. Кого споили, кого купили за это время.

— А и не надо народ, сами управимся, своими силами, по-семейному.

— Это как? — уставились на Андрея Степановича сыновья и внуки.

— Ночью, по-тихому, в выходной, пока движения нет. Завезём кирпич, я со своей пенсии отложенной деньги вам выделю, намешаем раствора и побыстрому поставим. Место там бесплодное, никто нас за работой не увидит. Справимся.

— Что, прямо среди перекрёстка на дороге и поставим?

— Именно так, прямо посреди перекрёстка, как раньше стоял.

— Так снесут же утром.

— Не снесут, не посмеют. Что они, самоубийцы, что ли?

— Эх, дед, — тихо вздохнул кто-то из внуков.

Утром проезд большегрузов и фур был напрочь заблокирован. Свежесложенный памятный знак из белого кирпича чуть возвышался на широкой отбетонированной площадке, которая делала перекрёсток совершенно непроезжим. На самом памятнике, как и раньше, чёрной краской было жирно написано: “На Берлин!!!” — и добавлено: “Победа будет за нами!” Возле монумента на табуретке, опираясь на трость, сидел старик, а рядом с ним, положив деду руку на плечо, стоял щуплый подросток, плотно сжавший губы. Стариковская куртка была расстёгнута, и на пиджаке красовались звезда Героя Труда, ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, а также разные государственные медали за трудовые свершения прежних времён.

8

В обед в сельпо бабы судачили полущёпотом:

— Слыхали, деда-то, Андрея Степановича, утром у перекрёстка полиция скрутила, и Андрюшку малого вместе с ним, в воронок закинули и в район увезли. Андрюшка деда защищать пытался, так ему дубинкой по спине.

Много ли малому надо, вроде потом из отделения в больницу отправили, а может, так болтают. А у Андрея Степаньча ещё и медали из пиджака выдрали, говорят, и в землю втоптали. Дружки Андриюшкины потом из грязи их вынули и домой к деду снесли. Надо же, ночью вдвоём памятник заново поставили!

— И чего теперь с ими будет?

— Ну чего-чего? Ничего. Подержат для острастки денёк-другой да домой отпустят. А что с них взять? Одному больше восьмидесяти, другому только пятнадцать стукнуло. Не сажать же их. Штраф выпишут деду, и хорош, хоть и орал глава района на них во всё горло, когда к перекрёстку приехал на своём “джипе”, что посадит обоих за экстремизм и терроризм, срока возраста там нет. Но скорее пугал от злости, что памятник, не спросясь у него, заново поставили. Да и памятник сразу почти разобрали, он ещё застыть-то как следует не успел.

9

У директора школы зазвонил мобильник. Юлия Владимировна посмотрела на экран телефона и внутренне сжалась от нехорошего предчувствия.

— Ну что, Юлечка, плохи твои дела, — раздался из динамика ехидный голос руководителя образования района, — фигово ты там у себя молодёжь воспитываешь, вернее сказать, вообще не воспитываешь. Судя по всему, что такое патриотизм, в твоей школе не знают. А вот что такое “пятая колонна”, ведают и всячески способствуют её существованию. Ты знаешь, что твой Киреев тут учудил? Мало того, что со своим полоумным дедом чуть не провёл экономическую диверсию в районе, так ещё при всём честном народе Валентина Аркадьевича фашистом обозвал, сравнил его с Гитлером, а начальника ОВД полковника Хромова с предателем Власовым в один ряд поставил, назвав его главным прихвостнем и полицаем. Вот так-то вот.

— Татьяна Михайловна, — срывающимся голосом ответила Юлия Владимировна, — я-то тут при чём? Я ж не мать этому уроду. Была б матерью, он бы у меня и в мыслях...

— Мать, не мать, а ответ тебе держать, — перебила директора начальница. — Развели у нас под носом Болотную площадь, ну, так и отвечайте по всей строгости. Жди, скоро приедем.

— Сегодня? — побледнела директриса.

В ответ последовали короткие гудки.

10

Заканчивая предпраздничное совещание, Баталов посмотрел на Татьяну Михайловну.

— А тебе, Татьяна, особое задание. Проконтролируй лично завтра Ермаковскую администрацию и про школу не забудь. Посмотри там, как они на “Бессмертный полк” выйдут, в каком виде, в каком составе. Их не предупреждай, что приедешь. Надо, чтоб всё по-честному было, без подтасовок. А то прикидываются патриотами, а на деле — сплошные экстремисты. Несанкционированные митинги, забастовки, оскорбление властей, сопротивление полиции, строительство незаконных объектов, попытки срыва госзаказа. Какое-то осиное гнездо, надо с ним кончать и не нянькаться.

— Валентин Аркадьевич, ну, почему во всенародный праздник я должна ехать к этим извращенцам, а не быть рядом со своими друзьями, коллегами и соратниками! За что мне такое наказание? Это несправедливо.

— Татьяна, не переживай, сгоняешь в Ермаково на полчаса, посмотришь, посчитаешь — и назад. Мы без тебя за стол не сядем, слово даю, дождемся, — улыбнулся Баталов расстроенной женщине и повернулся к остальным своим замкам. — Итак, завтра жду всех у администрации в назначенное время. Прийти с семьями, шарами, цветами и портретами своих героев. Пройдём, так сказать, *по главной улице с оркестром*, почтим память своих предков. Память — это главное. Без памяти нет будущего.

В ночь на Девятое мая на дороге, убегавшей от ермаковского перекрёстка прямо на восток, появилась огромная надпись, сделанная белой краской: “На Москву!”

Дед Андрей сидел на склоне холма и заворожённо смотрел вниз на дорогу, по которой нескончаемым потоком шли и шли солдаты в сторону восхода солнца. Сердце старика потеряло привычный ритм, утратило скорость движения и вот-вот собиралось остановиться.

— Андрейка, Андрейка, — тербил дедову штанину его закадычный дружок Вовка, — куда-то они?

— Туда, — тяжело вздохнул Андрей Степанович, наблюдая за чеканным шагом пехотинцев.

— А ты спроси их, спроси, интересно ж, кого воевать идут?

— Сынки, — с большим трудом поднялся с земли дед Андрей, — куда путь держите?

— На восток идём, отец, на восток.

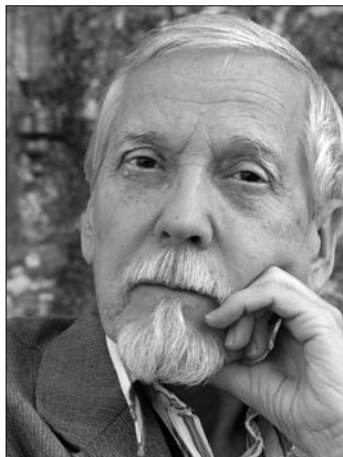
— Почему на восток?

— Своих супостатов из Отечества изгонять, всех тех, кто повьлазили из всяких щелей, пока нас не было, и теперь над Родиной изгаляются.

— С Богом, сынки, с Богом! — перекрестил воинов Андрей Степанович. — Возвращайтесь с победой!

— Спасибо, отец! Не впервой. Вернёмся!

НИКОЛАЙ КОКУХИН

МОЛОДЦЫ

РАССКАЗ

Машутка сидела у окна, и ей было всё видно: сначала город, потом пошли поля, перелески, овраги, мосты через маленькие и большие речки, сёла, деревни, козы, которых пасла маленькая старушка, аисты на водонапорной башне — наглядный урок географии, и учебника раскрывать не надо.

Батюшка между тем прочитал акафист преподобному Феодосию Кавказскому, к которому все ехали в паломничество. Потом объявил:

— Через полтора часа — Минеральные Воды! Там нас и ждёт преподобный Феодосий!

Вдруг автобус замедлил ход и остановился. Водитель открыл переднюю дверь, и в салон вошёл смуглый черноволосый человек в защитной военной форме, в руках у него был автомат.

— Выхадыте! — грубо, с заметным акцентом закричал он. — Бийстро!

— В чём дело? — поднявшись с переднего места, спросил батюшка. — Зачем выходить?

— Нэ разговарывать! Бийстро выхадыть!

Водитель открыл вторую дверь, и паломники один за другим потянулись из автобуса, досадуя на непредвиденную остановку.

Их было трое, с грубыми невежественными лицами, заросшими жёсткой щетиной. Цепкими злыми глазами осматривали выходящих людей, каждый из них держал автомат наизготовку.

— Что это значит? — обратился к ним священник. — Разве сейчас военное время?

КОКУХИН Николай Петрович родился в 1938 году в Красноярском крае. Закончил Литературный институт им. М. Горького. Член Союза писателей России. Автор многих книг. Лауреат премии "Имперская культура" имени Эдуарда Володина. Живёт в Москве.

Все три кавказца, как по команде, навели на него свои автоматы, показывая, что не намерены разговаривать с ним и выяснять отношения. Один из кавказцев, тот, что заходил в автобус, заорал на священника, сделав шаг по направлению к нему:

— Молчать! Прыстрелю, как собаку!

Батюшка побледнел, сильно сжав кулаки опущенных вдоль тела рук; видимо, ему стоило больших усилий сдержаться и не прекословить бандитам. Паломники притихли, увидев, что дело принимает нештучный оборот.

— Стройся в одну шырэнгу! — вновь заорал главарь. — Бийстро!

Он, а следом за ним и его сообщники ринулись на людей, ударяя кого кулаком, кого дулом автомата, а кого и пиная тяжёлым солдатским ботинком. Мама схватила Машутку за руку и почти бегом оттащила в сторону.

— Шырэнга! Шырэнга! — орали бандиты.

За каких-нибудь две-три минуты им удалось выстроить всех в одну цепочку, которая растянулась по безлюдному шоссе. Никто не знал, для чего их выстроили и что их ждёт. Кроме священника, в группе было ещё несколько мужчин, но их в общей массе как-то не стало видно. Мама крепко держала Машутку за руку.

— Сымай кресты! — заорал главарь и в первую очередь подошёл к священнику, лягнув затвором автомата и прицелился прямо в лицо: — Сымай — прыстрелю!

Лицо батюшки напряглось, как будто ему предстояло прыгнуть с большой высоты. Он обеими руками взялся за светлый, с матовым оттенком наперсный крест.

— Я пастырь и не могу без креста, — преодолевая отвращение к бандиту, сказал он.

— Можешь! Сымай!

— Зачем он тебе?

— Я хочу его растоптать!

— Он предназначен не для этого!

— Нет, как раз для этого! Сымай!

— Не сниму!

— Тогда прощайся с жизнью! — Бандит вскинул автомат и выстрелил в священника; очередь прошла в одном сантиметре над головой, сбив скуфейку. Батюшка от неожиданности и от страха присел, но креста из рук не выпустил.

— Сьытаю до трёх! — рывкнул бандит. — И стреляю прямо в лоб! Раз! — Он чуть помедлил. — Два! — Он поднял дуло автомата, целясь в лоб нашему батюшке.

Тот не выдержал и дрожащими руками снял с себя крест.

— Бросай на зэмлю! — приказал бандит.

Батюшка бросил.

— Топчи!

Батюшка наступил на крест ботинком.

— Вот так! Хороши прымер! Все, все сымайте свои кресты! Иначе всех перестреляем!

Он дал длинную очередь поверх голов. Два его сообщника между тем терзали других паломников, угрозой и грубой силой принуждая их снимать с себя нательные кресты. Сняли все женщины, сняли все мужчины, сняли все подростки. И по приказу бандитов растоптали их. Это произошло в течение каких-нибудь двух-трёх минут.

Остались только три человека, которые не сняли кресты: мама, Машутка и Серёжа, юноша лет пятнадцати, все они стояли в самом конце шеренги, и до них просто ещё не дошла очередь. Один из бандитов, расправившись с очередным паломником, подошёл к маме:

— Сымай крест!

— Ни за что!

В словах мамы слышалась такая уверенность, такая сила, такая убежденность в своей правоте, что бандит опешил. Он сделал шаг назад и внимательно посмотрел на маму. Мама, не дрогнув, встретила его взгляд. Он секунду

помедлил, продолжая изучать мамино лицо, крепче сжал цевьё автомата, а потом шагнул к Машутке:

— Ну, а ты? Сымешь?

— Нет! — смело ответила девочка, глядя прямо в глаза бандита. — Я не отрекусь от Христа! Потому что я люблю Его!

Бандит был поражён, услышав ответ. Он даже не нашёлся, что сказать, только хмыкнул и, сделав ещё один шаг, обратился к Серёже:

— А ты?

— Как Машутка, так и я! — звонким голосом воскликнул Сережа.

Все другие паломники напряжённо ждали, что же будет.

Главарь закинул автомат на ремне за спину, то же самое сделали и его сообщники.

— Дураки! — громко крикнул главарь. — Мы пошутили!

Он захохотал. Следом за ним захохотали его сообщники.

— А эти трое — молодцы! — Главарь кивнул в сторону Машутки, её мамы и Серёжи. — Молодцы! — повторил он.

Кавказцы, громко стуча ботинками по асфальту, весело направились к своему джипу, вскочили в него, джип сорвался с места и помчался по шоссе, стремительно удаляясь.

ИВАН ЩЁЛОКОВ

ВОТ НАМ БЫ ТАК...

* * *

Бреди по лужам, шлёпай по грязи,
Сгребай листву штанинами ветров,
Не ощущая слякоти вблизи
И вдалеке — дыханья холодов.

Не эта грязь, что под ногами, зла,
Не та, что въелась в трещины подошв,
А та, что разъедает нас дотла,
Просачиваясь в души словом “ложь”.

Пока возможно, радуйся листку:
Как мастерский по воле ветерка
Он, накреньясь, на золотом боку
Скользит изящно мимо каблука!

Вот нам бы так — чтоб хляби в пух и прах!
Но мы, в лодчонках осени гнездясь,
Нырём в лужи жизни, как впотьмах,
И через край зачёрпываем грязь.

ЩЁЛОКОВ Иван Александрович родился в 1956 году в с. Красный Лог Каширского района Воронежской области. Автор 12 книг. Печатался в “Литературной газете”, альманахах “День поэзии России” за 2006–2019 годы, журналах “Наши современники”, “Москва”, “Молодая гвардия”, “Роман-журнал. XXI век”, “Сельская новь”, “Воин России”, “Пограничник”, “Север” (Петрозаводск) и др. Заслуженный работник культуры России, лауреат многих литературных премий. Главный редактор литературно-художественного журнала “Подъём”, председатель правления Воронежского регионального отделения Союза писателей России.

* * *

Стервенеем, черствеем, звереем.
Чем цивилизней живём, тем подлей.
И друг друга прощать не умеем,
И стыдимся казаться милей.

Пропадаем, мельчаем... По краю
Ходим, гоним, играем с судьбой.
Страшно мне, что и сам пропадаю,
И тебя волоку за собой.

Понимаю умом своим трезвым,
Сердцем чутко эпоху ловлю
И капризным ребёнком прогресса
Ненавижу его и люблю.

ПЕСНЬ О ЖИВОЙ ЗЕМЛЕ

Послушай: она ещё бьётся и бьётся
На уровне сердца, на взлёте бровей,
Под огненным обручем позднего солнца,
В клубящейся плазме небесных кровей.
Жива после ливня, жива после вьюги...
А вдали: мертва, как космический тлен,
Силком волокли за заборы от плуга,
Подобно наложнице в собственный плен.

Смотри: не она ли крадётся беглянкой —
Укуталась в шаль тополиных ветвей?
Противится быть подневольной делянкой,
Привыкла быть полем для русских людей.
Жива после распрей и смут неурочных...
От сабель ордынских, тевтонских крестов,
От разных мастей самозванцев и прочих
Посконных иуд сберегала свой кров.

Пока наша память голубкою вьётся
Над Волгой, над Доном, над ширью степей,
Живая земля никому не сдаётся
И верит в надёжность своих сыновей...
Я слушаю чутко, гляжусь в неё зорко:
Жива — обесчещенной, нищей, больной!
А то, что покрылась предательской коркой,
Так мы её миром, как деда, сохой...

* * *

Суд небесный, суд земной...
Первомайский парк. Прохлада
Стелет первую листвою
Две дорожки у ограды.

Эта — к храму, к Богу, в рай.
Эта — смутною тревогой
Наполняет через край,
Не приблизив душу к Богу.

Взгромоздившийся на сук
Ворон мерит зорким оком:
В светлой блажи — Божий Суд
И людской — в тщете глубокой.

Колокольный медный звон.
Сладок утренника ладан.
Суд небесный — радость, сон.
Парк. Начало листопада.

В САДУ В МЕЖСЕЗОНЬЕ

Старинный сад — заброшенная сотка
Земли, питавшей чудными дарами
Не где-нибудь, в краю глухих селений,
А в двух шагах от улицы центральной,
Где каждый метр земли буквально дышит
Историей Воронежа...

На зависть

Редчайшими представлен сад сортами,
Таких на рынке в наши дни не купишь...
Здесь всё в едином торжестве и страсти
Переплелось, срослось и совместилося
В ветвях, сучках, побегах, сухостое;
Здесь сливы, вишни, бузина, шиповник,
И яблони, и груши вместе с вязом
И с клёном, с диким виноградом даже
Миролюбиво устремились к солнцу...
Рассказывают: этот сад ничейный
Сажали вновь в войну, когда изгнали
Из города фашистов в сорок третьем,
За исключением двух кавказских сосен:
Их раньше, в девятнадцатом столетье,
Взрастили сами Бунины...

Вот так-то!

Старинный сад...

Октябрь, покликнув ветер

В проулках, с вяза, клёна, винограда,
Со слив и вишен, с бузины и яблонь,
С шиповника и груш листву стрясает,
Чтоб всё это цветастое убранство
В мгновениях родства земли и неба,
Устав от бесконечной тяги к солнцу,
Нашло приют в большущей рыхлой куче —
Под соснами кавказскими, к забору...
Старинный сад...

Дом Буниных...

Как странно

Себя здесь ощущать средь запустенья,
Средь окаянных будней межсезонья...
И лишь тропа в густой листве приметна.

* * *

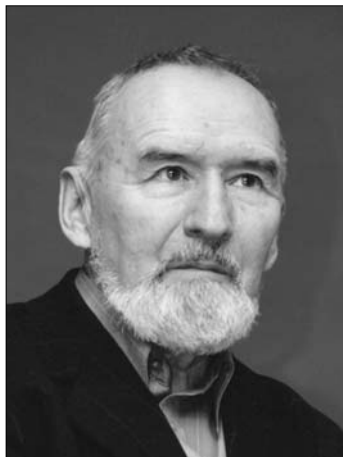
Бабочка пальцекрылка, как Христос,
Крылья-руки распяла — знать, к чему бы?
Клён из-под прядей багряных волос
К небу-евангелию тянет губы.

Колокол грянул — гордыня прошла.
Что-то не так или так, как не надо!
Бабочка на коре — вразброс душа.
Ищет ли что у церковной ограды?

Сколько живу, не могу я понять
Смысл переменчивых пёстрых мгновений,
Где тебя бабочкой могут распять
Без обязательства на воскрешенье.

ЮРИЙ ЛЕОНОВ

ХУТОРЯНКА

РАССКАЗ

— Хочешь поехать в Таганрог? — спросил отец, свежеиспечённый руководитель Ново-Шахтинского молочного завода, у меня, студента, приехавшего к родителям на каникулы.

Что за неуместный вопрос! Хочу ли я поехать в город, где родился, выпитывал в себя первые впечатления от шумного южного порта мой любимый писатель Антон Павлович? Тёмно-вишнёвые тома его собрания сочинений ещё недавно строем стояли в Кирове у изголовья моей кровати... Мечтаю!

В Таганрог отправлялась полуторка со свежей продукцией. Там я вскоре и оказался, дотошным посетителем музея А. П. Чехова, временно расположенного в здании бывшей бакалейной лавки его отца: “Чай, кофе, другие колониальные товары...”

Но это потом. А пока предстояла долгая тряская дорога с разбитным, кудлатым водителем Тимофеем.

И был знаменитый Миус-фронт. На этой холмистой гряде, протянувшейся на запад от Ростова, в минувшую войну шли самые ожесточённые бои на южном участке фронта. И хоть с той кровавой поры минуло десять лет, в низинах, вдоль дороги то и дело встречались исковерканные остовы нашей и вражеской военной техники.

— Много тут наших полегло, — тоскливо отозвался на мои расспросы Тимоха.

ЛЕОНОВ Юрий Николаевич родился в Свердловске в 1932 году. Окончил Уральский государственный университет и Высшие сценарные курсы. С 1974 года по 1981 год работал в журнале “Наши современники”. Автор 10 книг прозы, в том числе “Люди как люди”, “Жёлуди для красной конницы”. Член Союза писателей России. Лауреат премии им. Андрея Платонова. Живёт в Москве и в Рязанской области.

И ни искристым солнечным бликам, ни садам, присевшим от тяжести урожая, не под силу было избавить меня от тягостного впечатления промчавшихся здесь бедствий. Душно и тряско было в кабине.

Дорога выровнялась. В знойном мареве неоглядно пластались отступающие к северу степи.

Сумерки подкрались незаметно.

— Скоро хутор будет, там и заночуем, — прищёлкнув языком, сообщил Тимоха. Я не придал значения этому знаку.

Хутор оказался не мал. Десятка два беленьких хат спускались с холма. А на холме громоздилось чужеродное кирпичное строение. Как выяснилось, клуб. К нему Тимоха и подрулил.

Не прошло и получаса, как в зале вокруг нас захороводили молодые хуторянки в пёстрых нарядах. “Не то какая-то спевка закончилась, не то репетиция”, — подумалось мне. Сверкали белозубые улыбки, позванивали мониста... А над всем этим девишником возвышалась грудастая мадонна в расшитой яркими цветами кофте и с грубо сработанным обручальным кольцом на левой руке. К ней подходили с шепотками.

Я был ошеломлён многолюдьем и озирался, ища взглядом Тимоху. А он как испарился. Заметив мою растерянность, мадонна отозвала меня в прихожую и познакомила с кареглазой девчонкой с затерявшейся родинкой меж лохматых бровей.

— Катя, — прошелестела она, сунув загорелую, мозолистую ладошку.

Припухлость губ, румянец щёк дышали свежестью. Но в мимолётности взгляда проскользнуло нечто, похожее на расчётливый вызов. Кольнуло и угасло, уступив место смирению.

— Ну идите, погуляйте, — бесцеремонно выпроводила нас наставница.

Луна уже приподнялась над россыпью хат. Всё вокруг оцепенело. Даже собаки не лаяли. Мы отправились по торной тропинке вокруг дома. Внятно пахло цветущей акацией. Но ещё ощутимее веяло от волос хуторянки дикой полуденной степью. Запах полыни трудно спутать с другим. Наносило емшаном, как звали когда-то эту траву степняки. Так и озаглавил своё стихотворение Аполлон Майков об отщепенце, которому помог вернуться в родные половецкие степи запах сухой полыни.

А на меня этот запах подействовал одуряюще, как чарка доброго вина натошак. И я заколобродил, залопотал не помню, о чём.

Хороша была Катюша. Я с трудом отводил взгляд от её облитого загаром стана в короткой юбочке, чтобы не смущать хуторянку. Лёгкая походка Кати порой переходила в задумчивый шаг. Мы шли рядом, но в то же время она жила своей неведомой жизнью. А я тараторил без остановки.

Лишь однажды догадался спросить, как жили они при немцах.

— В кукурузе ховались с сестрой. Она постарше меня была, да напоролась на мину... Кончилась война — ни одного мужика в хуторе не осталось. Всех прибрала.

Сказано было мимолётно, как о чём-то давно, безвозвратно ушедшем, и удивило меня на миг. Тут бы мне и продолжить эту тему. Да не решился ворошить прошлое девчонки. Так уж воспитан был на целомудренных диспутах о любви и дружбе. Как наставлял молодёжь известный в ту пору поэт Степан Щипачёв:

*Любовь не вздохи на скамейке
И не прогулки при луне...*

Вот так же и у нас с Катей всё было, кроме скамейки. Приятное знакомство.

Шёл мне в ту пору звонкий двадцать первый годок. Пора стать мужчиной, но, как внушали дома и в школе, сначала положено закончить вуз, а до той поры держи себя в узде. Кем положено?.. Без ответа.

Вот и обратно пришли. Так и не успел я сказать Катюше, как нравится мне она. Мадонна уже ждала нас. Глянув на Катю, вопрошающе выгнула бровь. Девчонка грустно качнула головой из стороны в сторону. Ничем не могла она порадовать старшую.

И только тут пронзило меня озарение, что не простая прогулочка та была. Да слишком далёк я был от проблем затерянного в степи хуторочка.

Всю ночь проворочался на жёсткой, испарпанной кошками скамье. А утром с усмешкой рассказал Тимохе о своих приключениях. Он не сразу поверил в такую нескладуху.

— Да ну?.. И где заночевал?

— Здесь же, в клубе.

— Ох ты!.. Вот уж не думал... Виноват.

Только когда мы выехали на трассу, Тимоха поведал, что он тоже всю ночь не сомкнул глаз. Подруга не давала уснуть.

По словам водителя, хуторянки встречают залётных не в первый раз. В клубе и договариваются, кто к кому идёт ночевать.

Всю дорогу до Таганрога преследовали меня видения, как повернулась бы моя судьба, если бы осмелился спросить у Кати о ночлеге. И вспомнить ли, какие при этом запоздалые, нежные слова рождались и умирали во мне под шум мотора?..

В Таганроге Тимоха притормозил возле обширного городского рынка. Там творилось нечто несусветное. Вдоль торговых рядов, а то и поперёк их грязно-розовой торпедой с визгом носился фантом. На потеху посторонним у двух подвыпивших мужичков вырвался стосковавшийся по свободе хряк. А суета и крики со всех сторон довели его прогулку до истерии. И началась кутерьма. Летели в пыль пропахшие морем барабульки вместе с переспелой вишней и отборными помидорами. Грохаясь о землю, взрывались спелые кавуны, и на их ошмётках скользили и падали с матом увлечённые погоней пострадавшие. Визг, ругань, хохот, вопли торговков... Незабываемым зрелищем, которое правдиво изобразить было под силу разве что Чехову, встретил меня долгожданный город.

Знать, кому-то там, наверху, захотелось поразвлечь здешний народ, отлучить хоть ненадолго от всяческих тягот.

А меня вдруг догнало и отрезвило горестное прозрение. Сколько же таких, подобных встреченным накануне одиночкам, не дождавшихся с фронтов своих суженых, раскидала война по всей земле. И скольких новорождённых, будущих мам и пап, не дождались стосковавшиеся по рабочим рукам необъятные просторы нашей Родины...

АЛЕКСЕЙ ЛИТВИНОВ

ВИНТОВКА

РАССКАЗ

— Вставай, дед! Такой прекрасный майский день, а ты пузыри пускаешь, — прорвался сквозь кухонный смог от раскалённого подсолнечного масла и манящего запаха горячих беляшей звонкий голос хозяйки и разлетелся по просторам двухкомнатной хрущёвки. — Уж внука скоро привезут.

Хозяйка ловко управлялась с двумя чугунными сковородами, переворачивая на них беляши, которые шкворчали и соблазняли аппетитным золотистым цветом. На дальней конфорке уже закипал чайник.

Из ванной комнаты в приоткрытую дверь выглянул супруг с заспанным лицом, в руке он держал поднесённую ко рту зубную щётку, щетину которой покрывал белый мятный порошок:

— Не кричи, Любовь Анатольевна, я давно на ногах. Всех соседей разбудила, наверное.

* * *

Пехотинцы заканчивали построение, только кое-где ещё запоздавшие солдатики проталкивались в строю, занимая свои места, кто-то пристраивался с края, стараясь не создавать суеты, командиры проверяли личный состав, не обращая внимания на нерасторопных бойцов. Тут же на снежной просёлочной дороге тарахтели грузовики-полуторки, водители ковырялись в кабинах, в моторах, постукивали валенками по колёсам, чтобы хоть как-то согреться на морозе. Командир полка принял доклады о готовности подразделений к выпол-

---

ЛИТВИНОВ Алексей Михайлович родился в Оренбурге в 1974 году. Окончил Оренбургский государственный университет, по специальности юрист. Служит в правоохранительных органах.

нению очередной боевой задачи. Сделав пару шагов вперёд, в рассеянном от света автомобильных фар утреннем зимнем полумраке, перекрикивая работающие двигатели, раскатиисто начал произносить напутствие:

— Товарищи офицеры, сержанты и красноармейцы, наш полк в ходе ожесточённых боев прорвал укреплённую линию обороны врага, углубился в тыл, сея страх и панику среди его солдат. Фашисты понесли большие потери в живой силе и технике. Этот стремительный прорыв стал возможен благодаря мужеству и упорству наших бойцов и офицеров, соединённых с лютой ненавистью к врагу. Мы продолжаем развивать наступление, нанося ощутимые удары нацистской нечисти. — Подполковник Купыш сделал паузу, обвёл взглядом строй. — Двигаясь вперёд, ударная группа полка ночью выбила врага из села Перстнёвка и продолжает вгрызаться в немецкую оборону; задача резервного батальона полка — закрепиться в районе этого населённого пункта, там же разместится штаб полка с подразделениями обеспечения. Сейчас грузимся на машины и, не теряя времени, выдвигаемся на новую позицию. Командирам подразделений уже доведён порядок посадки в грузовики. — Сделав небольшую паузу, он посмотрел на лица бойцов, ещё тяжело различимые в утренней темноте, и добавил: — Там же полевая кухня обеспечит вас горячим питанием.

По строю солдат пробежал одобрительный тихий гул.

* * *

— Ты что там гремишь, Гриша? Ищешь чего? — Любовь Анатольевна, не отрываясь от стряпанья, обратилась к мужу, который уже переоделся из пижамы в костюм и копался в серванте. — Если ищешь зачанку, то она стоит в холодильнике. Сходишь на праздник, тогда и поставлю на стол.

Хабалов вздохнул, поморщился и закрыл дверцу серванта.

— Досталась же супруга мне — следовательно, — с наигранной обидой, поправляя перед зеркалом галстук и медали с орденами на пиджаке, вздохнул он.

— Ой, да ладно, — парировала хозяйка, — если бы не я, крутил бы сейчас хвосты быкам в своей Серовке.

— Конечно, мисс Марпл, я случайно вышел тогда из вагона за кипятком, и вы меня тут же охомутили.

— Ты подходил по описанию под одного воришку.

— Ты же говорила — злостного рецидивиста?

— Я ошиблась.

— И я тебе за это благодарен, — Григорий поцеловал жену в щёку. Они оба улыбнулись. Милая семейная игра в рамках лёгкой размолвки.

* * *

— Где этот горе-рядовой? — зло рявкнул Купыш.

— Боец Еськин, ко мне! — Кузнецов обернулся к машине. К нему уже бежал несчастный, насколько это возможно быстро в валенках, поправляя сползающую то вперёд, то назад на голове каску.

Где-то впереди слышались командные крики: Марков инструктировал знаменную группу.

Запахавшийся, в своём зимнем комковатом обмундировании, с испуганным видом перед офицерами предстал молодой паренёк, ещё ни разу не бритый, что выдавали редкие, но уже довольно заметные усики на губе.

— Товарищ старший лейтенант, рядовой Еськин по вашему приказанию прибыл! — доложил солдатик и тут же рукой, которой только что отдавал честь, вытер нос, привычно проведя им от рукавицы и до обшлага рукава шинели.

— Обращаться надо к старшему по зва... — Кузнецов осёкся, остановленный жестом комполка.

— Где винтовку потеряли, товарищ боец? — обратился подполковник к Еськину.

— Товарищ полковник, я не знаю, была со мной, куда делась... может, где-то в избе, где ночевал... завалилась... куда-то...

Полковник посмотрел на старшего лейтенанта, тот отрицательно покачал головой. Еськин продолжал ещё что-то бормотать, но командир полка его уже не слушал — время было дорого.

— Старлей, высаживайте своих бойцов. Ищите оружие, даю вам час. Прибудете пешим порядком на позиции, в пути обеспечите боевое прикрытие обозов, они дождутся вас и поедут с вами. По прибытию предоставите мне рапорт о происшествии. Рядовой за халатность будет наказан, а вашу роль во всём этом мы выясним в ходе разбирательства. — Повернувшись к майору Верганцу, добавил: — Перераспределите личный состав в освобождённые машины.

Посадка красноармейцев в автомобили завершилась, проштрафившаяся рота, которая по численности едва ли равнялась взводу, стояла строем. Кузнецов раздавал указания, кому, где искать утерянное оружие, комиссар докладывал Купышу, что знамя в сохранности и впредь будет под его строгим присмотром. А дневной свет растекался по окрестностям, и зимняя дорога уже просматривалась до горизонта.

— Александр Иванович, поезжайте с батальоном в Перстнёвку. Организуйте там с Гольским боевые позиции, размещение штаба и личного состава, наладьте связь с подразделениями полка, а я — в дивизию и к вам.

— Есть! — козырнул начальник штаба, махнул рукой по направлению предстоящего движения. — Пошёл, вперёд! — и запрыгнул в кабину машины.

Грузовики потихоньку вытянулись в двигающуюся змейку по освещённому пути. Вслед им смотрел командир полка: “Вот и весь штаб с резервным батальоном полка уместился в несколько машин. Наступление тоже истощает и в людских ресурсах, и в физических и психологических”. Его уже поджидала покрашенная в белый цвет “эмка”.

Оставленные в посёлке солдаты с завистью и некоторой злостью наблюдали за удаляющимися машинами: они были виноваты только в том, что к ним затесался растеряха, направленный из хозвзвода в роту пару дней назад. Теперь им предстоял марш в двадцать с лишним километров, скорей всего холодный обед или ужин, да хоть что-нибудь! И неизвестно, какое место для ночлега, ведь лучшие уже разберут без них.

* * *

С улицы раздался сигнал автомобиля. Хозяйка поставила сковороду на подставку и выглянула в окно. Во дворе стояло такси, из открытой двери уже выскочил мальчуган лет пяти, увидев её, радостно закричал:

— Бабуля, я приехал! — Следом за ним из машины вышел молодой человек, закинул голову, устремившись взглядом на третий этаж:

— Привет, мам! А где отец?

— Сейчас, сейчас, уже выходит. Может, зайдёшь? У меня беляшики.

— Не, на обратном пути, когда за Серёжкой заеду.

В это время из подъезда вышел дед, внук кинулся ему на шею:

— Деда... — крепко обнял его и прижался к плечу — приятным звоном ударились медали.

— Как дела, Серёнька? А? — и, не отпуская малыша, развернулся к сыну. — Привет, сынок.

— Здравствуй, пап. Ты сегодня прям кавалер при орденах. Поздравляю тебя с праздником!

— Спасибо. И тебя с праздником! А мать поздравил?

— Уже с утра, по телефону. Договорились, что я после пяти заеду за Серёжей.

— Да, хорошо!

— Может, вас подвезти? Мне как раз по пути.

- Нет, спасибо. Мы пешком, на троллейбусе доедем, да, Серёнька?
- Ага, а потом вату купим?
- Купим, купим и газировку из автомата попьём.
- Ура-а-а-а! — малыш был счастлив.

* * *

По закону подлости, винтовка нашлась почти сразу, как грузовики скрылись из виду. Оказалось, когда Еськин ходил ночью в нужник, обойдя сарай с тыла, то для удобства поставил винтовку к стенке покосившегося строения, там она благополучно и соскользнула, упала в сугроб, оставив наверху торчащий край приклада. Облегчившийся Еськин, застегнув портки, и не вспомнил в полудрёме про своё оружие, развернулся и наощупь пошёл назад, в душную хату, досыпать драгоценное время. Неудивительно, что он с утра не мог ни вспомнить, ни понять, куда подевалась винтовка. Помог часовой, который припомнил, что несколько человек выскакивало на улицу “до ветру”, прихватив с собой оружие: всякое может случиться. Обойдя все очевидные места людского уединения, бойцы нашли пропажу, о чём и доложили ротному. Весть о находке придала радости и веселья, ликовали все: и командир, и бойцы. Только один человек не испытывал воодушевления — это был рядовой Еськин. Для роты сейчас он оставался самым ненавидимым человеком, неприязнь людей полыхала со всех сторон. Вокруг него образовалось кольцо из сослуживцев, которые, прекратив поиски, организовали перекур.

— Что, Есик, доволен? Теперь из-за тебя, раззявы, пойдём по морознику, не знай, как, когда ещё доковыляем до постоя, — проговорил долговязый рябой боец с вытянутым лицом и ударил Еськина кулаком в живот. Бедняга подсогнулся; звук, вырвавшийся из него, был смесью резкого выдоха и всхлипа. — Мало тебе, зараза.

— Да что ты его жалеешь, Варламыч? Двинь как следует этому собачьему сыну, — обратился к долговязому подошедший рядовой Рогов. — Вот так, — и он с размаху хлопнул своей большой сибирской ручищей в грудь несчастного. На этот раз Еськин отлетел и упал спиной на снег. Не успел он подняться, как ему кто-то дал пинка под зад, и он снова упал, уже лицом вперёд, успев подставить руки, чтобы не расшибиться об утрамбованный солдатскими валенками твёрдый снег. От такого падения винтовка выскочила у Еськина из рук и проскользнула вперёд.

— Смотри, — весело закричал шепелявый пулемётчик, опирающийся на свой Дегтярёв, — опять, гад, потелял винтовку. Ну, что ты с ним делать будешь? Мало вы его, лебята, плочили.

— Надо бы ещё ему поддать.

— Да придушить его и кинуть в сугроб. А то с ним, глядишь, до самого Берлина пешком топать будем. Без нас Гитлера прибьют.

Еськин стоял с затравленным видом, весь в снегу, крепко прижав к себе винтовку, вытирая нос то одной рукой, то другой. При этом озирался, словно ища поддержки среди окружающих, и он её получил в лице земляка Рогова, такого же здоровяка, но по возрасту намного старше, ротного старшины Непомнящего.

— А ну оставили мальчика, шельмы! — Непомнящий сурово осмотрел всех, сбивая общее возжелание расправы, пошевелил усами, как будто чесал ими нос. — До Берлина хошь попасть? На колесах доехать туды желашь? А по мне хоть пешком, хоть на собаке, хоть на карачках, да только б живым добраться дотудова, чтоб гнездо их поганое, нелюдское ежечь. Давно ль привык на каретах разъезживать, пехота? А? — Старшина поднял валяющуюся в снегу каску Еськина и подал ему. — Не робей, не робей, браток. Всяк бывает. Я вона в финскую ещё не того нагляделси. Там не то что пукалки, танкетки порой найти не могли. Не отходь от меня, а то не ровен час и вправду зашибут.

Бойцы начали расходиться. Подошёл Рогов:

— Савельич, на кой он тебе, малахольный? Меня батя, когда что наша-лю, смертным боем бил. Так и воспитал меня серьёзным. — Рогов как бы извинялся перед Непомнящим, в тоне слышалось желание оправдать свой поступок. Под тяжёлым взглядом земляка он смутился, не зная, какие ещё доводы привести, отчего невольно начал переминаться с ноги на ногу, подтягивая рукавицы, и так хорошо сидевшие на его руках.

— Ванька, сурьёзным стал, а дурь осталась. Подишь, он тебе ровня в силе, нашёл кого ударить, ладно эти лапти колхозные...

— Что здесь происходит? — неожиданно появился ротный в сопровождении нескольких младших лейтенантов. — Строиться! Командирам проверить личный состав.

Солдаты быстро построились, взводные провели проверку.

— Никто винтовку не забыл? Проверьте ещё раз. — Кузнецов шёл вдоль строя, осматривая экипировку солдат, оценивая их готовность к переходу; непонятно было, то ли он шутил, то ли нет, говорил он без сарказма, спокойно, скорее доброжелательно. — Все проверьте своё обмундирование и снаряжение. У всех всё на местах? — Бойцы закивали головами. — Ну, хорошо. Поставлена задача: прибыть в новое место дислокации, оно в километрах двадцати с хвостиком отсюда. На марше необходимо обеспечить боевое охранение хозбоза полка.

Ротный, пройдя весь строй, вышел в центр перед красноармейцами и сильным чётким голосом произнёс:

— Рота! Слушай мою команду. Равняйся! Смирно! На-пра-во! Шагом марш!

Бойцы строем вышли из опустевшего посёлка. За ними тянулись конные повозки.

* * *

— Давай пойдём, внучок, вон туда, — дед указал пальцем в сторону празднично одетых людей, стоящих у гастронома и бурно ведущих разговор.

— А кто там, деда?

— Там друзья мои, однополчане.

— Ты с ними Гитлера бил?

— А с кем же ещё? Конечно, с ними. Пойдём, я тебя познакомлю.

Они шли, держась за руки, медленно, не торопясь, — высокий дед, поплывший с годами, и маленький юркий внук, на время успокоенный поеданием сахарной ваты. Вот уже можно было чётко разглядеть и лица сослуживцев. Дед приостановился, ему надо было перевести дыхание, волнение сбило его ритм. Вот они, родные, как изменились, посеребрились, постарели.

* * *

Зимняя дорога, такая естественная и родная, когда знаешь, где и как она должна закончиться. Уложенная снегом, утоптанная обувью и укатанная колёсами, белый ручей людских хождений, с каждым прикосновением к её поверхности она отражается хряпом твёрдого снегового полотна. Рваный звук естественного скрипа, меняющийся в тональности от крепости мороза, то звонче, то глуше, успокаивал и отвлекал. Всякая стезя дарит наслаждение и бодрость духа, но только когда ты знаешь, куда направляешься и сколько тебе ещё идти к пристанищу. Другое дело — шагаешь и шагаешь, а лента пути время от времени то пропадает, то сливается с белыми бескрайними полями. А мороз всё усиливается, или это только кажется, потому что замерзаешь. Проникающий вязкий холод, зябью оживляющий мурашки, стремится обуздать горячее тело, медленно остужая его тепло вместе с волей. Бесконечный путь по шву белой простыни отражается в рассудке отчаяньем и раздражением.

— Товалищ сталшина, — донёся до Непомнящего голос из строя измученных солдат. — Лазлешите облатиться?

— Обращайтесь, рядовой Стёпин.

В строю раздались смешки.

— Вот мы двадцать километлов уже оттопали?

— Пожалуй, да.

— А вот хвостик всё тянется и тянется... Когда плидём-то?

Прежде чем старшина успел ответить, кто-то из бойцов опередил его, утомлённо высказавшись на весь строй:

— Как место появится, откуда хвостик растёт, так, считай, и пришли. Солдаты разразились смехом.

— А ну цоц мне! Разговорчики в строю! — ругнулся Непомнящий.

— Шире шаг, направляющий! — скомандовал Кузнецов, подавляя желание рассмеяться.

Поднявшись на пригорок, уставшая и озябшая колонна солдат приостановила и без того замедленный ход. Отсюда открывалось пространство, на котором как на ладони лежало поселение — конечный пункт их нелёгкого дневного марша. Но не эта панорама была причиной замешательства бойцов — перед селом на дороге догорали грузовики, где с мертвыми, не успевшими покинуть их солдатами, где пустые, некоторые из них съехавшие с пути, стояли, мордами указывая на лес, видимо, пытались укрыться от неожиданного нападения, а сейчас будто говоря: “Вон туда я хотел добратся, браток, в тот пролесок, чтобы спасти своих пассажиров, да не доехал... Снег здесь придорожный глубоковат оказался для моих колёс. Сел я на все мосты. Кто сразу, в кузове, погиб от пулемётных очередей, кто выскочить успел, да тут же и полёг, не успев даже автомат вскинуть”. Погибшие, как разбросанные куклы, лежали на снегу, висели на бортах грузовиков. Рядом с мёртвыми окоченевшими телами валялись каски, шапки-ушанки, вещевые мешки, винтовки, неспешно присышаемые позёмкой.

Здесь немцы устроили засаду красноармейцам, били с двух сторон: из самого села и с невысокого гребня, расположенного справа от дороги в нескольких десятках метров, шансы выжить оказались ничтожны. После нацисты добились раненых и ушли.

Тут бойцы приняли свой последний бой.

— Братцы, да как же так? — бубнил заунывно на вид худой даже в телогрейке боец. — Как же так-то получилось. Наш же посёлок был, как немец-то здесь оказался?

— Слышь, Филька, кончай ... — выкрикнул кто-то, солдатам самим было не по себе. Смятение чувств охватило людей.

— Часов пять уже лежат солдатики.

— Пять часов, — передразнил другой. — Да как выехали с утра, так через час их и встретили здесь. Ждали здесь нас.

— Так выбили же фрицев отсюда?! — недоумевал Филька.

— Одних выбили, другие пришли. Знаешь, сколько их сейчас тут бродит? К своим отходят, немчура поганая, чтобы в мешок не попасть, — деловито пояснил Варламыч, затыгиваясь самокруткой.

— Погодь, погодь, робяты, — задумчиво заговорил Непомнящий, — это что ж получается? Ты, сынок, — он взял руками за плечи рядом стоящего Еськина, — уберёт нас со своей винтовкой. Не останься мы там, лежали бы мы здесь, возле товарищей наших, такие же холодные...

Все, стоявшие рядом, замерли и обернулись к говорящему. На лицах бойцов читалось недоумение, растерянность и... страх от осознания возможной участи. Непомнящий подтянул к себе Еськина, обнял его, обомлевшего и растерянного.

— Спасибо тебе, сынок, — тихо, но довольно для того, чтобы услышали остальные, с чувством проговорил Непомнящий, — век благодарен буду, внукам о тебе рассказывать буду, велю супруге молиться за тебя...

Бойцы молчали. Но вот один за другим начали подходить к смущённому Еськину, каждый хотел выразить свою благодарность.

— Спасибо, паря!

— Прости меня, Еськин, даже не знаю, как тебя зовут, — пробасил Рогов, лицо его выражало внутренние муки за утреннее издевательство.

Кузнецов, наблюдавший за этим, молчал, его мысли были спутаны; из всего второго эшелона полка остались только его рота, да хозяйственный взвод с подводами, сейчас он испытывал и благодарность к Еськину, и ответственность за своих подчинённых.

— Прекратить проявления благодарности! — не выдержал он. — Если бы мы не задержались, глядишь, большим числом сами бы немцев перебили. Так что нечего тут спасибкать!

Солдаты медленно разошлись. Поймав взгляд Непомнящего на себе, Кузнецов обратился к нему:

— Степан Савельевич, собери мне командиров взводов, и побыстрее!

Старшина ушёл искать взводных. Ротный, посмотрев на Еськина, подошёл к нему:

— По факту утери вами личного оружия будет доложено в особый отдел. Это халатность, и вы понесёте за это ответственность. Пока докладная дойдёт до особистов, рекомендую загладить свою вину в бою с врагами. А пока старшина присмотрит за вами.

— Есть загладить вину! — вдохновенно выпалил Еськин; его лицо сияло, выгнутый по стойке “смирно”, каким-то образом перевоплотившись, это был уже другой боец, не тот утренний бедолага. Старший лейтенант пошёл к собравшимся офицерам. Через минуту ротный уже бойко отдавал команды, одновременно уточняя их размашистыми движениями рук, указывая ориентиры на местности.

— Вы, товарищ младший лейтенант, это место осматриваете... Да, вот от этой машины, да, да... Младшой, вы берите своих бойцов, прочешите вон тот пролесок... Старшина, ваша задача осмотреть всё вдоль дороги... Вы по правой стороне идите, а вы — по левой... Соберите оружие, ищите документы, карты...

Вдалеке на дороге показалась машина командира полка с сопровождением. Комполка смотрел на белое поле, покрытое вдоль пролегающей дороги раскиданными тёмными пятнами убитых, на обугленные полуторки и замерзшие впереди домики. Тянуло дымом, морозный воздух перемешивался с запахом сгоревшей резины.

— Знамя, знамя где? — хрипел в крике комполка.

— Принимаем все меры к поиску, товарищ полковник. Пока никаких результатов, — с неподдельной печалью ответил куда-то в пустоту Кузнецов и добавил: — Сгорело, скорее всего.

— Не могло сгореть! Не из того оно теста! Здесь оно где-то, здесь. — Купыш сжал руками голову. Вариант, что знамя могло попасть к немцам, не принимался в расчёт — это позор и смерть.

Бегая от грузовика к грузовику, Купыш заглядывал внутрь их сгоревших кабин и кузовов. Солдаты шарахались от него, всем казалось, что комполка сошёл с ума; этот опытный офицер, прошедший всё на своём пути, начиная с гражданской войны, сейчас оказался в перевёрнутом мире. Это потрясение оказалось сильнее финских морозов, монгольской жары и её спутницы — жажды, сильнее окружений, в которые приходилось попадать, голодных отступлений по тылам противника к своим, сильнее ложного обвинения в предательстве.

Поиски продолжались.

— Товарищ старшина, а вон, гляньте туда.

Старшина обернулся и подошёл к Еськину.

— Ну, что там?

— Да вот, смотрите, — и он указал на еле заметный, уже занесённый снегом кровавый проволооченный след. Он тянулся от дороги вниз, под обочину и по небольшой ложбинке уходил вправо, где был редкий кустарник.

— Как будто кого тащили. — Непомнящий внимательно разглядывал след. — А может, кто раненый уползал.

Старшина с Еськиным спустились с дороги и прошли по глубокому снегу, куда вёл их красный волокушный след. Там, в редком кустарнике, обнесённом по краю снежным наметом, в полушубке лежал офицер. Стало его заметно только тогда, когда, погружаясь в глубокий снег, красноармейцы подошли поближе: сугроб и кустарник скрывали его.

— Кто это? — робко спросил Еськин.

— Похоже, комсомолец наш — комиссар, — старшина помолчал и добавил в сторону мёртвого замполита: — Как же ты теперь, сынок, со своей то верой предстанешь... Пожить бы тебе ещё, ума набратся.

— О чём вы, товарищ старшина? Вы мне?

— Да так, ворчу по-стариковски.

Марков лежал на боку, уткнувшись головой в снег, очки упали рядом, его правая рука сжимала револьвер. Глаза были полузакрыты. Судя по пятнам крови и простреленным немецкими пулями полушубку и галифе, во время боя он был ранен в живот и обе ноги, каких усилий ему стоило сюда доползти, неизвестно. Здесь он и потерял сознание, навсегда.

Старшина расстегнул полушубок капитана и полез в карманы его гимнастёрки доставать документы.

— Поглянь, что нашёл, — старшина присел. В руках у старого солдата появился кумачовый уголок ткани. — Знамя. Это наше боевое знамя. — Волнение охватило Непомнящего, голос дрогнул. — Комиссар — геройский парень: знамя спасал до последнего. Кто б мог подумать. — Старшина встал, снял свою шапку с опущенными наушами и произнёс: — Вечная тебе память, Леонид Игоревич.

Затолканное впопыхах под гимнастёрку полотнище примёрзло кровью политрука к телу и не хотело отпускать своего спасителя, прижавшись к нему.

— Есть загладить вину! — тихо повторил Еськин.

* * *

— А вот и Варламыч! — сказал кто-то, и группа ветеранов обернулась. Их пиджаки были украшены орденами и медалями, при каждом движении они отзывались скромным торжественным звоном. Однополчане приветствовали подошедшего сослуживца, а он их. Они обнимались, похлопывая друг друга по плечу. Не скрывая радости долгожданной встречи, целовались и плакали, шутили и смеялись.

— Это ты с кем, Григорий Варламович?

— Как с кем, с внуком.

— Как зовут вас, молодой человек? — протянул руку ребёнку самый, пожалуй, пожилой из всех. Серёжка тоже протянул свою ручонку.

— Сергей Николаевич, — с деловым видом ответил мальчуган, одновременно объедая большой комок сахарной ваты на длинной палочке.

— Ну, вот деловой, посмотри, не то что дед, — подмигнул пожилой ветеран, окружающие заулыбались, засмеялись.

— А что дед? — приосанился Григорий Варламович. Он повернулся к большой витрине магазина, поправил роговые очки, которые придавали некоторую строгость его рябому округлившемуся лицу, затем галстук.

Лёгкий ветер колыхал красные знамена, мерно покачивались транспаранты и плакаты с портретами генералов-победителей, лидерами партии. Площадь наполнялась ветеранами-орденоносцами, статными военными в парадной форме. Между ними в красных пилотках и галстуках сновали пионеры, то и дело салютуя героям войны. По округе раскатывались песни военных лет.

— Да, мы после того нападения старались держаться вместе.

— Помнишь, Филипп Савкин после ранения из госпиталя попал в другой полк и оттуда опять в госпиталь, так по мелочам три раза попадал, пока не сбежал обратно в наш Краснознамённый, после чего ни одной царапины не было.

— Напомни, это который Савкин?

— Да как какой, Филька наш! Забыл, что ли?

— А-а, вот кто! Боевой парень, разведчик, но сентиментальный.

— Да, ранимый был, за всех у него душа болела, а немца люто ненавидел, крошил фашистов — только дай.

— А ты, Савельич, где земляка своего забыл?

— Рогова?

— Его самого.

— Да должен подойти, документы какие-то передать ему надо. Он же у нас теперь председатель колхоза, вот заодно должностные вопросы решает.

— А где комбат наш?

— Он сейчас где-то в Забайкалье живёт, работает в школе военруком. Привет огромный передаёт, просил извинить — не приедет, здоровье подкачало.

— Ребят, а ведь и вправду из тех, кто тогда в деревеньку дошёл пешком, все вернулись, не считая ранений, и полк наш орденосным под конец войны стал. А Коля Еськин, где сам-то? Слышал, что он в Куйбышеве обосновался, на заводе токарем работает. Так ни разу и не приезжал на наши встречи.

— Жив и здоров Колька, написал, обещался на следующий год уж приехать к празднику. Хвалился, телефон ему должны летом установить в квартире. Теперь и писать, и звонить будет. Просил и его не забывать.

На площади заиграл гимн Советского Союза, однополчане перестали разговаривать, развернулись в сторону трибуны и выпрямились. Начинался праздник Дня Победы!

РЕНАТ ХАРИС

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

ЦВЕТЫ ДЛЯ МАМЫ

В предвечернем лесу
меж столетних дубов
я для мамы нарезал
охапку цветов —
снежно-белых и алых,
как бушующий пал,
голубых к ним добавил,
а жёлтых — не стал.

— Мама! Вот тебе белые!

Как нежны и милы...

— Мне к лицу они, сын.

Мои косы белы.

— Ну тогда... знак любви —
этот алый букет!

— Ах, сынок, опоздал ты
на тысячу лет.

— Ну тогда... К цвету глаз —
голубые цветы.

Ренат ХАРИС родился 6 мая 1941 года в семье сельских учителей. Окончил Казанский государственный педагогический университет. Работал учителем, журналистом, ответственным секретарём Союза писателей Татарстана, заместителем министра культуры Татарстана, заместителем Председателя Госсовета РТ. Лауреат Государственной премии РФ и Государственной премии РТ им. Габдуллы Тукая. Секретарь правления Союза писателей России. Живёт в Казани.

— Мне зелёных цветов
подари лучше ты!
— Но зелёных... их нет, —
беспокоился я.
— Они были, сынок,
это юность моя.

В предвечернем лесу
меж столетних дубов
я нарезал для мамы
охапку цветов.
Только жёлтых не брал —
они горе несут.
А зелёные
в нашем лесу не растут...

Перевёл Вадим Кузнецов

СЕКРЕТЫ СЛОВ

- Какие слова сокрушают, как битва?
- Такие, что мысли ведут наши в бой.
- Какие слова могут резать, как бритва?
- Такие, что души кровавят собой.

- Какие слова тяжелы, точно гири?
- Лишь те, что слезами на лицах горят.
- Какие слова всех храбрей в этом мире?
- Такие, что правду о лжи говорят.

- Какие слова душу в лёд превращают?
- Такие, где зло в каждой щели торчит.
- Какие нам лето зимой возвращают?
- Такие, в каких имя милой звучит.

- Но кто же способен, в каком из издательств,
среди тысячи слов те, что надо, найти?..
- Поэт. Если он пережил сто предательств,
идя до любви... И — не сбился с пути.

Перевод Николая Переяслова

СТИХИ О СТИХАХ

Говорят, что стихи —
это цветы души...
Если б были стихи
лишь цветами души,
не раздался бы гром
в петербургской глуши,
не уткнулся бы Пушкин
в подтаявший снег,
не сбежала б слеза
с плотно сомкнутых век!

Если б были стихи
лишь цветами души,
разве стали б жандармы
в полночной тиши

рваться в дом, где,
хлебнувший всех бед
через край,
как свеча, догорал
именитый Тукай!

Если б только цветами
стихи могли быть,
не посмели бы Лорку
франкисты убить,
не сгорело бы сердце Хикмета в огне
беспредельной тоски
по родной стороне!

Было всякое в мире.
Но помнишь ли ты,
чтоб кто-то
кого-то
убил за цветы?!

Перевёл Вадим Кузнецов

* * *

Испивший молнию,
нет, я звездой холодной не стану!..
Пусть свет души моей
пока незрим,
тому виной — жестоких лет туманы,
где не найти дорог
ни в мир, ни в Рим.

Я — только капля среди волн Свяги!
Но в час, когда гремучий ливень лил,
я молнии струю, как чашу браги,
поймал в ночи
и, не боясь, испил...

Перевёл Николай Переяслов

ТАНЦУЕТ ТАТАРОЧКА

Ах, как робко,
тихо как
танец начинает!
Будто тесто на чак-чак
мелко нарезают.
Сарафан — от плеч до пят,
блики вдоль подола.
Маслом ичиги шипят,
чуть касаясь пола.

Две косы, прильнув к груди,
блещут чернью сажи.
Две косы,
как две змеи,
замерли на страже.

Не страшны на вид они
под покровом шали,
но лишь руку протяни —
намертво ужалят.

То пойдёт, сужая круг,
то забьётся слепо,
как гусыня, вспомнив вдруг
про свободу неба.

А потом опять плывёт
грустно и несмело.
Но смирение её
не приемлет тело.

Щёки радостно горят,
веселей скольжение...
Вся она — от плеч до пят —
вызов и смущенье!

Перевёл Вадим Кузнецов

---

*Редакция от всей души поздравляет
нашего дорогого друга и автора
с юбилеем!*

СЕРГЕЙ МУРАШЕВ

ПАСХА В ДЕРЕВНЕ

РАССКАЗ

Первый полноценный год — и последний, как говорила жена, — Виктор жил в деревне родителей. Всю зиму. Снегу наметало по колено, с озера по ночам приходили волки, которых он никогда не видел, но так говорили, а уличный фонарь перед магазином погасили в январе, так как кончился лимит на электричество. И никакой работы, никакой. Вся его работа заключалась в том, чтобы почистить снег, принести воды и дров да протопить печь. Ещё он прорывал дорогу к храму, обметал веником крыльцо. Хотя храм не работал, священник из-за удалённости деревни не бывал всю зиму. И в тёплые дни ходили молиться только три старушки, он, да иногда жена с детьми. Очень холодно было стоять без шапки. И он завидовал старушкам, что у них тёплые пуховые платки. Но когда оборачивался и видел синие дрожащие губы, то пугался за них и начинал читать молитвы быстрее.

Особенно сильно замёрзли во время чтения канона Андрея Критского целником: “Душе моя, душе моя, востани, что спиши? Конец приближается”.

Виктор едва защёлкнул замок на дверях и вместо того, чтобы пойти домой, вбежал на высокую деревенскую гору, чтобы как-то согреться. С горы видел, как последняя из старушек вошла в свой дом. Утром он узнавал в магазине, приходили ли они за хлебом, не заболели ли. И когда узнал, что приходили, успокоился.

МУРАШЕВ Сергей Анатольевич родился в 1979 году в деревне Малая Липовка Архангельской области. Занимался промысловой охотой, был дворником, дорожным рабочим, кладовщиком. В 1999 году опубликовал свой первый рассказ, в 2007 году выпустил сборник рассказов для семейного чтения “Маленькая книжка”. В 2013 году окончил Литературный институт им. М. Горького. Несколько лет работал корреспондентом районной газеты в г. Каргополе Архангельской области. В 2019 году вышла книга “Ленты Мёбиуса”. Женат, четверо детей. Член Союза писателей России.

А всё началось с доски. Они проездом заехали к тётке в деревню. Летним солнечным днём на новой машине, чтобы переждать самую жару и немного отдохнуть. У тётки он уже не был лет двадцать, и сам бы дом, конечно, не нашёл. Но мужики, курившие около магазина, подсказали приметку — колодец-журавль, который высоко, может быть, выше дома, поднимался над забором и глядел на всё и вся. Поэтому Виктор лихо подъехал к калитке и, не задумываясь, представился и обнял вышедшую навстречу высокую старуху, чем-то похожую на медведицу. В платье из толстой ткани, плохо сидящем на ней, рейтузах, кофте и платке. Рядом с ней стоял её муж дядя Венья. Чуть меньше её ростом. С наполовину лысой яйцевидной головой, в белой майке и спортивных, на которых налипли сухие травинки и мелкие веточки. Дядя Венья, когда говорил что-нибудь, через слово повторял “ёлки!”, “дак ёлки!” Как оказалось позже, из-за присутствия городских и особенно детей, он замечал этим словом матюги.

— А мы только с ягод, — сказала тётя Ирина, — перекрикивая общий шум. — Ещё переодеться не успели. Давайте в дом!

Маленькая коротколапая собака, лаявшая до этого в своей конуре, осмелев от громкого хозяйского голоса, выскочила и залаяла с удвоенной силой.

— Да она не кусается, ёлки, — дядя Венья встал перед собачкой, и она лаяла теперь за его спиной, иногда высовываясь из-за ног.

Казалось, что дом ожил. Заскрипели ступени и половицы, захлопали двери, засмеялись, заговорили дети. Им дали молока с ягодами. Дядя Венья оказался лучшей в мире нянюшкой. А Виктор с женой пошли смотреть дом и всё старинное. Жена последнее время ходила по музеям, старым измам, цеплялась за старинное, как за якорь, который не даст утащить их семью в общем потоке неизвестно куда.

“Ух! Ах!”, “А это что?”, “Как здорово!” — только и слышалось из разных уголков дома.

На повети лежало старое пыльное сено, и всё вокруг было пыльно. Пахло каким-то вековым духом. Висели домотканые половики, спутанная рыболовная сеть. Стояли вилы с длиннющей ручкой, грабли с деревянными зубьями, косы, какие-то бочки и ушаты.

Жена, подобрав подол платья, проходила между пыльными вещами, рассматривала всё внимательно. И время тянулось. Виктор устал, целый день сегодня за рулём. Он уже хотел пойти к своим девочкам, тоже попить молока с ягодами, как вдруг заметил на тёмной доске, лежащей на большой бочке без верхнего обруча, остатки краски полудужьем: “Икона!” Показалось ему, что сказал это вслух. Он оглянулся: жена щупала полочок, тётка скучала.

Виктор нагнулся над доской, чтобы удостовериться: в слепом свете, который шёл через щели и маленькие оконца где-то под потолком, можно было и ошибиться. Последнее время часто вместе с женой бывая в музеях, он видел много старинных икон. Несомненно, это была она.

— Тётя Ирина, откуда это у вас? — выдохнул он.

— Чего? — левая бровь у тётки чуть вздёрнута, словно она удивляется. На самом деле это последствие какой-то болезни.

— Вот эта доска, — сказал, хотел взять в руки, но не стал.

— Крышка! — весело сказала тётка.

— Какая крышка?

— Ну, крышка! Обычная крышка, капусту закрывать, — видимо, тётка устала, что гости долго молчат, а ей хотелось поговорить, и она, пользуясь случаем, говорила все слова с напором, заменяя количество качеством.

— А откуда?

— Крышка! Всегда закрывали. И мама закрывала.

Больше он ничего не добился. После того как пообедали, пошли смотреть фамильный дом Виктора. Теперь в нём никто не живёт. Тётка с дядькой кое-как за ним присматривают. Но самое главное, что он стоит в центре. Об этом несколько раз сказали и тётя, и дядя. Было смешно слышать об этом “центре”, словно деревня — огромный город, хотя на самом деле она всего километр в длину. Но позже Виктор оценил, что это значит. В центре

деревни дорогу зимой чистят лучше. А если ещё не прочистили, то натоптана вполне сносная тропинка. В центре горит фонарь. Недалеко до магазина, медпункта, почты.

Но тогда, когда они пришли смотреть дом, он стоял в центре высокой травы, словно в гнезде огромной птицы. Внутрь не пошли. Дядя Веня долго рассказывал, что надо подремонтировать, и всё время повторял, отмахиваясь от слепней: “Ёлки, ёлки”. А Виктор думал об иконе. Перед самым отъездом, когда прощались, спросил:

— Тётя Ирина, а подарите мне ту доску?

— Крышку-то? — спросила она и на несколько секунд задумалась, словно соображая, где доска может пригодиться в хозяйстве. Может, дыру какую забыть. Но в последний момент показалось, что она знает, что это икона. — А забирай!

Весь оставшийся день и ночь Виктор радовался, вспоминал, что зади в машине лежит икона, завёрнутая в газету. Тётка в газеты не оборачивала, это он сам. В небольшом городке остановились у магазина, и Виктор увидел на столе рекламную газету. Взял сразу три.

А потом в суматохе города началась реставрация иконы. Как-то само собой стали чаще ходить в церковь: то с батюшкой надо посоветоваться, то найти знающего прихожанина. В мастерских долго не могли определить, кто изображён на иконе. Сначала думали, что какой-то местный святой. Но вскоре по знакам догадались, что Спаситель. Один из художников взялся отреставрировать. Все три месяца, что шла работа по восстановлению письма, Виктор был счастлив как-то по-особенному. Ему казалось, что это его благодарность Богу за жену и детей. Он женился поздно, в тридцать семь. До этого всю жизнь отходил на подводной лодке (было не до семьи) и уже думал, что останется холостяком. Но тут появилась Леночка. В кругу друзей, в мыслях, он всегда называл её женой. Ему казалось, что это слово — “жена” — какое-то особенное, красивое, непостижимое. Потом родились две девочки, две дочки-погодки: Маша и Даша. Он и не думал, что это произойдёт, но они родились. На свадьбе бабка так и сказала, ткнув пальцем ему в грудь: “Это тебе Бог дал”.

Когда Виктор получил отреставрированную икону, его сначала передёрнуло. Спаситель был нарисован заново, масляными красками и как-то неестественно. Но он отбросил первое впечатление. А со временем присмотрелся и привык. Спаситель смотрел уверенно и по-доброму, а в руках держал чётки.

Икону поставили на самое видное место, на пианино, купленное для девочек. Вскоре рядышком появились ещё иконы, и ещё. А весной Виктор повенчался с женой. Без гостей и шума. И как-то естественно. Поэтому отвозить Спасителя в деревню поехали с новым чувством, в каком-то новом статусе.

Староста храма, сухонькая старушка, которая сильно прибалывала в тот месяц, сходу вручила Виктору ключи от церкви. И тут же при нём испросила на это благословение у священника.

“Лена, без меня меня обрили. На лето старостой церкви сделали”, — сказал он жене. До сих пор помнит свою растерянность и недоумение, которое испытывал тогда. Лена неожиданно обрадовалась: “Это хорошо! Будем храм восстанавливать!” И эти слова тоже запомнились. Потом, когда было трудно, Виктор часто вспоминал их, подбадривая себя: “Это хорошо! Будем храм восстанавливать!”

На приходской сход посмотреть на нового старосту собралось очень много людей. Виктор не мог поднять на них глаза, а они все проголосовали за его кандидатуру. Стали потихоньку кое-где подлатывать, подкрашивать. Много времени уходило на ремонт своего дома, и восстановление продвигалось медленно. Виктор, конечно, сделал большую ошибку, что положил привезённую икону Спасителя на отдельный аналой, словно великую ценность.

— Я такую освящать не буду! — сказал батюшка при первом своём приезде. — Не буду, и девайте куда хотите.

В руках у Спасителя чётки, а на пальцах перстни, и это неправильно. У Спасителя никогда не было украшений. Скорее всего, это какой-то святой князь, но, реставрируя, из него сделали Спасителя.

Икону с неправильным изображением Христа удалось пристроить в соседнюю деревню в небольшой музей при библиотеке. “Новая интерпретация. Давно нужны современные святые!” — сказала библиотекариша, маленькая, плотенькая женщина, и унесла куда-то икону. “А у нас колокол от вашей церкви есть, — добавила она, вернувшись. — История такова: в тридцатые годы велено было колокола снять и отвезти на станцию на переплавку. Когда везли, один из мужиков и сказал: “А давайте скинем самый маленький? Никто и не заметит”. Взяли и скинули. У них никто ничего не спросил. А на обратном пути забрали. Объявился он в семидесятых. Его повесили на воротах гаража и сзывали людей на собрание. А потом передали в музей, мы его в храм отдадим, вернём хозяевам. Вы нам икону, мы вам колокол”, — и она засмеялась.

Колокол Виктору понравился. Пережил революцию, перестройку. Хотя и маленький, а сантиметров сорок в высоту будет, и весит, наверно, не меньше двадцати килограммов. Хотелось бы услышать, как он звонит. Но это всё мечты. От колокольни сохранился только один фундамент.

Решение остаться на зиму в деревне пришло неожиданно. Их сосед Алёша Коровин по прозвищу Кузьма привёз на тракторе полную телегу сухих колотых дров.

— Если зимовать будете, нужны сухие дрова! — крикнул он из кабины работающего трактора. — А я вам, как батюшке с матушкой и по-соседски, со скидкой продам!

— Мы не батюшка с матушкой! — тоже перекрикивая трактор, ответил Виктор. Он стоял около калитки, опёршись о лопату, и уже давно не копался в огороде, а просто стоял. Жена собирала малину, а девочки играли во что-то своё.

— Ну, всё равно, восстанавливаете храм — значит, со скидкой!

Виктор подумал, что девочки уже привыкли к соседскому трактору, а мальчики, наверно, и не отходили бы.

— Так чего? — крикнул Кузьма как-то вызывающе-обиженно.

Виктор посмотрел на жену. Та улыбнулась ему, и он махнул рукой:

— Вываливай!

И всё как-то сразу оживилось, ускорилося. Укладывали дрова, заказывали ещё. Утепляли дом. Каждый день приходил помогать дядя Веня и повторял: “Ёлки, ёлки”. Все его и за глаза, и в глаза стали звать: дядя Веня Ёлкин. Это звучало как-то радостно, как дядя Стёпа Милиционер.

Первые три месяца жить в деревне по-новому, как местные, было хорошо. Радостно было топить в приморозки печь и смотреть на огонь. Однажды младшая, Машенька, сказала:

— Огонь арит!

После этого долго ещё было достаточно сказать друг другу эти чудесные слова: “Огонь арит!”, поймать радостный взгляд жены — и уже целый день хорошее настроение.

Вскоре местные привыкли к ним. Они перестали быть какими-то значительными людьми. И даже стали выглядеть мельче остальных, так как ничего не понимали в деревенской жизни. Наступили короткие декабрьские дни и длинные ночи. Виктор довольно легко справлялся с этим. Перед отъездом в деревню он работал охранником в общежитии института и научился преодолевать время. Он так это и называл: преодолевать время. Жене было сложнее. Почти каждое утро она просыпалась в плохом настроении: “Опять мороз”, “Опять снегу намело” или “Снова тает”. Это значило, что весь день будет сложно. Непонятно, чем она жила тогда, а Виктор жил будущим летом, когда продолжится восстановление. Он хотел со временем построить колокольню, повесить тот колокол и позвонить. С колокольни ему будет видно, как на звон собираются прихожане. Вот торопится молодая женщина. А вот и старушка с палочкой, тоже торопится, но боится упасть и широко расставляет ноги. Несколько ребят запрокинули головы и смотрят на него, а он звонит. Эту мечту, которой он жил, оборвала жена. Она не выдержала в Новый год.

Дети уже спали. Виктор с женой сидели за столом просто так, пили чай. Под тусклой лампочкой. Жена уже несколько раз просила сменить лампоч-

ку, и он менял, но лампочка перегорала. Надо менять проводку, а это придётся делать летом. Жена читала какой-то детектив, она сдружилась с библиотекаршей из соседней деревни, и та присылает ей книги с хлебной машиной. И вот читает и читает, а Виктор сидит рядом, потому что Лена боится одна. Мелко тикают часы, словно дрожат. Иногда мигает свет — тоже вздрагивает. Самое плохое, что нет действующего храма, постоянных служб. Это страшно. Лена в овчинном безрукавном полушубке, который подарил дядя Веня, и в валенках. Виктор тоже в валенках, в толстом шерстяном свитере и спортивках с начёсом. Он старается смотреть на скорбившуюся над книгой жену, но слегка подрёмывает, и жена то пропадает в его глазах, то снова появляется. В это время и пришёл сосед Кузьма. Он даже испугал Виктора. Дверь открыл без стука:

— А я вижу, сидите! Пришёл поздравить с Новым годом! — Кузьма шатался. В одной руке у него бутылка водки, а в другой — большая коробка конфет. Сам в пиджаке, в ботиночках, чисто выбрит. Именно это больше всего поразило Виктора, он невольно посмотрел на свои валенки с заплатами. Стало неприятно. Лена, видимо, тоже почувствовала это. Она вдруг вскочила и сорвала на Кузьме всю свою злость, тоску и безысходность. Называла его постоянно Алексей Владимирович. А тот стоял и не понимал, что происходит. С лица его не сходила улыбка. Наконец он догадался, что ему совсем не рады, и тихо, только повторяя: “Извините, извините, извините!” — ушёл.

Лена долго плакала после этого, и Виктор не мог её утешить. Она вскрикивала иногда так сильно, что проснулись девочки. И младшая тоже заплакала, а старшая смотрела строго-строго и испуганно, словно случилось непоправимое горе. И это всё: плачущая жена, дети, в рейтузах и тёплых спальнях платяцах, сшитых тётёй Ириной, тусклый свет, невозможность ничего изменить — сильно подействовало на Виктора.

На следующий день пошли мириться с соседом. Пили ту самую водку, закусывали конфетами. Сосед был всё ещё в пиджаке, он, наверно, так и спал в нём. В кухне не прибрано и грязно, на крючке около печки висела старая роба, под ней лежали вповалку кирзовые сапоги и валенки. Из ведра под умывальником пахло. В русской печи стояла переполненная пепельница, несколько окурков выпали из неё. Но особенно примирил Виктора с соседом оторванный в углу прямо с мясом, с наклеенными для тепла газетами, кусок обоев. Виднелись два бревна, в щель одного из них воткнута алюминиевая ложка.

Жена снова то и дело плакала. Вместе с ней плакал сосед. Больше, видимо, от радости, что к нему пришли. Дети были с дядей Ёлкиным, который, как оказалось, тоже плакал. Он сильно заболел, и его клали надолго в областную больницу. Вместе с ним к родственникам ехала и тётя Ирина. Это больше всего удивило Виктора: он думал, что она не сможет без деревни. Но она только говорила: “Куда он там без меня? Куда он?” — и не плакала.

С этой страшной новогодней ночи и тяжёлого дня решено было уехать обратно в город. Виктора без проблем возьмут в охранники, Лена снова сможет преподавать музыку. Она привезла с собой в деревню электрическое пианино. Но здесь перебой с энергией, да и кому она нужна с электрическим пианино в деревне? Уехать решили в начале лета, сорваться прямо в середине зимы было как-то нечестно. Они хотели довести церковь до лета и передать её в надёжные руки. Да и самим себе или кому-то доказать, что они могут. Весомым аргументом против бегства из деревни было то, что Виктор сдал квартиру друзьям. Вариант — попросить их или потревожить — даже не рассматривался.

Тётя Ирина предложила им переехать в её дом, и они согласились. Весь январь ушёл на весёлый переезд на санках. Ещё долго девочки вместе с Виктором ходили “на холодный дом” что-нибудь привезти. Всего больше девочкам нравилось ехать на шубе дяди Ёлкина, уложенной в сани. Приехав, долго ходили по выставшей избе, ища, что бы ещё перевезти. Но ничего не находили, ни под кроватью, ни в шкафу. Даже ни одной картинке на стенах уже не осталось. Тогда старшая раз десятый говорила: “Нет, ничего нет”, —

разводила руками, и они ехали домой. А дома горячий чай и оладушки, которые напекла Лена. Она вкуснее стала готовить, заметно похорошела, чаще стала говорить о городе как о чём-то реальном. Было понятно, что она ждёт дня, когда уедут. Бессознательно и Виктор стал жить этим.

В тёплой избе с кошкой и собакой всем было легче. Девочки стали больше играть, а то до этого Лена говорила всё время, что они не развиваются, они тупеют.

На масленицу ездили в соседнее село в гости к библиотекарше. Около клуба состоялись настоящие гуляния, с блинами, с песнями, танцами и играми. Торговали шашлыками, горячим чаем. День выдался солнечный, многие ходили в растёгнутых куртках, и ощутимо чувствовалось наступление весны, а затем лета.

Виктор легко поднял двухпудовую гирию сорок четыре раза — раньше он был чемпионом города по гиревому двоеборью. Ему дали за рекорд пять блинов. Дочери полезли на руки, и он поднял и их. Чуть выпившая библиотекарша запрыгала от восторга и захлопала в ладоши. Она была в серой распахнутой шубе. Развязанный пояс висел одним концом до самой земли, от этого библиотекарша походила на какого-то зверька, прыгающего на задних лапах.

К своему ужасу, во время масленицы и потом за столом Виктор заметил много недочётов и минусов в жене. Он сравнивал её с библиотекаршей, с подругой библиотекарши Людой, высокой, стройной женщиной. Люде нельзя было говорить, что она худая — она всю жизнь боролась со своим весом и мечтала поправиться.

Виктору было противно то ли оттого, что он сравнивает, то ли от самогона, который пил вместе с мужиками. На гулянье его заметили мужики, подошли и предложили выпить. Он побоялся обидеть отказом. После первой его стали расспрашивать о церкви, о священниках. И он отвечал, хотя сам знал мало.

Ночевали у библиотекарши. Девочки быстро уснули, и он прилёг рядом. Женщины на кухне ещё долго сидели и смеялись. Но Виктор не хотел туда идти, потому что там были Лена и Люда.

Хорошо, что наступил Великий пост. Для Виктора было важно не то, что есть какие-то ограничения, а то, что в конце поста — Пасха. Он стал больше молиться и серьёзнее готовиться к каждому воскресенью. По воскресеньям обязательно читал что-нибудь в церкви. Он решил читать, даже если будет приходиться один. Но такого не бывало. Всегда случалось какое-нибудь чудо. Один раз приходили двое мужчин, приехавшие издалека, чтобы помянуть брата. Им надо было обязательно поставить свечку, и они не знали, куда поставить. В середине поста в храм заявила целая компания — посмотреть. Муж с женой и семеро детей. Все в хорошей городской одежде. Это было очень непривычно. Мужчина и старший сын в чёрных очках. Всё семейство долго ходило по храму, ставило свечки, а перед уходом мужчина положил на стол тысячу рублей.

Но всего больше Виктору запомнился продавец из палатки, расположившейся на выходной около магазина. Он молча вошёл и так молча и стоял с шапкой, прижатой к груди двумя руками. Смотрел на Царские врата и всё стоял. Пока Виктор читал, пока собирался. Надо было уже идти, а он всё стоял и стоял. И Виктор думал, как тот не боится, что разложенные вещи могут унести.

Во время поста думалось, что жена живёт какой-то другой, отдельной жизнью: он молится, ходит в храм, а она готовит, убирает, играет с детьми. Но оказалось всё не так. Однажды Лена сказала с улыбкой: “Как же я давно не исповедовалась, а так хочется”. И Виктор заметил, что жена стала проще, естественнее. Они не причащались с самого декабря, очень долго, так как его машина с низкой посадкой просто не могла выехать из деревни. Лишний снег с дороги уже сошёл, а Виктор даже не подумал о причащении. На Вербное Воскресенье приехал священник и отслужил службу. Худенький, старенький отец Олег. Неожиданно для Виктора народу набралось много, и ему пришлось помогать в алтаре. Кроме старушек, в храме

появились молодые женщины в беретах, трое мужчин, дети. Кто-то приехал из других деревень.

Незадолго до причастия Виктора буквально затрясло от переживаний. Он едва стоял на ногах, кадило в его руках раскачалось и слегка позванивало.

Отец Олег подошёл к нему и стал что-то говорить. Виктору казалось, что тот ругает за кадило, что оно трясётся, а его надо держать спокойно. Взглядывал отец Олег исподлобья. Глаза были яркие-яркие, и казалось, что он боится ослепить этими глазами. Наконец Виктор понял, что священник спрашивает его о чём-то: “Венчались?”, “Первым браком?” И стал односложно отвечать на вопросы. Наконец, отец Олег спросил: хочет ли он стать священником? И тут же добавил: “Ты подумай, я не тороплю”.

Лене Виктор про предложение священника ничего не сказал. Думал всю Страстную, но так и не знал, что ответить.

“Думай — не думай, а надо идти в храм”, — Виктор посмотрел на часы: без двадцати двенадцать. Он сидел на кухне, на коленях его пригrelась кошка и мурлыкала. Лена ушла укладывать дочек, но, наверно, прилегла с ними и уснула. Он ждал её, но так и не дождался. Осторожно приподнял кошку, встал, но она всё-таки воткнула ему в ногу коготь повыше колена. Печка тёплая, на ней сушатся маленькие ботиночки и валенки Виктора. Лена сегодня выскочила в них, когда приехал отец Олег освящать куличи, и они намокли. Отец Олег ничего не спросил про решение, но сказал, что приедет на Светлой седмице в гости.

Виктор ещё немного повозился у входа, но Лена так и не пришла. Он включил фонарик на мобильном и вышел. На улице темень страшная. Снег уже растаял, и ничего не видно. Приморозило, земля слегка твёрдая, на лужах ледок. Далеко слышно шаги, шум ручья. Воздух холодный, но какой-то весенне-холодный, освежающий. В двух домах горят ночники, ещё в одном мерцает телевизор. По запаху слышно, что в магазине топится печь — это дядя Илья топит, старик, чтоб утром тепло было. Замок на храме замёрз, заиндевел и не открывается. Пришлось долго жечь спички, одну за другой, чтобы открыть. В храме хорошо. На скамейке стоят кулич и пасха, это Ленины, не удалось унести сразу.

Он почитал пасхальные молитвы, посидел на лавочке, взял кулич в одну руку, пасху — в другую и пошёл обратно. Без фонарика совсем темно. Посередине пути его вдруг окружили собаки. Они бегали вокруг, прыгали, задевали его и, казалось, хотели схватить пасху. Он знал, что одна из них — большая овчарка, которая днём сидит на цепи, а на ночь её отпускают.

Виктор повыше поднял кулич и пасху, шёл осторожно, чтоб не поскользнуться на ледяном. Около дома на крыльце горел фонарь. Он казался очень ярким в темноте, хотя освещал только часть стены, доски, кинутые на грязное место, да представляющиеся чем-то страшным кусты смородины. Лена вышла навстречу, кутаясь в белую шаль, и взяла кулич. Она хотела рассказать мужу, что у них будет ребёнок, и она думает, что мальчик. Она таилась весь пост и вот решила сказать. Он долго раздевался, копошился в прихожей. Руки и ноги у Виктора занемели, и только теперь он почувствовал, как замёрз.

— Чай уже готов, — Лена отрезала от кулича два кусочка.

Он посмотрел на неё и увидел, какая она красивая с распускающейся, на скорую руку завитой косой, с выбившимися прядями волос, и не удержался, сказал:

— Я тебя люблю!

СЕРГЕЙ ПАНФЁРОВ

ЕДИНЕНЬЕ
НЕБА И ЗЕМЛИ

* * *

*Митрополиту Тихону
(Шевкунову)*

Горит свеча
неугасимая,
и колокольный
слышен клич...
Не объяснить
необъяснимое
и тайны вечной
не постичь.

Хранит незыблемая
ризница
и чувств, и мыслей чистых
взлёт,
но к тайне лишь
душа приблизится,

ПАНФЁРОВ Сергей Юрьевич родился в 1962 году в посёлке Александро-Невский Рязанской области. Окончил Саратовский юридический институт. Ветеран органов прокуратуры. Автор шести поэтических сборников. Лауреат международных, всероссийских и региональных литературных конкурсов и премий. Член Союза писателей России. Член правления Рязанского регионального отделения Союза писателей России. Живёт в г. Кораблино Рязанской области.

а разум тайну
оттолкнёт.

И потому
в напрасном рвении
и пустословном
кураже
не трону хладным
рассуждением
то, что ниспослано
душе.

* * *

Первый день в году. Сугробы снега.
Прочищаю стёжку до крыльца.
Словно после длительного бега,
Капли пота катятся с лица.

Вот оно, исконное, простое,
Единенье неба и земли.
Торжеством вселенского покоя
Покрывала снежные легли.

Тихой песней — скрип под сапогами.
Радуются тело и душа.
Небо смотрит светлыми глазами,
Мудростью безмолвия дыша.

УШКУЙНИКИ

Спой, гусяр, нам про удаль былую,
Сердцем тронь золотую струну.
Спой о том, как седлали ушкуи
Запряжённую ветром волну.

Как спешили бесстрашные кмети
Над взволнованной волжской водой
Новгородским разбоем ответить
На великий ордынский разбой.

Помнят древние наши скрижали,
Где ильменьские воды текли,
Там крепчали в боях, там мужали
И рвались из ордынской петли

Беспримерные волховы дети.
Призадумался дрогнувший враг,
Сплёл свои хитроумные сети,
Неизбывный почувствовав страх.

Приклонил чингисхановы стяги,
Распахнул кочевые шатры,
Для нахлынувшей русской отваги
Расстелил расписные ковры.

Новгородцы не знали коварства
И, устав от военных побед,

Без оружия, в парадных убранствах,
Появились на званый обед.

Ночь спустилась на пьяной кобыле,
Рассыпая созвездий венки,
И рубили уснувших, рубили
Чингизидов кривые клинки.

Но недаром кровавые реки
Обагрили зловещий обман —
Перепуганы узкие веки,
Дрогнул дух боевой басурман.

И всё чаще мерещилось всеу
Степнякам, что кичились ордой,
Как летят боевые ушкуи
На врагов по-над волжской водой.

ЗМЕЯ У РОДНИКА

Она лежала
грозным завитком,
на влажном камне
охлаждая кожу.
И взгляд её
с могильным холодком
следил за мной
всё пристальней, всё строже.

Как поступить?
Вернуться без воды?
но жажда битый час
меня пытала.
Поднять корягу,
чтобы от беды
змею ударом сбросить
с пьедестала?

И зачерпнуть
воды манящей горсть.
И пить её прохладу
с наслаждением,
забыв, что в этом царстве
я — лишь гость,
змея — царица здесь
со дня рожденья..
Пока в своих сомненьях
медлил я,
она скользнула прочь
без сумасбродства.
И я подумал:
в жизни и змея
не лишена, бывает,
благородства.

ЮРИЙ КУБАНИН

ДЁРН

РАССКАЗ

Бойцам “Вымпела” посвящается.

История теперь уже давняя. На войне это было. Не на Великой Отечественной, попозже. Ведь как ни называй — миротворческая миссия, контр-террористическая операция, выполнение интернационального долга, принуждение к миру — война, она и есть война.

Если ты не “паркетный” офицер, свистнет рано или поздно фитюлька над ухом, прошелестит над головой снаряд своих батарей, грохнет рядом до звонкой тишины в ушах чужой “привет”, заорёт, как сквозь вату, кто-то, кому не свезло: “С-сука-а!.. Нога, сука, нога-а!..” Или какая другая часть человеческого тела. Кроме головы. Та приключениям на свою ж... удивляется, как правило, молча. Военно-медицинский факт.

У обывателя представление о войне киношно-кошмарное, фантастическое. Случись героическому подразделению вести неравный бой, в кадре обязательно появится связист, рвущий голосовые связки: “Первый! Первый! Я — Второй! Мэй дэй! Мэй дэй!..”

КУБАНИН (Супрунов) Юрий родился в 1953 году в селе Нагут под Минводами. В 1974 году окончил Московское высшее пограничное командное Краснознамённое училище, служил 3 года замполитом на высокогорной заставе в Аджарии. В 1984 году окончил 2-й Московский Ордена Ленина государственный медицинский институт им. Н. И. Пирогова, работал врачом линейной бригады “скорой помощи”, затем стал военным врачом. Уйдя в запас по выслуге лет, стал журналистом, параллельно практиковал по специальности. Врач-психотерапевт, психиатр-нарколог. Публиковался в журналах “Пограничник”, “Россияне”, “Россия молодая”, “Сельская молодёжь”, “Литературной газете”. Трижды лауреат премии им. М. А. Булгакова “Медицинской газеты”. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

И Первый услышит, и Первый поймёт... Даст пороху штабистам, пенделя тыловикам. Бросит резервы на выручку. Увлечёт личным примером авиацию и флот (если сценарист “ваяет” эпическое полотно). “Комбат-батяня, батяня-комбат”...

Такое универсальное клише. От Голливуда до Болливуда. Мосфильм в промежутке не исключение. Главное, чтобы обыватель ночью дрых спокойно, в уверенности, что утром проснётся там же, где и спать лёг. А не в бомбоубежище. А днём косо поглядывал на слонтяев-пацифистов. И презирал сторонников альтернативной службы в интернатах для немощных.

“Нет, ребята, всё не так! Всё не так, ребята!..”

Вторые сутки сеял мелкий нудный дождь. Гусеничная и колёсная техника размесила грунт в местечке, где дислоцировался полк Минобороны, до состояния жидкого пластилина. На краю вертолётной площадки группа ведомственных спецназовцев томилась в плащ-накидках около груды рюкзаков вперемежку с ящиками для боеприпасов и тюками палаток. Два десятка офицеров давно перешутили все полагающиеся шутки (о стойкости в перенесении тягот и невзгод военной службы, как рекомендовано общевоинскими уставами), ожидали транспорта. Три часа минуло с момента высадки. Местечко служило переадресной базой перед следованием “на точку”. Сколько суток дожидаться дальнейших команд — бог весть. Командир с замом запропастились, налаживая связи с армейцами. Надо было добыть колёса для груза, найти место для ночлега, порешать вопросы с питанием, да мало ли чего...

А вертолётная площадка была на загляденье. На фоне серого пейзажа ранней весны с вытаявшим прошлогодним мусором уже радовала глаз молодой зелёной травкой. Ровнёхонькой до умопомрачения. Будто её каждый день обихаживали газонокосилкой. Откуда бы только машинке здесь, в забытом богом предгорном ауле, взяться? Вопрос.

Надвигались сумерки. “Вертушки” все разлетелись. Квадрат посадочной площадки, метров триста-четырееста на столько же, постепенно чернел, теряя весёленькие краски. Дождь всё сеял. “Пичалька”, как пишут в Сети. Причём строго через “и”. Тут без вопроса. Как сказал бы Винни-Пух, “рассказание у меня хорошее, только хромает”. Не подумайте лишнего, молодёжь у нас хорошая, только правописание у неё хромает. С другой стороны, понятно же, что хотел выразить “аффттар”... “О времена, о нравы!”. Такими мыслями занимал себя подполковник медицинской службы в чине старшего врача, приписанного к боевой группе спецназа. С довольно стандартным для его должности позывным для радиообмена (заодно и кличкой в командировках) — Док.

Утопая по ступицы в колеиной грязи, подъехал, наконец, армейский трёхосный грузовик. Из кабины прыгнул в жижу замкомандира — Дмитрий Николаевич Бугров. Он же “Бугор”.

— Так, господа, цигель-цигель!.. Ночуем сегодня по-царски, в хилтоне. Ужинаем сухпаем, завтраком комполка обещал горячим угостить. Рюкзак Виталий Петровича не забудьте...

“Хилтон” оказался полуразрушенным кирпичным ангаром, но с уцелевшей крышей, что по меркам походной жизни действительно шикарно. К тому же, от предыдущих пилигримов достались в наследство лежаки из пустых артиллерийских ящиков. Чистый блеск! Это тебе не на стылой февральской земле в спальнике крутиться. Ну и бинго-о! Командир, чтобы не скучать попусту, личный состав дожидаячись, раскочегарил буржуйку в дальнем углу строения, топя её щепой из той же снарядной тары. Вид печурка, правда, впотьмах имела странный — серого бугристого термитника. На беглый взгляд показалось, что она просто густо обмазана глиной, как бы наспех, небрежно. Для усиления теплоотдачи, решили любопытные.

— Виталий Петрович, да вы прямо отец родной, — скупо поблагодарил командира группы кто-то самый промокший.

— Пользуйтесь, пока я добрый. Бармалей! На тебе — контроль входа-выхода.

— Сделаем, — отозвался Бармалей.

Тут не обойтись без лирического отступления. Спецназ в боевых командировках носит камуфляж, как у всех, согласно географической зоне, стране пребывания и сезону в ней. Но без знаков различия. Дома остаются и награды. Всем и без того известны регалии и должности друг друга. Табель о рангах читается, субординация соблюдается неукоснительно, но, скажем так, в щадящем режиме. В обращениях предпочитают радиопозывные.

Обживатьсь решили начать поутру. Очень хотелось обсушиться и поесть. Тепла буржуйки хватало лишь на угол, в котором она бросала скупые блики из поддувала. Туда народ и подтянулся, зажгли несколько стеариновых свечей, стали потрошить индивидуальные рационы питания, попросту — сухпаи.

— Эх, сейчас бы пшена малость — кашу бы сварили, да топора нет, — посетовал кто-то.

— Виталий Петрович, к нам два бойца, — послышался от ворот ангара голос Бармалея.

В круге жёлтого мерцающего света появились двое рядовых, молоденькие, явно не контрактники. Поставили на пол армейские десятилитровые термосы:

— Товарищи офицеры, тут вот начпрод велел вам передать. Разрешите идти?

— Погодите. Держите за труды, — протянули им несколько плиток шоколада из “общака”. Кому ж не известно: есть и спать солдат хочет всегда. С незапамятных времён бытует в армии прибаутка: лучше переест, чем недоспать. Справедливым считается и обратный порядок удовольствий.

В одном термосе оказалась рисовая каша с тушёнкой, другой был полон горячим крепким чаем.

— А жизнь-то налаживается! — возликовала общественность. — Надо будет армейцам завтра пузырь от щедрот наших отстегнуть, чтоб не прослыть среди боевого братства свиньями неблагодарными. Да и нам бы не помешало чуток, для аппетита... А, командир?

— По пятьдесят грамм.

— О-о-о!.. Как мы в вас не ошиблись, Виталий Петрович...

— Меня подменить не забудьте! — дал о себе знать из темноты Бармалей.

— Ты посмотри, всё у него под контролем, — подкололи его. — Хотя просили только за калиткой присмотреть.

Из коробок для допайка, который закупили вкладчину перед отъездом, достали палку сухой колбасы, две бутылки водки, разлили по кружкам.

— Ну, за удачу!..

Навалились на еду, под чаёк потекли офицерские байки.

— Дружок мой один, по училищу ещё... тоже в снайперы решил податься. Как Филин, вон, — кивнул рассказчик на снайпера группы. — Пытался я его отговорить. Тебе, Толя, что, подгузники в детстве не надоели, спрашиваю? Сутками, может довестись, на пузе без движения придётся лежать... Филин, я правду говорю? — тот кивнул в ответ. — Вот же тебе, Филин, подфартило! Фамилия, кликуха и позывной в одном флаконе. Даже голову не пришлось ломать. Так о чём это я? Ага. Дальше рассказываю, как сам слышал. В одной заварушке завязалась у него снайперская дуэль. В микрорайоне после двух месяцев боёв из населения уже никого не осталось. Одни архитектурные излишества для пейнтбола. Он с помощником в одной девятиэтажке гнездо свил, визави его — в другой, напротив, метрах в шестистах всего. Сутки пасут друг друга, вторые... На единственный выстрел оба поставили. Вдруг рёв моторов за домом, гвардейский танковый взвод паркуется. Заглушили движки, минут через пять — голоса на лестнице. Толя помощнику даёт команду по микросвязи — проверить, что за чудачки. Тот на второй этаж с девятого привидением спустился, видит, *три танкиста, три весёлых друга* недвижимостью шмонают. За старшего у них летёха — командир взвода. В июне только выпустился, в июле первый офицерский отпуск отгулял, в августе сразу в переделку... Матрасами в брошенных квартирах разжились, пехоте на броню под задницы бросить, да и самим по обстоятельствам использовать. Ну, Толин помощник их поздравил, что до третьего этажа

не успели дочапать, у снайпера с той стороны — мёртвая зона по второй этаж включительно. Чуть выше башку высунул — бац, ветер стих и свет погас. Те руку ему горячо пожали, спросили, может, чем пособить? Да чем вы тут поможете! Но спасибо за участие... Думал, на этом знакомство и закончилось. Не получилось угадать. Танкисты вышли, пассажиров перекурком ошастливили, десять минут оправиться дали, за домом, не высовываясь. Лейтенант своим: “По местам!” — скомандовал, дизеля по газам, и на полной скорости переулком на проспект выскочили. На прямую наводку напротив вражьего дома в линию встали, залп из четырёх стволов по цоколию — шарах! Через пять секунд — второй! Следом — третий. Фугасными. Домик покачался в нерешительности, да и осел. Когда пыль улеглась, на раздолбанной крыше, где Толик с нашей стороны ветошью прикидывался, зашевелилась груда мелкого кирпичного боя. Из неё восстал Толик, нервными пальцами стал винтарь чехлить. Молча. Только одно слово и сказал. В знак признательности братьям по оружию. Ни в жисть не догадаетесь, какое.

— Ладно, не нагнетай...

— Говнюки.

И пошёл памперс менять.

— Через полгода в Кремле орден получил, с помощником на пару. Идут по Тверской, гордые... На полном к тому основании. До Пушкинской площади дошли. Толик перед изваянием постоял и говорит: “Не пойму, почему памятник Александру Сергеевичу? Дантес же попал”.

— Анекдоту — сто лет в обед.

— Знаю дело. Но для красного словца не пожалеешь и отца. Уж больно в тему ложится.

— Не козунствуйте, товарищ капитан, — осадил сказочника Виталий Петрович. — Расскажи лучше, как в начале головокружительной карьеры вы сотоварищи в кишлаке под Кандагаром догадались в сортире лёгкий миномёт замаскировать. Юношеству на заметку.

— Ну, это нехитрое дело было. Заняли мы под временный опорный пункт одно подворье. Просторное, богатое, другим не чета. Отхожее место соответствовало статусу, стены толстенные, хоть и саманные. С полезной площадью полный порядок. На упитанность владельца расчёт брался. Да ещё и с зазорами на вырост. На все четыре стороны света. Главное — с дощатой парадной дверкой, а не как у простых смертных — с дерюжкой. Грех было не покуситься. Тем более что накануне десантура трофеей нам презентovala — шестидесятку китайского производства, с полным БК. Им самим возбранялось пользоваться, не пропадать же добру. Аккурат он в сортире и устаканился, заднюю стенку подрихтовали только малёк, для скрытной подачи зарядов. Под опорную плиту досок подложили, чтоб не провалился агрегат, трудясь, куда не надо, случаем. Дальше — дело техники. Дверь на секунду изнутри длинной палкой настезь толкнём... Жак! Дверь обратно — хлоп. Духи на оптику весь спирт извели, протираючи. Так и не засекли. Как всё расстреляли, гранату в ствол, занавес... Даже жалко было. Качественный аппарат, не смотри, что китайский.

— Прямо в нужнике, что ли, ухнули?

— Нет, конечно. К чему мирным дехканам хозяйство рушить, международную напряжённость под салют из дерьма без надобности ещё больше напрягать. За дувал вытащили, там и подорвали, когда уходили. Что мы, не люди, что ли...

— Так, пацаны, спокойной ночи! Мульттики закончились. На горшок и спать, — распорядился командир. — Талоны на питание в полковой офицерской столовой получите утром. Дежурство по периметру — на первом отделении, дневальные у печки — второе. Старшим составить почасовые графики. Бармалею, за героическое несение службы на фоне шумовых помех типа синхронного чавканья, завтра — выходной.

— Гос-с-поди, да неужто?..

— Шутка. Отбой!

— Ох, и Змей же вы Горыныч, Виталий Петрович...

Ночью дождь прекратился. Потянул ветерок, потеплело. Грязь стала полноценным пластилином. Через оконные, без стёкол, проёмы в ангар вполз рассвет.

— Ну, ничего себе вернисаж! Охренеть!..

Возглас дневального поднял из спальных последних лежебок. Все сгрудились у печки. То, что ночью казалось буграми на ней и бесформенными шишками, в дневном свете обрело чудесную метаморфозу. Искусно вылепленные фигурки нагих мужчин и женщин сплелись на глиняном барельефе в самых немыслимых позах. Детали женских тел доморощенный скульптор проработал с особым любовным тщанием. И со знанием дела.

— Мда, Камасутра — детский лепет против этого. Ты подумай, какие самородки среди военных бывают! — восхитился Виталий Петрович. — Это ж сколько этот Роден здесь творческий потенциал копил, чтобы так сублимироваться?

— Субли... что?

— Док, объясни невеждам.

— Сублимация есть эстетическое самовыражение личности на фоне сексуальной депривации, то есть воздержания, Бармалей. Это вкратце. Доходчиво объясняя?

— Более чем. Типа, чтоб не мастурбировать принародно? А вот интересно, случись на нашем месте бабам пару месяцев кантоваться, да найдись среди них какая-нибудь Вера Мухина, смогла бы она так же вот... творчески возвыситься? В смысле досуга рабочего с колхозницей?

— Вопрос, Бармалей, открытый. Доживёшь до пенсии, займись искусствоведением, коль зацепило. Митинг в честь экспозиции считается закрытым. Завтракаем, разбираем барахло, после обеда стрелковая тренировка в карьере за аулом. Связисты — регламентные работы. Так, моем руки, получаем талоны на питание...

Не успели вернуться с завтрака, на портативной рации командира зажегся сигнал вызова.

— Вектор! — прозвучал позывной Виталия Петровича голосом генерала, начальника центра спецназа. — Я Шкипер. Приём.

— Шкипер, я Вектор, на связи.

— Вектор, жду вас в "Санатории". Подтвердите приём.

— Шкипер, я Вектор. Выдвигаюсь. До связи.

— Оп-паньки... А я уже смокинг из рюкзака в шапчик перевесил, и манишку погладил, — вполголоса посетовал кто-то.

— Майор Филин остаётся за старшего, распорядок дня прежний. Мы с Дмитрием Николаевичем в штаб полка, — распорядился Виталий Петрович.

— Сдаётся мне, мужики, это ж-ж-ж неспроста, — цитатой из всё того же Винни-Пуха поделился Бармалей. — Александр Егорович просто так мотаться по горам не станет. Не генеральское всё ж-таки дело.

Не прошло и часа, ко входу в ангар подъехал бронетранспортёр, из него выбрались командир с замом.

— Так, бойцы, вводная. По агентурным данным, в горизонте недели через урочище Тёмное пройдёт бандгруппа до семи человек поголовья. С интересующим нас эмиссаром. Задача — по возможности захват, ликвидация не порицается. Делимся на две команды. Ядро, старший — Дмитрий Николаевич, — выдвигается немедленно. Программа-минимум — рекогносцировка, выбор площадки под базу. Каждый берёт по два боекомплекта, сухпай на сутки. Я, Док и Бармалей пакуем багаж, дожидаемся переводчика-арабиста, вылетаем следом. Контрольное время прибытия — пятнадцать часов. Теперь связь. Моцарт остаётся со мной, Диджей — в основной группе. График связи — стандартный. Всё. Броня за воротами, борт на взлётке уже под парами. Работаем...

Виталий Петрович отбыл на поклон к армейцам.

К полудню с лязгом к воротам подъехал гусеничный транспортёр, лихо крутанулся. Из люка десантного отсека высунулся Виталий Петрович:

— Чего застыли! Подавайте!

— А толмач-то где? Впятером, оно, скорей управимся, — высказал общую мысль Бармалей.

— Толмачом решено пока не рисковать, на скаутские игры человек в своих инязах не подписывался. При штабе поскучает. В случае нашего успеха, с интересантом здесь побалакает. Подавайте, чтоб вас! Час у нас на всё про всё...

Четыре тонны груза на четверых, в режиме мельтешения, в принципе, не бог весть что. Один раз.

Всем четверым пришлось ехать наверх. Нутро транспортёра под завязку набили мягким грузом, коробками с провиантом. На крыше громоздился штабель ящиков с боеприпасами. Те на поворотах ёрзали нещадно, не дать им свалиться или кого-нибудь расплющить помогала только воля к победе. Сами держались за воздух зубами.

Один из трёх вертолётчиков на лёгком поле, с номером 66 на фюзеляже, ждал с работающими винтами. Транспортёр тормознул у кромки поля, которое опять удивило фасонистой изумрудной гладью. Окрест, куда достанет глаз, — серое вязкое месиво.

— Почему встали? — прокричал Виталий Петрович в открытый люк механика-водителя. — Давай к шестьдесят шестому.

Из люка высунулась голова механика-водителя в шлемофоне танкиста:

— Нельзя нам на поле, товарищ... — глаза его шарили по камуфляжу офицера в поисках знаков различия.

— Подполковник.

— Нельзя нам на поле, товарищ подполковник. Гусеницами дёрн порвём. Все здесь, на кромке разгружаются.

— Боец! Как мы четыре тонны отсюда такой хилой командой допрём! Триста метров до борта. У нас взлёт через десять минут! Вперёд!

— Не могу я, товарищ подполковник! Комбат на “губе” сгноит!

— Комбат твой — кто? Капитан? Старлей? А я подполковник ГРУ Генштаба! — приврал Виталий Петрович, чтобы рядовой проникся, не путаясь в ведомственных заморочках. — Вперёд! Это приказ. Под мою ответственность.

Дизель взревел и, выдав сизый солярный выхлоп, дёрнул машину с места.

Не проехали и полпути, как из диспетчерского домика на краю поля выскочила фигура. В щегольской фуражке с голубым околышем и крылышками на тулье, в коричневой лёгкой кожаной куртке, брюках навыпуск, в лакированных чёрных модельных туфлях. Помчалась наперерез. Поняв, что на перехват не успеть, побежала к вертолёту.

Транспортёр остановился в зоне безопасности работающего несущего винта, метрах в двадцати. Началась разгрузка. Подбежал “марафонец” в цивильных туфельках.

— Кто здесь старший? — спросил, запыхавшись.

— Я. А что случилось? — отозвался Виталий Петрович.

— Я комендант аэродрома, лейтенант Синюков! Исполняю обязанности руководителя полётов, — вскинул он правую ладонь к козырьку фуражки. — Товарищ...

Повторилась история, как с водителем тягача.

— Подполковник Петров, — представился Виталий Петрович первой пришедшей на ум фамилией.

— Товарищ подполковник! Прошу убрать с поля транспортёр. Немедленно! И так вон уже дёрн местами свезли. Не положено! Мне начальник авиации за это строгача вклатит.

— Лейтенант! Будь мы на дискотеке... послал бы я тебя... Вас, товарищ комендант. Не видишь, разве, какая ситуёвина! — махнул Виталий Петрович рукой в сторону подчинённых.

Трое потели на славу. Рефлекторно пригибаясь в зоне работающего на малых оборотах несущего винта, трамбовали вертолёт пожитками.

— У меня, лейтенант, — продолжил Виталий Петрович, — за перевалом группа. Без ничего! С одними патронами, голой задницей в снегу сидит. А ты мне про дёрн тут! Отъе... Брысь, короче!

Литератор прошлого, доведись ему стать свидетелем мизансцены, описал бы событие так, как делали это уже тысячи раз до него: “Тонкие губы

молодого офицера побелели, кулаки сжались, глаза налились бессильной яростью... Он метнулся к винтокрылой машине, молнией взлетел по откидным ступеням в грузовую кабину, оттуда — в кабину экипажа. В бешенстве стал втолковывать что-то на ухо первому пилоту”.

Нечего добавит.

К вертолёту подкатил армейский джип, из него выпрыгнул генерал — командир части спецназа. Увидел Бармалея, в одиночку пытавшегося кантовать ящик с чугунной походной буржуйкой. Подскочил, схватился за свободную ручку.

— Да мы уж как-нибудь сами, Александр Егорович... — вяло запротестовал Бармалей.

— Не болтай, дышалку собейшь. Взяли! Бегом...

Когда осталась кое-какая маловесная мелочёвка, генерал отозвал Виталия Петровича в сторонку. За шумом пластающих воздух винтов сути начальственных указаний было не разобрать. Похлопал напутственно по плечу, уехал.

Погрузка закончилась, живая сила забилась в щели между рюкзаками и ящиками.

Лейтенант с каменным лицом выскочил вон. Спрыгнув на землю, угрозил кулаком водителю транспортёра. Тягач, медленно пятясь, по своему следу достиг кромки поля, развернулся на месте и, раскидывая по сторонам ошметки грязи, рванул восвояси.

Вдруг двигатели вертолёта сбросили обороты. Гася инерцию, стали замедляться винты. Борттехник, а за ним первый пилот вышли из кабины, молча проследовали мимо спецназовцев, сбежали вниз по маленькому трапу, направились к домику диспетчеров. Несущий винт как бы нехотя остановился. Провисшие лопасти придали машине усталый вид.

Виталий Петрович сунулся в кабину экипажа. Там, сидя в расслабленной позе, тупо смотрел на пейзаж за обзорным фонарём второй пилот. На шее хомутом висели наушники.

— Что случилось, товарищ старший лейтенант? Почему не летим?

— Погоды нет, — апатично сообщил тот.

— Как — нет? Безоблачное небо с утра, над перевалом в том числе! Невооружённым глазом видно!

— Метеослужба штормовое предупреждение даёт, — постучал авиатор пальцем по наушникам на загравке. — Командир рисковать не хочет. Выгружайтесь, ребята.

— Стоп! От диспетчеров с метео связаться можно? Уточнить прогноз... — Виталий Петрович старался быть максимально корректным.

— Не стоит, товарищ подполковник. Всё равно горючки нет, — постучал пальцем пилот теперь уже по стеклу какого-то датчика на приборной доске. — Заправляться полетим. Так что выгружайтесь, ребята. Скоро темнеть начнёт. Оно вам надо — по темну барахлом трясти?

Виталий Петрович выскочил из машины. Сдерживая шаг, чтобы не бежать, направился к коменданту аэродрома. Заложив руки за спину, тот стоял на краю зелёной взлётки. Как написали бы литераторы прошлого, “в позе триумфатора”.

Какое-то время подполковник спецназа в чём-то убеждал лейтенанта. Показывал руками на небо. На перевал. На два стоящих чуть в стороне свободных вертолёт. Показывал на пальцах цифру двадцать. Один раз даже резанул себя ребром ладони по горлу.

Комендант, глядя на носки своих лакированных штиблет, отрицательно мотал головой...

— Выгружаемся, бойцы! — Виталий Петрович был суров, как никогда.

— Эй! — выглянул из кабины второй пилот. — Складывайтесь за зоной винта. Нам некогда ждать, пока вы до конца поля бегать будете. Потом переташите...

Приступили к разгрузке. Улучив момент, один подполковник тихо, чтобы не услышали подчинённые, сказал другому:

— Что, Виталя, довыёживались? Жалуется царь, да не жалуется псарь. Слышал, небось, народную поговорку?

— Заткнись, Док. Без тебя тошно!

Равенство званий и статуса в иерархии спецназовских ценностей допускали такой вариант межличностного общения. В кулуарах.

Борт улетел.

— Так, бойцы, слушаем сюда. Моцарт, хватай своё большое радио, дуй в ангар. Застолби место, свяжись с Бугром, обрисуй картину. Я — за колёсами. Док с Бармалеем — на логистике.

— Командир, не в курсе, за тонно-километры ордена дают? — полюбопытствовал Бармалей.

— Тем, кто не сдохнет! — был ответ...

Ночью кое-как разгрузились в ангаре. На последнем издыхании.

— Жрать-то как хочется, — пожаловался Бармалей.

— Дербаньте сухой. Разрешаю по банке сгущёнки. Я в штаб, насчёт наших перспектив жалом повою. На мою долю чайку тоже замутите, — уже от выхода попросил Виталий Петрович.

Вернулся довольный.

— Ну, всё, бойцы. Счастье привалило. Командир инженерного взвода даёт утром отделение нам в помощь. Бармалей, пошуруй в закромах, отложи десять пачек печенья и по шоколадке на мзду солдатикам.

— Вот так всегда: кто-то в шоколаде, а тут горбатишься — даже руку не пожмут, — заворчал Бармалей. — Хотя орден обещали.

— Ну, иди сюда, дурашка. Тебе какую пожать? Правую? Левую?..

В четыре утра всех разбудила радиостанция. Группа в горах вышла на связь вне графика.

— Бугор, я Вектор. Что там у вас? — ответил Виталий Петрович на вызов.

— Вектор, я Бугор. Был огневой контакт, предположительно, с их разведзором. Уходим в запасной квадрат. Приём.

— Бугор, трёхсотые есть?

— Обошлось пока.

— С их стороны что?

— Точно не знаем. Филин говорит, в “ночник” видел — уносили кого-то. Скорей всего, его работа. Всё. До связи...

Виталий Петрович развернул карту, подсветил фонариком, четыре головы склонились над ней.

— Если утром всё сложится, нам комполка первый же борт обещал, будем в квадрате раньше них. Главное, чтоб из урочища ноги успели унести...

Всё сложилось. Комендант аэродрома опять стоял у кромки поля, с глубоким удовлетворением следил, как тягловая сила грузила вертолёт.

Винты машины работали уже почти на взлётном режиме. Отделение инженерного взвода, жуя на ходу печенья, в колонну по двое покидало площадку. Борттехник у открытой двери грузовой кабины всем своим видом проявлял нетерпение. Виталий Петрович сел последним. Очистив обokraины трапа ботинки от комьев грязи, на мгновение задержался, посмотрел в сторону щёголя в выглаженной форме. Прокричал:

— Если кого из наших... хоть царапнуло, убью урода! Из-под земли достану!

Лейтенант повернулся на каблуках, выдрал клоч молодой травы, заспешил в диспетчерскую. Восьмой “Мишка” оторвался от поля, добавил оборотов движкам, взял курс на перевал. Док наклонился к уху Виталия Петровича:

— Ты думаешь, он тебя услышал?

— Нет, конечно. Но понял. Стопудово! — ответил тот в ухо Дока, немного помолчал и добавил. — Если б я был экстрасенсом, и будь я в полной уверенности, что это он пилотам нажаловался, и они решили таким способом нас проучить за свой сраный дёрн, вчера бы и расплюдил гада! И суд офицерской чести меня бы оправдал. Однозначно...

На эшелоне шум двигателей выровнялся. Спецназ летел на работу, каждый думал о своём.

“Всё-таки хорошо, что истина, в конечном счёте, известна лишь Господу Богу”, — подумалось Доку-атеисту.

Может, действительно вчера погода за перевалом испортилась. Или керосин у машины кончился...

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ

ДЕТИ ПОБЕДЫ

РАССКАЗЫ

ПОДАРОК НАШИМ

Мои первые воспоминания, как, наверное, и у всех сверстников, чьё раннее детство выпало на начальные сороковые прошлого века, неизменно связаны с войной. Точнее сказать, с далёкими грозными отголосками её, долетавшими до нашей сибирской глубинки. Отрывочные и порой зыбкие, воспоминания эти, как ни странно, с годами не тускнеют, а, кажется, напротив — становятся более яркими и острее бередают душу.

Памятны мне, к примеру, девичьи посиделки в нашем доме. Это когда в долгие зимние вечера к нам приходили подружки моей “няньки”, старшей сестры Марфуши. Приодетые в “чистое”, с цветными косоплётками в косах, они садились за вязанье, за пряжу, да и ткацкий станок стоял тут же, и, не отрываясь от рукоделий, вели бесконечные разговоры. Делились сельскими новостями, вестями с фронта, пели вполголоса песни, тягучие старинные и свежие, рождённые войной, — о том, как “дрались по-геройски, по-русски” с фашистами “два друга в пехоте морской”, как партизаны “уходили в поход на врага”. Конечно, здесь же, возле взрослых, толклись и мы с Валькой, средней сестрой. Её мастерицы иногда приобщали к какому-нибудь делу. Мне же доставалась только роль созерцателя.

ЩЕРБАКОВ Александр Илларионович родился в 1939 году в селе Таскино Красноярского края в крестьянской семье. По образованию — учитель словесности, журналист. Автор многих книг поэзии, прозы, публицистики, изданных в Красноярске и Москве. Заслуженный работник культуры РФ. Возглавлял краевое отделение СП России. В “Нашем современнике” на протяжении нескольких десятилетий выступал с рассказами и стихами. Живёт в Красноярске.

Одни такие посиделки вспоминаются особенно подробно. В тот зимний вечер ещё с белёсых сумерек у нас собрались нянькины подружки — статные, чернобровые сёстры Аня и Дуся Кондратьевы, жившие по соседству, и юркая “белянка” Стюра Смертина с заречной улочки. Они были оживлены более обычного, словно спешили куда-то. Едва раздевшись у порога, тотчас присели к столу, вынули из сумок и корзинок разные рукоделия и принялись за работу.

Мама на правах хозяйки предложила им погреться с мороза чайком, но они отказались, сославшись на то, что уже повечеряли дома, да и некогда нынче чай распивать. В ловких руках сестёр Кондратьевых засверкали железные спицы, Аня взялась в дополнение к принесённому довязывать шерстяные носки, а Дуся — шарф. Стюра, скорая на выдумку, вызвалась “на одну спицу”, на особую, плоскую, с проушиной над носиком, связать отменно тёплые “бойцовские” варежки с двумя напалками под большой и указательный пальцы — для удобства при стрельбе. Нянька Марфуша выложила дюжину кисетов, сшитых накануне матерью-портнихой из красного плиса, лоскут которого у неё сохранился от куртки, справленной чуть ли не в девичество, и под общие похвалы и поощрения решила вышить на них узоры с дарственными надписями. Варианты этих надписей долго выдумывать не пришлось. Они посыпались справа и слева: “Бей врага с огоньком!”, “Возвращайся скорее!”, “Закурим, товарищ...”

Мама, увлечённая общим деловитым настроением, тоже не осталась без работы: она села за кросны, чтобы продолжить тканье домашнего сукна — тёплого и ноского полотна с шерстяной и холщовой нитью, незаменимого в роли портянок, хоть крестьянских, хоть солдатских. Не находила пока своего дела лишь Валька-школьница, металась между мастерицами, стараясь помочь каждой, чем могла: то подать ножницы, то вставить иголку, то поддержать моток пряжи на вытянутых руках или смотать её в клубок, а то накрутить утёк на цевку для ткацкого челнока.

С понятным любопытством наблюдал я за всем этим с полатей сквозь щёлку в раздвинутой занавеске. Из доносившихся разговоров мне скоро стало понятно, прочему нянька и её гости особенно спешили с рукоделием на нынешних посиделках. Ожидалось, что завтра через наше село пройдёт из райцентра Каратуза в город Минусинск очередной конный обоз “Всё для фронта, всё для победы!” В нём уже были посылки для бойцов от нашего колхоза и жителей села, заранее отправленные на районный приёмный пункт. Но сегодня колхозное правление решило добавить к тому обозу дополнительную подводу с подарками и обратилось к селянам с просьбой срочно собрать новый санный воз. И вот теперь все спешно готовили к отправке, кто что мог, — от сухарей, сушёной картошки, солёного сала до варежек, кисетов и носовых платков.

Общее стремление поучаствовать в приближении победы над фашистами передалось и мне. Наблюдая с полатей за увлечённой работой рукодельниц, я невольно призадумался о том, чем бы мог подсобить фронтовикам. И меня посетила одна нехитрая, но дельная мысль. Я вспомнил, что недавно, когда мать раскроила разом две большущие тыквы, чтобы натомить парёнок в русской печи, выгреб из них несколько горстей превосходных семечек, крупных и тугих от спелости. Они теперь сушились на голландке, рассыпанные тонким слоем на листках бумаги, которые я вырвал из старой Валькиной тетради по арифметике. И уже наверняка подсохли. Почему бы их тоже не отправить на фронт в виде гостинца для наших бойцов? Мне даже представилось живо, как молодой солдат, похожий на братку Ваню, или пожилой, усатый, вроде отца (а может, кто из них самих!), в час отдыха “в лесу прифронтовом” получает в подарок от “тружеников тыла” мои ядрёные семечки, охотно шелушит их, угощает боевых друзей, и они вместе вспоминают свой дом, огород, родных...

И я, не теряя времени даром, задрнул занавеску, осторожно, чтобы не привлекать к себе внимания, слез с полатей и прошмыгнул мимо сестёр и гостей в горницу. Погружённые в свои занятия, рукодельницы, кажется, даже не заметили меня. Правда, Валька вопросительно дёрнула головой, куда, мол, тебя несёт на ночь глядя, но я промолчал, и она вслух ни о чём не спросила.

После света от двух керосиновых ламп, горевших в передней комнате, — одна на столе, другая под потолком над креслами, — горница мне сначала показалась тёмнее чулана, однако скоро я пригляделся, из сумрака чётко проступили окна с занавесками, стол, шкаф, Валькина кровать, но прежде всего — голландка, потому что она топилась, и в округлом поддувале плясали языки пламени, отбрасывая блики на стену. Я пододвинул к ней табуретку, поднялся на неё и достал с высокого обогревателя один за другим листки бумаги с тыквенными семечками. Они действительно оказались сухими, вполне готовыми к употреблению. Я даже расщелкнул одно семечко и нашёл его зрелое ядрышко довольно вкусным.

Но теперь предо мною встала задача, во что и как запаковать семечки для отправки. Я хотел, было, спросить совета у матери или няньки, но подумал, что они могут отвергнуть, да ещё, чего доброго, осмеять мою затею, и не стал пока никого посвящать в свои планы. Поразмыслив, решил сам сделать кулёк, этакий объёмистый конверт из подручной бумаги, и наполнить его семечками. Очень кстати оказался чугунок с картошкой в мундире, стоявший на плите. Он был сдвинут на самый краешек, это означало, что клубни уже сварились и вполне могли согдиться для склеивания конверта. Картошка вообще служила самым ходовым бумажным клеем в те скудные времена, фабричного “конторского” просто не водилось...

Горячую картофелину, вынутую из чугунка, пришлось покидать из ладошки в ладошку, прежде чем положить рядом с семенами на табуретку. Затем я передвинул её поближе к поддувалу, источавшему тепло и свет, встал перед нею на колени и приступил к делу.

Кулёк-конверт из тетрадных листков вышел на славу — вместительный и прочный. На лицевой стороне между строчками, исписанными Валькой, обнаружилась довольно широкая, почти в ладошку, чистая полоса. И это навело меня на новую мысль — подписать конверт, то есть поставить на нём имя отправителя. Надобно сказать, что к тому времени я, хотя и не ходил ещё в школу, но уже с помощью Вальки выучил буквы, немного умел читать по складам и даже писать некоторые слова. Особенно неплохо получалось у меня начертание собственного имени. И вот я нашарил в Валькиной сумке, лежавшей рядом на столе, знакомый “фимический” карандаш и, обильно послунив его, вывел на чистой полоске конверта крупными печатными буквами “САША”. А чтоб ещё блеснуть знаниями перед тем незнакомым бойцом, которому достанутся мои семечки, снизу словно бы подчеркнул буквенное имя надписью его азбукой Морзе: три точки, точка-черточка, четыре чёрточки и снова точка-чёрточка... Всей телеграфной азбуки я не знал, но нескольким буквам меня научил приятель Гришка Кистин. Он был года на два постарше меня, ходил в школу, владел грамотой и уже сам писал письма старшему брату, служившему на Тихоокеанском флоте. Брат был помощником радиста на корабле и в одном из писем прислал Гришке ту самую азбуку Морзе. Ну, а Гришка познакомил с нею своих приятелей, в том числе и меня. Так что, можно сказать, мне довелось осваивать две азбуки почти одновременно.

Надписав “двуазбучно” своё имя, я уже собирался выйти к сёстрам и гостям, чтобы передать собственный подарок для фронта, однако в последний момент скользнул взглядом по надписи ещё разок и вдруг спохватился, что одного имени явно недостаточно. Оно, в сущности, ничего не скажет тому, кому вручат моё послание. “Что значит САША? — спросит он. — В кульке Саша? Или, поди, сажа?” Ведь и так можно подумать. Надо было мне, растяпе, указать, от кого эти семечки, написать: “От Саши”. Но теперь исправить “а” на “и” не так-то просто. При любом старании получится мазня. А как написать “и” да ещё “от” азбукой Морзе, мне вообще было не известно. И я не придумал ничего лучше, как подставить слева жирное “от” обычными буквами и успокоиться.

С тем и поспешил в переднюю комнату, к мастерицам. Но едва успел заявить им о своём пакете с тыквенными семечками, как Валька, вертевшаяся возле взрослых, выхватила его из моих рук и, повернув к свету, громко прочитала по слогам:

— От Са-ша! От Соединённых Штатов, что ли? Семечки от Америки! — и залилась звонким дурашливым смехом.

Она тут же пустила мой подарок по кругу, и все гости, принимая его, тоже запрыскали в ладошки, потешаясь над моей оплошностью. У меня от стыда и обиды загорелись уши и на глаза навернулись слёзы. Я уже пожалел, что вообще показал свой подарок. Но мне на выручку пришла нянька Марфуша:

— Хватит изгаляться над парнем, он старался, как мог! — окоротила она пересмешиц. Мне же посоветовала: — Добавь слева “шэ” и “лэ”, а “о” переделай в “ё”, и будет нормально: “Шлёт Саша”...

— А вот тут накарябай “американец”, — съязвила Валька, к которой, обойдя круг, вернулся кулёк, но её уже никто не поддерживал. Я вырвал свой пакет из Валькиных рук и, молча развернувшись, шмыгнул на полати. Там подполз на четвереньках к лежанке и задёрнул занавеску, чтоб не слышать лукавых извинений и уговоров, доносившихся из-за стола. Впрочем, они доносились недолго. Разговоры о моей персоне скоро сменились другими. Мне осталось только отойти ко сну, и я, сквозь дремоту решив ничего не исправлять на своём конверте, заснул в обнимку с ним.

А рано утром меня разбудила мама. Она заглянула ко мне на полати, приподняв занавеску, и ласково спросила:

— Шурик, где твой подарок-то? Марфуша упаковала общую посылку, и подвода уже у ворот.

Я с готовностью протянул ей свой пакет, забыв про все вчерашние обиды. Нянька, не читая злопудучной надписи, сунула его в мешок, наполненный доверху подарками, и затащила шпагатом горловину. Потом повязала шаль, надела фуфайку, забросила мешок на плечо и скрылась за дверью.

Мне захотелось посмотреть на то, как поедет на фронт мой подарок. Я тотчас спрыгнул с полатей и прильнул к окну. Утренний морозец подёрнул стекло белёсыми кружевами, но всё же мне видно было, как нянька передала мешок бородатому Петру Лукьянову, старому конюху, сидевшему в санях. Дед уложил его поверх других подобных, покивал головой и взял в руки вожжи. Рыжка, знакомый мне долгоногий коняга из нашей пятой бригады, стронул воз и, ускоряя шаг, потянул его далее, к домам моих соседних приятелей — Пашки Звягина, Ванчи Тёплых, Тольки Платонова, где уже стояли у ворот мешки с подготовленными подарками “для фронта, для победы”.

МОЛЧАЛИВЫЙ ШАБЁР

Не помню его полного имени. Впрочем, и неполного — тоже не помню. В селе его звали просто Шабёр. Это было прозвище. И мне почему-то казалось, что оно дано старику удивительно точно. Может, потому, что слово “шабёр” созвучно слову “бобёр”, обозначающему молчаливого, неспешного, но обстоятельного и неутомимого лесного работягу, который живёт в самых глухих местах бирюк бирюком, хоронясь от постороннего глаза, и возводит в тишине плотины, целые каскады прудов... А именно таким немногословным и с виду угрюмоватым работягой был этот странный дед, живший наискосок от нас.

Я дружил с его худеньким внуком Янкой, прихрамывавшим с каким-то боковым креном и постоянно сутулившим свои узенькие плечи, словно его знобило. У Янки была фамилия Андреев, но мы его звали Янкой Шабровым, а зачастую и просто Шабрёнком. Янка был добрым, безобидным пацаном, доверчивым и привязчивым. Однако в свой дом приглашал неохотно, должно быть, побаивался сурового деда. И эта малодоступность шабровского дворя делала его еще более притягательным, таинственным.

Шабровский двор одним боком выходил в переулочек, ведущий к Тиминому пруду, к которому легкой порой мы шныряли по сорок раз на дню. Пробегая вдоль старого заплота, щелястых ворот и щербатого тына, мы не упускали случая заглянуть за ограду, чтобы узнать, что там происходит. Однако,

несмотря на загадочный нрав хозяина, в его владениях обычно не происходило ничего особенного. Как и во всяком другом деревенском дворе, стояли косяя хлевушка, подслеповатая банька, бревенчатый амбарчик, козлиная под навесом, долблёное корыто посреди двора — водопой для скотины. У крыльца, лениво отбросив толстый хвост, вечно лежал старый лохматый кобель, по шабровской кличке Полкан, а по нашей — Бельмач, потому что один глаз у него был затянут, точно шторкой, синеватым бельмом. По двору бродили чёрные, как галки, рябые и охристо-пёстрые курицы во главе с бронзовогрудым петухом. В пригончике металась и с вызывающей требовательностью визжала свинья, не то слишком свободолюбивая, не то голодная.

Словом, всё было так, как в любом крестьянском дворе. И если мы с любопытством припадали к заплоту, то нас интересовал собственно не двор, а хозяин его, дед Шабёр. Да и то не всегда. По весне и зиме мы почти не обращали на него внимания. Но поближе к лету он начинал интересоваться нас всё больше и больше. А с начала июля мы устанавливали за ним что-то вроде слежки. И если прежде мы лишь походя заглядывали в щели ворот и заплота, то теперь дежурили возле них от зари до зари, сменяя друг друга у пункта наблюдения.

Дед неизменно торчал во дворе или в огороде. Его сивая, лопатой, борода под высокой самодельной шляпой, натянутой до ушей, то и дело проплывала вдоль забора, или выныривала из-под навеса, или мелькала между подсолнухами. С утра дед крутился по двору с метлой, вздымая пыль, потом пилил, строгал, что-то мастерил за верстаком под крышей, спускался к речке за водой, впрягшись в оглобли гремучей тележки, на которой подпрыгивала ушастая кадушка, ходил с трещоткой, строчившей, как пулемёт, по огороду, пугая воробьёв и бродячих кур, охочих до чужого овоща, топил чашу в бане... Если кто-то здоровался с ним, он ничего не отвечал, а только поворачивал голову и встряхивал бородой. Шабёр он и есть Шабёр. Недаром отец мой, вытягивая из меня признания после очередной проделки, восклицал в сердцах: “Чего ты молчишь, как Шабёр!”

Так вот, когда наступало лето, мы с пристальным вниманием следили за передвижениями деда по огороду, в особенности в том конце его, где за гордью начинался золотой от донника склон косогора. У подножия его стояли выстроенные в ряд дедовы ульи и колодки. Дед всё чаще вынимал рамки с сотами и придирчиво разглядывал их, поворачивая к солнцу. Мы с нетерпением ждали, когда он начнёт качку мёда. И важно не пропустить этот момент, не отлучиться ненароком, не прокараулить столь важного события для нас, деревенских ребятшек.

В это время мы старались всячески задобрить его бесхитростного внука Янку, чтобы он постоянно держал нас в курсе дела.

И вот однажды жарким июльским днём, когда сам деревенский воздух, кажется, пахнет мёдом, Янка, появившись где-нибудь на пруду или на улице, напускал на себя важность, таинственность и лишь после наших настойчивых допросов с видом заговорщика сообщал: “Качает...”

Да мы уж без Янки знали, что дед нынче качает. Кто-то из наблюдателей уже отметил с утра особое оживление в шабровском дворе. Суетился дед, мечась от амбарчика к бане и к ульям. Вместо обычной валяной шляпы на нём была скафандром натянута сетка с наплечниками, и в руках пофучивал дымом чёрной жести дымарь, похожий на ракету. Металась по двору и бабка Шабриха, сухая, сторбленная старушонка, со старинным повойником под чёрным платком. Проворно выскальзывая из сеней, она проносила в руках то кринку, то решето, то подойник, то рамку с золотистой вощиной.

По переулку, что вёл к Тиминому пруду, со звонким жужжанием проносились золотыми пулями встревоженные шабровские пчёлы. Не одному из наших разведчиков они щёлкали в лоб, не у одного запутывались в волосах, не одному, въедливо зудя, вонзали болочее жало, отчего под кожей тотчас вздувалась сияющая шишка. Но всё же, пренебрегая опасностью, мы к полудню стягивались в переулок и делали вид, что играем в “баши” и “коношники”. А у забора неотступно стоял часовой и полужёпотом докладывал о событиях, происходивших во дворе: “Дед вынес в ограду столы... Бабка

накрывает их клеёнками... Та-ак, расставляет чашки... Шабёр несёт подойник... с мёдом!”

Тут уж все мы не выдерживали, бросали свои понарошечные игры и тоже принимали к щелям забора. Дед уже снова в шляпе, в длинной чистой рубахе, схваченной узким пояском. Эта навывпуск рубаха и серая буйная борода делают его похожим на Льва Толстого. Вот он ставит подойник на стол, берёт деревянную ложку и начинает разливать по глиняным чашкам тёмно-янтарный мёд. А Шабриха полосует ножом круглую подовую булку, припудренную мукой, и возле каждой чашки кладёт по ломтю хлеба. Мы смотрим, не дыша, на всё это священнодействие стариков и в нетерпенье сглатываем слюнки.

Наконец Шабриха направляется к воротам. Идёт прямо на нас. Мы невольно шарахаемся от забора и снова делаем вид, что увлечённо играем в “баши” и что в переулке оказались совершенно случайно в эту минуту. Калитка со скрипом открывается, и бабка, протерев глаза кончиком платка, кричит нам визгливо:

— Ребятишки! А ребятишки! Дедушка мёдом угощает!

Нас два раза приглашать не надо. Но мы некоторое время топчемся у ворот, подталкиваем друг друга, пока не наслелится кто-нибудь первым шагнуть в таинственный и заманчивой двор, а уж за ним, как гусята за гусыней, потянутся цепочкой остальные.

Дед молча, но без торжественности показывает рукой на скамейки. Хлопотливая бабка рассаживает нас против чашек, суёт в руки ломти хлеба — давай, нажимай, не стесняйся. И мы, перемигиваясь, гримасничая и прыская в ладошки от избытка чувств, начинаем наворачивать смолисто сияющий, жарко пахнущий донником и гречихой мёд, работая кусками хлеба, как ложками. Мёд, ещё тёплый и жидкий, струится по пальцам, плывёт по подбородкам, бисерными ниточками перечёркивает клеёнку.

А дед всё так же стоит в стороне, смотрит на нас строгими глазами из-под насупленных бровей и лишь время от времени коротко бросает одни и те же слова:

— Ешь, молодёжь... Расти, молодёжь...

Каждый год он говорил нам эти слова. И только эти. Кажется, это вообще были единственные слова, которые мне довелось слышать из уст чудного сивобородого бирюка. Но потом я узнал, по рассказам старших, что Шабёр был когда-то более общителен и разговорчив. Замолчал он в годы войны, с той поры как подряд получил четыре похоронки — две на сыновей и две на зятьёв...

А много позднее с удивлением открыл я, что слово “шабёр” во многих диалектах и наречиях России означает всего-навсего “сосед”. Даже прочитал в одной старинной летописи, что братенниками или сябрами назывались в древней Руси совладельцы земли, то есть в некотором роде тоже соседи. Переселенец из-под Белоруссии, дед (тогда ещё не дед), должно быть, называл своих новых соседей, сибирских поморцев и чалдонов, шабрами. Вот и его в ответ окрестили Шабром.

Теперь уж давно над ним трава выросла, а в селе ещё многие помнят его. И частенько, если говорят о человеке, внешне суровом, замкнутом, но в сущности добром, то неизменно добавляют: “Хотя и молчит, как Шабёр...”

МИКИШИН СОН

О чём говорят люди, встретив знакомого врача? Верно. О своих болячках. Ну, а с журналистом, писателем обычно спешат поделиться “сюжетом”, до “описания” которого у самих, мол, не доходят руки. Вот и мне намерен один мой бывший однокашник по вузу, заступив дорогу посреди улицы, доложить первым делом, что он как-то побывал в моём родном селе и встретил там прелюбопытного старика, который “прямо сам в рассказ просится”. Делать нечего, я поднял руки: “Ну, раз уж просится, то валяй”. И приятель, взяв меня за пуговицу, живописал свою памятную встречу примерно таким манером...

— Ждал, — говорит, — я проходящего автобуса, чтоб до райцентра добраться.

Остановка там, как тебе известно, у магазина, поэтому скучать не пришлось. Место людное. Тем более вечер уже был, солнце висело над дальними деревьями.

Смотрел я на селян и всё старался разглядеть героев твоих притч и бывальщин. Но проходили мимо всё обыкновенные люди: женщины в мужских пиджаках и выгоревших платках спешили после работы в магазин, парни в синтетических куртках и джинсах по пути в клуб заходили за папиросами, мужики в замасленных комбинезонах и пыльных фуфайках толпились у ларька, где продавали пиво. Никакой экзотики. Потом, правда, появился старик с прокуренной бородой, но тоже довольно обычный. Меня не удивили даже его старомодный плащ и зимняя шапка — в селе многие с сентября шапки надевают,

Старик поравнялся со мной, повесил хозяйственную сумку на тын палисадника и, улыбнувшись неожиданно смущённой улыбкой, присел рядом на скамью.

— Ждём автобуса, — сказал он скорее утвердительно, чем вопросительно. Голос глухой, прерывистый. Я кивнул. — И заметьте, не только молодёжь. Старика много едет. “Куда вас, старых, несёт нелёгкая?” — ворчат другой раз молодые. Не понимают они, что нас гонит. И не поймут, что старым человеком овладевает беспокойство, тревога поселяется в нём, его всегда манит куда-то. Это перед концом земного пути, перед вечным покоем, прости, Господи...

Я насторожился. Неожиданное суждение старика показалось интересным, глубоким. Присмотрелся внимательней к деревенскому философу. Худой, ширококостный старик. Голубоватая кожа бритого лица полупрозрачна. При разговоре кадык снуёт челноком вверх-вниз. Глаза ввалились, слезятся, как у трахмного, однако смотрят живо, горячо, искрятся чувством и мыслью.

— А больше всего манит в наше детство, в молодость, на дороги прошлого, — сказал старик, помолчав. — Меня вот, к примеру, зовёт Белоруссия. Корни мои там. В Сибирь мальцом привезли родители, в двадцатых, от голодухи. Потом с войной проходил родные места... Я не помешал?

— Нет, что вы! Пожалуйста, говорите.

— Мда... Помню в такой же вот день осенью, листва уж падала с деревьев, стояли мы там на передовой. Ложок такой был, берёзы по гребешку оторочкой. Дальше — равнина болотистая, открытая, а за ней в лесу — немец. Тогда затишье небольшое образовалось после боя. Порядочно потрепало наши ряды. Ждали подкрепления. И немец тоже молчал, раны зализывал — крепко ему накануне всыпали.

После двух бессонных ночей, помню, отстоял я ещё одну в карауле, перемёрз, изматался совсем, на ногах еле держался. А наутро разрешил мне ротный соснуть пару часов. Ушёл я в край окна, гнездо соорудил из жухлой травы, листьев, из веток, нашёл какого-то брезента кусок и как лёг, так и провалился. Никогда столь крепко не спал в жизни. Потом проснулся, так ажно слони растеклись по рукаву шинели — сладко соснул. Пробудился, однако, в душевной тревоге. Сон мне явился. Такой, брат, яркий, какие редко бывают и помнятся потом до гробовой доски.

А приснилось мне, что будто иду я лугом, вот здесь, за нашей деревней. Солнце, цветы кругом, шмели гудят, жаворонки заливаются, и так хорошо у меня на душе. Но вдруг навстречу выходит из березняка старуха с литовкой на плече. Незнакомая, ненашенская. Худая, как тень, и чёрным платком повязана. “Здравствуй, — говорит, — Василий, чего это ты прохлаждаешься? Сенокос на дворе, косить пора, смотри, травы-то нынче какие, пошли-ка в ложок, я там тебе покосец присмотрела...” Говорит, а сама как-то нехорошо на меня глядит, недобро, и лицо у неё белое-белое, как смерть. Подходит ещё ближе, литовку снимает, а я ни словечка выговорить не могу, вроде оттох язык у меня, и только машу ей, дескать, уходи, уходи, старая! Ослабилась она редкими зубами, повернулась круто. “Ладно, — говорит, — другому отдам покосец-то...” И проснулся я тут. А проснулся оттого, что дружок

мой Иван Сайко — такой беззаветный мужик был, алтайский — дёргает меня за ногу: “Вставай, — говорит, — Василий, пополнение прибыло. Ротный велел всем начеку быть. Приказ о наступлении ожидается”.

Поднялся я, отряхнулся, а всё не могу опомниться, где это я и что со мной.

— Спишь ещё? — засмеялся Иван.

— Сон я видел, Ванюша, забавный такой...

И рассказал ему всё подробно, как вот тебе. А он послушал и аж с лица сменился. “Ох, — говорит, — Василий, нехорошо это — старуху с косой видеть. Это ж знаешь кто? Это ж она, Безносая, за тобой приходила”.

У меня мурашки по спине побежали. “Ладно, — говорю, — тебе ворожить-то, поживём ещё, Ванёк, повоюем”. — Хлопнул его по плечу и через силу рассмеялся.

А пополнение прибыло — сплошь молодняк. Матросики сухопутные. В бушлатиках, в бескозырочках набекрень и весёлые, будто на свадьбу приехали. Всё шуткой, всё смехом. Быстро перезнакомились со всеми. Меня разом батей окрестили. Я хоть и не старым был, немногим за тридцать перевалило, да ведь обросли мы там, как пеньки, исхудали, на все, поди, шестьдесят смотрелся. К тому же усы я носил, и виски с пробелью были. Это после того, как мне сообщили, что старший сыншика в тылу от дистрофии помер... Такие ловкие ребята прибыли, аж и мы вроде повеселели с ними.

Потом, на склоне дня, вызывает меня ротный к землянке. Ты, говорит, Сухов, постарше, поопытней, сходи-ка осторожненько туда, к лесу, поинтересуйся, что он там делает. Подозрительно: больно тихо себя ведёт, должно, какую хитрую штуку замышляет.

— Есть идти, — говорю. — Только вот... сон я, товарищ командир, больно нехороший давеча видел. Нельзя ли... — И не договорил.

— Что-о? Сны твои гадать будем или воевать? Слышал приказ? — поднялся на меня ротный. Ох, и лютый был, ужас...

И вдруг в этот самый миг подлетает матросик, Коля Воронов, читинский родом был:

— Разрешите мне! Пусть батя отдохнёт, устал человек, нервишки шалят...

Говоря это, старик с неожиданным проворством вскочил со скамьи, молодцевато вытянулся передо мной и взял под козырёк. Но после “доклада” разом смолк и как-то вроде завял, ссутулился, согнулся, точно снова на плечи ему ввалили непомерный груз, и тяжело опустился на скамью. Закрыв глаза, покачал головой в молчании, будто вспоминая о чём-то. Потом заговорил снова:

— Остыл ротный. Подумал, сплюнул и махнул рукой. “Ладно, — говорит, — пойдёшь ты, Воронов, и ты, Сайко”.

Указал на моего дружка алтайского. Тут бы мне встрять и самому вызваться пойти, да убоился страшного сна, промолчал... Ну, и пошли они. Час нету, другой, третий. Ждали мы их, ждали, а потом слышим, по темну уже, пулемёт у него, у немца, застучал. Дал одну очередь, дал другую — и замёр. Молчок. И тишина опять наступила. Такая, брат, тишина — уши ломит. Только и слышно, как сухая листва на деревьях шелестит, по земле скабарчит...

— На твоей они совести, Сухов! — сказал мне потом ротный в сердцах.

А я и сам так думал. И не могу с той поры слышать, как палый лист шуршит, вздыхает вроде бы. По сердцу сгребёт. И не спится мне осенью, ворячаюсь ночами, как в жару мечусь...

Шумно похав и покачав головой, старик поднялся, погладил поясницу, снял сумку с тына и пошёл вдоль улицы на разбитых ногах.

Так закончил свой рассказ приятель и хитровато взглянул на меня: узнал ли я, о ком идёт речь. Я дал ему время насладиться моим мнимым затруднением, а потом спокойно сказал:

— Всё верно. Только старика того зовут не Василий Сухов, а Никифор Тимохин, по прозвищу Микиша Лёгонький, поскольку в молодости бегучим был, лёгким на ногу. А рассказ, который ты слышал от него, давно уже стал деревенской притчей под названием “Микишин сон”, что значит — сон вещий, пророческий и к тому же тревожащий душу.

ПРОТОИЕРЕИ АНДРЕЙ ЛОГВИНОВ

РАДИ ТЕБЯ, ХРИСТЕ...

МИРОНОСИЦЫ

Когда ещё не наступил рассвет,
едва покрыла площадки звёзд зола,
а их Любовь в дорогу позвала,
важней которой не было и нет.

Спросонок спотыкаясь средь камней,
спешили сквозь предутреннюю тьму
хотя бы миром послужить Тому,
Которого на свете нет важней.

Рассвет постлал им золотой настил,
но всё затмил вселенской вспышки свет,
и Ангел им о Пасхе возвестил,
важней которой не было и нет.

ЛОГВИНОВ Андрей Николаевич родился в 1951 году в Новосибирской области. Окончил истфак Новосибирского пединститута. Учителем в школах Новосибирской области, был директором сельской школы. С 1983 года, после переезда в Вятку, работал церковным чтецом, псаломщиком. Окончил Московскую духовную семинарию. С 1991 года живёт в Костроме, где служит протоиереем в храме Иоанна Богослова. Автор десяти поэтических сборников. Член Союза писателей России. Лауреат литературных премий им. Н. Заболоцкого, "Имперская культура" и др.

ВНИМАЮ МАЮ

Понятно, этот мир идёт к концу...
Но соловью влюблённому внимаю
и слёзы растираю по лицу
от светлой радости!
Внимаю маю
и мир черёмух белых обнимаю.
Природа —
        будто в храм идёт
  к венцу!
И весь я перед ней —
  лицом к лицу.

Понятно, эта жизнь идёт к концу.
А я в ней только смыслить начинаю,
всего лишь подхожу к её крыльцу
по ландышам, по облакам, по маю...
И хоть всю жизнь и маюсь, и страдаю,
но руки и колени обрыдаю
слезами благодарности
  Творцу!
Ведь скоро встреча с Ним.
Лицом к Лицу...

* * *

Скоро отымут даже и медь?
Что ж, укрепнем в посте.
Нам остаётся всё перетерпеть
        Ради Тебя, Христе.

Не одолеет обуха плеть?
Что ж, споем и скорбя.
Дай только силы всё перетерпеть,
        Боже, ради Тебя.

ЛАДАНКА

Всю жизнь трепало, и мотало,
и натирало, и трясло...
— Тебе, Господь, и дела мало,
что нам в России тяжело?

Ведь есть же страны и народы,
где жить вольготно, как в раю...
— Я предоставил им свободы,
покуда к ним спиной стою.

А тут хоть охай или ахай —
непросто тем, кто Мне родной.
Но Русь под тесною рубахой
всегда, как ладанка, со Мной.

АЛЕКСЕЙ ФЕДОТОВ

НИКОЛУШКА

ПОВЕСТЬ

*Посвящается иеромонаху Михаилу (Чепелю),
без которого не было бы этой книги.*

Дедушка и внук

Стоящие у подъезда бабушки, которых даже произошедший год назад демонтаж лавочек не заставил изменить своему призванию регулярно, как на работу, собираться на этом месте, чтобы перемывать кости всем проходящим мимо, вдруг затихли. Их взгляды с интересом впились в седого мужчину в длинном плаще с коротко подстриженными волосами и небольшой бородой, который вёл за руку мальчика лет семи.

— Здравствуйте, батюшка! — услужливо улыбнулась Вера, которая обычно никому не улыбалась и первая никогда не здоровалась.

— Здравствуйте, — спокойно и доброжелательно ответил мужчина.

Все остальные, включая мальчика, тоже сказали: “Здравствуйте”. Когда дверь подъезда за вызвавшими такой интерес спутниками закрылась, Зина, которой явно не терпелось высказаться, оживлённо затараторила:

— Вот ведь, священник отец Николай, казалось бы, всё хорошо должно быть у него, ведь молится постоянно, а надо же, какая беда!

— Что за беда? — заинтересованно спросила Лида, которая лишь недавно была принята в это почётное сообщество и ещё не обладала должным для его представителей уровнем информированности.

ФЕДОТОВ Алексей Александрович – профессор Ивановского филиала Института управления (г. Архангельск). Религиовед, доктор исторических наук, кандидат богословия, член Союза журналистов России. В 2000 году был награжден медалью ордена “За заслуги перед Отечеством” II степени, в 2013 году Императорским орденом Святой Анны III степени, имеет другие награды. Живет в городе Иваново.

Зина снисходительно посмотрела на неё, как на человека, с которым и говорить-то, собственно, не о чем, но потом сообразила, что у неё есть шанс найти благодарную слушательницу, и скороговоркой начала рассказывать:

— Беда у него произошла несколько месяцев назад. Дочь с мужем летела с курорта, а самолёт разбился. Что там случилось на самом деле — никто не знает. Только остался сын их Николушка сиротой...

— Это тот мальчик, который с ним сейчас шёл? — уточнила Лида.

— Он самый. Живёт теперь с дедушкой и бабушкой здесь, сиротинушка... — запричитала Зина. — И ведь всё понял, но не плачет даже, такой спокойный и серьёзный...

— За что же ему так? — удивлённо спросила Лида. — Я думала, что если кто молится, то у него всё должно быть в жизни хорошо...

— “Хорошо” — понятие относительно, — вдруг грустно сказала Вера. — Отец Николай всё сокрушался, что дочь и зять слишком мирским увлеклись, даже хотели в Америку переехать и Николушку взять с собой...

— Неужели этот поп молился, чтобы они разбились? — в ужасе округлила глаза Лида.

— Типун тебе на язык! — грубо перебила её Зина. — И придёт же такое в голову! Нет, конечно! Знаешь, как он любил дочь! Он ведь молчаливый такой, ничего не говорит, а мы-то всё равно ведь всё про всех знаем!

— Так уж и всё? — усмехнулась Вера. — А что с его женой?

— Слегла она после трагедии. Еле по квартире ходит. Так что отцу Николаю и по хозяйству приходится многое самому делать.

— А что он не в рясе? — вдруг с недоверием поинтересовалась Лида. — Стесняется, что ли? Или боится?

— Чего ему стесняться? — засмеялась Вера. — А тем более бояться? Его все здесь знают. Нет, это от советских времён у него привычка осталась. Тогда запрещали священникам в подрясниках по улице ходить. Так они что придумали: закинут один край его на правое плечо, другой на левое, надедут сверху шарф и плащ — никто и не подумает, что они в церковной одежде. А скинут плащ — и сразу видно, что одеты по полной форме.

— Я думаю, что по магазинам в подряснике тоже не очень находишься, — деловито заметила Зина.

— А он хороший человек, этот отец Николай? — задумчиво спросила Лида, которую давно мучили некоторые вопросы, но она всё не знала, кому бы их задать.

— Хороший! — возмущенно передразнила её Зина. — Да он, если хочешь знать, святой. Ну, или полусвятой, в крайнем случае.

— Правда, что ли? — недоверчиво поинтересовалась Лида.

— Не знаю про святого, — задумчиво сказала Вера, — но я вот приведу тебе один пример...

Три студентки

В девятиэтажном панельном доме, где жил отец Николай, многие сдавали квартиры студентам, что было не особенно удивительно, учитывая, что университет совсем недалеко. И вот как-то на одной лестничной клетке с отцом Николаем сняли квартиру три студентки: Лиза, Марина и Лера, совсем молодые, приехали из районов, родных в городе нет.

У священника было правило: он никому не навязывался, отвечал, только если его спрашивали. Но когда он увидел сидящую на ступеньках горько плачущую девушку, всё же спросил:

— Что случилось?

— У меня всё очень плохо! — ответила ему Лиза.

— А поконкретнее?

— Да что ты можешь! — раздражённо крикнула та. — Сказать: помолись? Бог подаст? Ничего Он не подаст!

— А ты откуда знаешь? — спокойно спросил священник, и Лиза осеклась.

— Мне правда очень плохо, и я не знаю, что делать, — сказала она.

— Расскажи.

И девушка сбивчиво начала рассказывать, как встречалась с Димой, который ей и цветы дарил, и подарки, и вообще казался таким хорошим. Но потом познакомилась с Андреем и поняла, что он её судьба.

— А Дима не отпускает? — усмехнулся отец Николай.

— Хуже! — заплакала Лиза. — Я по дурацки у него семьдесят тысяч займы взяла — очень уж мне шубку хотелось. А он теперь говорит: если через три дня мне деньги не вернёшь, то я твой долг бандитам передам, и будешь ты его проституткой отрабатывать. А потом, как отработаешь, иди к своему Андрюше.

Лицо священника стало серым. Он давно привык к гадости вокруг, но каждый раз её новое проявление ранило его сердце. Станным образом как раз сегодня ему дали семьдесят тысяч — один состоятельный человек приехал в храм, долго с ним говорил, а потом вручил конверт: это вам лично, на что посчитаете нужным... И странным образом, ему показалось, что вот это и есть то нужное.

— Я дам тебе семьдесят тысяч, — сказал он. — Но одна их не отдавай, иди с твоим Андреем, и возьмите ещё кого-нибудь в свидетели.

— Но ведь Андрей ничего не знает!

— Он имеет право всё знать, раз ты связываешь с ним своё будущее. И имеет право выбирать, захочет ли он связывать его с тобой с учётом всех обстоятельств. Надеюсь, ты ещё не начала отработку своего долга?

— Нет, что вы! — возмущённо воскликнула Лиза.

— Вот и славно. Держи конверт.

Получив в руки конверт с деньгами, девушка вдруг сообразила, что произошло:

— Батюшка, а как я вам их отдам? Мне же не с чего совсем возвращать!

— Об этом не думай, — махнул рукой отец Николай. — Даром получил, даром отдаю.

— Это вы о чём?

— Не переживай. Думай, как дальше жить правильно.

И священник ушёл в свою квартиру.

— И это святой? — возмутилась Лида. — Отдал какой-то проститутке такую прорву денег!

— Да она же не проститутка! — перебила ее Вера.

— Так стала, наверное, уже!

— А вот и нет! — возразила Зина. — Рассказала она всё Андрею, а он не стал ей прошлое в упрёк ставить. Кстати, не знала Лиза, кто её избранник, а Андрюша оказался помощником прокурора. Отдали они те деньги этому Диме, а Андрей так с ним поговорил, что тот про Лизу и как зовут её забыл. И живут Андрюша с Лизонькой уже три года очень хорошо, вон в том доме, двое деток уже у них.

— А попу деньги вернуть у помощника прокурора мысли не возникло? — едко спросила Лида.

— Возникла, но это уже другая история.

Марина с Лерой, когда Лиза вышла замуж, остались вдвоём в этой квартире. И вот у Марины появился один поклонник намного старше неё. Оказывал ей разные знаки внимания, но та их не принимала. А потом заболела у неё мама, и на операцию понадобилось шестьдесят тысяч рублей. Не такие большие деньги, но студентка где их возьмёт? И попросила Марина их у своего воздыхателя займы. Тот дал безо всякого, и операция успешно прошла, мама выздоровела. А поклонник и говорит Марине: возвращай деньги или живи со мной! А ей это так поперёк и сердца, и совести! Идёт она и плачет. А тут ей Лиза навстречу, уже замужняя, вся из себя такая важная дама. “Чего ревёшь?” — спрашивает. Та ей всё и рассказала.

Задумалась Елизавета и говорит: надо нам с отцом Николаем посоветоваться. А тот как раз им навстречу и идёт. Лиза к нему подбежала и говорит: “Хотели мы с Андреем вам сегодня мой долг вернуть. Но вот у Марины

такая история... Как нам поступить?" А батюшка ей отвечает: "Это твои деньги. Поступай, как знаешь!" Елизавета ему тогда десять тысяч рублей сунула в руку, прошептала: "Давайте поможем Марине!" — "Тебе решать!" — улыбулся священник.

"Только ты одна не ходи к нему! — назидательно сказала Лиза подруге. — А то мало ли что! Вот у моего мужа друг есть хороший, Петя, он в милиции работает, сходит с тобой!"

— И всё вернули, и потом Петя это неженатый оказался, и жили они долго и счастливо? — недоверчиво скривилась Лида.

— Почему же жили? И сейчас живут, в другом районе только. Отличная пара! — улыбулась Вера.

— Как в какой-то противно приторной сказке тут всё у вас! — поморщилась Лидия. — Не жизненно как-то...

— Почему? — удивилась Зина. — Ещё как жизненно. А с третьей подругой ещё более странно получилось...

Положил отец Николай десять тысяч в карман, идёт к дому, смотрит, а на тротуарном бордюре сидит Гриша, молодой, а уже известный местный пьяница, и горько плачет. Увидел священника и кричит:

— Батя, спаси меня!

— От кого? — отмахнулся было отец Николай, но потом смотрит, что вроде бы всё серьёзно у парня, и говорит: — Ну, рассказывай!

А Гриша, оказывается, мало того, что пьянь редкостная, ещё и игроман. И проиграл каким-то уркам в карты, что убьёт девушку из их дома, Лера её зовут. "По пьяни, не я это был!" — ревёт. А потом говорит: "Я бы лучше себя убил, нравится она мне! Да только боюсь, что это её не спасёт!" Проревелся, упал на колени и судорожно так шепчет: "Батюшка, отец родной, согласны они за десять тысяч рублей простить мне долг этот страшный! Не оставь милостью своей!"

Отец Николай лажу сразу чувствует, опыт ведь огромный, но тут что-то толкнуло его дать этому пьянице десять тысяч, которые ему Елизавета вернула. Но при этом посмотрел так строго и говорит: "Смотри, это последний твой шанс!"

— И что? — скривилась Лида. — Не убил он эту Леру? И так бы не убил!

— Не убил — это одно, он ведь ещё и пить бросил тогда. Совсем бросил, — задумчиво сказала Вера. — А через полгода к Лере подошёл, во всем ей признался.

— А она?

— Возмутилась сначала, но потом простила его, потому что правда ведь совсем другой человек стал. Встречались они где-то год и поженились. Лера мальчика в прошлом году родила...

— Фу, какая гадость, просто розовые сопли какие-то! — возмущённо сказала Лида. — Даже слышать все это не могу! А откуда вы-то все это знаете?

— Так девчонки болтушки, сами все рассказали, — засмеялась Зина.

— Нет, мне такого мужа, как этот Николай, задаром бы не надо! — вдруг категорично заявила Лида. — Это надо же: всяким девкам и котам деньги разбазаривает! Да я, не дожидаясь крушения самолёта, инсульт бы с таким мужем заработала!

— Да ты можешь радоваться, что тебе повезло, — неожиданно спокойно сказала Вера в то время, как Зина от возмущения даже не находила, что сказать, только сильно покраснела. — Муж у тебя не отец Николай, а Лёва-кот, которого трезвым последний раз, как говорят, видели лет десять назад и который ничего не зарабатывает, только прошивает, помимо своей пенсии, ещё и часть твоей. Но ты должна радоваться: он же не раздаёт их другим!

Матушка Анна

Супруга отца Николая Анна после того, как её дочь и зять погибли в авиакатастрофе, стала сама не своя. Еле ходила по квартире, ничто её не радовало. Одно утешение, что внучок Коленька не полетел вместе с Леноч-

кой. Алексея ей было не особо жалко, скорее наоборот: зачем он не послушался тещу, что незачем никуда лететь? Теперь вот погиб, но он-то был ладно: взрослый мужик, чего его ещё жалеть, а вот Лену жалко! Хорошо, что она, умница, послушалась матери и Коленьку никуда не потащила.

После того, что случилось с дочерью, Анна не захотела больше ходить в храм, да и дома молиться ей не хотелось. Мужа она стала постоянно “пилить”:

— Что толку-то в твоих молитвах? Разве вернёшь ими Леночку?

Тот горько молчал, чувствуя, что говорить сейчас бесполезно. А жена не только на него срывалась, но и на прихожанок, которые звонили ей, пытаясь поддержать в горе:

— Шли бы вы знаете куда со своим утешением! И хватит меня называть, как какую-то тёмную попадьё, матушкой Анной! Я институт тридцать лет назад закончила, между прочим! Анна Дмитриевна я, вот я кто!

И, повесив трубку, бросалась на подушку, горько рыдая.

Коля сначала сторонился бабушки, пытающейся излить на него потоки нежности, пожалуй, столь же отгалкивающей, как и её истерики, но где-то через месяц подошёл к ней с какой-то книгой и попросил:

— Почитай мне.

— Что это за книжка? — поинтересовалась та, а увидев, махнула рукой:

— А, сказки все это!

— Это не сказки! — неожиданно твёрдо сказал ей внук. — Это житие святителя Николая Чудотворца.

— Не сказки? — удивлённо посмотрела на него Анна. — А ты это откуда знаешь?

— Знаю. Он дедушке очень часто помогает. Дедушка его не видит; другой раз сам и не хотел бы что-то сделать, а святитель Николай рядом ему подсказывает, он и делает.

— А ты его видишь? — испугалась бабушка, подумавшая, что внук её сходит с ума от нервного потрясения, вызванного смертью родителей.

— Нет, не вижу. Но всё знаю.

Успокоившись предположением, что это обычные детские фантазии, Анна Дмитриевна поинтересовалась:

— А как же дедушка делает то, что он не хочет? Где же его свобода воли? Он что, как марионетка?

— Нет, почему же, — рассудительно ответил Коля. — Он молится каждый день утром: “Святитель Николай, управь меня всё делать правильно в этот день”, — а тот и управляет.

Удивлённая Анна открыла книгу на первом попавшемся месте:

— Ну, давай почитаем. “В Патарах жил человек, у которого было три дочери-красавицы. Некогда он был очень богат, но потом веледствие несчастных обстоятельств впал в крайнюю нужду”.

Она читала, как мужчина, оказавшись в критической ситуации, повёл себя, прямо сказать, очень плохо. Как было написано в книге, “несчастливого отца, потерявшего надежду на улучшение своего положения, нищета привела к ужасной мысли — пожертвовать честью дочерей, извлечь из их красоты средства к существованию”. “И кем же он хотел их сделать? Содержанками или сразу проститутками?” — с грустью подумала Анна, много раз ранее читавшая эту историю, но теперь, после смерти дочери, пропустившая её через своё сердце и проникшаяся жалостью к этим девушкам, которые были моложе её Лены, и ненавистью к их отцу. И когда она, хорошо знавшая то, что будет дальше, читала внуку, как святитель Николай бросил в окно этому человеку сначала один узелок с золотом, а когда тот использовал его, чтобы выдать замуж старшую дочь, подкинул ему и второй, и третий, и тем самым не только спас девушек от позора, но и помог им устроиться в жизни, ледяной панцирь, сковавший её душу после известия об авиакатастрофе, начал стремительно таять. На глаза у Анны неожиданно навернулись слёзы.

— Ты говоришь, что это святитель Николай заставляет нашего отца Николая делать то хорошее, что он делает? — улыбаясь сквозь слёзы, спросила она внука.

Тот удивленно поднял на неё глаза:

— Ты давно уже не называла дедушку отцом Николаем!

— Да, после катастрофы, и была неправа. Так ты мне не ответил.

— Да, именно он, но не заставляет, а помогает ему! — серьёзно подтвердил Николушка.

В этот момент в комнату заглянул священник, заинтересовавшийся их разговором:

— И о чём тут речь?

— Да вот, выходит, зря я тебя ругала из-за тех денег, которые ты девчонкам да пьянице отдал.

— Это какие деньги? — нахмурился отец Николай.

— Да про которые Зина мне рассказала.

— Не было же ничего! — раздражённо махнул рукой священник.

— Да нет, было. Но может, и правда ты тут ни при чём, а всё это святитель Николай сделал! — улыбнулась Анна.

— Хорошее сделал? — мягко спросил отец Николай, почувствовавший, что в его жене происходят какие-то очень значимые перемены.

— Очень хорошее, — тихо ответила она ему. — Возьми нас завтра с Николушкой в церковь, когда пойдёшь на службу, хорошо?

— Хорошо, — ответил священник.

А Коля подошёл к ним и обнял дедушку с бабушкой. Он чувствовал, что что-то очень плохое отошло от них сейчас, а у самого у него ушли все силы.

— Я очень хочу спать! — сказал мальчик.

Комиссия по помилованию

Отцу Николаю что только не приходилось делать помимо службы: на священника в России в начале третьего тысячелетия возлагают столько “житейских попечений”, что порой возникает мысль: а не специально ли это делают, чтобы он занимался всем, чем угодно, кроме непосредственно богослужебной деятельности? В области, где он служил, священников куда только не включили: и в общественную палату, и во всевозможные общественные советы при разных структурах, а отца Николая вот даже в комиссию по помилованию при губернаторе, хотя в такие комиссии священнослужителей обычно не включали. А тут подумали: пусть будет кто-то в рясе, “для экзотики”. И вскоре о своём решении пожалели: уж очень неудобным оказался протоиерей Николай, не умел совершенно “работать в команде”, и на всё своё, никому не нужное мнение имел: видите ли, христианская и пастырская совесть его не может позволить молчать.

Прошение о помиловании подали три бизнесмена, которые, как хорошо знали все члены комиссии, были ни в чём не виноваты, но перешли дорогу одному крупному чиновнику и теперь вот отбывали наказание. Сердце подсказывало членам комиссии, что нужно бы удовлетворить их прошение и рекомендовать губернатору направить ходатайство об их помиловании президенту. Но разум подсказывал им, что поступить так будет крайне опрометчиво, потому что жалость к другим — роскошь, которую не каждый может себе позволить, особенно если это за свой счёт, и воздастся ли по делам — кто ж это знает? А чиновник — вот он, вполне реальный, пришёл на заседание и говорит, что ни в коем случае не надо ходатайство это удовлетворять.

И тут, как назло, это поп вылез со своими дурацкими речами. Ничего ведь особенного не сказал: просто про то, что всё, что мы делаем другим, мы делаем самим себе, что всё возвращается, про милость к падшим, а особенно — к невинно страдающим. Так от его речей всех проняло, что проголосовали они все за помилование, вопреки всем заранее достигнутым договорённостям. А что самое удивительное: даже чиновник это стерпел; сказал только, чтобы этого попа в комиссии больше не было. Повод убрать отца Николая из её состава легко нашли: в соседних регионах священнослужителей в подобных комиссиях не наблюдалось, значит, и здесь ни к чему. А священник и рад, такую ношу с него сняли.

Но самое странное произошло дальше. Трое из членов комиссии, которые много чем другим помимо заседаний в ней занимались, перешли дорогу мэру областного центра. И сильно так перешли, что замаячила над ними угроза возбуждения уголовного дела: это где-то в других субъектах Федерации принцип разделения властей работал, как часы, а в этой области о нём только на занятиях для студентов-юристов вспоминали, и то больше для того, чтобы “поржать”. Вот тогда-то и вспомнили они про отца Николая и про то, как тот заступился тогда на заседании за невиновных, никого не побоявшись. Очень хотелось им его попросить, чтобы он и за них слово замолвил, но как-то стыдно было.

А отец Николай как будто услышал их, и сам, по своей инициативе пошёл к тому чиновнику, которого так тогда разозлил. Тот же как будто ждал его:

— Ну, что тебе опять от меня надо? — устало спрашивает.

Начал ему священник объяснять, что не виноваты эти трое, а тот рукой машет:

— Помнишь, как у Крылова: “Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать”? Не в то время и не в том месте они оказались.

А отец Николай смотрит ему в глаза как-то странно, и кажется чиновнику, что не только этот поп, но кто-то неизмеримо более значимый сейчас к нему обращается.

— Ладно! — махнул он рукой. — Решим! Одно условие: больше ко мне не приходи, а то слишком плохо ты на меня влияешь!

Снял трубку телефонную, сделал несколько звонков. Вес у него в негласной табели о рангах региона куда выше был, чем у мэра. И как-то вдруг никакое дело не возбудили и даже извинились за ошибку.

А отец Николай, уходя из большого кабинета, пообещал не надоедать больше своим присутствием, но перед тем, как уйти, вдруг подошёл к оторопевшему чиновнику, обнял его и тихо сказал: “Бог любит тебя!”

Анна Дмитриевна читала Коле книгу, которую он так любил, а вместе с ним и она её полюбила. Отец Николай в последнее время часто слушал её, задумчиво сидя в кресле рядом с женой и внуком, который всё больше поражал священника.

Анна дошла до места про невинно осуждённых вельмож, которых святитель спас от незаслуженной казни. Они были свидетелями того, как святитель Николай выхватил меч из рук палача, не дав казнить трёх оклеветанных горожан, чья невиновность потом была доказана. Этим сановных людей поразило тогда не только бесстрашие архиерея, остановившего казнь, но и то, как близко к сердцу он принял чужую беду и — самое удивительное — он действовал с такой властью, что не послушаться его было невозможно.

Через какое-то время помощь понадобилась уже этим вельможам: столичный мэр оклеветал их перед императором, выдвинув тяжкое обвинение в государственной измене, наказанием за которое была смерть. Несчастные в темнице вспомнили тогда святителя Николая. “Если бы он был здесь, то и нас спас бы, как тогда горожан!” — подумали они. И хотя святой был далеко от них, невинно заключённые обратились к нему с горячей мольбой, веря, что он услышит их, невзирая на расстояние.

И святитель Николай действительно их услышал. Он явился во сне императору и мэру; было новое разбирательство дела, в результате которого сановников не только оправдали, но и восстановили во всех правах.

Мальчик с интересом слушал это повествование, его глаза горели.

— А ведь святитель Николай и дедушке помог поступить так же, как он! — сказал вдруг Коля.

— Что ты такое говоришь? — удивилась Анна. — Ну, про узелочки с золотом, да, была определённая аналогия, а к этому какое отношение наш отец Николай имеет?

В глазах священника читалось неподдельное удивление от того, что сказал внук, но одновременно блеснули озорные искорки: ему показалось забавным, что жена считает, что он ничего подобного не может.

— А ведь Коля прав, — мягко сказал он. — Вот послушай, что у меня было не так давно...

И рассказал слушавшей его с широко открытыми глазами Анне про свою работу в комиссии по помилованию. Про эту сторону жизни мужа она ничего не знала. А Николушка как будто бы всё знал, по крайней мере, такое впечатление стало складываться у его деда.

Защита веры

Однажды отец Николай пришёл домой сам не свой. Только зашёл, как без сил опустился в кресло, закрыв глаза. Анна в это время читала Коле житие святителя Николая Чудотворца: “В одно из соборных заседаний святитель Николай, не стерпев богохульства Ария, в присутствии всех ударил этого еретика по щеке. Отцы Собора сочли такой поступок излишеством ревности, лишили святого Николая преимущества его святительского сана — омофора — и самого заключили в башню. Но вскоре, убеждённые в правоте такого поступка великого угодника Божия видением, в котором перед очами некоторых из них Господь наш Иисус Христос подал ему Евангелие, а Пречистая Богородица возложила на рамена его омофор, они освободили его из заключения, возвратили ему прежний сан и почтили его, как великого угодника Божия”.

— Про Первый Вселенский Собор читаете? — оторвавшись от терзавших его мыслей, грустно спросил отец Николай.

— Да, — ответил Николушка.

— А ты всё понимаешь, что произошло? Тогда, в 325 году в городе Никее Церкви предстояло ответить Арию, учившему, что во Христе воплотился не Бог. Арий был человеком необычайной учёности и так красноречив, что все ему верили; для разбора созданного им учения при поддержке первого христианского императора Рима был созван первый в истории Церкви Вселенский Собор, на который приехали триста восемнадцать епископов, и все они не могли найти слов, чтобы доказать, что арианство — это лжеучение. Не нашёл слов и Святитель Николай, ударивший еретика...

— А разве можно что-то дракой решить? — удивлённо широко раскрыл глаза Коля.

— Даже не знаю, что и сказать... — грустно вздохнул отец Николай. — Христианство — это религия, которая учит тому, чего по всем законам человеческой логики не может быть: что сам Бог для того, чтобы спасти людей, во Христе соединился с человеческой природой. Мыслившему логично Арию казалось, что намного правильнее будет верить в то, что во Христе воплотился лишь один из высших духов, великий, но сотворённый. А святитель Николай сердцем чувствовал то, что Церковь поёт в одном из песнопений: “Не Ходатай, не Ангел, но сам Господь воплотился”... Но не было у него слов, чтобы опровергнуть учёнейшего богослова его времени, вот и нанёс он пощечину...

— Получается, что от бессилия? — вступила в разговор матушка Анна.

— От человеческой немощи, в которой совершается сила Божия. Его поступок был так необычен, что привлёк внимание всех отцов Собора; они начали ещё тщательнее искать возражения еретику и нашли их. А многим из них были видения от Господа, после которых святитель Николай был оправдан и восстановлен в своём архиерействе.

— Дедушка, а у тебя что случилось? — спросил вдруг Коля.

— Даже не знаю, как и сказать... Начну издалека. На Украине есть те, кто называет себя Киевским патриархатом, но на самом деле это раскольники, они вне Церкви. Во главе их называющий себя патриархом Филарет. Когда-то он имел очень большие шансы стать Московским патриархом, но не стал; гордыня его этого не стерпела, вот он и учинил раскол. Совместная молитва с раскольниками за богослужением — очень большой грех. И вот к нам приехал так называемый митрополит от этого Филарета, но под видом православного архиерея из Украины. Наш владыка, естественно,

не знает украинский епископат, я бы и сам не знал, но этого-то “митрополита” я лично знаю, причём не с самой лучшей стороны. Но дело не в его личных качествах: каждый сам отвечает перед Богом за свою жизнь. А дело в том, что раскольник этот вознамерился служить с нашим владыкой под благовидным предлогом — якобы он проездом здесь и хочет вместе помолиться о мире на Украине, а совместное богослужение с раскольником — кощунство, преступление против Церкви!

— И? — с замиранием сердца спросила Анна.

— Я говорю секретарю: так и так, нельзя этого допустить. А он сам с Украины, у них общие знакомые, связи. Он мне и говорит: ты в это не суйся, тут дело политическое, не твоего ума. Короче, в первый раз за последние сорок лет я человека ударил, к тому же не простого, а архимандрита...

— А владыка всё равно служил с этим раскольником? — деловито спросил Коля, наморщив лоб.

— Единственное, что здесь радует, — нет, — улыбнулся отец Николай. — Такой скандал поднялся, секретарь хотел меня в милицию отправить, но наш архиерей сначала захотел меня о причинах расспросить, почему я так поступил — очень уж это на меня было не похоже. А расспросив, решил ни сам не служить с гостем, ни давать ему вообще служить в наших храмах. Но меня пока запретил в священнослужении. Завтра дисциплинарная комиссия назначена. Секретарь настаивает, чтобы меня сана лишили, потому что положено так по канонам, если священник кого-то ударит. И ещё сходил, снял побои, говорит, что если не извергнут меня из сана, то он в милицию заявление напишет, а за такое года на два могут посадить...

Матушка Анна побелела, а Николушка подошёл, взял деда за руку и сказал:

— Дедушка, святитель Николай что делал в этой ситуации, как ты думаешь?

— Что? — машинально спросил священник.

— Молился. Давай и мы сейчас все вместе помолимся втроём. Бабушка, ты почитай нам акафист святителю Николаю Чудотворцу, хорошо?

Анна достала акафист, надела платок.

— Дедушка, вставай, — настойчиво потянул отца Николая за руку внук. — Когда акафист читают, сидеть нельзя.

Священник улыбнулся, но встал. Станным образом, по мере того, как жена читала акафист, а внук на коленях горячо молился о чём-то, глядя на икону святителя, в душу отца Николая входили мир и тишина...

На другой день вечером он пришёл домой радостный и весёлый.

— Представляете, — с порога начал рассказывать священник с нетерпением ждавшим его жене и внуку, — на комиссии все за меня оказались, и сам владыка тоже. Выяснилось, что секретарь хотел специально нашего архиерея этим подставить, что-то ему за это обещали. Так что теперь его, наверное, у нас не будет в епархии. Владыка только сказал мне с усмешкой: “Больше не дерись, а то понравится ещё; станешь драчуном на старости лет”.

— А что с милицией? — с замиранием сердца спросила Анна.

— Там ещё интереснее получилось, — засмеялся священник. — Он туда пришёл заявление подавать, а начальник милиции ему говорит: “Это какой отец Николай? Из комиссии по помилованию? — Да. — Но он же хороший человек!” Секретарь растерялся, стал объяснять, что да, он хороший, человек, но он ведь вот по лицу его ударил. А начальник милиции говорит: “А вы сами свою морду в зеркало видели? По такой ведь грех не ударить!” И как бы между прочим рассказал ему, что ФСБ очень заинтересовалось тем, что он в нынешней политической ситуации религиозными провокациями занимается. Так что теперь ему явно до себя самого.

— Тебе его совсем не жалко? — серьёзно спросил Коля, заглядывая в глаза деда.

— Кого?

— Секретаря.

— Если честно — нет, — засмеялся отец Николай.

— А мне жалко, — грустно сказал Николушка. — Он очень несчастный человек.

Священник переглянулся с женой, и они обняли внука.

Странная поездка

Отец Николай, зайдя в комнату, начал что-то искать в шкафу. Его жена в это время читала Коле о том, как корабельщики хотели обмануть святителя Николая и увезти его не туда, куда он их просил, но по молитве ветер сам отнёс корабль в Ликию.

— Дедушка, а что они хотели с ним сделать? — спросил вдруг Коля.

— Кто же их знает, — пожал плечами отец Николай, продолжая разбираться в шкафу. — Вряд ли хорошее.

— А у тебя в жизни было что-то подобное? — спросил его вдруг внук.

— Чтобы ветер принёс корабль в другую страну по моим молитвам? Нет, конечно! — засмеялся священник. — Хотя... Если сравнить не так буквально... Была однажды вот какая ситуация. Нужно было мне из одного и не особо ведь отдалённого села добраться в областной центр. А выбраться оттуда — целая история. И вот нашлась попутная машина — чёрный “вольво” и три бритоголовых молодых человека, которые якобы туда же едут. Сел я в их машину, но вскоре смотрю: не туда они едут! Сказал им, а они молчат. И ничего доброго их молчание не предвещает. Стал я молиться тогда про себя святителю Николаю. И вдруг останавливает нас милицейская машина. У моих попутчиков сначала презрительные усмешки при виде её появились, но потом они как увидели, что милиционеров четверо, а у двух автоматы, так улыбаются сразу и перестали. А старший милиционер спрашивает: куда едете? Я, не давая опомниться моим попутчикам и говорю: “В областной центр”. Тот удивился: “Так это же в другую сторону”. Я выжидательно смотрю на парней в машине, что они скажут. А им что сказать? Что попа не туда увезли? А зачем? Водитель и говорит: “Что-то мы с дороги сбились”. А милиционер говорит: “А мы вас сопроводим”. Там не так много было ехать, километров сорок всего. Но пришлось им проехать, не гонимым ветром, а сопровождаемым милицейской машиной. И доставили меня в мой город. Я предусмотрительно вышел подальше и от дома, и от храма, где служу.

— А что они от тебя хотели, дедушка? — с широко раскрытыми глазами спросил Коля.

— Ну, а вот кто же их знает? — усмехнулся отец Николай. — Но только на прощание один из них мне сказал: “Крушно повезло тебе сегодня, поп. Видимо, в рубашке ты родился”.

Разрушение храма Венеры

Когда Анна прочитала о том, как святитель Николай уничтожил языческое капище, Коля спросил:

— Дедушка, а разве разрушением чужих святынь можно привести людей к вере?

Вопрос застал отца Николая врасплох. А внук и заинтересованная тем, что он ответит, жена выжидательно на него смотрели.

— Дело в том, что время тогда было очень жёсткое. И святитель Николай ведь при жизни застал гонения на христиан, которых зачастую не просто убивали, а подвергали перед этим жесточайшим мучениям, требуя от них отречения от Христа Спасителя. Поэтому для того времени как нечто естественное воспринималось то, что когда имперская политика переменялась и христианство из гонимой стало государственной религией, началось разрушение языческих храмов...

— Но не было ли это просто свидетельством низкой культуры христиан того времени? — вступила в разговор Анна Дмитриевна. — Зачем разрушать уникальные памятники архитектуры?

— Они не смотрели на это так отвлечённо, — задумчиво ответил священник. — Для них это были не культурные центры, а места, где царствовали силы тьмы, с которыми они воевали, вражеские крепости, которые укреплялись от тех молитв и ритуальных действий, которые там совершались. И они, по их представлению, должны были разрушиться, чтобы потерять силу.

— А многочисленные разрушения христианских храмов в разных местах, в разные периоды истории — это тогда, получается, как бы ответный удар? — продолжала Анна.

— Наверное, можно и так сказать.

— А если бы христиане не разрушали языческие храмы, то, может быть, и христианские храмы не разрушали бы?

— Первые христиане вообще ничего не разрушали, а их мучили и казнили. Они были законопослушными гражданами. В первые века христианства христиан гнали, в том числе и за их нежелание поклоняться идолам, которым кланялся окружающий мир. Это было время религиозного упадка, никто в Римской империи уже не верил, что Юпитер или Венера — это боги. Религиозный упадок совпал с закатом могущества императора. Римская империя собрала в себе множество государств, народов, религий. Им необходимо было объединяющее начало. Таким началом стал культ обожествления императора: каждый житель империи волен был исповедовать ту религию, какую пожелает, но раз в год он должен поклониться изображению императора и сжечь щепотку ладана перед статуями Юпитера, Аполлона или ещё какого-нибудь идола. Это действие превратилось с течением времени в механический обряд, но и его отказывались исполнять христиане, не желающие кланяться идолам. Они помнили слова Писания: “Господу Богу тво-ему поклонись и Тому Единому послужиши”. Христиане признавали императора как власть и были примерными гражданами, но они отказывались признать его богом. Это, а также отказ христиан включить Христа в римский Пантеон, где римляне собрали божества всех завоеванных ими народов, послужило причиной обвинения их в атеизме и политической неблагонадёжности. На христиан начались гонения, продолжавшиеся в течение нескольких веков. Оставалось утешаться словами Христа: “В мире скорбны будете, но дерзайте, потому что Я победил мир”. Через несколько веков христианство восторжествовало, царь Константин объявил его государственной религией. Но сколько сотен тысяч христиан погибли в результате гонений в течение этих нескольких веков!

— То есть они как бы мстили? — продолжала спрашивать Анна.

— Не думаю, что это можно так назвать.

— А ты сам стал бы разрушать языческие храмы? Вот ты рассказывал, как плакал, когда взорвали храм в твоём родном селе; помню, как ты уже при мне плакал, когда закрыли первый храм, в котором ты служил.

— Ну, памятники советским вождям я бы точно не стал ломать, — осторожно ответил священник. — А что касается разрушения языческого храма — не здания, а места совершения непотребных действий... Однажды в моей жизни было что-то похожее. Помнишь, в восьмидесятые в райцентре, где я тогда служил, была секта хлыстов, которые собирались в частном доме на свои радения. Они занимались там примерно тем же, что и посетители храма Венеры, который святитель Николай в итоге всё-таки разрушил...

— Афродиты, — поправил его внук.

— Верно, — согласился священник, — у греков ее называли Афродитой. Венерой её звали римляне. Но суть одна и та же.

— А чем они там занимались? — тихо спросил Коля.

— Это не только тебе не нужно знать, но и я рад был бы, если бы не знал, — горько усмехнулся отец Николай.

— Их ведь власти прикрыли тогда... — что-то вспоминая, сказала матушка Анна.

— Да. Прикрыли, потому что я пошёл к уполномоченному и заострил этот вопрос. И встречался ещё с представителями КГБ, милиции и прокуратуры. С точки зрения наших современных либералов, я получаюсь либо как бы стукач, либо недобросовестный конкурент, использующий любые

средства для ликвидации конкурирующей фирмы. Но сердце моё подсказывает мне, что я всё правильно сделал...

— А ты всё правильно и сделал! — сказал вдруг Николушка и обнял деда.

Чудо

Однажды бабушка, как обычно, читала Коле о чудесах Николая Чудотворца и дошла до места, где он воскресил мёртвого юношу. Коля вдруг увидел слёзы на глазах Анны Дмитриевны.

— Что с тобой, бабушка? — с тревогой спросил мальчик.

— Мне очень сложно в это поверить... — тяжело сказала она. — Моей дочки, а твоей мамы нет с нами уже целых четыре месяца. Если бы не ты, не представляю, как я это пережила бы. У меня был такой ропот на Бога, на то, что Леночку забрал раньше меня. Ты помог мне смириться, наверное, святитель Николай Чудотворец тоже помог, мы ведь вместе с тобой ему молимся. И я научилась видеть те чудеса, которые рядом с нами и которые раньше я не видела; стала верить сильнее, чем раньше. Но когда я слышу про то, как мёртвые воскресают, у меня появляются не оправданные ничем надежды. Ведь тело Лены так и не нашли после крушения самолёта, кстати, как и тело твоего отца... А такие мысли нельзя пускать в сердце — не очаровывайся и не будет разочарований. Стоит же только поверить в несбыточное, как боль от того, что оно не станет явью, будет нестерпимой... Тебе сложно, наверное, всё это понять...

— Я всё понимаю, — серьёзно сказал Николушка и обнял бабушку.

Та улыбнулась сквозь слёзы, а потом вдруг сказала:

— Что-то у нас табачным дымом пахнет. Неужели опять дедушка безобразничает?

Отец Николай в своей жизни никогда много не выпивал, а уж про то, чтобы курить — ему такое и не приснилось бы. Но после известия о смерти дочери он стал иногда позволять себе выпить лишнего, а выпив, начинал и курить...

— Это ведь плохо! — серьёзно сказал ему как-то внук.

— Я знаю, — усмехнулся тогда священник. И больше они с ним об этом не говорили с тех пор.

Анна Дмитриевна и Николушка зашли на кухню. Отец Николай в тельняшке и трико сидел у стола, на котором стояла почти полностью выпитая бутылка водки, и курил, стряхивая пепел в чайное блюдце вместо пепельницы.

— Ну, зачем ты опять? — мягко сказала ему жена. — Я понимаю, что тебе больно, но разве это выход? И Николушка страдает из-за того, что переживает за тебя.

— “Мне всё равно, страдать или наслаждаться”, — с грустной усмешкой сказал ей муж.

— А нам не всё равно, подумай о нас, — так же мягко сказала Анна, а Коля просто смотрел на деда широко раскрытыми глазами.

— Ты права, я постараюсь с этим справиться, — сник священник.

— Правда? — спросил Николушка, и его глаза просияли.

— Правда.

— А ты сможешь вообще не пить и не курить никогда?

— Наверное, смогу, — грустно засмеялся отец Николай. — Я ведь всю жизнь как-то без этого обходился.

— А тогда ты можешь попросить у Бога то, чего ты хочешь сильнее всего, и Он тебе это даст! Проси только сейчас, но не выдумывай ерунды! Оправданий на то, что ты пьяный, не будет! — как-то торжественно произнёс мальчик, и даже Анна вздрогнула.

— Николушка, ты что такое говоришь? — осторожно сказала она.

— А вы вместе попросите — одно желание на двоих, оно сбудется! — сказал Коля, и взял их за руки.

— Я помню, читал одну атеистическую книгу когда-то, — медленно сказал отец Николай. — Маленькая, зелёная, в тонкой обложке, на которой был изображён задумавшийся священник. Называлась она “Чудо”. В книге рассказывалось о молодом аббате, который был искренне верующим, но ещё духовно не сформированным человеком. И вот к нему обратилась одна мать, которая искренне верила, что если он возложит руки на её сына, то он исцелится от паралича ног. Уступив её просьбам, священник сделал то, что просила женщина. И юноша исцелился. Но аббат не понял той очевидной вещи, что это произошло не из-за него, а из-за веры матери в исцеление сына. И он начал потом возлагать руки на массу больных, никто из которых, естественно, не исцелился. И чудо обратилось кощунством и в итоге потерей веры, ещё недостаточно глубокой у самого священника. В послесловии этой книги приводилось разъяснение феномена, которое меня ещё более убеждает в том, что любое чудо тесно связано с верой. Там говорилось об одной слепой еврейке, которая верила, что если ей принесут воды, освящённой в конкретном месте, то она, умывшись ею, исцелится. Слепая послала за водой свою служанку. А той лень было идти куда-то; она набрала воды просто в луже неподалёку от дома, принесла хозяйке, а та, умывшись этой грязной водой, прозрела... Ты ведь знаешь, о чём мы мечтаем... Елена так и не нашлась, вдруг она жива. Мы понимаем, что ты просто маленький мальчик, наш внук, но иногда нам кажется, что через тебя Бог к нам обращается. И если мы сейчас поверим, то потом разочарование будет очень сильным... Я боюсь...

— А ты не бойся! — серьёзно сказал Коля. — Тем более что ты уже просто так дал Богу обещание исправиться в чём-то важном, Он примет твою жертву. И ты, бабушка, дай такое обещание.

— Я же не пью и не курю, — улыбнулась Анна Дмитриевна, но сама дрожала.

— Ты знаешь, о чём.

— Чтобы я не мечтала больше о том, чтобы Леночка выжила и нашлась, а твой отец нет, она нашла бы себе хорошего мужа, а тебя оставила с нами? — простодушно спросила она, и даже отец Николай чуть не упал со стула от услышанного.

— Я не думал, что всё плохо до такой степени, но да, — грустно ответил Коля. — А теперь давайте попросим Бога...

Они взялись за руки и молчали несколько минут. Вдруг зазвонил телефон.

— Подойди, это Бог будет с нами говорить! — сказал Николушка деду.

Тот с подозрением посмотрел на внука, не сошёл ли он с ума, но взял трубку. По мере услышанного лицо его менялось, он дал знак жене, чтобы она принесла ему ручку и бумагу, и стал что-то записывать дрожащей от волнения рукой.

— Представляете, — сказал он, закончив разговор, — сейчас позвонили из заграницы. Я не знаю, кто ты такой, Николай, вроде бы наш внук. Не знаю, что ты сделал. Но твои родители живы. Их нашли без документов, они были в коме, но сейчас пришли в себя, причём одновременно; они всё помнят, назвали этот телефон... Главный врач сейчас звонил, сказал, что прогноз хороший, что скоро их отправят в Россию, и какой-то русский оплатит их пребывание в больнице и оплатит перелет.

— Кто этот человек? — машинально спросила Анна, плохо понимающая, что происходит.

— Он пожелал остаться неизвестным, сказал только, что его зовут Николай Игоревич и что никто ему ничего не должен... — растерянно ответил отец Николай и спросил внука: — Николай, как ты сделал это?

— Это не я, это он! — улыбнулся мальчик и показал дедушке с бабушкой на икону святителя Николая Чудотворца.

ВЛАДИМИР СИЛКИН

ПО-СОЛДАТСКИ

ОДНОФАМИЛЕЦ

*Памяти Героя Советского Союза
Г. П. Силкина*

Межигорская Гута,
Правый берег Днепра.
Было наших негусто
В этом месте с утра.

Но сбивая заслоны,
По октябрьской воде
Шли вперёд батальоны,
Шли навстречу беде.

Ближе к берегу жались.
Там попробуй-ка, тронь, —
Перекрёстный, кинжальный,
Пулемётный огонь.

СИЛКИН Владимир Александрович родился в 1954 году в г. Ряжске Рязанской области. Окончил Ряжский дорожный техникум, Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище, редакторское отделение военно-педагогического факультета Военно-политической академии. Ветеран боевых действий, полковник запаса. Автор более шестидесяти книг разных жанров. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат Государственной премии России. Председатель Совета по военно-художественной литературе Союза писателей России. Член Союза журналистов и Союза писателей. Живёт в Москве.

Но залётные пули
Доставали сердца,
И ребята тонули
Под свинцом, от свинца.

Как Григорий Петрович
Там держался тогда,
Если досыта крови
Нахлебалась вода?

Знаю только, что утром,
Будто впрямь своего,
Межигорская Гута
Хоронила его.

Не знакомый, не дядя,
Но до боли родной,
Он посмертно к награде
Был представлен страной.

...Правый берег днепроvский,
Тишина, хоть кричи.
Над могилкой берёзки,
Словно свечки в ночи.

Золотая погода,
Золотой листопад.
По днепроvскую воду
Души павших летят.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У МОНУМЕНТА «РОДИНА-МАТЬ»

Распрявилась она над курганом,
Повела для замаха плечом,
Не призывно, как кто-то наганом,
А защитно, как Невский, мечом.

Смотрят в завтра солдатские лица,
И сердца на излёте стучат.
Из обугленных ртов обелисков
Губы каменно что-то кричат.

Душат память незрячие слёзы
Возле волжских задумчивых вод:
Ни одной престарелой берёзы
Нынче в этих местах не живёт.

Им, наверное, было б несносно
Над могилами петь в синеве,
Где поныне солёные росы
Полыхают огнём по траве.

Каждый дом бы представить к награде,
Кочку каждую, каждую пядь...
Даже камни кричат в Волгограде,
В Сталинград возвращаясь опять.

* * *

Приходи скорей, Победа!
Я тебе накрою стол.
Где я шёл, и сам не ведал,
Но с тобой на встречу шёл.

Я пропах походным дымом,
Стал солёным, как вода.
Ты пройти не вздумай мимо,
Не позволю никогда!

Ты мой гость, моя отрада,
Мать моя, моя жена.
От Москвы до Ленинграда
В сердце ты была одна.

И сейчас, ну, сделай милость,
Покажись в окне моём,
Я же знаю, что явилась
И чтоходишь в каждый дом.

Крикни мне, лиши покоя,
Страшно в доме одному.
Я тебя одной рукою
По-солдатски обниму.

ПОБЕДА

Сняла шинель под городом Берлином,
Шла по нему и презирала страх.
Она, в своём величии былинном,
Знамёна поднимала на рейхстаг.

Она не знала, кем была для деда,
Не знала, кем явилась для отца.
Шла по Берлину светлая Победа,
Не пряча обожжённого лица.

И в этот день шагали с нею рядом
Не видевшие этого лица
Защитники Москвы и Сталинграда,
Исполнившие долг свой до конца.

И без вести пропавшие шагали,
И в битвах прикрывавший спину тыл.
И не было ни сил таких, ни стали,
Чтоб кто-нибудь её остановил.

КОНТРАТАКА

*Памяти младшего политрука
Алексея Ерёмченко*

Между рек Лугань и Луговая
В землю врос его стрелковый полк,
Всю траву на брустверах сбривая,
Пули смертью запасались впрок.

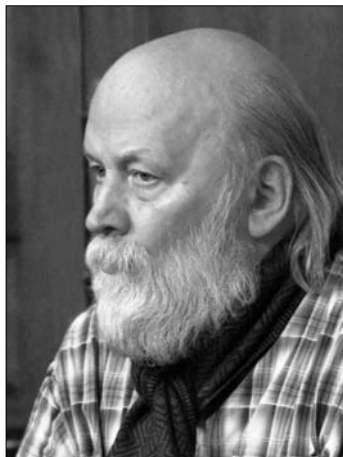
И фотограф ползал по траншее,
Чтобы снимок сделать так и сяк.
И цветы тянули к небу шею
И в беду не верили никак.

В контратаку поднималась рота,
Да какая рота?! Может, взвод.
Но пошла, пошла за ним пехота
Проливать и кровь свою, и пот.

Что там дальше было, я не знаю,
Может, прервалась со штабом связь.
Только точно, мать его родная
С той войны домой не дождалась.

Он стоит, глядит теперь с пригорка,
А за ним Россия и Москва.
Вечного покроя гимнастёрка
И вокруг — бессмертная трава.

ЛЕОНИД БЕЖИН

КОРОНАЦИЯ И СМЕРТЬ ФАРТОВОГО ЖИГАНА

ПОВЕСТЬ

Наша арбатская коммуналка образовалась после уплотнения бывших квартирантов (или просто — бывших) в восьмиэтажном доходном доме, возвышавшемся мрачной громадой между Собачьей площадкой и Дровяным складом. Там же тянулись и наши двory, соединённые узкими проходами между сараев, проломами в кирпичных стенах и соответственно называемые проходными.

Дворы с голубятнями, обнесёнными дощатыми заборами палисадниками, где росли жёлтые, на высоких — по окна первых этажей — стеблях цветы золотые шары, именуемые разводившими их интеллигентными старушками рудбекией. Именуемые, вероятно, из опасения. Тогда у обитателей коммуналок роилось множество всяких страхов и опасений, и обоснованных, и совершенно вздорных, нелепых, решительно ничем не обоснованных.

Вот и старушки, разводившие золотые шары, из суеверия опасались подозрений, будто они имеют касательство к золоту, припрятанному у них в перинах, под половицами или зарытому в тех же палисадниках. Вздорные опасения, что и говорить. Хотя всегда находились охотники перекопать у них в палисадниках землю, услужливо вынести и перетряхнуть перину, чтобы пух летел по двору, или выворотить ломом и заменить полусгнившую половицу. Правда, золота при этом не находили. Видно, слишком глубоко запрятано.

БЕЖИН Леонид Евгеньевич родился в 1949 году в Москве. Окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ и аспирантуру при нём. Прозаик, автор романов, повестей, рассказов. Лауреат нескольких литературных премий. В данное время является ректором Московского института журналистики и литературного творчества.

Завершают же картину наших дворов перенесённые сюда откуда-то памятники, оставшиеся от гипсовых статуй трубочей и знаменосцев (сохранились лишь проволочные каркасы, ступни ног и наполовину разбитые головы), деревянные сараи с погребями, палатки для приёма стеклотары, или, проще говоря, бутылок, помойки с заваленными доверху баками и бандитские подворотни.

Помимо золотых шаров, за оградой палисадников всё лето цвели настурции и бегонии, воспетые нашим дворовым фольклором:

*Кто сорвёт настурцию,
Будет выслан в Турцию.
Кто сорвёт бегонию —
Выслан в Патагонию.*

Мы на все лады распевали эту песенку, имея смутное представление о том, где находится эта самая Патагония, куда высылают за сорванную бегонию, и были уверены лишь в том, что не под Воркутой и Магаданом, а вот ближе или дальше, с точностью сказать не могли, поскольку здесь наши географические познания иссякали...

Зимой арбатские дворы заваливало снегом по те самые окна первых этажей, до которых летом доставали золотые шары. Весной из-под осевших сугробов с голубиным воркованием вырывались пенные ручьи; летом гром гремел так, словно над нами с треском рвали коленкор или иную, неведомую материю; а осенью оконные стекла расчерчивало косыми иголками дождя и в форточки заносило багряные кленовые листья, кружившиеся под потолком и мягко планировавшие на буфет, диван или кресло...

Жила наша коммуналка по неписаным законам цыганского табора. Впрочем, какие там законы! Всё настолько смешалось и приобрело такой иррационально-сюрреалистический отсвет, что даже наши бывшие не были разборчивыми, сдабривали французскую речь непечатным русским словцом, и самые изысканные по своим манерам, утонченно воспитанные из них не брезговали воровским жаргоном, позволявшим сказать: жили мы по понятиям.

Глава первая

ДВЕРЬ В КОНЦЕ КОРИДОРА: ПОБАИВАЛИСЬ И УВАЖАЛИ

Поэтому чистить ботинки в коридоре у нас не просто запрещалось, но считалось *западно*. Это словцо тоже было не из нашего лексикона, но мы им пользовались — и пользовались с известным намёком, косясь на обитую драной клеёнкой, изрезанную ножом дверь в конце коридора, как будто исходило словцо не от нас, а от нашего соседа, скрывавшегося за этой дверью. Его у нас все побаивались и уважали. Уважали за связи с *подворотней* — блатным миром, недаром наш участковый Емельяныч, бывая у нас, просил: “Вы за ним посматривайте. Он у вас если ещё не жиган, то, во всяком случае, жиганёнок”. Поэтому Ксения Андриановна, концертмейстер филармонии, звала его не иначе, как Дракула или Синяя Борода.

— Слушайте, это же жуткий тип, настоящая Синяя Борода — он всех нас в один прекрасный день перережет, — сдавленным шёпотом возвещала она после очередного визита Емельяныча, от ужаса округляя подведённые фиолетовым карандашом глаза.

— Да куда ему — он же ещё молодой, — возражали ей.

— Молодой да ранний, — упрямствовала Ксения Андриановна и пользовалась случаем, чтобы лишний раз повторить: — Синяя Борода! Говорю вам, Синяя Борода! — Хотя никакой бороды у нашего соседа отродясь не было, и уж тем более синей.

Наоборот, каждое утро он исправно брился перед осколком разбитого (плохая примета!) зеркала, хранимым в мьльнице как величайшая драгоценность. Стригся же он у соседки Матрёны Ивановны Бульбы, обладательницы ручной машинки, расчёски, позаимствованной из банной парикмахерской, и портновских ножниц, коими она ловко обкарывала слишком буйные кудри и дикие, растрёпанные патлы.

Причём стригся он коротко, до белобрысого ёжика, и носил серьгу в ухе, хотя та же Ксения Андриановна пренебрежительно фыркала на это и за глаза ругала его за дурной тон. По другой версии (мною не проверенной), носил не серьгу, а фикса на зубе, поставленную нашим дантистом Слободаном Деспотом, сербом по национальности, чью фамилию предпочитали лишний раз не произносить, чтобы не возникали нежелательные ассоциации: фикса фиксой, но какие могут быть деспоты в *союзе нерушимом республик свободных*...

Но всё-таки и Слободан, и Матрёна Ивановна, и Ксения Андриановна не раз и с самой изысканной дикцией выговаривали, что чистить ботинки в коридоре — это именно *западно*. И не только потому, что после чистки (к счастью, не партийной) на весь коридор скипидарно воняло гуталином, но и потому, что коридор — так же, как и кухня с закопченными, засаленными примусами, и жуткая, пещерная, неандертальская, запиравшаяся на огромный ржавый крюк уборная (не путать с концертмейстерской уборной, где гримировалась Ксения Андриановна) — являлся общественной или коммунальной собственностью, в отличие от комнатух, почему-то называвшихся у нас квартирами.

О комнатухах каждый мог сказать: “Моя квартира”, а о коридоре — нет, поскольку он в равной мере принадлежал всем. А кроме того, в коридоре висел телефон с огрызком карандаша на шнурке (все обои вокруг были исписаны телефонными номерами). И если звонили не тому, кто мимоходом брал трубку, то он, положив её на круглый столик, стучал кулаком в дверь чужой квартиры: “Вас к телефону!” — или даже: “Вас к аппарату!” И каждому было ясно, к какому именно аппарату его вызывают и что этот аппарат не какой-то неведомый и загадочный (мало ли на свете разных аппаратов!), а вполне обычный, с крутящимся диском, циферками и буквами. Хотя буквы потом упразднили... Словом, телефон. И говорили по такому телефону — невзирая ни на какие протесты (“Голубушка Матрёна Ивановна, нельзя ли покороче? Я жду звонка из филармонии...”) — иногда часами. И только Синяя борода по телефону никогда не звонил, и ему не звонили, словно и это было *западно*.

Поэтому какие уж там ботинки — никто бы не потерпел запаха гуталина или ваксы, а что ещё важнее — посягательства на коммунальную собственность, оберегаемую столь же ревниво, как и прочие завоевания пролетарской революции, отгремевшей совсем недавно, всего-то двадцать лет назад (а это не срок для истории). Из этого следует, что и время стояло довоенное — тридцатые годы, когда меня ещё не существовало и в то же время я уже существовал. Был отброшен некоей магической проекцией из пятидесятих в тридцатые или спускался туда на потайном лифте, как члены правительства — в особый, предназначенный только для них, бункер (скажем, под самым Кремлём). Отброшен некоей нездешней силой — взрывной волной, поскольку мне страстно, непреодолимо хотелось знать, а что там было, в эти самые тридцатые. И я стремился совместить: было — не было, и совместить так, чтобы *не было* обратилось в *было*.

Это казалось мне возможным — хотя бы на миг очутиться в желанном бункере, этом недоступном для всех прочих бомбоубежище. И пусть я, родившийся после войны, в сорок девятом, попал туда незаконно, я сознавал, что их — законных — почти всех убьют, разорвут на куски бомбами и фугасами. Или покалечат на войне, оставят вместо ног культышки, поскольку им так назначено по закону судеб и времён (сороковые следуют за тридцатыми, как дорогие спальные вагоны за дешёвыми плацкартными).

Меня же одного не убьют. Меня защитят подземные своды, толстые, непробиваемые стены бомбоубежища, и члены правительства под доносящийся сверху гул канонады будут ласково обнимать, гладить по голове и всячески внушать мне, чтобы с ними я ничего не боялся. Я же, допущенный в спасительный бункер и обласканный членами правительства, буду жадно глазеть по сторонам и стараться всё запомнить, чтобы, вернувшись в свои пятидесятые, рассказать об этом, как я рассказывал о чём-то, случившемся во дворе или на улице, тем, кто не мог этого видеть, потому что безвыходно сидел дома (“Я сегодня не выхожу”).

Вот в чём секрет того, что, расспрашивая о довоенных тридцатых мать, отца и соседей, я внезапно прерывал их и принимался взахлёб рассказывать сам, и с такими подробностями, о каких они и не подозревали, и поэтому лишь удивлялись моей подсазчице-фантазии. И им невдомёк, что я вовсе не фантазировал, а, в отличие от них, доподлинно знал то, что им было известно лишь понаслышке. Ведь они воспринимали всё в горизонтальном измерении, плоско и однозначно, мне же, спускавшемуся в потайной бункер, ставившаяся доступна таинственная вертикаль.

Глава вторая

НЕМЕЦ ПО МАТЕРИ И РУССКИЙ ПО ОТЦУ

Однако хватит об этом: рассказ не обо мне. Сам я ещё долго вообще не умел чистить ботинки, больше полагаясь на отца, настолько не принимавшего мои детские, с вечно развязывавшимися шнурками ботинки всерьёз, что он мог наскоро — двумя махами щётки — отзеркалить их до блеска. Делал он это в коридоре, возле столика с телефоном. И его никто не осуждал, и это никем не воспринималось как посягательство на священную коммунальную собственность.

Но это происходило уже в мои пятидесятые годы. Сейчас же, повторяю, речь не обо мне, а о *другом*... скажем так для красоты слова, *ещё неведомом избраннике, но только с русской душой* (стихотворение про избранника с русской душой нам задали выучить наизусть в красной кирпичной 94-й школе по Большой Молчановке, где я отучился четыре года). О русской душе нашего избранника уместно упомянуть, поскольку сам он если и не был чистокровным немцем, то фамилию носил немецкую — Браун.

Столь же уместно по этому поводу вернуться к упомянутому ритуалу и добавить, что и на лестнице у нас ботинки не чистили. На лестнице чёрного хода воняло кошками и мусорными ведрами. А на лестнице хода парадного было темно (а если ввинчивали лампочку, то мы, мальчишки, не успокаивались, пока не разбивали её метко пущенным из рогатки камушком), и приходилось уступать дорогу тем, кто сам спускался и поднимался по ступеням или спускал и поднимал с собой велосипед, лыжи, детскую коляску.

Да и шика не было — махать щёткой на тёмной лестнице. В таком же деликатном деле, как ритуал, нужен прежде всего шик. Да, ботинки следовало чистить с особым шиком, и поэтому чистили их во дворе, на виду у всех. Умывшись, причесавшись и надев чистую майку с надписью *Трудовые резервы*, выходили во двор и выносили с собой щётку, баночку с гуталином и бархотку для наведения блеска. Ставили ногу на низенький заборчик, окружавший клумбу, на выпотрошенное, принесённое с помойки кресло или ящик из-под бутылок (подобные ящики китайской стеной окружали палатку для приёма посуды) и — приступали к священнодействию.

Сначала окунали щётку в гуталин или ваку, оскверняя их девственную поверхность. Затем размазывали гуталин по ботинку, после чего лёгкими касаниями доводили стенки ботинок до нужного блеска, чтобы после этого закрепить достигнутое бархоткой, чёрной или коричневой, в зависимости от цвета ботинок. Полировать коричневые ботинки чёрной бархоткой тоже считалось *западло* (даже при коричневом гуталине) так же, как и чёрные — коричневой.

Я так подробно рассказываю об этом, поскольку в тридцатые годы — при всеобщем коллективизме, дальнейшем уплотнении бывших и коммунальной жизни — чистка ботинка была единственным проявлением уважения к себе, собственного достоинства и, в конечном итоге, личной свободы. Для тридцатых, предвоенных годов это был глоток свободы. Свободы, доступной не каждому, а лишь тому, кому давался шик и кто умел держать фасон, отзеркаливая щёткой, а затем бархоткой мыски своих ботинок.

При этом мимоходом замечу, что вместо ботинок многие носили матерчатые тапочки, которые являлись такой же приметой времени, как и футболки со шнуровкой на груди. Тапочки гуталином, естественно, не покрывали, а выбеливали зубным порошком или слегка разведённым водой толчёным

мелом. Может быть, и в этом был некий шик — я допускаю; правда, сами матерчатые тапочки я уже не застал. Мода на них прошла вместе с тридцатыми. Хотя, может быть, может быть, — не спорю, но вот чего в них точно не наблюдалось, так это свободы.

В том-то и весь сюр тридцатых, что белёные тапочки — так же, как и футболки со шнуровкой, подземные дворцы метро, лагеря под Воркутой и Магаданом — стояли уже за гранью рационально познаваемого мира. В белёных тапочках неким образом угадывались печать рабства и знак смерти.

Я это остро чувствовал по фотографиям тридцатых годов, хранившимся в нашем семейном альбоме. Слишком беззаботно все на них хохотали, дурачились, от избытка веселья по-детски высовывали язык, показывали языком, будто у них за щекой спрятан неведомо откуда взявшийся шарик, готовый выпрыгнуть изо рта, приставляли друг другу к затылку рожки. И все, конечно, ходили в белых тапочках (строгие, начищенные ботинки не позволили бы так себя вести). Такая отчаянная беззаботность вскоре оборачивалась чьей-либо смертью или арестом. Недаром белые тапочки надевали на ноги покойникам перед тем, как их заколотить в гробу.

Ни у кого в нашем дворе начищенные ботинки так не сверкали, как у нашего соседа Кольки Брауна. Никто так не ставил ногу на низенький заборчик или ящик из-под бутылок, не окунал щётку в вакуу, оскверняя её девственную поверхность, не размазывал вакуу по стенкам ботинок, не орудовал щёткой, а затем бархоткой, как он, тот самый *неведомый избранник*, скрывавшийся за обитой драной клеёнкой дверью, немец по матери и русский по отцу.

Фамилия отца была — Егоров, но Кольку всё равно звали Брауном и только Брауном, поскольку очень уж было стрёмно, заманчиво и причудливо. Все во дворе знали, что Колька — вор из подворотни, фамилия же у него при этом была не Иванов, не Петров, а — поднимай выше — Браун. Фамилия, как у академика ВАСХНИЛ, директора ВДНХ, ВЦПКиО или народного комиссара путей сообщения СССР.

При этом я разузнал, что отца его расстреляли за крупную растрату, мать же повесилась в лагере. За Колькой присматривала одноглазая тётя Зина, но она вскоре спилась (*глоток свободы* ей заменял стакан водки), и, в сущности, Колька остался в своей квартире один. Чтобы подкормиться, стал подворовывать, а там и воровать.

Вот такие обыкновенные чудеса — чудеса в духе тридцатых. И немецкая фамилия не помешала короновать Кольку, уже не жиганёнка, а фартового жигана, поскольку Колька Браун так ловко воровал, что его взяли с поличным только раз, и сидел он не где-нибудь, а под Воркутой, о чём свидетельствовали главные воровские документы — наколки на груди, плечах и спине.

Глава третья

РАЗМЫТОСТЬ ПОНИМАНИЯ

О том, что Колька Браун — вор, у нас во дворе все прекрасно знали. Даже не то чтобы догадывались или подозревали, но именно знали: в нашем доме есть вор, и показывали на угловой подъезд, называли этаж дома и номер коммуналки, в которой он живёт. Это являлось таким же очевидным, неоспоримым фактом, как и то, что у нас есть священник или попросту поп Филипп, прозванный так, поскольку он служил в храме апостола Филиппа рядом с Арбатской площадью. Косицу длинных волос поп Филипп прятал под парусиновую шляпу, пиджак носил плоский, как с покойника, рубашку всегда застёгивал на верхнюю пуговицу, а рясу таскал свёрнутой в школьном портфельчике.

Также есть у нас художник Васька Тюбик, малевавший плакаты и пропивавший по окрестным пивным ларькам полученную выручку. Есть генерал Мефодий Драч, за которым присылали отливавший чёрным лаком катафалк — служебный автомобиль с кремowymi занавесками на окнах. Есть жизнерадостный дебил Вовочка, живший с бабушкой и носивший одну и ту же тюбетейку зимой и летом. И есть дурочка Маруся, одевавшаяся на

помойке, хотя тогда старые вещи особо не выбрасывали, а отдавали за гроши старьевщику Мустафе.

Но Маруся отличалась особым нюхом на то, когда и что выносят. Старьевщика ведь надо дожидаться, пока он пройдёт со своим мешком, оглашая дворы протяжным зовом, похожим на нытьё муэдзина, созывающего верующих на молитву: “Старьё бе-рё-ё-ё-м”. У многих же дожидаться не хватало терпения, и они выносили. А уж тут Маруся выпрашивала или вырывала у них из рук это старьё, если они сами, замешкавшись, ей не отдавали.

Таким образом, Марусю одевали всем двором, и не только одевали, но и подкармливали, особенно по праздникам: совали ей, как нищенке, то кусочек кулича, то крашеное яичко, то украшенную цукатами творожную пасху на блюде, то ломоть окорока с жирком и со слезой. Маруся уносила всё это к себе за сарай или на чердак, жадно поела, записывая в рот, а затем мучилась и стонала от болей в желудке.

Кроме того, о Марусе с суеверным страхом, жалостью и уважением говорили, что у неё сифилис — так же, как у матери, заразившейся от пьяного солдата и спинувшей вместе с ним где-то под Джамбулом.

Ну, и — как полагалось каждому двору, у нас был свой Рыжий и свой Пушкин: кучерявый Сашка Пушкарёв (его даже звали почти как Пушкина) и Володька Цаплин с пылающим костром на голове.

Словом, кого у нас только не водилось, поэтому стоит ли удивляться, что среди прочих имелся в наличии и вор — Колюня, Колька, Николай Браун. Вор же на то и вор, чтобы красть. Казалось бы, это всем известная, непреклонная истина, но у нас как-то не до конца понимали, что между Колькой и украденными вещами существует связь (поясню на примере: первобытные люди не осознавали, что есть причинно-следственная связь между соитием и рождением ребёнка). Некая размытость этого понимания могла иметь лишь одно объяснение, причём совершенно иррациональное и почти сюрреалистическое: нашу русскую природную доброту. Или — что по смыслу то же самое — простоту. Хотя, возможно, это та самая простота, что хуже Колькиного воровства.

Иными словами, Колька Браун был для нашего двора свой, почти родственник. Живи он в другом дворе, и степень родства уменьшилась бы, округлилась почти до нуля. Но он из нашего двора. Туда, во двор, выходили окнами два многоэтажных, громадных дома и пристройка в полтора этажа, называемая бельэтаж потому, что там жила кассирша из театра Вахтангова — Нонна Аркадьевна. Поговаривали, что некогда наша Нонна заменила на Аркадьевну свое отчество Адольфовна, чтобы её не туркали и не злословили, будто она дочь Гитлера. Её любимым словом, которое она без конца повторяла и всюду совала, было *репертуар*. От неё только и слышалось: “Какой у вас репертуар духов?” или “Где вы достали такой репертуар губной помады?” На это ей кто-то однажды ответил: “Однако какой у вас богатый репертуар всяких глупостей!” После этого она долго обижалась, дулась, на всех шипела и фыркала.

Тем не менее, надо сказать, что Кольку эти два дома и пристройка — при всех условиях — любили. Ну, подворовывает Браун — что с того! Воровать-то у нас, в сущности, нечего *при нашем репертуаре*. Зато любить — это наше богатство. По-русски любить и жалеть. И Кольку всем двором за глаза жалели и любили. Даже обожали за единственные у него, но идеально начищенные, сиявшие и переливавшиеся радужным блеском коричневые ботинки, которые Колька, любуясь, сначала надевал на руку, а затем с шиком всовывал в них ноги.

А то, что он вор, обнаруживалось, если у кого-то пропадала какая-нибудь мелочь и дрянь. И тогда Кольку временно, пока не забывалась пропажа, ненавидели, поносили последними словами, часто вершили над ним всем двором самосуд. А могли бы и вовсе прибить, если бы не нож у него в кармане. Нож помогал покончить с раздорами и, как ни странно, способствовал мирному сосуществованию.

Такие были тогда ножи...

И такая вот загадочная русская доброта (или простота). И пусть каждый для себя решит, лучше она или всё-таки хуже воровства...

ПЕРВЫЕ КРАЖИ И ПЕРВЫЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ

Первая детская кража Кольки, с которой он начал свой славный боевой путь (так иронично выразился Слободан Деспот, но впоследствии ирония отпала), была трогательна и невинна. А именно: проголодавшись, он похитил кусок шарлотки с яблоками, испечённой Ксенией Андриановной к своему дню рождения или дню рождения Моцарта, что, в сущности, одно и то же, поскольку оба дня совпадали. Кража сразу обнаружилась, потому что на губах у Кольки налипли крошки от съеденной шарлотки и сахарная пудра. Щёки же были перемазаны яблочным вареньем, до которого он пытался, исхитрившись, дотянуться языком, чтобы слизать его, но так и не смог: языка не хватило, и варенье засохло у него на щеках.

Ему тогда, как истинному вундеркинду в воровском деле, было лет шесть или семь, а то и меньше...

Собственно, из-за возраста Кольки это и сочли даже не кражей, а проступком, подпадавшим под разряд *взять без спросу*, тем более что Колька по неопытности во всём покаялся.

— Это ты взял без спросу? — напрямик спросила его Ксения Андриановна, и Колька сразу сознался:

— Я, тётяшка...

Сознался и даже расплакался от позора, уличённый в преступлении нашей коммуналкой, взиравшей на него с суровым (это вам не шуточки) осуждением.

Его признание так растрогало и умилило Ксению Андриановну, что она неделю угощала Кольку всякими лакомствами, зазывая его к себе, усаживая за пианино и ставя тарелку на клавиши, поскольку стол был занят швейной машинкой, обрезками тканей и немойтой посудой. Скопившуюся за неделю посуду она называла натюрмортом и не спешила отнести на кухню в раковину, это отвлекло бы её от искусства, коему Ксения Андриановна служила всей душой.

Вторая кража оказалась уже посерьёзнее. Кольке стукнуло двенадцать, когда он украл с пианино фарфоровую балерину, изящно оттягивавшую ножку и заводившую за спину руки, словно лебединые крылья. Это не помешало Кольке вынести её за пазухой из дома и загнать на толкучке. Дерзкая кража долго оставалась нераскрытой, пока один из соседей — в утешение Ксении Андриановне — не принёс с толкучки *такую же* балерину, а она оказалась *той же самой*, что было установлено хозяйкой по ей одной ведомым приметам. Подозрение сразу пало на Кольку Брауна. Над ним собрались уже вершить самосуд, но он заперся на ржавый крюк в уборной и пообещал повеситься или уморить себя голодом, если его не простят. Конечно, по доброте и простоте простили...

Третья кража... Впрочем, нет смысла перечислять его первые кражи, поскольку все они сводились к одному: вынес из дома и продал. Ну, вынес и продал ручную машинку и портновские ножницы Матрёны Ивановны, паплету Васьки Тюбика, которую тот, как Решин, для удобства за особые ремни вешал на шею. Похитил и вынес школьный портфель с рясой отца Филиппа, посчитав, что в нём хранится опиум (для народа), который ему так хотелось попробовать...

Однажды чуть даже не выволок зуболюбное кресло Слободана Деспота, но его вовремя остановили и дали ему хорошую взбучку (с возрастом, однако, Колька поставил себя так, что не то чтобы бить — тронуть его уже не решались).

Словом, кражи его разнообразием не радовали, если, конечно, радовали вообще. Впрочем, нашлось одно исключение. Когда у той же Ксении Андриановны срезали на рынке чёрно-бурую лису с воротника пальто, пока она торговалась, и при этом умудрились прихватить из кармана последние деньги, Колька Браун за неё вступился. Он принёс и вернул ей и лису, и деньги, отобранные у рыночных воришек. Отобранные с угрозой всех их взять на перо, если фразернут и не вынесут краденое. Ему тогда было уже семнадцать...

Это снова её растрогало и умилило. Ксения Андриановна объявила всему коридору, что отныне Колька, совершивший ради неё такой героический

подвиг (впрочем, настоящие подвиги были ещё впереди), пользуется её полнейшим доверием. И, когда Ксения Андриановна слегла с очередной инфлюэнцией, она попросила Кольку (теперь уже — Николая) по доверенности взять для неё в сберкассе деньги.

Николай поручение выполнил и все деньги принёс до копейки. Ксения Андриановна, просиявшая от умиления и восторга, их даже не пересчитала. И лишь потом выяснилось, что он подделал доверенность и взял с книжки вдвое больше денег, чем она просила, и присвоил солидный куш себе. Присвоил и растратил, как когда-то его отец — с тою лишь разницей, что тот тратил государственные, а его сын — личные сбережения восторженной и доверчивой соседки. И его за это — в отличие от отца — не расстреляли, потому что Ксения Андриановна — по доброте и простоте — его простила и даже не стала заявлять в милицию.

Глава пятая

ЛЮБОВЬ НИКОЛАЯ БРАУНА

Если бы Колька жил в Одессе, неподалёку от Фонтана и Французского бульвара, и его бы звали не Колькой, а Костей, о нём можно было бы сказать словами известного шлягера:

*Фонтан черемухой покрылся,
Бульвар Французский был в цвету.
“Наш Костя, кажется, влюбился”, —
Кричали грузчики в порту.*

Правда, фонтан с каменным мальчиком, державшим рыбу (из её пасти била вода), стоял у нас на Арбатской площади. И бульваров насчитывалось, по крайней мере, три: Тверской, Никитский и Гоголевский. И грузчики собирались не в порту, а возле мебельного магазина, где их нанимали покупатели буфетов, диванов с валиками и кровати с никелированными шариками на спинках. И нашего Костю звали всё-таки Колькой Брауном.

В остальном же всё совпадало: Колька влюбился в дочь генерала Драча, жившего на третьем этаже, и не в коммуналке, а в настоящей квартире из пяти комнат. Квартире с лепным потолком, балконом, похожим на ложку Большого театра, арочными окнами и угловым фонариком, в ромбовых переплётках которого сверкали и переливались под солнцем разноцветные стёклышки.

Некоторое время эту пятикомнатную квартиру убирала наша Матрёна Ивановна, рассказывавшая, какие там хоромы и какая роскошь: просторные комнаты со шкапами, зачехлёнными креслами, турецкими диванами, зеркалами и даже мраморными скульптурами обнажённых девок и мужиков — срамота, но смотреть приятно. Пол не крашеный, не с мышинными щелями меж досок, а паркетный, надраенный полотёром до свекольно-красного отлива. Унитаз в уборной не ревет, как у нас, когда спускают воду, и закрывается она не на огромный ржавый крюк, а на никелированную задвижку.

Из-за этих рассказов, собственно, Матрёну Ивановну и уволили, лишив её оклада и премиальных (а заодно и вычетов за опоздания, не вытертую с рояля пыль, разбитую посуду и прочие прегрешения). Уволили за болтливость и неумение хранить тайну, поскольку было сочтено, что она выдаёт военную тайну, как будто данные о расположении генеральских шкафов и диванов могли быть использованы врагами при подготовке к войне.

Впрочем, без всяких *как будто*: могли быть использованы, как и данные о дислокации войск, их передвижении и огневой мощи. Хотя в будущую войну ещё не верили, а больше доверяли завзятым и испытанным острякам — их шуточки приносила из филармонии Ксения Андриановна — и одобрительно посмеивались, когда те называли Большой театр — Большим театром военных действий из-за постоянных склок, интриг, шиканий нанятых клакеров и соперничества враждующих партий. Однако и это не лишало оптимизма, поскольку все знали, что *от тайги до британских морей Красная армия всех сильнее* и всё такое прочее...

Генеральскую дочку звали Богданой, хотя сначала хотели назвать Нинель (наоборот читается как Ленин), но посчитали, что Ленин всё-таки мужского рода, да и новообретённое имя плохо сочетается с фамилией Драч. Плохо сочетается и к тому же содержит нежелательный намёк, звучит оскорбительно для вождя. Получается, что Ленин — драч, дерёт последнюю шкуру с несчастной России. За такой намёк можно было схлопотать срок, оказаться в тайге и испытать на себе силу доблестной Красной армии, бдительно стерегущей таёжные лагерные бараки. Поэтому пусть любимая дочь лучше будет Богданой Драч, — так как-то надёжнее и спокойнее...

Итак, Богдана, избранница Николая Брауна. Красавицей она не была, но была жеманницей, горячкой и зазнайкой, что ставилось тогда у нас выше красоты, поскольку красавиц во дворе насчитывалось немало — и золотисто-рыжая Лена Володина, и маленькая, изящная, с точёным носиком Галя Кондратьева, и жгучая, иссиня-чёрная брюнетка Люба Фраерман, которую дразнили за её фамилию (“Отец у тебя фраер, а ты — его дочь — Фраерманша”), но при этом всё-таки признавали красавицей. Словом, были красавицы хоть куда, но мало кто позволял себе так откровенно жеманничать, задирать нос и зазнаваться.

Зазнавались, конечно, но тайком, втихаря, про себя. Выходить же с высокомерным видом на балкон, усаживаться там, как в ложе Большого театра, с презрением смотреть на дворовые игры, усмехаться и затыкать уши, если их участники слишком орала и визжали, — нет, такого наши признанные красавицы себе не позволяли. И только вовсе не признанная, в панаме и с приклеенным к носу берёзовым листочком, чтобы от загара веснушки не высыпали и нос не облупился, Богдана Драч или попросту Драчиха — единственная на весь двор — всех высокомерно презирала, называла дураками и уничтожающе высмеивала. Если же дворовую ораву заносило к ней под балкон, обливала всех водой из велосипедного насоса и бросала в них зажжённые спички, за что ей тоже попадало, но она оставалась довольна и сияла так, словно её не отчитывали, а наоборот, хвалили и одобряли...

За всё это весь двор её ненавидел, дразнил и обзывал, и только Николай Браун угораздило в неё по уши влюбиться. Влюбиться, и лишь потому, что однажды ему довелось случайно увидеть, как ей, сидевшей перед зеркалом с приспущенными лямками ночной рубашки, расчёсывают гребнем волосы и заплетают длинную косу. Это его так поразило, что он — лучше всех чистивший ботинки и поэтому самый свободный в нашем дворе, — стал её верным и послушным рабом. Стал таким джинном из заплесневелой бутылки, выкатившейся откуда-то ей под ноги и откупоренной с брезгливым высокомерием, от безучастного желания посмотреть, что из этого выйдет и какой её ожидает дурацкий фокус.

Глава шестая

БИЖУТЕРИЯ И БУТАФОРΙΑ

Каждое утро Коля Браун выносил во двор венский стул, ставил напротив её балкона и сидел, выпрямившись, чуть ли не весь день, сторожа, когда на балконе соизволит появиться его повелительница. Домашние Богданы Колю прогоняли, обшикивали его, высунувшись из окна: “Катись отсюда!” — ругали последними словами, высмеивали, крутили пальцем у виска; генерал грозил ему с балкона разными карами.

К этому добавляли призывного воркования и щекота Голубкина и Щеголова, две одержимые поклонницы Брауна, влюблённые в него до помешательства. Они прохаживались поодаль от него, но на расстоянии достаточном, чтобы тот их услышал, обменивались выразительными взглядами и с пониманием повторяли: “Любовь! Неземная любовь! Только пусть эта горячка и зазнайка ни на что не рассчитывает. Николай в любви такой урод и аскет, как и Павка Корчагин”. Но и после этого Николай не уходил.

Мотоциклисту Додику и владельцу чёрной “эмки” Рашиду Салмановичу (его перед самой войной арестовали), державшему свой автомобиль во

дворе, под сенью тополей и акаций, приходилось совершать сложные манёвры, чтобы сидящего Кольку объехать. Однажды во двор задом вырулил грузовик со шкафами, кроватями, связками книг, узлами и тюками (к нам переселялись новые жильцы), которому Браун со своим стулом мешал проехать. Водитель стал отчаянно сигналить, грузчики в кузове — материться, новые жильцы из кабины — упрашивать и увещевать, но Николай всё равно не покидал свой пост, как часовой, получивший приказ охранять важный объект.

При этом замечу, что никто не решался с угрожающим видом приблизиться к нему, сгоряча толкнуть или ударить: что-то в его облике всех останавливало, завораживало, не позволяло перейти черту, внушало, что с Николаем лучше не связываться.

Браун же упорствовал до тех пор, пока не вмешивалась Богдана и не снимала с него заклятие, махнув ему платком, как гладиатору с обнажённым мечом, поставившему ногу на поверженного противника, в ожидании высшего суда, окончательного решения его участи. Взмах же платком означал примерно следующее: “Ну, хватит. Уймись. Дай проехать”. И Николай пощадил поверженного — уступил дорогу грузовику.

Весь двор был свидетелем того, что верный паладин готов был выполнить любой приказ своей дамы. Готов был — и выполнял: забирался на самую высокую перекладину пожарной лестницы, рвал для Богданы в палисаднике настурции и бегонии (золотыми шарами он брезговал) и совершал прочие подвиги, способные, казалось бы, воспламенить её сердце. Но, увы, оно оставалось холодным.

И лишь когда однажды Николай Браун не пришёл утром на свой пост, а затем не появился внизу под балконом целую неделю (вечность), Богдана сначала забеспокоилась, стала чаще выглядывать в окно и наводить на дальние уголки двора кремового цвета театральный бинокль. Наводить, подкручивать колесико на оси, протирать платком фиолетовые стекла, снова наводить и подкручивать.

Голубкина и Щеглова же при этом, прохаживаясь под балконом, твердили о том, как они были правы, когда предупреждали, чтобы та ни на что не рассчитывала.

В конце концов, Богдана не выдержала. Она разревелась и даже впадала в истерику, расшвыривая по комнатам вещи, запираясь в уборной, прячась за шкафы, отбиваясь ото всех, кто протягивал к ней руки, стараясь её утешить и успокоить. Это могло означать только одно: неприступная и высокомерная Богдана с её пышными косами тоже смертельно влюбилась. В итоге, Браун свою возлюбленную украл. Подставив к стене дома лестницу, он взобрался на карниз, а затем, подтянувшись, перемахнул через перила балкона и вместе с Богданой — тем же путём, по карнизу и лестнице — осторожно спустился вниз. Богдана, смертельно боявшаяся высоты, при этом даже не пикнула, а лишь восторженно смотрела в глаза своему похитителю. Браун спрятал возлюбленную в подвале под завалами, куда уже много лет никто не решался спуститься, и лишь он один знал там все входы и выходы. У него была там своя конурка, где он хранил краденые вещи, и гордился тем, что конурка выглядела, как комиссионный магазин, — с картинами, мраморными Купидонами, антикварной мебелью, “всякой бижутерией и бутафорией”, как говорил Николай, считавший, что за этими словами, не совсем внятные ему по смыслу, скрываются ценности высшего порядка.

Был там и немецкий аккордеон, на котором Браун подбирал по слуху разные мелодии — не только одну “Мурку”, но танго и фокстроты (во дворе он считался королём модных танцев; Голубкина и Щеглова млели, когда он их вёл, опрокидывал и крутил).

Всё это он бросил к ногам своей возлюбленной, наречённой единственной и полноправной хозяйкой его несметных сокровищ, и особенно, конечно, бижутерии и бутафории, что заставило Богдану улыбнуться и промолчать, чтобы не обижать и не разочаровывать её нынешнего повелителя. Она с девственным трепетом ждала: здесь, в этой конурке, меж ними свершится то таинственное и непостижимое, что соединит их навеки.

Три дня её разыскивали с фонариками, громкоговорителями и собаками. Но проникнуть в подвал под завалы никому не удавалось. Генерал во

всеуслышание клялся Брауну содрать с него живого кожу, если тот не отпустит Богдану. А затем (убедившись, что угрозы не действуют) умолял вернуть ему дочь, обещая амнистию и отпущение всех грехов.

На четвёртый день Богдана, безвольная и опустошённая, сама вышла из подвала. К ней бросились близкие, заохали, запричитали, увели домой, стали со страхом заглядывать ей в лицо и атаковать вопросами:

— Дочка, что?.. Что он с тобой сделал?

— Ни-че-го, — ответила она с такой обидой и разочарованием, что никто не решился повторить этот вопрос.

— О чём вы с ним разговаривали? Он морочил тебе голову, клялся в любви?

— Мы разговаривали о войне.

— Какой ещё войне? С кем? С белофиннами? С японскими самураями?

— С немцами.

— Немцы же наши друзья... С чего вы взяли, что с ними будет война?

— Николай мне пообещал.

— Что за глупости! Он-то откуда знает?

— Знает, — сказала Богдана так, словно само по себе это достоверное и неопровержимое знание было гораздо важнее, чем его источник. — Ведь он же немец.

Эту фразу подхватили, и она разлетелась по двору. С тех пор во дворе стали считать, что Николай Браун — поскольку он не русский, а немец, — обладает особой осведомлённостью о будущей войне. Николай посвящён в планы немецкого командования, знаком с донесениями разведок, и уж если кого спрашивать, то лишь его: уж он-то не ошибётся.

Кончался тридцать девятый. Николаю Брауну стукнуло восемнадцать лет.

Глава седьмая

РАЗУМЕЙТЕ

В гирляндах ёлочных шаров, под сверкание бенгальских огней, сыплющих звёздные искры, и шипенье пенистых бокалов с “Советским шампанским”, при осанистой выправке Деда Мороза из папье-маше, заваленного ватным снегом, похожего на театрального Ивана Сусанина, наступил сороковой год.

О, предвоенный сороковой — время радужных блёсток бижутерии, футбольных матчей на стадионе “Динамо”, время бутафорское, показное (будем бить врага на его территории), аскетическое, целомудренное и, как сказано (а теперь с умыслом повторено), — предвоенное... Хотя войны, повторяю, особо не ждали, и на тех умников, кто её предвидел, пророчил и предсказывал, смотрели с подозрением — почти как на врагов или вражеских шпионов (не путать с отечественными разведчиками — такими, как актёр Кадочников из известного фильма).

А если и не врагов, то слишком зрячих, наделённых особым, болезненно изощрённым зрением, что тоже не поощряется. Зрением, позволяющим различать далёкое и не видеть близкое, а это, знаете ли... Это как чистить ботинки в коридоре и при этом отравлять скипидарной вонью гуталина чистый воздух. Иными словами, *западло*...

Поэтому-то и лучше быть слепым, чем зрячим, лучше быть близоруким, чем дальноруким... Пить “Советское шампанское” и отдыхать в Парке культуры и отдыха имени Горького. Так-то, граждане. Разумейте... Ведь жизнь — она вот тут, вблизи: на Красной площади, на парадах и демонстрациях: все дружно шествуют, все веселятся. Перед гранитным мавзолеем машут флажками: “Слава... слава...” — и дружное эхо слитных голосов разносится аж до Васильевского спуска, а то и за Москва-реку. Физкультурники застывают в трёхъярусных пирамидах на мускулистых плечах друг у друга. Передовики и стахановцы вышагивают с бутафорскими отбойными молотками наперевес, а колхозники — с такими же фанерными, налитыми отборным зерном колосьями. С мавзолея их скуными, но выразительными жестами

приветствуют, одобряют и поздравляют многочисленные вожди во главе с главным и единственным Вождём, почти богом.

Тут и выпить не грех (по негласной директиве это не возбраняется), и сплясать под гармонку, поскольку светлое будущее — оно тоже здесь, рядом, не за горами. Недаром сказал поэт, если не лучший и талантливейший, калибром помельче, то всё-таки сазандарь (воспевал Грузию и переводил любимых Вождём грузинских поэтов): “Ты рядом, даль социализма”. Вот оно как: даль-то, оказывается, рядом. Потому и тот, кто близорук, если не вовсе слеп, кто верит в близкое и не страшится какой-то там далёкой войны, — тот свой, из наших, испытанный и надёжный. Далёкое же размыто, туманно, обманчиво — в него и вглядываться не стоит. Белофиннов мы одолели, японских самураев разгромили: “И летели наземь самураи!..” Пакт о ненападении заключили, Молотов и Риббентроп после подписания подняли бокалы с шампанским — чего ещё бояться? Только получать командирские пайки с балыком и икрой, путёвки в санатории Крыма и Кавказа, ордена и звёздочки на погоны...

И — короноваться на звание вора в законе... Это тоже особо не возбранялось, милиция смотрела сквозь пальцы и не вмешивалась. Да и то понятно: раз уж царя-помазанника расстреляли в подвале со всей семьёй, пусть хоть кто-то вместо него коронуется. Хуже не будет, а лучше?.. Все живут так хорошо, что лучше уже невозможно. Главное — Родину любить, уголовники же — братки, — тоже патриоты: у Родины хоть и крадут, но по своим понятиям её любят... За это им и корона на стриженую башку. Пусть красуются — они же не политические. Это те без понятия — умники, интеллигенты, и Родина для них — хуже злой мачехи, хуже оголодавшей волчицы с сосцами, лишёнными молока...

Глава восьмая

АНГЕЛ ЗАКРЫВАЕТ ЛИЦО

Николая короновали весной сорок первого, как мне удалось узнать, хотя я не до конца уверен в этой дате: источники моих сведений слишком зыбки и ненадёжны. Ну, что-то вякнул Сиплый с первого этажа, хотя он тогда был ещё пацаном и толком ничего не помнил... что-то добавил Горбатый, старый вор в законе, якобы сидевший с Брауном под Воркутой. Но пойдй разбери, врёт он или не врёт, поскольку сочинять мастер и настоящая кличка его — Горбатов, по фамилии писателя. И он сам эту кликуху чуток изменил — подправил, чтобы не поганила ему воровской авторитет, чтобы втихомолку не дразнили и не поддеивались.

Ну, что-то подтвердил Иван Могила, самый надёжный источник, которого так и нарекли — Могилой (настоящая фамилия его Хвоц), поскольку, если что скажет, то это — верняк. Верняк не верняк, а всё равно сведений мало, что я не мог не сознавать и не сетовать по этому поводу. Всё-таки я тоже историк — историк своего двора, и мне хотелось быть точным и в фактах не врать. Ведь тогда вралі запойно, вдохновенно, и в учебниках хватало вранья. Впрочем, не буду ругать учебники, как не буду хулить мою красную кирпичную школу на Большой Молчановке, где отучился четыре года, моих наивных, неискушённых, девственных учителей (их ведь тоже не доучили) и директора с плоской грудью, особым педагогически выверенным накрахмаленным жабо на шее и перетянутым шрамом ртом — Дору Дормидонтовну.

Не буду, ведь я их не просто любил, а боготворил, считая чуть не бесплотными ангелами, неземными существами, кои питаются цветочной пыльцой или амброзией и, уж конечно же, не ходят в туалет (мое детское воображение не допускало такого кощунства и осквернения святыни)...

Однако вернёмся к коронации. Для меня как историка нашего двора одно несомненно. Вернулся Николай вором в законе, о чём весь двор сразу узнал: и заговорили, и ещё больше зауважали. Конец мая, цвела в палисадниках настурция и begония, благоухала и лезла в окна черемуха, сладко пахло липами, и первые грозы шумели и прокатывались по небу так, что содрагались водостоки, из которых выметало пенную воду.

За какие заслуги короновали Брауна, ведь Арбат — не воровская Ордынка и не бандитская Марьино роща, где обитают лишь домушники и мокрушники? Там, на Арбате, не случайно рождаются кликухи вроде упомянутого мною Горбатова, поскольку арбатские братки кое-что слышали о делах литературных и даже знали, что на Малой Молчановке некогда жил такой жиган, правда не фартовый, поскольку его убили молодым, по фамилии Лермонтов.

Словом, родиться и жить на Арбате вовсе не означало сразу получить воровскую марку, и на коронации об этом было сказано. Оппозиция базарила, что Брауна следует прокатить, а то он, чего доброго, ещё стихи сочинять начнёт. Да, раздавались по углам и такие голоса... Хотя у Николая нашлись авторитетные и чтимые среди воров поручители, но не это главное. И Сиплый, и Горбатый, и Могила свидетельствуют, что Николай достойно держался. Уж не знаю, начистил ли он до зеркального блеска себе ботинки, но не заискивал и не старался угодить.

С одобрением восприняли и то немаловажное обстоятельство, что его отца расстреляли за растрату. К тому же признали, что арбатские татуировки Николая не уступают ордынским, а к арбатским добавились ещё и воркутинские: словом, он весь был украшен — олицетворённый шик и фасон. Но главное всё же не это. Горбатый рассказал, что Николай составил полный список украденного, и в этом списке под одним из первых номеров значилась генеральская дочка. Такого на подобных коронациях отродясь ещё не слышали. Правда, кое-кто принял это за фуфло, но в целом оценили: это и удивило, и развеселило. Вволю поулыбались, посмеялись, позубоскалили, а весёлая минутка в лагерях ценится ой как высоко. Николаю это зачли. К тому же он выложил в общак крупную сумму, которую чудом довёз до Воркуты и сохранил при шмонах.

Словом, все проголосовали, но тут нужна одна оговорка — поправка некая: все, кроме... ангела. Ангела со смертельно белым, закрытым ладонями рук лицом, чьи крылья были распростёрты за спиной, а ступни — стопочки чистоты божественной, — над землёй зависли. На него указал старичок в драном ватнике по прозвищу Ботвинник, считавшийся у зеков умным и прозорливым. Его звали на коронации с условием, чтобы он сидел и помалкивал, а если что — сказал бы, но коротко и по существу.

Вот он-то после коронации поманил заскорузылым пальцем Брауна, взял под локоть и шепнул ему на ухо:

— Водочки мне нальёшь? Тогда скажу кой-чего...

— Налью, старик. Есть водочка. Говори.

— Видел я *его* аккурат над тобой.

— Кого это? — Николай недоверчиво отстранился.

Ботвинник тихонько засмеялся, конфузливо закрыл беззубый, черневший провалом — дырою — рот ладонью, но всё же произнёс:

— Ангела смерти, милый. Хи-хи-хи.

— Ух ты, мать!.. И что ангел?

— А ничего. Руки-то за тебя и не поднял. Не стал голосовать со всеми. Остерёгся...

Николай задумался, как это понимать. На всякий случай спросил:

— Ну, и что теперь?

— А то, милой... то самое. Разумей, раз такой умный.

— Да куда мне уразуметь... Сам скажи.

— Умрёшь ты скоро. Вот и весь сказ.

— Ну, это мы ещё посмотрим...

— Смотри, смотри, пока глазелки не лопнули... Только умирать всё равно придётся. Да и не тебе одному — многих вскорости Господь приберёт. Страда настала — жатва аж побелела...

— Ладно, не пугай. Я не из пугливых.

— Это верно. Ты герой. По-геройски и голову сложишь. Ну, бывай, страдалец...

— Почему это я страдалец? — Брауну не понравилось, что его так называют.

— А потому что я не зря сказал: страда великая грядёт — вот и страдалец. Водочки, водочки мне не забудь налить. Так-то, милый.

Старик покрутился ещё возле Николая и исчез, словно его и не было. Эту историю мне поведал Горбатый — хоть и не лауреат Сталинской премии, но тоже сочинитель известный. Поэтому за достоверность её не ругаю, но передаю как есть.

Глава девятая

ЗАМОЛЧАНО И ЗАБЫТО

Летом сорок первого, когда в палисадниках пышно и муторно цвели бегония и гортензия, осыпая вокруг себя лепестки, а золотые шары, обламываясь, ложились головками на дорожки, прокатилась по небу самая страшная адская гроза. В полном согласии с пактом о ненападении двинулась на нас жуткая стальная армада и пошла месить нашу землю, подминая под себя всё живое.

То, что слепцы не желали знать, а зрячие предсказывали с точностью до даты — 22 июня — сбылось. Но правоты предсказателей словно бы и не заметили, и не признали, и даже более того — правоту их замолчали и забыли: не они оказались в героях сводок и донесений. Никто пред ними не извинился за преступную беспечность — за то, что им не поверили и пред ними так сплеховали; никто не покаялся. И, конечно же, им не объявили благодарности перед строем и не представили к награде. И всё потому, что те жили чем-то слишком далёким и не умели жить близким, а следовательно, даже в правоте своей оставались чужими.

*Нет ни в чем вам благодати,
С счастьем у вас разлад:
И прекрасны вы некстати,
И умны вы невпопад.*

Некстати и невпопад — как это по-русски! У нас что ни возьми — всё невпопад, и в то же время попадание самое точное. Попадание в десятку. В яблочко.

Оставались же чужими, поскольку мыслили не как все, отличались, не совпадали, а главное, осмеливались считать себя умней командования, генералов, маршалов и самого Вождя, который втайне бывает прав даже тогда, когда явно ошибается. На то он и Вождь. Они же осмеливались считать. А кто так считает, тот не слишком отличается от врагов — врагов затаившихся, замаскированных. Но лишь только их правота — правота зрячих перед слепыми, — обнаружилась, возник непреодолимый соблазн их разоблачить, обличить, сорвать с них маски. Сорвать, поскольку, обличая их, оправдывали себя.

Так я как историк объясняю себе то, что с началом войны отношение к Николаю переменялось. Наша коммуналка и, прежде всего, Ксения Андриановна, Матрёна Ивановна и Слободан Деспот приняли его с прежней любовью, не дали ему почувствовать никакой перемены. Но для двора он перестал быть своим. Наш двор сразу разделился на своих и чужих, воров и честных. При этом наши честные не прочь были что-нибудь мимоходом украсть, а не наши — воры, напротив, могли проявить честность и благородство, поделиться последним и отдать самое дорогое.

Но это ничего не меняло. Воры, в отличие от наших дворовых мальчиков, не шли в военкоматы записываться на фронт и умирать, оставаться навеки девятнадцатилетними. Воров и всю арбатскую подворотню не спасало больше то, что они любят Родину. Никто в их любовь теперь не верил. Поэтому воровская сплочённость дрогнула. Воры взяли реванш уже после Победы, в 1946–1956 годах, когда вспыхнула война воров против суки. Её так и называли: сучья война. Суки отличались от воров тем, что воевали на фронте, якшались с властью, выполняли приказы, получали ордена и медали. Но в сорок первом до этого было ещё далеко; будущие суки ещё ходили в героях, и Николай — при всём своём благородстве и готовности поделиться последним — имел несчастье по меркам нашего двора оказаться среди воров.

Более того, ему припомнили, что он — немец, не Егоров по отцу, а именно Браун по матери.

Раньше этому не придавали значения, и в нашем дворе все нации были вперемешку — русские, татары, украинцы, грузины и даже ассирийцы (в своих узких уличных кабинках они торговали гуталином, шнурками и зарабатывали чистой обувью). Но теперь это значило всё — если не по части татар и грузин, то по части немцев уж точно. Честные (свои) сплотились и выступили против воров (чужих), двор — против подворотни, и если раньше Николая любили как русского, то теперь возненавидели как фрица.

После, правда, стали различать немцев и фашистов, но тогда, в самом начале войны, любой немец был фрицем, а фриц — фашистом, будь он даже близкой роднёй Эрнста Тельмана.

Вот и Николай не избежал такой участи. При этом его перестали бояться и уважать за силу, ловкость и смелость — перестали, потому что оказались в сговоре и чувствовали дворовую спайку — поддержку друг друга. Любое дворовое ничтожество могло свистнуть в два пальца вслед Николаю и бросить ему насмешливый вызов. Да, мои бывшие соседи по коммуналке до сих пор рассказывают, что стоило Николаю выйти из дома, и он слышал за своей спиной:

— Эй, урка, а почему тебя отпустили из тюрьмы до срока?

Это изощрялся шепелявый, стриженный под ноль, с выбитым зубом Федюня, которому Браун, не оборачиваясь, отрывисто бросал через плечо:

— Заткнись.

— Ну, ударь меня, ударь! — напрашивался, лез на рожон Федюня, которому всё-таки хотелось заставить, чтобы к нему обернулись. — Посмотришь, что тогда будет.

— Много чести тебя бить. Ещё в штаны наложишь.

— А тебе не много чести? Честных воров до срока не отпускают. Ты к честным не примазывайся.

— Вали отсюда, сопливый. — Николай еле сдерживался, и сжатые губы его белели.

— Это мой двор, а не твой. Ты здесь чужой. Поэтому сам канай, пока тебе не накостыляли.

Тут Николай слегка приостанавливался, делал вид, что не расслышал, и не без хитрости заходил с другого бока.

— А самокат тебе сделать на подшипниках? Могу и свинцовую битку для расшибалки выплавить. Хочешь?

— А что это ты вдруг?.. — Федюня не решался признаться в своём желании, подозревая какой-то подвох.

— Я сегодня добрый. Пользуйся.

— Ну, сделай... выплави...

— Вот ты и купился... Ха-ха! Дёшево стоишь.

— Пошёл ты со своей биткой... Говори, почему тебя до срока отпустили? Почему в военкомат не идешь? Сдрейфил? Или слишком гордый?

Николай угадывал в этом вопросе влияние дворового агитпропа.

— А кто тебе велел об этом спросить? Двор?

— Ну, двор...

— Вот и скажи своему двору... Меня отпустили, потому что я кое-что знал.

— А что ты знал? Знал, когда начнётся война?

— Когда рак на горе свистнет...

— Ты знал, потому что ты — Браун. Или даже Браунцвейг! Браунпупс! Ха-ха! Браунпупс!

— Браун или не Браун — при чём здесь?..

— А при том, что ты немец! Немец! Иди к своим немцам! Иди к своему Адольфику! Выноси за ним ночной горшок! Лижи ему задницу!

Это был уже самый откровенный — наглый и беспардонный — агитпроп. Иными словами, за такой базар Николай мог и отметелить, а то и порезать, но он сдерживался. Видно, на душе у него свербело из-за того, что он — Браун и что не идёт в военкомат. Всё-таки свербело, и совесть его жгла и мучила, хотя он храбрился и вида не показывал. И начищенные ботинки (всё те же коричневые) на нём, как всегда, сияли, но всё-таки... всё-таки... прожигала насквозь... на то она и совесть.

СОВПАДЕНИЕ НЕ СЛУЧАЙНОЕ

Зимой сорок первого Николай исчез. За обитой драной клеёнкой и изрезанной ножом дверью — последней в коридоре — не слышалось ни звука, ни скрипа, ни шороха. Все решили, что Николая где-то спрятали братки — спрятали от опасности как вора в законе, чтобы он переждал, отсиделся, пока тут такая буча: военкоматы всех гребут, всем шлют повестки с предписанием явиться. А многие и сами рвутся на фронт, что уж вовсе не по воровским понятиям. Иными словами, *западно*. Так дворовый агитпроп изображал исчезновение Николая. Но была и другая версия. Многие высказывали догадку, что он тайком убежал через фронт к немцам (немцы были близко — приближались к Перхушкову). Убежал, чтобы избежать призыва и воевать на их стороне. Вернее, не на их, а на своей, ведь он же Брауншупс — немец. А куда ещё он мог убежать? Не в подвале же прятаться и не на чердаке.

О Брауне спрашивал милиционер — не Емельяныч (того забрали на фронт), а совсем молодой, почти подросток по имени Валериан. Но сказать ему ничего не могли — только отводили взгляд и пожимали плечами. Да и некому было говорить: половина нашей и двух соседних коммуналок ушла добровольцами. Даже ассирийцы заперли свои кабинки, оставив непроданными шнурки и баночки гуталина, и ушли: раскидало их по разным фронтам.

Комнатушку Брауна в конце коридора опечатали, а потом вскрыли и вселили в неё старика-инвалида, стучавшего костылём и что-то клепавшего на ручном станке. Точнее, он сам вселился, никого особо не спрашивая. Вредный был старичок, прижимистый — что твой куркуль нераскулаченный. Мыла и спичек никому не давал (а если одалживал, то под расписку: вернуть с довеском), хотя у самого был целый склад.

Лучше бы вселили ангела, закрывающего лицо ладонями: оставалась бы хоть маленькая надежда. Надежда на возвращение Николая. Старичок же был — хуже самой смерти, такой, что и надежды никакой не осталось. Он прямо всем говорил, и говорил с удовольствием: “К немцам убёг ваш Браун. На довольствие его там поставили. Воюет против нас. Скоро крест получит за старание”. И почти не скрывал, что и сам бы мечтал о таком довольствии и — если б не костыль, — убёг бы к немцам.

* * *

Вот и вся история — если не Арбата (его история ещё не написана), то, во всяком случае, фартового жигана Николая Брауна. Вряд ли спрятали его братки, пусть даже в это верить было бы легче, хоть и лёгкой веры не бывает. Но, скорее всего, перебежал он к немцам. Ведь и сам немец, и к тому же мать научила его немецкому. Читал и писал без словаря. По-русски писал с ошибками и кляксами, грязно, а по-немецки — чистенько и гладко, почти без ошибок. Значит, готовился...

К такому выводу под влиянием агитпропа пришёл двор, а с ним и подворотня. И постепенно к нему же сползала, как подтаявший ледок к самому краю крыши, наша коммуналка. Хоть на агитпроп и не столь податливые, но сползали, скользя подошвами, и концертмейстер Ксения Андриановна, и зубной врач Слободан Деспот, и парикмахерша Матрёна Ивановна, и другие, ютившиеся по правую и левую стороны длинного коридора.

Другой версии у нас не было, и приходилось как-то мириться с этой. Со многим приходится мириться, хотя сначала мы о-го-го... противимся... выказываем своё упрямство и несговорчивость. Но на несговорчивых воду возят. Здесь бы и поставить точку, ан нет, у истории нашлось-таки продолжение.

У старичка, вселившегося в квартиру Николая, однажды углядели газету, которую тот не читал, а рвал на куски и подсовывал под сырые дрова, чтобы растопить печку. В газете же мелькнула фотография — до боли знакомое лицо то ли Николая Брауна, то ли кого-то, на него похожего.

— А ну-ка, милейший, позвольте... дайте-ка сюда, — властно и высокомерно попросила Ксения Андриановна, с нетерпением шевеля пальцами протянутой руки — шевеля так, словно собиралась пробежать ими по клавишам.

Старичок нехотя дал. Ксения Андриановна надела очки, поднесла газету к глазам. Поднесла и тотчас воскликнула: “Он! Господи, он!” С фотографии на неё смотрел Николай Браун. В выцветшей гимнастёрке, с непокрытой, стриженной ёршиком головой, пилотка спрятана под ремень. С двумя медалями на левой стороне груди и орденом Красной Звезды — на правой. Никаких сомнений, что это именно Николай.

Под фотографией же — набранный крупным шрифтом рассказ корреспондента о том, как наш Браун героически воевал, ходил в разведку, вместе с ротными лихими ребятами совершал отчаянные вылазки за языками. Пролезал ужом под колючей проволокой, переходил линию фронта по минным полям. Своим воровским ножом укладывал рядком часовых, не успевавших даже охнуть — не то что вскинуть автомат и выстрелить. Возвращался целым и невредимым, скалился перед медсёстрами извечной своей шальной улыбкой. И сам же переводил всё, о чём доставленные в штаб немцы сообщали на допросах. Сообщали или, по выражению тех же ротных, лаяли на своём собачьем языке.

Рассказывал корреспондент и о том, как в последнем бою под Берлином, отстреливаясь и матерно ругаясь, Николай пал смертью храбрых. Пуля попала ему прямо под сердце и прошла навывлет.

Вот так он и погиб, коронованный вор в законе.

Впрочем, о ругани ничего сказано не было. Хотя эта подробность важна и весьма существенна, корреспондент о ней умолчал. Напоследок сказал лишь о том, что посмертно Браун был награждён вторым орденом Красной Звезды, но прицепить орден к гимнастёрке ему уже не пришлось.

Что ж, мы дозвонились до редакции. Корреспондента того разыскали. Он вспомнил, как брал интервью у старшего лейтенанта по фамилии Браун, и ещё привёл подробности, не попавшие в заметку.

Значит, не прятали его братки, нашего Николая, и не бежал он к немцам, а честно отвоевал свой срок — сначала в штрафбате, а затем — в разведроте. Теперь это установленный факт — если не для истории вообще, то для истории нашего двора.

И ещё скажу напоследок. Николай Браун не дожил до Победы. Все в нашем дворе его жалеют: “Эх, не дожил, бедняга, совсем немного, всего-то чуть больше месяца”. Я же думаю: отчасти, может быть, и хорошо, что не дожил. Время от Победы для него отсчитывается назад, в наше прошлое (для меня как историка это особенно важно), а оно с каждым годом проясняется, приобретает страдальческий, просветлённый ответ.

Вперёд же пусть отсчитывают другие.

БОРИС ОРЛОВ

БУДЕТ ЛИ ИНАЧЕ?

* * *

Эпохи не уходят —
Ложатся пласт на пласт.
Когда часы подводят,
Часы подводят нас.

Нет правды в циферблате —
Часов не ровен ход.
Они живут в разладе —
Элита и народ.

Созреет гнев народный —
Испепелит умы.
И время не свободно,
И не свободны мы.

* * *

Дворцовая площадь — не людный пустырь,
Как зимний ковёр, снег ложится на площадь.
Я медленно слепну — зачем поводырь?! —
А ночь узнаю с малолетства на ошупь.

ОРЛОВ Борис Александрович родился в 1955 году в Ярославской области. Окончил Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище им. Ф. Дзержинского и Литературный институт им. М. Горького. Служил на Северном флоте. Капитан первого ранга. Автор 12 стихотворных сборников. Лауреат литературных премий, председатель правления Санкт-Петербургской организации Союза писателей России.

Прокручена в памяти жизнь, что кино,
Бесплотны и женщины в ней, и мужчины.
Я чувствую время на ощупь, оно
На мне оставляет рубцы и морщины.

Не кажется вечным в ночи человек —
Она ощущается мягкой и сонной.
Сбегается в лужи предутренный снег.
...И бронзовый ангел парит над колонной.

* * *

Мы устаём — ни радости, ни горя.
Нам всё равно, что ждёт нас впереди.
Село, а рядом кладбище за полем.
И жизнь, и смерть — лишь поле перейти.

Безверьем барским прогневили Бога —
В болото наше время утекло.
И поле пропадает, и дорога,
А кладбище врывается в село.

* * *

Они идут цепочкою след в след —
Ведёт вперёд их колея земная.
Слепой слепого выведет на свет,
Но этот свет они не распознают.

Нам горько слушать сумасшедших бред
И видеть обесмысленные лица.
Нет смысла выводить слепых на свет,
Смысл в том — чтобы на чистую водицу!

* * *

Вопрошаешь: “Будет ли иначе?”
Отвечаю, выслушать изволь:
“Утешают тех, кто громко плачет,
И не видят тех, кто терпит боль”.

Спрашивай с себя как можно строже —
Зла не причинит собачий лай.
Если боль в себе держать не можешь,
То других рыдать не заставляй.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“К ПРЕДАТЕЛЬСТВУ ТАИНСТВЕННАЯ СТРАСТЬ...”

“СОЦИАЛИЗМ ИДИОТОВ”

После того как Евтушенко уничтожил своё антисемитское стихотворение о “врачах-отравителях” и, замаливая этот случайный грех перед современниками, сочинил “Бабий Яр”, он как бы переродился.

Его, “переродившегося”, восторженно принимали во всех 94-х государствах, где он побывал, его избрали во множество мировых Академий, ему устраивали творческие вечера во многотысячных залах многих стран, куда его заносила судьба, поклонники засыпали его письмами. Одно из посланий такого рода особенно выделялось на этом хвалебном фоне, во-первых, потому, что было написано в рифму, а во-вторых, потому, что было подписано знаменитым Леонидом Утёсовым, который, прочитав “Бабий Яр”, опубликованный в “Литгазете” от 19 сентября 1961 года, сразу же бросился к столу, охваченный приступом вдохновения. Если несведущий читатель, помнящий Леонида Утёсова в образе бесшабашного русского пастуха из кинофильма “Весёлые ребята”, спросит, какое отношение имеет этот пастух к стихотворению “Бабий Яр”, то ему придётся узнать, что письмо Евтушенке писал не этот пастух, а одесский интеллигент Лазарь Иосифович Вайсбейн, взявший себе в 30-е годы псевдоним “Леонид Утёсов”. И вот каким было его стихотворное послание поэту, написанное в сентябре 1961 года и впервые напечатанное в книге “Я останусь не только стихами...” Современники о Евгении Евтушенко”, изданной в Москве после смерти поэта (“Русский мир”, 2018. С. 472). Послание начинается с эпиграфа:

*Но ненавистен злобой заскоруждой
Я всем антисемитам как еврей,
И потому – я настоящий русский!*
Е. Евтушенко

*Ты прав, поэт, ты трижды прав —
С каких бы ни взглянуть позиций.
Да, за ударом был удар,
Погромы, Дрейфус, Бабий Яр
И муки разных инквизиций.*

*Вот ты взглянул на Бабий Яр,
И, не сдержавши возмущенья,*

*Ты, русский, всех людей любя,
В еврея превратил себя,
Призвав своё воображенье.*

*И вот ты — Дрейфус, Анна Франк,
Ты — юноша из Белостока...
Вокруг тебя безумья мрак,
Глумится над тобой дурак
Без сожаленья и без срока.*

.....

В этом стихотвореньи Леонид Утёсов изложил всю сущность мировоззрения, которое исповедовали целые пласты советской интеллигенции в 30-е годы прошлого века:

*И если б Ленин нынче жил,
Когда открылся путь до Марса,
Тобой бы он доволен был.
Он очень тот народ любил,
Что дал Эйнштейна, Карла Маркса...*

*Любя страну, людей любя,
Ты стал нам всем родной и близкий.
За это славлю я тебя
И возношу тебя, любя —
Поэт и Гражданин Российский.*

Восхитившись “настоящей русскостью” Евгения Александровича и его актёрской способностью “превратить себя в человека другой национальности”, Леонид Осипович Утёсов в своём стихотворном отклике справедливо повторил вслух за Евтушенко имена и географию жертв всемирного европейского погрома, длившегося несколько веков: “Дрейфус” (Франция), “Анна Франк” (Голландия), “Белосток” (Польша), “инквизиция” (вся протестантская и католическая Европа) и, наконец, “Бабий Яр” (Украина). Но ни о каких русских кознях и погромах в этом перечне антисемитских деяний Утёсов не сказал ни одного слова. Он просто попытался сказать нечто важное от имени “тупого антисемита”:

*Твердит тупой антисемит:
“Во всём виновен только жид!”
Нет хлеба — жид, нет счастья — жид,
и что он глуп — виновен жид.
Так глупость голову кружит.*

*Отбросив совесть, честь и стыд,
не знает в мыслях поворотов.
Ему давно пора учесть,
что антисемитизм — есть
социализм идиотов.*

И тут, хочешь не хочешь, приходится отвечать на вопрос: для кого Россия в 30-е годы строила социализм? Неужели, если согласиться с Утёсовым, советский человек, создавая “построенный в боях социализм” (Маяковский!), не имел прав и возможностей пользоваться его плодами? В чём же здесь дело? Неужели в том, что “каста проклятая” (как называл Сталин сословие партийной, советской и культурной номенклатуры), совершив с помощью простонародья политическую, экономическую и культурную революцию, решила к середине 30-х годов, что она достигла главного: построила социализм для себя, и что всяческие притязания простонародья на свою долю социализма нужно называть “антисемитизмом”? То, что такое предположение недалеко от истины, подтверждают страницы из книги русского человека Юрия Елагина,

вышедшего из среды дореволюционного сословия инженеров и фабрикантов и ставшего в 30-е годы сотрудником театра имени Вахтангова. Книга, которую он назвал “Укрощение искусств”, была издана в 1952 году в американском издательстве им. А. П. Чехова, и речь в ней шла об условиях жизни в 30-е годы эстрадной и театральной элиты, к коей принадлежал и поклонник Евгения Евтушенко Леонид Утёсов. Вот что пишет об этой жизни её честный свидетель, музыкант Елагин, побывавший в те годы в русской глубинке на берегах Оки возле городка Елатьмы, где советское правительство после опустошившей эти земли коллективизации передало их вахтанговцам, которые построили для себя на развалинах крестьянского быта не плебейский “социализм идиотов”, а настоящий социализм советской знати.

“В скором времени нельзя было и узнать ещё недавно заброшенную усадьбу. Она ожила и расцвела вновь, составив потрясающий контраст с окружающей её бедностью, ужестовом и дичью. Вахтанговцы оказались блестящими “колонизаторами”. Уже в первом же году наш дом отдыха оказался устроенным превосходно. Дом был заново отремонтирован. Были выстроены две новые дачи, разбита теннисная площадка, расчищен старый парк, приведён в порядок большой фруктовый сад.

На соседних лугах паслись наши стада коров. В просторном свинарнике было полно свиней. Местные крестьяне обрабатывали вахтанговские огороды и засеивали наши поля. Они же работали на кухне, пасли коров, рубили дрова, расчищали парк. Как богатые феодалы, как конкистадоры среди покорного покорённого народа жили мы – советские артисты и музыканты, среди “самых передовых крестьян в мире” – советских колхозников в социалистическом государстве в эпоху сталинских пятилеток, когда, по словам “Краткого курса истории ВКП(б)”, социализм был уже почти осуществлён в нашей стране и оставались совсем пустяки до полного его завершения.

В дополнение к продуктам, получаемым от нашего собственного хозяйства, дирекция театра получила в Москве разрешение правительства на снабжение нашего дома отдыха “совнаркомовским” пайком, который в то время выдавался только самым ответственным партийным и правительственным работникам. И нам стали регулярно доставлять из Москвы первоклассные продукты: сыры и колбасы, ветчину и икру, лучшие конфеты и превосходное печенье. Никогда я не ел так вкусно и обильно, как в нашем доме отдыха в 1933 году.

Знали ли мы тогда, что в эти же самые дни лета 1933 года в других областях нашей страны – на Украине и Северном Кавказе – вымидали от голода миллионы наших соотечественников? Что трупы валялись небуранными на улицах деревень и городов? Что было много случаев людоедства? Знали ли мы всё это? Верили ли мы этому? Нет. Мы старались об этом не знать. Мы прилагали все свои усилия к тому, чтобы этому не верить. Подобно миллионам советских граждан, мы учились заглушать голос нашей совести, ибо как же можно было жить иначе? А мы все любили жизнь и хотели жить”.

Ну, как тут не вспомнить манифест Алексея Ганина “Мир и свободный труд народам”, за сочинение которого он и его друзья были расстреляны в 1925 году по воле Ягоды и Агранова, которые вместе с Утёсовым, конечно же, бывали в “Вахтанговском раю”, описанном Елагиным в книге “Укрощение искусств”. Но по свидетельству того же Елагина, в культурной жизни 30-х годов существовала ещё одна прослойка, которая по уровню своих доходов и благ даже опережала уровень вахтанговского, то есть самого привилегированного “правительственного” театрального коллектива Москвы.

“Однако тогда же, в годы 1933–1935, существовали музыканты, которые, – пишет Елагин, – хотя формально и не имели всех “закрытых” благ закулисной театральной жизни, но зато зарабатывали такие огромные деньги, что без труда получали все преимущества, какие только могли иметь привилегированнейшие из советских граждан. Это были музыканты известных джазов, достигших как раз к этому времени зенита своей всенародной славы и популярности. Известные руководители советских джазов – Александр Цфасман, Леонид Утёсов, Яков Скоморовский – зарабатывали несколько десятков тысяч рублей в месяц, и их музыканты – не менее 5000”.

А как же по сравнению с этими “сынами гармонии” и “жрецами прекрасного” зарабатывали на свою грешную жизнь представители “черни”, или, как их называет Утёсов, “идиоты социализма”? Елагин пишет об их заработках так: “Не лишним будет для сравнения привести заработки советских граждан

других специальностей. В те годы – 1934–1935, о которых идёт речь, – амбулаторный врач в Москве получал 300–350 рублей в месяц, инженер – 500–600 рублей, главный инженер большого завода – 900–1100 рублей. Средний рабочий – 200–250 рублей”. “Ойстрах получал 500 рублей за десятиминутное выступление”. А что касается уровня жизни сегодняшних крестьян и сегодняшнего простонародья, то их существование мало чем отличается от существования крестьян, обслуживавших театральную и джазовую элиту тридцатых годов. Я убедился в этом недавно, получив письмо из костромского посёлка Вохма, находящегося рядом с селом Пыщуг, где прошли в эвакуации 1941–1943 годы – годы моего детства.

“Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Вас беспокоит Смердов Анатолий Витальевич из посёлка Вохма Костромской обл. Мы практически земляки – ветлугане (местное прозвание жителей Поветлужья), потому что Пыщуг – соседний с нами район, а Вы в детстве, в войну, там жили. Благодатный наш край, к великому сожалению, в условиях “дикого капитализма” и бездорожья хиреет и обезлюдивается. Мощные лесспромхозы давно ликвидированы. От сельскохозяйственных предприятий (колхозов и совхозов) тоже почти ничего не осталось. Фермерство из-за удалённости от рынков сбыта и низких цен на продукцию неконкурентоспособно. Соотношение цен таково: если в 70–80-е годы на приобретение трактора МТЗ-80 от хозяйства хватало трёх откормленных до четырёхсот килограммов бычков, то теперь, чтоб купить трактор, нужно в десять раз больше. Леса у колхозов давно изъяты. В местных подсобных хозяйствах всё меньше скота и обрабатываемой земли. Из-за отсутствия работы и условий молодёжь в родных местах не остаётся. К уехавшим и устроившимся детям неизбежно тянутся и пожилые. Так называемая государственная “оптимизация” (на самом деле сокращение и уничтожение) бывших сельсоветов, а теперь управление сельских поселений), школ, больниц, очагов культуры и прочих структур окончательно всё добивает. Такие вот “перспективы” коренного русского Нечерноземья.

Очень ценю Ваши стихи, прозу и публицистику. Журнал “Наш современник” раньше выписывал, а теперь и в районной библиотеке последние номера имеются лишь за 2016 год. Прочитал в “Правде” интервью с Вами В. Кожемяко. Целиком и полностью разделяю Ваши взгляды, оценки и мнения. Поэтому рискнул послать на Ваш суд кое-что из окололитературных вещей провинциала из сельской глубинки.

С уважением секретарь Вохомского районного отделения КПРФ А. Смердов.

28.03.2019 г.”

Ну, что я могу добавить к письму Анатолия Витальевича из Вохмы? Разве только то, что в 2013 году, приехав в город Никольск на столетие в юбилей поэта Александра Яшина, я оказался в 60-ти км от Пыщуга и по счастливой оказии сумел навестить места моего военного детства. Я побродил по улицам Пыщуга, вспоминая нашу жизнь с матерью и маленькой сестрёнкой, родившейся там в ноябре 1941 года, и погрузился в воспоминания...

Моя матушка работала в Пыщуге заведующей районной больницей, в которой было несколько отделений: терапевтическое, хирургическое, детское. Был и родильный дом, где родилась моя сестрёнка. Была амбулатория, была прачечная и даже своя конюшня. Одним словом, это была большая больница по тогдашним меркам – аж на 200 коек. Под руководством моей матушки на территории больницы вскоре было построено инфекционное отделение для борьбы с эпидемией сыпного тифа. Но когда летом 2013 года я вошёл в парк, где некогда стояли деревянные больничные бараки, где стояла на краю высокого речного обрыва наша изба, то я увидел, что двери и окна амбулатории заколочены, что ни родильного дома, ни инфекционного отделения на территории больницы не видно. Только возле терапии на лавочке сидели три женщины, поговорив с которыми я узнал, что в терапевтическом отделении сейчас всего лишь восемь коек для неотложных больных, а все другие отделения снесены из-за ветхости. А на мой вопрос – где рожают детей пыщуганки? – они ответили, что рожениц возят за 100 км в Шарью... Конечно, неудобно, конечно, небезопасно, но что делать? Средств у района нет, чтобы возродить некогда известную во всей округе больницу.

Я слушал их жалобы и думал: а где-то ведь строят дорожные перинальные центры. Неужели пыщугане, траурный список которых, павших на Великой Отечественной, выгравированный на бронзовой стеле в центре села, недостойны простейших медицинских благ, которые у них были в сталинские годы? Неужели они всю свою трудовую жизнь прожили, как “идиоты социализма”, в то время, как дети “касты проклятой” (по словам Сталина) с восторгом цитировали стихи уроженца станции Зима: **“Я ненавижу рабскую мечту о коммунизме в виде магазина”**.

Прочитав эту кощунственную строчку, я вспомнил, что в селе Пыщуг, где жила в начале войны не менее пяти тысяч наших граждан, была лишь одна торговая точка (“магазин”), где торговали фруктовым чаем, солью и непонятными для деревенских жителей банками крабов... Какой там “коммунизм в виде магазина”! Даже спичек не было. Идя в ранних сумерках в школу, я то и дело встречал согбенных деревенских женщин, идущих с глиняным горшочком или котелком, в которых они несли в свои избы горстку алых угольков на растопку... До “коммунизма” ли им было? Это Евтушенко в стихотворном экстазе мог восклицать: “Коммунизм – это высший интим!” Не знаю, что он подразумевал под этой высокопарщиной, но по мне помощь горсткой горящих угольков являлась куда более “коммунистическим” деянием, нежели весь его “интим”...

Чувствуя фальшь “шестидесятников”, Анна Ахматова в разговорах с Лидией Чуковской отзывалась обо всех них жёстко и непреклонно: “*Это не стихи, а эстрадные номера. Помните, Лидия Корнеевна, люстры падали от грохота аплодисментов в огромном зале в Ташкенте, когда выступал Гусев? А потом возьмёшь книгу в руки – ничтожно. Бывают такие случаи: выступит человек один раз со своими стихами на эстраде, вызовет аплодисменты, и далее всю свою жизнь подбирает слова применительно к собственному голосу. Незавидная участь...*” А о стихах Ахмадулиной Ахматова отзывалась так: “*Полное разочарование... Стихи пахнут хорошим кофе – было бы гораздо лучше, если бы они пахли пивнухой. Стихи плоские, нигде нет ни одного взлёта, ни во что не веришь, всё выдумки. И мало того – стихи противные*”. Сказано жестоко. Но когда читаешь строчки Ахмадулиной о том, как она попала в застолье к некоему официозному переделкинскому критику и подумала: “*За Мандельштама и Марину я отогреюсь и поем*”, – то понимаешь правоту слов Анны Андреевны. “*О Евтушенко и Вознесенском, – вспоминает Чуковская, – Ахматова отозвалась и как о личностях и как о поэтах <...> – Начальство их недолюбливает, – сказала я. – Вздор! Их посылают на Кубу! И каждый день делают им рекламу в газетах. Так ли у нас поступают с поэтами, когда начальство не жалуется им в самом деле!*” (Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Том II, СПб: Нева, 1996. С. 355, 377).

А вот как, по свидетельству Корнея Чуковского, относился к стихам Е. Евтушенко Александр Твардовский:

“14 сентября 1969. Вчера вечером, когда мы сидели за ужином, пришёл Евтушенко с замученным неподвижным лицом и, поставив Петю на пол, сказал замогильно (очевидно, те слова, которые нёс всю дорогу ко мне):

“Мне нужно бросать профессию. Оказывается, я совсем не поэт. Я фигляр, который вечно чувствует себя под прожектором”.

Мы удивлены. Он помолчал.

“Всё это сказал мне вчера Твардовский. У него месяцев пять лежала моя рукопись “Америка”. Наконец он удосужился прочитать её. Она показалась ему отвратительной. И он полчаса доказывал мне – с необыкновенною грубостью, что всё моё писательство – чушь”.

Я утешал его: “Фет не признавал Некрасова поэтом, Сельвинский – Твардовского”. Таня, видевшая его первый раз, сказала: “Женя, не волнуйтесь”.

И стала говорить ему добрые слова. Но он, не дослушав, взял Петю и ушёл”. Крестьянский сын Александр Твардовский, написавший трагическую поэму “Страна Муравия” о раскрестьянивании России, глубже и честнее Утёсова, Евтушенко и прочих “шестидесятников” знал, что такое социализм для народа. И всё-таки сколько ни ссылайся на авторитеты минувших времён, всё равно удивляешься тому, что “тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман, и тому, что Евтушенко, написав “Бабий Яр”, совершил нечто сверхъестественное, поскольку он, в сущности, сочинил молитву, которую истово стали заучивать и повторять местечковые советские атеисты вроде Леонида Утёсова...

Хотя, с другой стороны, “Бабий Яр”, который Е. Е. считал чуть ли не главной своей поэтической вершиной, воспринимался совсем иначе. Вот что писал об избранных стихах Евтушенко, в число которых, естественно, вошёл “Бабий Яр”, известный русский поэт, участник Великой Отечественной войны Николай Старшинов: “Чем дальше я читал “Строфы века”, тем определённое складывалось у меня представление, что составитель умышленно натравливает один народ на другой, специально подбирая для этого соответствующие стихи, в которых находится “ключ к русской душе”, душе антисемита-погромщика, а в лучшем случае – человека “без царя в голове” – то есть дурачка... И у меня вырвался из души экспромт-эпиграмма, посвящённый составителю:

*Полухохол, полуполяк,
Полулатыш, полутатарин,
Полупростак, полумастак,
Ты что же, мать твою растак,
России так неблагодарен?*

(Лит. Россия” 7.6.1996)

Ну, что делать, коли Леонид Утёсов и Николай Старшинов всегда будут понимать “Бабий Яр” каждый по-своему...

* * *

Размышляя в некрологе о причинах загадочного переселения Евтушенко в Америку, Александр Проханов предположил, что поэт разочаровался в итогах революции 1991–1993 годов, но я уверен, что причины “полузмиграции” Евтушенко с семьёй в Америку были куда более прозаическими и меркантильными, нежели это казалось Саше Проханову.

Что заставило революционера-интернационалиста и “каторжника славы”, автора антиамериканской поэмы “Под кожей статуи Свободы”, человека, любящего известность и всегда гордившегося тем, что он встречался со многими знаменитыми людьми своей эпохи – Пикассо, Никсоном, Шагалом, Робертом Кеннеди, Фиделем Кастро, Аленом Гинзбергом, Пабло Нерудой, Сальвадором Дали и т. д., – укрыться, подобно Троцкому в Мексике, в захолустной Оклахоме, в неведомом “цивилизованному миру” городишке Тулсы? Возможно, всё дело в том, что постоянно жить в “демократической” России поэту, воспевшему всех советских вождей от Ленина до Ельцина и Горбачёва, было бы неуютно. А ведь Евтушенко с гордостью писал о своих заслугах перед историей, перед гласностью, перед горбачёвщиной:

“Не думайте, что гласность или перестройка с неба свалились, или что их нам даровало Политбюро. Подготовка шла много лет. Новое поколение лидеров впитало в себя дух нашей литературы. Они были студентами в 1950-х, когда мы начали читать свои стихи. Они протискивались на наши поэтические чтения на балкон без билетов”.

С другой стороны, американские спецслужбы, видимо, понимали, что за все заслуги в деле развала СССР Евтушенко заработал право на комфортную жизнь в Америке, но он же в своё время превозносил до небес злейшего врага США Фиделя Кастро, он же написал пасквиль на американский образ жизни – поэму “Под кожей статуи Свободы”! О чём сам сообщал в письме Л. И. Брежневу: “Дорогой Леонид Ильич! В прошлом году в беседе с Е. А. Фурцевой Вы поддержали идею моей совместной работы с Любимовым в Театре на Таганке над антиимпериалистическим спектаклем “Под кожей статуи Свободы”.

Ну, как такого “борца с империализмом” оставить жить в Нью-Йорке или Вашингтоне? И, наверное, кому-то из умных идеологов типа Бжезинского пришлось в голову поселить Евгения Александровича в глухой провинции, но создать для него и его семьи такие условия, от которых невозможно было отказаться. Я предполагаю, что всё было так, поскольку в моём архиве сохранилась папка с документами, проливающими некоторый свет на переезд Евтушенко в Америку. Папка эта была в своё время передана мне одним из сотрудников иностранной комиссии Союза писателей СССР. А к нему в руки она попала во

времена разрушения Союза писателей, когда архивные документы валялись в коридорах обезлюдевшего ведомства. Оказывается, что у человека, написавшего книгу воспоминаний под названием “Волчий паспорт”, на самом деле паспорт был не волчий, а “дипломатический”. И не только у него, но и у жены Евтушенко Марии Владимировны. И паспорта эти были выданы им задолго до августа 1991 года – мужу – 16.06.1989 года, а жене – 19.09.1990 года. Так что супружеская пара, возможно, с помощью бывшего министра иностранных дел Козырева, ныне проживающего в США, заранее обзавелась нужными документами, как говорится, “подстелили соломки”...

“Дипломатический паспорт” – это охранный документ и при выезде за границу, и при въезде. Он гарантирует отсутствие жёстких досмотров, всяческих препятствий и ограничений в вывозе багажа, в частности, литературы, картин, предметов антиквариата и т. д. Когда я сказал своим знакомым дипломатам об этом – они изумились: не может быть! Да, по правилам не может быть, чтобы член Союза писателей с женой были выведены в ранг дипломатов. Но ведь то Евтушенко! У него же всегда были телефоны и Андропова, и Крючкова, и Бобкова, и Горбачёва и далее везде, ведь не случайно же через этого “дипломата” Роберт Кеннеди передавал советскому руководству сведения о том, что имена Даниэля и Синявского были выданы нашему КГБ американскими спецслужбами, чтобы шум от международного скандала, который неизбежно должен был разразиться во время суда над ними, отвлек мировое общественное мнение от американских бомбёжек Вьетнама. К дипломатическим паспортам был приложен следующий документ.

“ПРОГРАММА

пребывания в США поэта Е. Евтушенко с семьёй (жена, двое детей, няня) по приглашению

Университета г. Тулсы

Срок пребывания: 20.07.92–20.07.93 г.

15 августа 1992 г. – август 1993 г. – чтение лекций в студенческих аудиториях Университета г. Тулсы.

15 августа 1992 г. – Прибытие в США (Нью-Йорк).

В последний месяц пребывания в США (август 1993 г.) Е. Евтушенко планирует с ознакомительными целями посещение ряда американских городов (Нью-Йорк, Сан-Франциско, Бостон, Нью-Орлеан, Майами, Чербанко, Вашингтон, Чикаго, Финикс, Филадельфия, штаты Мэйн, Аризона, Нью-Джерси, Орегон, Флорида) – поэтические выступления, чтение лекций, а также посещение с туристическими целями Гранд-Каньона, Гавайев, Пуэрто-Рико.

Во время годичного пребывания Евтушенко в США возможны его кратковременные отъезды на родину, связанные с семейными обстоятельствами, а также его выезды в Европу и Латинскую Америку для поэтических выступлений и чтения лекций, для чего Е. Евтушенко и членам его семьи потребуются многократные выездные визы в СССР и европейские страны.

15 августа 1993 г. – Возвращение Е. Евтушенко с семьёй в Москву”.

И вся эта жизнь в течение целого года (а на самом деле Евтушенко прожил с семьёй в США в течение нескольких лет) была за счёт принимающей стороны. Вот как богатая Америка вознаградила нашего “шестидесятника” за его “дипломатическую службу”, о которой ещё в 60-х годах с одобрением писал создатель ЦРУ Аллен Даллес. Правда, Евгений Александрович объяснил во многих своих интервью, что в университетском городке Тулсы он поселился потому, что, проезжая по его улицам, он услышал таинственную и мистическую “мелодию Лары” из “Доктора Живаго”. И правильно сделал: зачем ему было объяснять, что ни в один из крупных городских университетов Восточной Америки он устроиться не мог, поскольку лауреат Нобелевской премии и знаменитый в Америке поэт Иосиф Бродский выступил против обустройства Евтушенко в Нью-Йорке или Нью-Джерси как поэта, разоблачающего в своей поэме “Под кожей статуи Свободы” “американский империализм”, убивающий лучших сынов Америки – Линкольна, Джона Кеннеди, Роберта Кеннеди...

При этом Бродский чуть ли не грозил общественному мнению американских интеллектуалов, что если они закроют глаза на “антиамериканизм” Евтушенко, то он, Бродский, сложит с себя все почести и обязанности, коими его

наградила Америка. Вот и пришлось Евгению Александровичу вспомнить о “мелодии Лары”.

* * *

Кем только не называл себя Евгений Александрович, размышляя о месте, которое он занимает и займёт навечно в русской поэзии!

Ему хотелось быть своим и в Пушкинской плеяде, и в Есенинской, ему хотелось, чтобы его считали поэтом, стоящим рядом с Маяковским и Смеляковым, с Лермонтовым и Пастернаком... А по “социальности” он считал себя прямым собратом Николая Алексеевича Некрасова. Но это было хвастливым фарсом, потому что он не успел при жизни внимательно прочитать главную “социальную” поэму Николая Некрасова “Современники”, в которой великий поэт ужаснулся, глядя на петербургскую “элику”, сформировавшуюся буквально за несколько лет сразу же после 1861 года, то есть после отмены крепостного права:

*Я заснул, мне снились планы
о походах на карманы
благодушных россиян,
и, оцупав мой карман,
я проснулся... Шумно в уши,
словно бьют колокола,
гомерические куши,
миллионные дела,
баснословные оклады,
недовыручка, делёж,
рельсы, шпалы, банкноты, вклады —
ничего не разберёшь!*

С прозорливостью пророка Некрасов словно бы разглядел наши 90-е годы с их дефолтами, “пирамидами”, “залповыми аукционами”, “ваучерами”, — словом, со всей эпохой криминальной революции и всемирно-исторического мошенничества, обрушившегося на нас второй раз через сто с лишним лет после пореформенного ограбления страны и народа... Герои его поэмы Григорий Зацепя, Фёдор Шкурин, Савва Антихристов — это наши Мавроди с Прохоровым, наши Березовский с Абрамовичем, наши Чубайс с Гайдаром.

А сколько их, переехавших с миллиардами в Европу и в Америку бывших банкиров — Пугачёв, Кузнецов, Гусинский... — Но путь на Запад сто с лишним лет назад им прокладывали герои поэмы Некрасова, такие, как фон Руге, сбежавший из холодной России в благословенную Испанию:

*Ухватив громадный куш,
он ушёл — на светлом юге
отдыхать. “Великий муж! —
говорят ему витии:
— Не пугайся клеветы!
Предприимчивость России
на такие высоты
ты вознёс, что миллиарда
увезённого не жаль!*

Этого мошенника, ограбившего Россию в поэме Некрасова, навещает “экс-писатель Пьер Кульков” (прообраз Анатолия Алексина, Анатолия Кузнецова, Анатолия Рыбакова и т. д.), который, захлёбываясь от восторга, рассказывает петербургским землякам:

*Я посетил отшельника Севильи,
На виллу Мирт хотелось мне взглянуть.*

*Пред ней поэт преклонится — в бессилье
Вообразить прекрасней что-нибудь.*

*Из мрамора каррарского колонны,
На потолках — сибирский малахит,
И в воздухе висящие балконы,
И с одного — в Европе лучший вид...*

А сколько таких вилл сегодня принадлежит и в Севилье, и на Лазурном берегу, и на итальянских холмах, и в австрийских Альпах семьям больших и маленьких “лужковых”, “абрамовичей”, “кохов” и т. д.

Но не забыть бы о том, как их обслуживала партийная, научная и творческая интеллигенция, о которой Некрасов писал так, как будто знал её, как облупленную, знал выпускников Академии общественных наук, Высшей партийной школы, бывших преподавателей марксизма-ленинизма:

*В каждой группе плутократов
(почти “партократов”! — Ст. К.)
русских, немцев и жидов
замечаю ренегатов
из семьи профессоров.
Их история известна:
скромным тружеником жил
и, служба народу честно,
плутократию громил,
был профессором, учёным
лет до тридцати,
и, казалось, миллионом
не собьёшь его с пути.
Вдруг конец истории —
в тридцать лет герой
прыг с обсерватории
в омут биржевой...*

Это о судьбах Роальда Сагдеева, Комы Иванова, Пивоварова, Евгения Сидорова и многих других профессоров. Не забыл Николай Алексеевич и о диссидентах, страдавших при советской власти и сделавших карьеру после 1993 года, вроде Артёма Тарасова, Сергея Адамовича Ковалёва, Валерии Новодворской...

*Под опалой в оны годы
находился демократ.
Друг народа и свободы,
а теперь он плутократ.*

А разве нынешние заказные убийства, при которых мы живём четверть века, — новость для нас? Нет, мы просто забыли признание Гришки Зацепина (“Зацепа”) из поэмы “Современники”, написанной в некрасовскую эпоху русского дикого капитализма:

*“Я — вор! — кричит вдрызг напившийся Зацепа, —
Я рыцарь шайки той
из всех племён, наречий, наций,
что исповедует разбой
под видом честных спекуляций,
где позабудь покой и сон,
добычу зорко карауля,
где в результате — миллион
или коническая пуля...”*

Как тут не вспомнить судьбу Галины Старовойтовой, Деда Хасана, Бориса Немцова, Вячеслава Иванькова (“Япончика”) и многих других знаменитостей...

Предвидел Николай Алексеевич и сегодняшний наш рэкет (американское слово!), и наше сегодняшнее лакейство перед Америкой:

*Грош у новейших господ
выше стыда и закона.
Нынче тоскует лишь тот,
кто не украл миллиона...*

(Ну, как тут не вспомнить слова мошенника Вячеслава Полонского о том, что “у кого нет миллиона – тот не человек...”)

*Бредит Америкой Русь,
к ней тяготеет сердечно...
Шуйско-ивановский гусь —
американец? — Конечно!*

*Что ни попало — тащат,
наш идеал, — говорят, —
заатлантический брат,
— Бог его — тоже ведь доллар! —*

А как блестяще Некрасов проиллюстрировал сегодняшнюю историю о том, что новые русские переводят свои богатства в офшоры (английское слово!), покупают особняки в центре Лондона, куда их переехало несколько сотен тысяч, уговаривают Лёню Голубкова купить дом в Париже... Ох, нестабильна обстановка в России, Ходорковский отсидел своё, а история с Магницким тоже у всех в памяти. И Некрасов вводит в поэму “Современник” хор мирового финансового лобби, которое уговаривает рыдающего русского миллионера перевести свои капиталы в Англию, являющуюся “финансовой матерью” наряду с Америкой всех денег мира:

*Денежки есть — нет беды,
Денежки есть — нет опасности
(Так говорили жида,
Слог я исправил для ясности).
Вытрите слёзы свои,
Преодолейте истерику,
Вы нам продайте пай,
Деньги пошлите в Америку.
Вы рассчитайте людей,
Вы распустите по городу
Слух о болезни своей,
Выкрасьте голову, бороду,
Брови... Оденьтесь тепло,
Вы до Кронштадта на катере,
Вы на корабль... под крыло
К нашей финансовой матери.
Денежки — добрый товар,
Вы поселяйтесь на жительство,
Где не достанет правительство
И поживайте, как — царр!...*

300 тысяч новорусских семей живут, уехавши к “финансовой матери” в объятия туманного Альбиона.

Но не выдержала душа “Зацепы” – русского мошенника и авантюриста – такого циничного совета, не мог он принять гнусное предложение сбежать из своей России:

*Прочь! Гнушаюсь ваших уз!
Проклинаю процветающий
Всеберущий, всехватающий,
Всеворующий Союз!..*

*...Ушли, полны негодованья,
Жиды-банкиры... Леонид
С последним словом увещания
Перед Зацепиным стоит.*

Как же объясняет некий Леонид страстную речь “Зацепы”? А вот как:

*Русской души не понять иноверцу,
Пусть он бичует себе, господа!
Дайте излиться прекрасному сердцу —
Нет в покаянье стыда.*

Однако вернёмся к Евтушенко, который назвал себя “некрасовцем”. Как мог он, увенчавший себя всемирной славой после стихотворенья “Бабий Яр”, поклоняться поэту, то и дело употреблявшему слово “жид”? А ведь за использование этого слова Евтушенко предлагал предавать антисемитов суду... Вот ведь как история подшутила над ним.

А в заключение “некрасовской главы” вспомню начало поэмы “Современники”:

*Я книгу взял, восстав от сна,
и прочитал я в ней:
“Бывали хуже времена,
но не было подлей!”*

Последние две строчки Некрасова стали народной поговоркой.

* * *

В литературной судьбе Е. Е. в 1959 году случилось знаменательное событие: он добился встречи с Борисом Пастернаком, которая якобы продолжалась аж 18 часов. О Пастернаке он вспомнил и в последние дни своей жизни, завещав похоронить себя рядом с ним. Видимо, он почитал Пастернака. Но было ли это почитание взаимным? Едва ли, если вспомнить поэтический завет Нобелевского лауреата:

*Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.*

*Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.*

*Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.*

.....
*Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.*

*И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица.
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.*

Из всех этих заветов Евтушенко был верен только последнему – “быть живым”. Но читаешь это стихотворение, и поневоле закрадывается в голову мысль – а не судьбу ли своего поклонника предсказывал Борис Леонидович, когда писал это поэтическое завещание?

А тут ещё, как на грех, я наткнулся на интервью Е. Е. “Новой газете”, где было такое признание:

“Когда я видел Целкова, я сразу понял – он гений. А что такое гений – это энергетика, которой он делится со всеми. В стихах, посвящённых Эрнсту Неизвестному, у меня есть строчки: “Стыдно не быть великим, каждый им должен быть”. То, что я виделся с ними, не позволяло и мне быть маленьким”.

Его всегда тянуло к мировым знаменитостям. Он словно бы подпитывался их энергией, их славой и как бы становился в их ряды, в ряды мировой элиты... Мало того, он ещё окружил себя тенью великих предков: “По характеру я пушкинианец, по сентиментальности – есенинец, по социальности – некрасовец”... А ещё добавил: “И как ни странно – пастернаковец”... Действительно, странно, потому что заполучить в этот ряд великих теней Бориса Леонидовича, сказавшего “быть знаменитым некрасиво”, – не получилось. “Цель творчества – самоотдача, а не шумиха, не успех...”. Но Е. Е. ведь не мог жить без “шумихи и успеха”, без того, чтобы “быть притчей на устах у всех”. А Пастернак требовал от художника ещё большего: “Нет, надо жить без самозванства”. Но что такое самозванец и самозванство? Наверное, это не порок, а, скорее, лицедейская страсть и способность артистических натур входить в роль, самозабвенно сыграть её до конца, не дожидаясь того, будешь ли ты, в конце концов, “любезен народу”, останешься ли в истории?

Самозванство – это собственная оценка самого себя, мания многих творческих людей, как правило, ярче всего проявляющаяся в начале пути. Вспомним, как писал о себе, начинающем стихотворце, Александр Твардовский: “Какой хочу – такой и знаменитый”.

А у Е. Е. этот соблазн самому называть себя вдохновлял и мучил его на протяжении всей жизни, до самого последнего дня. “Я разный, я натруженный и праздный”, “Если будет Россия – значит, буду и я”, “Я сибирской породы”, “Считайте меня коммунистом”. Он даже примерял на себя образ героя и мученика Остапа из знаменитой гоголевской повести: “Ты за мною, Байкал, словно Бульба Тарас за Остапом”.

Многоликость Евтушенко, способность менять свой образ, своё мировоззрение, свои убеждения, свою сущность опять же входит в противоречие с утверждением Бориса Леонидовича о губительном влиянии лицедейства на судьбу поэта:

*И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица...*

А Евгений Александрович “отступался от лица” не трижды, как апостол Пётр, а Бог знает, сколько раз. Но почему в таком случае он завещал положить его рядом с Пастернаком, по существу чуждым ему? Захотелось и после смерти быть рядом с мировой знаменитостью?

А ведь сам Борис Пастернак впадал в отчаяние от ненужной славы, иногда заключавшей его в свои объятия, как это случилось в 1958 году:

*На меня наставлен сумрак ночи,
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси...*

Чашу “шумихи и успеха”, чашу алчного людского любопытства, чашу мутной суперпопулярности, которую приходится испытать, по словам поэта Наума Коржавина, “не отличая славы от позора”.

Евгений Евтушенко всю жизнь играл с судьбой. Но напоследок судьба сыграла с ним если не злую, то поучительную и печальную шутку.

Он выбрал себе место на кладбище не только рядом с Борисом Пастернаком, но и с поэтом Виктором Боковым. У обоих поэтов – и у переделкинско-дачника и затворника, и у глубоко народного поэта и узника сталинских

лагерей – есть стихи о Сталине. Поэтическую Сталиниану в советской поэзии открыл Борис Леонидович, опубликовавший 1 января 1936 года в газете “Известия” цикл стихотворений с хрестоматийной, вошедшей в историю строфой:

*А в те же дни на расстоянье
За древней каменной стеной
Живёт не человек, — деянье:
Поступок, ростом с шар земной.*

А Виктор Боков, проклинавший Иосифа Джугашвили в кемеровских лагерях, в 90-е годы прошлого века, на девяностом году жизни поглядел на Сталина другими глазами:

*Что случилось со мной — не пойму,
От ненависти — перешёл я к лояльности.
Тянет и тянет меня к нему,
К его кавказской национальности...
.....
Прости, мой вождь, что я побеспокоил
Бессмертную фамилию твою.*

Всю жизнь боровшийся со сталинизмом, автор стихотворения “Наследники Сталина” упокоился рядом с двумя поэтами, оправдавшими “усатого тирана и антисемита”. Неуютно Евгению Александровичу будет рядом с ними.

“Поэт в России больше, чем поэт”? – Действительно, поэту в России надо быть и почвенником, и космополитом, и русским патриотом, и юдофилом, и лицедеем, и однолюбом, и суперменом, и гуманистом, и долгожителем, и вечно молодым человеком, и... **Поистине, “поэт в России больше, чем поэт”...** А если сказать точнее, – “больше не поэт”...

СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ

депутат Госдумы РФ

СТОНЫ СТРАНЫ

ДЕПУТАТСКИЙ ДНЕВНИК

Убит лесной олень по твоему хотенью

В десяти минутах от МКАД, на территории национального парка “Лосиный остров”, в будто бы “охраняемой зоне покоя” погибло шестнадцать оленей. Убиты. Шестнадцать!

Благородные пятнистые олени — исчезающий вид: в дикой природе их осталось меньше трёх тысяч. Спасаясь от гибели, животные выбегали к Лосино-островской биостанции, однако их не защитили, а теперь, похоже, пытаются скрыть преступление.

Инспекторы парка находили тела оленей с пулевыми ранениями в лопатку — так стреляют профессиональные охотники. Были составлены акты о зафиксированных фактах браконьерства. Но, по словам инспекторов, никакой реакции не последовало.

Один из оленей погиб прямо у крыльца егерской сторожки, он прибежал туда в поисках защиты. Но егерей в парке давно нет. Очередная “оптимизация”... А ведь эти олени доверчивы, привыкли не бояться людей и подходить к ним, можно сказать — ручные.

Как рассказывают инспекторы, оленей расстреляли в упор и бросили на съедение собакам, которые пришли на запах крови.

Оказывается, в “Лосином острове” упразднена егерская служба на местах, сократили около тридцати егерей, отменены смены и ночные дежурства, почти не сохранилось машин, но и оставшиеся не ремонтируются. Для работы с особо охраняемой природной территорией в тринадцать тысяч гектаров оставлено всего двенадцать человек. То есть больше тысячи гектаров на человека.

Скандалов тут уже было немало, например, в связи с продажей охраняемой территории “Лосиного острова” под строительство торгового центра, а на этот раз, утверждают специалисты, убийцы оленей были кем-то отлично информированы, чувствовали себя уверенно и комфортно, потому что кто-то содействовал их забаве.

Направил запросы в прокуратуру. Буду добиваться расследования преступления.

Наезд несправедливости

В продолжение истории лесного инспектора из Бурятии Сергея Красикова, который, едва не погибнув, задержал браконьеров и теперь за это превратился в обвиняемого. Отправил необходимые запросы и готовлю телеэфир

с Сергеем Красиковым. Мы с ним на связи, — по-моему, настоящий герой. Самоотверженно увлечён благородным делом. Уверен, удастся отстоять.

Сергей — государственный инспектор в Бурятии в заказнике “Алтайский” Байкальского заповедника. А ещё замечательный фотограф, влюблённый в природу. При задержании пятерых преступников, охотившихся на заповедной территории, получил перелом руки и сотрясение мозга. А спустя четыре месяца — уголовное дело.

Он — потомственный оберегатель заповедника, охраняет лес и его обитателей уже десять лет, а его отец, тоже Сергей Красиков, — 33 года.

Браконьеры вели в заповеднике незаконную охоту на косуль с помощью лучения (животное ослепляют, оно замирает, выстрел). Красиков-младший вышел на след преступников, обнаружил их, те попытались сбить его автомобилем. В результате — почти два месяца на больничной койке. Сейчас он снова на посту, но говорит, что последствия ещё не долечены: руку, возможно, придётся оперировать. В автомобиле были обнаружены две убитые косули, изъято оружие. Как утверждают в прессе, за этими браконьерами из Улан-Удэ стоят богатые и влиятельные покровители.

Вместо благодарности за риск лесной инспектор получил “уголовку”: спустя несколько месяцев, со слов браконьеров, которые целы и невредимы, его обвинили в “превышении служебных полномочий”: при задержании вооружённого отморозка он применил физическую силу. Уже после того, как получил удар машиной.

“Я произвёл предупредительный выстрел в сторону от браконьеров из ружья, которое держал в повреждённой руке, и сразу после этого здоровой левой отвлёл в сторону ствол нарушителя и резко потянул его на себя. Нарушитель не устоял на каменистом склоне, упал мне под ноги. Я навалился сверху и отобрал карабин”.

Речь о подвижнике, который едва не погиб на боевом посту, а его теперь решили превратить в обвиняемого.

Как говорят все, знающие Красиковых, это идеальные работники: “знают каждого оленя, каждый кустик, они там днюют и ночуют”. Но семья лесных инспекторов, похоже, кому-то очень сильно мешает. Навели идеальный порядок в Алтайском заказнике, что не нравится тем, кто хотел бы там похозяйничать.

Занимаюсь этой историей и верю, что победит честность и справедливость.

“Навели шороху...”

И вновь удалось прийти на помощь.

Недавно написали мне из Архангельской области. В посёлке Кизема, где проживает около 4 тысяч человек, а до районной больницы 100 км поездом или 200 на машине по бездорожью, в декабре прошлого года закрыли круглосуточный стационар. Причина — “условия распространения коронавирусной инфекции, а также с учётом кадрового дефицита”. Весёлые формулировки регионального Минздрава.

Люди прислали письмо, полное возмущения: “Если эпидемия в разгаре, это, получается, причина лишить нас медицины? А что касается дефицита кадров, в то же время в районной больнице врачей с большим опытом работы, пользующихся уважением, увольняют. У нас в среднем 8?10 вызовов “скорой помощи” в сутки, люди пожилые. И что дальше? Да и как добраться за 200 км, например, с инфарктом, таким, который случился с мужчиной, живущим за 30 км от нашего посёлка в селе Дмитриево? Нас никто не слышит, мы привыкли, и поэтому, когда Вы откликнулись, обрадовались и удивились. Слава Богу, есть ещё люди, которым безразлична судьба простых людей, нас, северян”.

Направил депутатские запросы. Вывел жителей Киземы в телеэфир. И они добавили деталей:

“У нас грунтовка, даже лесовозы застревают. До районного центра идёт пригородный поезд, там места все сидячие. Везли женщину, она была на носилках, и пришлось ей находиться на полу, её перешагивали. А другую женщину не смогли донести, она умерла в поезде. Минздрав пишет: “неэффективные расходы”. Мы думаем, что это мы, киземчане, оказались в неэффективных расходах”.

И вот – после запросов и эфира ситуация поменялась. Об этом письма из Киземы.

“Спасибо Вам за работу! Стационар снова открыли! Это только благодаря Вам нам его вернули!”

“Прокуратура после вашего вмешательства ездила по деревням, медицинской интересовались. В итоге наш стационар открыли в пожарном порядке. Всё очень срочно происходило. Врач и фельдшеры остаются. Люди очень довольны, мало кто верил в такой исход дела. И ещё один результат: старые вагоны пригородного поезда Кизема–Кулой–Кизема уже в апреле заменят на новые, чтобы были не только сидячие места. Ну, Вы, Сергей Александрович, навели шороху. Даже вагоны решили заменить. А до этого десятки лет так ездили...”

“Навели шороху” среди чиновников, конечно, сами жители. Молодцы, что не смирились, написали мне, твёрдо и резко стали выступать в свою защиту. Увы, такая активность случается нечасто. Слишком многие готовы мириться с убивающей их реальностью, не веря и не ведая, что что-то возможно поменять.

“Избивают ребят за малейший вздох”

В последние годы писать о дедовщине в нашей армии не принято. Хочется думать, что стало легче и проще, срок службы – год, контроля вроде больше. Но вот написала мне большое и жуткое письмо Елена Николаевна Л., мать Константина Л., проходящего срочную службу в Белгородской области.

“Нет сил больше биться об айсберг!” – восклицает женщина.

Всё письмо приводить не буду, в нём множество подробностей издевательств и избиений в воинской части. Я бы его и не стал цитировать, когда бы не результаты проверки, о которых – дальше.

“Подъём в 5:00, отбой в 23:00. После 23:00 заставляют намывать помещения в расположении, и отбой плавно переносится на 00:00. В ожидании проверок ребят поднимают в 03:45. А подъём опять в 5:00. В течение дня не даётся ни минуты отдыха. С 7 часов всех выгоняют на улицу “ровнять снег”. Даже этот процесс не может обойтись без унижения чести и достоинства наших сыновей. На 20 человек выдаётся 2 лопаты! Но все должны работать. Поэтому тот, у кого нет лопаты, должен руками чистить! Если кто-то просит хотя бы 5 минут погреться, в ответ слышит, что раз замёрзли, значит, плохо работают. Да вы сами нарядитесь в эти лохмотья и попробуйте не замёрзнуть. В части сплошное воровство и беспредел. У самого командира части с танка, за ним закреплённого, сержанты сливают топливо по 500 и более литров. А срочников заставляют таскать это всё и прятать...”

Самые мелкие сволочи сержанты избивают ребят за малейший вздох не в ту сторону. Парню из Калуги за то, что он не заметил сержанта и не успел вытащить руки из карманов, предложили самому выбрать наказание. В результате издевательств ему в попу строительным степлером вогнали 13 скобок! Очень любят сержанты, старшины “игру в стalkerов”. Суть: надеть на солдата противогаз, химзащиту и заставить чуть не языком вылизывать толчки. Дембелям на дорогу все новички должны сдать минимум по 700 рублей. Если не отдать деньги, будешь избит, начальство в доле. Этнические группы путём избиений, унижений отбирают продукты и деньги. И всё это сходит с рук. Матери солдат всё это знают. Но боятся, что сыновьям будет только хуже, и ничего не изменится. Молчат и плачут! Мы для этого растили своих сыновей? Просто невозможно это выдержать нормальному человеку. Недавно парня вытащили из петли, успели. Кто им дал такое право издеваться и избивать ребят? Я каждый час плачу и молюсь, чтобы Костю перевели в нормальную часть. Мой сын не хлюпик и не нытик, спортсмен. Прошу, пожалуйста, помогите! Спасите моего сына. Помогите перевести его в нормальную часть, не дайте сломать ему жизнь. Помогите!!! Умоляю Вас!!!”

Обратился с депутатским запросом в Главную военную прокуратуру России. Пришёл ответ от прокурора Западного военного округа генерал-лейтенанта юстиции А. Л. Егиева. Хорошо, что проведено расследование и вскрыты преступления. Ужасно, что за скупыми формулировками – правота обратившейся ко мне отчаявшейся матери.

“В ходе проверки доводы заявителя о ненадлежащем материально-бытовом и медицинском обеспечении военнослужащих по призыву в воинской части, а также несоблюдении распорядка нашли своё подтверждение. Также

выявлены случаи нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, вымогательства денежных средств, рукоприкладства, мелкого взяточничества со стороны младших командиров. Прокуратурой внесены представления об устранении нарушений закона. Девяти должностным лицам объявлены предостережения. По фактам выявленных преступлений идёт работа военного следственного отдела СК России. Рядовой Л. Константин переведён в другую часть в город Воронеж”.

Тяжёлая тема. Но надо писать правду, даже самую неприятную. И взламывать айсберги.

Рад, если удалось защитить ребят, а их подлые мучители будут наказаны.

Вертолёт летит в Ерофей

Я уже рассказывал о бедственном положении далёкого амурского посёлка, который называется Ерофей Павлович. Посёлок железнодорожный, на одном из очень сложных участков Транссиба, названный именем землепроходца и первооткрывателя сибирских и дальневосточных земель Ерофея Хабарова. Если он опустеет, возникнет ещё один роковой вопрос: кому чинить пути и водить поезда, соединяющие огромную страну?

Напомню, ерофеевцам, измученным отсутствием медицины, сообщили: “Обслуживание вызовов по “скорой помощи” будет выполняться по графику”. По чётным дням “скорой” не ждите. А если вам плохо не по графику, получается, просто не повезло. Минимум три часа туда-обратно по бездорожью. И не факт, что вообще кто-то приедет.

“Уже ни один человек умер просто в дороге...” — это из моего разговора со здешними жителями, которые потеряли всякую надежду на подмогу. Их обращения, написанные куда угодно, встречали полное безразличие.

И вот несколько депутатских запросов, телеэфир — и это достойно даже научно-исследовательского интереса: как начальство повело вдруг хороводы вокруг отдельного небольшого посёлка. Хороводы продолжаются, что радует, потому что моя задача — помочь тем, о чьей беде рассказываю.

Но одновременно это и занятно, и грустно. Где же вы раньше были? И нет ли желания помочь и другим брошенным и несчастным населённым пунктам? Впрочем, вот что обнадеживает: пример Ерофея доказывает, что надо упрямо защищать себя, чиновники всё ещё опасаются громкой огласки.

Итак, о хороводах.

В отдалённый от областного центра посёлок аж из Благовещенска съехались сразу несколько комиссий. На днях в Ерофее побывала сама министр здравоохранения Амурской области Светлана Леонтьева. При министре прошло представительное совещание с повесткой “Оказание медицинской помощи ерофеевцам”. Присутствовали: глава района, замглавы по социальным вопросам, глава администрации посёлка, депутатский корпус, начальник отдела забайкальской дирекции здравоохранения РЖД, руководство Сковородинской больницы, главы всех муниципальных образований района...

Ерофеевцы, конечно, поражены таким оборотом. Весь тот кошмар, о котором почти обречённо они мне твердили, рассеивается. И, оказывается, при желании все проблемы можно решить. Не так ли и в гораздо больших масштабах?

Теперь у них есть постоянный терапевт, в день приезда министра мгновенно принятый на работу. (Осталось вернуть обещанного педиатра — за это продолжу бороться.) Жителей решено принимать и в здешней ведомственной поликлинике РЖД вне зависимости от места трудоустройства. А в больнице будут менять крышу и уберут плесень.

Больше того — теперь всех инсультников и инфартников станут доставлять санавиацией. Раньше умирающему предлагалось ожидать единственную на два огромных района “скорую” или без малого 1000 километров, почти сутки, трястись в вагоне поезда, который к тому же и ходит не каждый день...

Отныне официально утверждено: тяжёлых пациентов доставлять в лучшие областные медицинские центры в Благовещенске в течение 2,5 часа. На территории больницы уже приводят в порядок много лет пустовавшую вертолётную площадку.

Почему всего этого нельзя было сделать раньше?

Война – библиотекам

Библиотека № 8 – “самая творческая в Ульяновске”, как её называют и горожане, и региональный Минкульт. За много лет она прославилась не только в городе, но и в России. Настоящий живой центр интеллигенции. Здесь создано множество клубов, где обсуждают литературу и кино, ежегодно проводят десятки лекций. Выступают и гости из Москвы.

Сейчас библиотекарям объявили войну. Подвижников резко опустили в унизительную нищету. Недавно коллектив этой замечательной библиотеки обратился среди прочих и ко мне с сообщением о резко урезанных и без того небольших зарплатах. Обращение поддержано петицией ульяновской общественности. Если раньше сотрудники могли получать более 20 тысяч рублей, то теперь базовый оклад – 9 тысяч.

Стимулирующих выплат практически нет, так что в итоге выходит 13 тысяч в месяц. Чтобы получить больше, необходимо “перевыполнить план”. По циркулярам чиновников, в пандемию при всех наложенных ограничениях библиотека должна ещё и зарабатывать. Иначе никаких надбавок. Но какие “планы по посещаемости” вообще могут быть во время пандемии?

Библиотека рискует попросту прекратить существование.

“Мы очень любим наших читателей, часто допоздна задерживаемся с клубами и читательскими объединениями. . . Но нам не дают работать творчески и с достоинством”, – говорит заведующая Елена Петровна Галкина. Её коллега Владимир Артамонов добавляет: “Помимо книговыдачи, я занимаюсь ютуб-каналом библиотеки и дважды в неделю веду киноклуб, четырежды я представлял Ульяновскую область на международном форуме молодых писателей, но ЦБС может предложить выпускнику Литинститута только 13 тысяч – мне кажется, это несправедливо. Разумеется, на эти деньги не прожить, поэтому мне, видимо, придётся уйти, хотя я свою работу люблю”.

Теперь одна из лучших библиотек Ульяновска просит губернатора забрать её из муниципалитета под областное попечение. И прекратить издевательство над лучшими людьми в регионе.

Написал по этому поводу и главе области, и в Прокуратуру (речь об окладе ниже МРОТа). Гонение на библиотекарей – всё равно что война с книгами.

На снос

И вот ещё какой историей занимаюсь. . . Будничная ситуация, которая для этих людей означает потерю всего. Лишение собственности задним числом. Практика показывает: подобное приключается с “маленькими людьми” сплошь и рядом.

Вас здесь не стояло, не строилось, не жило. . . Пишу запросы, будет и телеэфир.

Многодетную семью Балыковых обязали снести их единственный дом. На жильё рядом с подмосковной Шатурой они потратили материнский капитал и взяли кредит. Получили все разрешения, закончили строительство. Пытаясь уложиться в скромный семейный бюджет, всё, что могли, делали своими руками. А потом явились чиновники и потребовали от семьи снести дом и освободить участок.

Будто бы появился проект с новыми границами леса. Вся земля Балыковых по этому документу попала на другую территорию.

– Это наше уже более полувека, – показывает бумаги Ольга, мать троих детей. – Земля досталась мне от деда. . .

Пока шло строительство, претензий к семье не возникало. Выселения чиновники потребовали только через два года после новоселья. Первый суд семья выиграла, но сейчас суды продолжаются. Балыковы в отчаянии, понимая, что им противостоит мощная машина, жаждущая захвата их земли.

У них арестовали счета, домой зачастили приставы. И то, что речь о единственном жильё многодетных, похоже, никого не колышет. А как же громкие разговоры о демографии?

В защиту семьи Балыковых – против бесовестных чиновников – уже подписались многие десятки тысяч неравнодушных. Ну, и сами Балыковы не сдаются, а я обязательно продолжу им помогать.

Как выдолоть крапиву

Новости из Нижегородской епархии. В городе Арзамас начались реставрационные работы в легендарном Воскресенском кафедральном соборе, построенном в честь победы 1812 года.

До этого пришлось писать немало писем в Управление государственной охраны объектов культурного наследия, поскольку чиновники, выбив крупный бюджет, собирались заняться памятником, даже не зная, что в нём подлежит безусловному сохранению (эвфемизм “предмет охраны не определён”), а это касалось и уникального интерьера.

Серьёзные эксперты, ознакомившись с планами, тревожились, что реставрация будет означать разрушение и перестройку собора, замену фресок широкомасштабным, но зато высокооплачиваемым новоделом. Увы, слишком часто “свершения реставраторов” приводят не только к хищениям в особо крупных размерах, но и к невозполнимому ущербу памятникам. Диктат бабла не знает снисхождения ни к чему.

На днях мне даны официальные гарантии, что работать начали лучшие реставраторы, а для надзора привлечён Союз реставраторов России. Хочется верить, и продолжу предельно внимательно разбираться в происходящем.

И вновь скажу о гбнущих по всей стране памятниках архитектуры. На протяжении нескольких лет я писал об этом запросы и статьи, снимал телепрограммы, ставил вопросы перед главными государственными лицами.

В аварийном и руинированном состоянии сейчас около 6 тысяч храмов. Наиболее сложная ситуация в Центральной России (в Тверской, Ярославской, Костромской областях, в Подмосковье), в Поволжье, Северо-Западном округе. В таком же положении находится большинство русских усадеб, включая памятники первого ряда.

Основная проблема их сохранения – отсутствие крыш. Здания лишены элементарной защиты от дождя и снега, что в нашем климате приводит к резкому ускорению процесса разрушения и быстрой гибели. Ежегодно падают кресты и своды, осыпаются прекрасные росписи, проваливаются полы, гниют ещё сохранные иконостасы, храмы зарастают сорным лесом.

Как тут не вспомнить хрестоматийное:

*Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит.
Крапиве, чертополоху
Украсить её предстоит.*

И вот общими усилиями удалось что-то сдвинуть в сторону воскрешения. Появилось поручение: “Утвердить программу по консервации объектов культурного наследия”. Минкульт начал выделять средства.

Но и здесь есть свои принципиальные нюансы, о которых обязан сказать.

Из регионов мне сообщают о циркулярах с такими критериями, по которым помощь должна быть оказана зданиям, находящимся в федеральной собственности и у которых объявлен пользователь. Но 95% – бесхозные... Их давно пора оформлять в госсобственность. Пишут мне и о том, что будто бы предполагается заниматься лишь двумя объектами на епархию в год. А речь там и тут о сотнях гбнущих памятников, да и в каждом регионе их число неодинаково. Наконец, необходим экспертный отбор для консервации самого ценного и самого разрушенного... И это ключевой вопрос – прозрачности и профессионализма должностных решений.

Всё требует внимательного участия неравнодушных и знающих. Буду возвращаться к этой теме, которая для возрождения исторической памяти во сто крат важнее бесконечного треска записных ораторов и тьмы всех прочих столь затратных забав.

Гниющие и рушащиеся по всей стране храмы и усадьбы – это метафора и предупреждение. Они – лучшее, доставшееся нам от предков, – и есть Россия.

Сирота с пустой ладонью

Обратились из Уфы: чиновники упорно и нагло отказывают в положенной выплате 9-летнему Стасику. В январе мама мальчика – врач “скорой помощи” Елена Гайнуллова умерла от коронавируса. Следом умер её муж.

Елена отдала медицине более 20 лет. Однако положенной по закону выплаты мальчик не получил. То, что врач “скорой помощи” заразилась на работе, на передовой, её коллеги доказывали почти три месяца. Спасибо им за настойчивость.

Буквально сразу после выхода моей телепрограммы справедливость всё же восстановлена: родителей мальчику не вернёшь, но он, живущий теперь с бабушкой, получил, наконец, причитающуюся выплату: 3 миллиона 700 тысяч рублей.

Изначально Роспотребнадзор республики выдал заключение по смерти врача, вопреки фактам отрицая то, что медик заразилась на работе. После эфира в дело вмешалась Прокуратура, и всё тот же Роспотребнадзор провёл повторное расследование, признавшее: Елена заболела, спасая больных пациентов.

Что ж, считаем формой покаяния перед сиротой и памятью его матери то, что глава Роспотребнадзора Башкирии ушёл со своего поста.

Стелла Владимировна Терещенко, бабушка Стасика, говорит:

– Всем большое спасибо, кто помог правде. Всё, что положено, мы получили. Девочки всё это начали, но самое главное, эта программа вышла в эфир. На улицу выйдешь: “Это чё, про вас там говорили?” Спасибо за депутатский запрос. Большое спасибо народу нашему.

Несмотря ни на что, снова и снова случаются прямое воздействие на бездушных и зарвавшихся и подмога тем, имя кому униженные и оскорблённые.

ВЛАДИМИР КУЗНЕЧЕВСКИЙ

КТО “ВИНОВАТ” В ОСВОБОЖДЕНИИ ЕВРОПЫ ОТ ФАШИЗМА?

1

75-я годовщина победы Советского Союза над фашистской Германией ожидаемо стала главным международным политическим событием 2020 года. “Ожидаемо” в силу того, что западных наших союзников в той великой войне ещё в сороковые годы в буквальном смысле “корёжило” от того, что именно Советская армия в мае 1945-го в одиночку взяла Берлин, и именно русские, а не англо-американский экспедиционный корпус ворвались в рейхсканцелярию германского нацистского государства и понудили Гитлера покончить его счёты с жизнью. Почему нынешних наследников англо-американского экспедиционного корпуса, высадившегося в июне 1944 года на побережье Нормандии, так “корёжит” этот исторический факт, и почему они сегодня, что называется, из кожи вон лезут, чтобы показать своим согражданам и вообще общественному мнению стран Запада, что это их страны, а не Советский Союз внесли решающий вклад в победу над Гитлером в 1945 году? Ставшие в последние годы доступными исторические источники позволяют дать ясный ответ на этот вопрос.

Британская энциклопедия пишет, что “советский вождь И. В. Сталин настаивал на открытии Второго фронта ещё в августе 1941 года, чтобы облегчить положение Красной армии на востоке. Но Великобритания не спешила, поскольку для такой широкомасштабной, с участием всех родов войск операции требовалась тщательная подготовка”.

Сам факт энциклопедия отмечает правильно, а вот трактовка его отличается известным лукавством.

Союзники Москвы по войне с германским фашизмом не торопились открывать Второй фронт в Нормандии не только потому, что знали, с какими огромными потерями в живой силе они столкнутся, если уже в 1941 году вступят в прямое столкновение с германскими боевыми соединениями в центре Европы, но ещё и потому, что откровенно выжидали конечного исхода столкновения гитлеровского вермахта с Красной армией. И заторопились с этим решением только тогда, когда увидели, что судьба Германии уже была фактически решена победами Красной армии, когда поняли, какой огромный политический и идеологический резонанс в глазах всего цивилизованного человечества будет иметь тот факт, чьи именно войска возьмут цитадель германского

фашизма – Берлин и рейхсканцелярию Гитлера. Весной 1945 года У. Черчилль и Г. Трумэн в буквальном смысле завалили своими указаниями главнокомандующего англо-американского экспедиционного корпуса генерала Д. Эйзенхауэра о том, что именно ему необходимо сделать всё возможное для взятия штурмом Берлина в апреле 1945 года.

А перед этим, ещё когда был жив Ф. Д. Рузвельт, в марте 1945 года американская стратегическая разведка в условиях абсолютной тайны, за спиной Сталина, предприняла попытку договориться в Берне (Швейцария) с представителями Гиммлера об односторонней капитуляции немцев перед англо-американскими союзниками.

Советская разведка этот план раскрыла. Сталин в возмущённом тоне уведомил об этом президента США Рузвельта (“Мы, русские, – написал он в своей телеграмме американскому президенту, – при аналогичном положении ни в коем случае не отказали бы американцам и англичанам в праве на участие в такой встрече”). Ф. Д. Рузвельт в телеграмме Сталину от 13 апреля фактически принёс извинения советской стороне за такое вероломство, квалифицировав действия своих подчинённых как недоразумение, и выразил просьбу считать “Бернский инцидент” “отошедшим в прошлое”. Это была последняя в жизни Рузвельта телеграмма, подписанная им лично. Через два часа после этого 32-й президент США скончался, и власть в Америке перешла к вице-президенту Г. Трумену. Но и через две недели пришлось фактически извиняться перед Сталиным, так как прежнее окружение теперь уже нового американского президента продолжало гнуть свою линию на заключение сепаратного мира с Гиммлером, без Москвы. На что Сталин 26 апреля вновь был вынужден уведомить Трумена, что “мы, русские, обязуемся продолжать свои атаки против немцев”.

В таких условиях Сталин в специальной телеграмме Г. К. Жукову предупреждает, что “Гитлер плетёт паутину в районе Берлина, чтобы вызвать разногласия между русскими и союзниками. Эту паутину, – наказывает он Жукову, – нужно разрубить путём взятия Берлина советскими войсками. Мы это можем сделать, и мы это должны сделать. Рубите немцев без пощады и скоро будете в Берлине”. И при этом приказывает Жукову, Рокоссовскому и Коневу при встречах с союзниками “относиться к ним приветливо. Но никаких сведений о наших планах и боевых задачах наших войск никому не сообщать”.

Одновременно с этим Сталин стремится усыпить бдительность союзников. В телеграмме генералу Д. Эйзенхауэру от 1 апреля Сталин пишет, что “Берлин потерял своё прежнее стратегическое значение. Поэтому Советское Главнокомандование думает выделить в сторону Берлина второстепенные силы, а начало главного удара советских войск отнести приблизительно на вторую половину мая”.

К штурму Берлина Красная армия приступила в конце апреля, и через два дня красноармейцы ворвались в рейхсканцелярию Гитлера.

Сталин словно бы знал, что во втором десятилетии XXI века американцы будут наводить тень на плетень и убеждать весь западный мир в том, что это они, а не Красная армия, сокрушили гитлеровский фашизм.

Западные союзники России ещё в процессе Нюрнбергского международного трибунала пытались размыть политическое международное значение этого события. Но победа была столь оглушительной, что долгие десятилетия после неё западные политики и идеологи не знали, как подступиться к желаемой дискредитации этого уникального в человеческой истории феномена. Инерция от этого разгрома была столь сильной, что только через семь с половиной десятилетий они, наконец, собрались с силами и решили переиграть это историческое событие и предприняли попытку переписать европейскую историю в свою пользу, попытавшись искусственно оторвать историю разгрома Красной армией гитлеровского вермахта от истории Второй мировой войны.

Чего правящие круги США и политические элиты Евросоюза хотят добиться этим? А главное – зачем? В чём основная причина такого поведения с их стороны? Только ли в том, что тот, кто это делает, просто-напросто ненавидит Россию с её уникальным положением в мире? Думаю, что главная причина в другом.

Судя по всему, правящие круги американской элиты руководствуются тезисом, который ещё в 1945 году сформулировал в своей повести-притче

“Скотный двор” Джордж Оруэлл: “Все животные равны, но некоторые животные равнее других”. Страна наша в любом её обличье всегда мешала (и будет мешать) тем, кто хотел бы в международных отношениях руководствоваться осуществлением этой пресловутой максимы в человеческом общежитии.

По всей видимости, именно этим обстоятельством объясняется системная бескомпромиссная попытка коллективного Запада “подправить” настоящую историю Второй мировой войны, поменять акценты победы в свою пользу. Цель этой атаки заключается в том, чтобы вычеркнуть из мировой истории не только эту победу, но и вообще русскую цивилизацию, а вместе с ней и само понятие “русский народ”.

Об этом недавно кратко, но исчерпывающе сказал депутат Госдумы Вячеслав Никонов в небольшой реплике под названием “Почему Россию судят те, кто был вместе с Гитлером?»: “После того как Великобритания вышла из Европейского Союза, в ЕС практически не осталось ни одной страны, которая не была бы участницей нацистской оси, либо не соучинила с фашистской Германией, либо не была ею захвачена. Весь Европейский Союз — это в прошлом гитлеровская коалиция или те, кто склонился перед ней. Там не было ни одной страны, противостоящей Гитлеру. Повержена была и Франция, и её заводы работали на Германию. Вот кто нас сейчас пытается судить”.

Учитывая всё вышесказанное, нам, по-видимому, самим необходимо сделать собственные выводы. И чаще вспоминать о том, какой ценой досталась советским людям та Великая Победа в мае 1945 года. И не для того только, чтобы доводить до сведения западного обывателя, что ничто не ушло из нашей памяти, а и для того, чтобы нам самим не уподобляться тому сибирскому школьнику, знаменитому Коле из тюменского Уренгоя, который, выступая 19 ноября 2017 года в германском бундестаге, призвал посочувствовать тем гитлеровским солдатам, которые, как он сказал под аплодисменты депутатов бундестага, якобы “невинно погибли” в “так называемом сталинградском котле”.

2

Кто именно победил Гитлера — риторический вроде бы вопрос. Но на него есть совсем не риторический ответ.

7 мая 2017 года газета “Washington Post” сообщила о том, что в США был проведён массовый опрос населения, в ходе которого людям был задан вопрос: “Кто победил Гитлера в ходе Второй мировой войны?” Итог был таков: “В сознании американского обывателя, — пришла к выводу газета, — бытует твёрдое мнение, что — Красная армия, конечно же, участвовала в боевых действиях против немцев, но в основном лишь в качестве помощника англо-американских войск... Победили же немцев войска Соединённых Штатов Америки. Именно США спасли в те годы от гитлеровского фашизма не только европейские государства, но и советский народ”.

Факт любопытный. Судя по всему, средства массовой информации США немало потрудились над тем, чтобы нынешний американский обыватель не знал, что послевоенный международный военный трибунал в Нюрнберге однозначно констатировал, что ответственность за “заговор против мира и преступление против человечности” несёт политическое руководство только одной страны — гитлеровской Германии. И там же никто из участников этого трибунала не решился оспорить прозвучавшую в ходе заседания информацию о том, что в течение 1941–1945 годов 80% живой силы немецкого вермахта было уничтожено Красной армией на советско-германском фронте.

Разумеется, этот самый обыватель (и не только в Америке, но и в Европе) не знает, что ответ на поставленный выше вопрос никогда не был предметом для дискуссий в среде профессиональных историков и публицистов на самом Западе. Так, выдающийся британский историк, труды которого давно уже признаны в мировой исторической науке классическими, Норман Дэвис, автор фундаментального научного исследования “Europe A History” (1996 г.) 7 ноября 2006 года в газете “Sunday Times” (Лондон) в статье под заголовком “Война, которую выиграли не мы, а русские”, писал: “Настоящими победителями в войне были русские. Они шли на смерть под Москвой. Они выступали в Сталинграде. Они дошли до Берлина. Пора признать, что нацизм был побеждён благодаря России”. Не менее известный французский публицист

Лорен Жоффрен, главный редактор газеты “Liberation”, 8 мая 2017 года посчитал необходимым особо отметить с фактами и цифрами в руках: “Фашизм был разбит в России и благодаря России. И пора Западу это признать. СССР потерял в этой войне 14% от всего довоенного населения (около 27 млн чел.), США – 0,3% (около 300 тыс. чел.), Великобритания – 0,6% (400 тыс. чел.)”.

Впрочем, не совсем верно обвинять нынешнего американского обывателя в том, что он не знает исторической правды. Ему эту искажённую информацию в течение десятилетий настойчиво доносили американские политдеятели и американские же политические публицисты. Жители европейских стран с точки зрения исторического знания пребывают в несколько лучшем положении, потому что в сороковые годы двадцатого столетия фашизм в той или иной степени прошёл по судьбам их родовых семей. Хотя и они вот уже более семи десятилетий подвергаются массивной обработке со стороны американской пропагандистской машины. Но тут ещё не всё потеряно. За их сознание ещё бороться можно, до них донести историческую правду ещё не поздно (если, конечно, не прекращать попыток в этом плане).

А здесь работы для наших историков и публицистов, что называется, непочатый край. На меня в этом плане семь лет назад неизгладимое впечатление произвёл один случай.

31 января 2014 года 95-летний русский писатель Д. Гранин, участник Великой Отечественной войны, выступал в германском бундестаге по поводу юбилея снятия блокады Ленинграда в 1944 году. В ходе этого визита по просьбе Гранина состоялась встреча писателя со своим возрастным сверстником, бывшим канцлером ФРГ Гельмутом Шмидтом, участником боёв под Ленинградом.

– Я спросил его, – рассказывал позже Д. Гранин, – почему вы проиграли войну? У вас же было всё: прекрасное вооружение, хороший офицерский состав, хорошая авиация, неплохие танки. В чём дело?” Я хотел его спровоцировать или подтолкнуть к тому, чтобы он сказал: “Мы проиграли войну не только потому, что вы были, может быть, на каком-то этапе сильнее, но потому, что мы вели несправедливую войну, мы были нацисты, верили Гитлеру, в расовую теорию, которая на самом деле не могла победить”. Но он сказал: “Мы проиграли войну, потому что в войну вступила Америка”.

Вот так. *Finita la commedia*. А ведь Гельмут Шмидт – не американский обыватель, а немецкий политический деятель мирового масштаба, сам, на своей собственной шкуре испытавший в 1941–1942 годах всю сокрушающую силу русского оружия и стойкость русского солдата и потом бежавший из России без оглядки туда, откуда пришёл, в свою Германию. Чего же мы ждём от рядового гражданина Западного мира? И надо прямо признать, что наши историки, политические публицисты и наши политические власти за 30 прошедших лет многое упустили. Слава Богу, что сознание упущенного дошло, наконец, до Владимира Путина, и он в конце 2019 года, с присущей ему решительностью, не стал разводить кисельные берега в этом вопросе, имеющем огромное не только научное, но и политическое для России значение, и резко развернул лодку.

К сожалению, в том числе и для нас самих, в прошлые десятилетия и наши отечественные историки очень много внимания уделяли нашим победам на поле брани и почти не писали о том, что в 1941–1945 годах Советский Союз спас не только себя, но и весь остальной мир. А ведь если бы не воинская доблесть русского солдата, его фантастическая (по мнению немецких генералов) стойкость под Сталинградом и на Курской дуге, то нынешняя геополитическая карта мира, да и жизнь самого этого обывателя, была бы совершенно иной.

Какой? Ответ на этот вопрос есть.

15 октября 1941 года посол США в Великобритании Аверелл Гарриман спросил английского премьера, каким тому видится ход войны на сегодняшний день? Вопрос не праздный. Германские войска стояли всего в 14 километрах от Москвы.

Уинстон Черчилль, ни минуты не задумываясь, уверенно ответил:

“С учётом уже свершившегося по состоянию на 15 октября, Гитлер пересмотрел свои прежние планы, и теперь они выглядят так. Польша – 1939 год, Франция – 1940-й, Россия – 1941-й, Англия – 1942-й, и в 1943 году может быть захвачена и Америка”.

Вопрос американского дипломата был продиктован одним обстоятельством, о котором очень не любят сегодня вспоминать (и писать) все современные западные историки и публицисты (да и наши отечественные – тоже).

Летом 1941 года все западные эксперты были уверены в том, что на европейском театре военных действий ни одна страна, ни одна национальная армия не в состоянии противостоять захватническим планам гитлеровской Германии, включая и Советский Союз, и Великобританию.

Так, 20 июня 1941 года, за день до вторжения германского вермахта в СССР, европейский отдел Госдепа США порекомендовал президенту Ф. Д. Рузвельту: в преддверии выступления Германии против СССР не занимать определённой позиции во взаимоотношениях с Россией. В специальном меморандуме Госдепа “О позиции США в отношении СССР в случае войны между Советским Союзом и Германией” президенту США была высказана рекомендация “отказаться признать советское правительство в изгнании или прекратить признавать советского посла в Вашингтоне в качестве дипломатического представителя России, если Советский Союз будет разбит и советскому правительству придётся покинуть страну”.

15 июля 1941 года английская разведка доносила в Лондон из Москвы, что советское правительство, скорее всего, “может быть захвачено в плен”, и оценивала продолжительность советского сопротивления в 1,5–3 месяца.

Более того, Лондон, полагая, что участь СССР уже решена на полях сражений, сильно опасался вероятности заключения сепаратного мира между СССР и Германией, возможности возникновения некоего подобия ленинского Брестского мира или создания в России “марионеточного прогерманского правительства”, наподобие французского коллаборационистского правительства маршала Петэна.

Военный атташе Великобритании в Москве Итон сообщал в Лондон, что, скорее всего, советское правительство “может быть захвачено в плен, и потому британскому правительству следует думать о выстраивании в скором будущем своих отношений не с Москвой, а с Берлином”. Британское правительство всерьёз опасалось, что в случае занятия Гитлером Москвы оно может остаться один на один в противостоянии с гитлеровской Германией, и потому осенью 1941-го и летом 1942 года Черчилль даже рассматривал возможность перевода английского правительства в изгнании в Канаду.

Как теперь выясняется, премьер Великобритании опирался при этом не только на оценки своих экспертов в Лондоне и Москве.

Как пишет Гарриман, его потрясло не столько само содержание информации, сообщённое ему Черчиллем, но вполне спокойный, при этом уверенный тон. Откуда такая уверенность?!..

Английский союзник России и США в тот день ни словом не обмолвился своему американскому vis-a-vis о том, что в самом начале Второй мировой войны, а именно летом 1940 года английским спецслужбам удалось взломать секретный шифр Министерства иностранных дел Германии, и, разговаривая с Гарриманом, Черчилль доподлинно знал содержание абсолютно секретных планов Гитлера, но не торопился делиться этим знанием ни с кем из союзников, включая и президента США Ф. Д. Рузвельта.

Прежде всего, речь идёт о практически не известном не только широкой публике, но и многим историкам документе – Директиве № 32 от 11 июня 1941 года.

В 2007 году профессор Академии военных наук полковник В. А. Миркин опубликовал подписанный Гитлером текст этой директивы под названием “Подготовка к периоду после осуществления плана “Барбаросса”. 19 июня, за два дня до вторжения в СССР, документ был направлен из Берлина главнокомандующим всеми видами вооружённых сил Германии для практической проработки.

Согласно этому документу, вермахт должен был в 1941 году через территорию разгромленного им Советского Союза пройти в Афганистан, а через него – в Индию, а затем захватить Северную Африку, Гибралтар, страны Ближнего и Среднего Востока, острова Мальту, Кипр и Суэцкий канал и в 1942 году начать военную операцию против Британских островов, с тем чтобы, как говорилось, “начать и завершить наметившийся развал Английской империи”. С этой целью уже осенью 1941 года было запланировано начать бомбардировки городов на востоке США, а в 1943 году выйти в Латинскую Америку,

где из 14 государств планировалось создать всего 5 вассальных стран. 25 июля 1941 года на совещании с главнокомандующими ВМС Гитлер заявил, что Советский Союз практически уже разгромлен, и потому после окончания этой кампании он «намерен предпринять энергичные действия против США».

В дополнение к Директиве за день до нападения на СССР ОКВ разослало в войска специальную инструкцию о деятельности вермахта в арабских странах Большого Ближнего Востока.

Если допустить, что в 1942 году битва в Сталинграде закончилось бы победой немцев, то легко представить себе, как бы сегодня, в XXI столетии, могла выглядеть геополитическая карта мира.

Франция и Великобритания уж точно не существовали бы ныне в качестве ведущих международных держав.

США представляли бы собой третьеразрядное государство в северной части Американского континента.

Израиля как национального еврейского государства не было бы даже и в помине, а евреев не существовало бы как нации.

На территории Большого Ближнего Востока все арабские нации выясняли бы сегодня свои межгосударственные позиции не между собой, а во взаимоотношениях с Турцией и Ираном, а в Юго-Восточной Азии над всеми властвовала бы императорская Япония.

России, Китая и Индии как самостоятельных государств не должно было существовать на международной арене вовсе.

По мнению всемирно признанного авторитета исторической науки Эрика Хобсбаума, карта была бы именно такой, если бы в 1941–1945 годах 80% военной силы гитлеровской Германии не было уничтожено на Восточном фронте. Не в Африке и в Италии, а именно в сражениях с Красной армией. Почему же нынешний суверенный истеблишмент европейских стран из кожи вон лезет, чтобы во что бы ни стало доказать обратное?

И всё же самым тяжёлым моментом для советского руководства надо, по видимому, считать не август–октябрь 1941 года, а июль–август 1942-го, когда Гитлер был в двух шагах от того, чтобы перерезать Волгу в Сталинграде и начать движение по территории России в направлении Уральских гор.

Именно в тот момент У. Черчилль и счёл необходимым 12 августа 1942 года, сразу после встречи с президентом США Ф. Д. Рузвельтом, прибыть в Москву и в беседе тет-а-тет со Сталиным задал генсеку прямой вопрос: уверен ли его собеседник в том, что Россия в Сталинграде выстоит? Со своей стороны, английский премьер уведомил Сталина, что вполне допускает мрачное развитие событий и рассматривает для себя вариант перемещения британского правительства в Канаду.

Из мемуаров Черчилля историки знают, что, услышав от британского гостя заявление о том, что, вопреки обещаниям Рузвельта, второй фронт союзниками в 1942 году открыт не будет, Сталин не сдержался, вспылал и в раздражении едва не прервал беседу, заявив, что СССР выстоит и без помощи союзников.

Разговор двух руководителей, по оценке Черчилля, едва не закончился ссорой. Сталин, пишет он, прямо обвинил союзников в обмане и трусости, а Черчилль в ответ заявил, что он в таком случае готов прервать свой визит. Правда, тут же одумался, совладал с нервами и попросил личной конфиденциальной встречи с Молотовым.

Такая встреча на другой день состоялась. В ходе её британский премьер сказал следующее:

– Сталин сделает большую ошибку, если грубо обойдётся с нами, когда мы уже прошли такую часть пути.

На что советский министр иностранных дел ответил:

– Сталин очень мудрый человек. Можете быть уверены, что, как бы резко он ни спорил, он всё понимает. Но я передам ему ваши слова.

Теперь мы знаем, что сразу после отъезда Черчилля Сталин сказал Молотову, что в случае продвижения немцев к Уралу следует быть готовым к развёртыванию подпольной борьбы на захваченной немцами советской территории, и в том числе в самой Москве, и к передислокации советского правительства в изгнании в Индию.

Личный переводчик Сталина Валентин Бережков (1916–1998) в своих мемуарах оставил уникальную запись на этот счёт, относящуюся к моменту

визита У. Черчилля в Москву в период самых ожесточенных боев в Сталинграде.

“После одной из бесед с Черчиллем в кремлёвском кабинете Сталина, — пишет Бережков, — ... я должен был составить для советского посольства в Вашингтоне текст телеграммы, которую, по обыкновению, сразу же подписывал Сталин.

Мой первый вариант не во всём его устроил, и, сделав несколько конкретных замечаний, он предложил мне, устроившись в конце длинного, покрытого зелёным сукном стола, переписать текст начисто. Пока я был занят этим делом, Сталин прохаживался по узорчатой ковровой дорожке, попыхи-вая трубкой. Молотов остался у другого конца стола, где он сидел во время беседы с Черчиллем.

Вот тогда-то я и услышал из уст нашего вождя то, о чём до сего момента он не решался поведать никому.

— Как бы, Вячеслав, нам не пришлось пополнить список правительств в изгнании, — произнёс Сталин глухим голосом. — Если германцы продвинутся за Урал, это может случиться...

— Но это равносильно гибели, — как-то растерянно отреагировал Молотов.

— Погибнуть мы всегда успеем. Но стоит прикинуть, какие могут быть варианты. Говорил же Черчилль, что в случае оккупации нацистами Англии его правительство будет продолжать борьбу из заграницы, например, из Канады.

Сталин подошёл к одному из свёрнутых вдоль стены рулонов и, потянув за шнурок, развернул карту Восточного полушария.

— Победа над СССР, в чём в таком случае будет участвовать и Япония, — продолжал Сталин, — будет означать огромное усиление держав фашистской оси. Вот почему Англия и Америка будут ещё больше нуждаться в помощи советского народа и нашей партии. Подпольные обкомы, которые мы создали в конце прошлого года, когда враг подошёл к воротам Москвы, не расформированы и продолжают подготовку ко всеобщей партизанской войне. Наш народ верит в партию и её руководство и будет выполнять наши указания, даже поступающие издалека...

Проведя своей здоровой правой рукой по периметру Советского Союза, Сталин продолжал:

— Нам, конечно, не следует повторять путь в Лондон, где уже и без того больше дюжины правительств в изгнании. Я не случайно сказал вчера Черчиллю, что уже бывал в Лондоне, на съезде партии большевиков вместе с Лениным. Мне этого хватает. Но вот Индия могла бы быть подходящим местом...

И он легонько провёл трубкой по огромному субконтиненту.

Меня потрясло, — пишет Бережков, — услышанное. Но я сделал вид, что погружён в свою работу. Постарался поскорее дописать телеграмму и не мешкая выбраться из сталинского кабинета, где на меня обрушилось это страшное предположение”.

И ещё об одной вещи надо бы сказать.

Советские идеологи с 1945 года очень много и часто говорили гражданам европейских стран о том, что это мы их освободили от фашизма и что за это они должны вечно и неизменно постоянно благодарить Советский Союз. Разумеется, Красная армия действительно освободила эти народы от фашизма. Но тут есть и другая сторона дела: а многие ли из них хотели, чтобы их освободили? А уж когда Сталин после 1945 года оставил свои войска в целом ряде стран Восточной Европы, он этим решением существенно поколебал благодарные чувства жителей этих стран к России.

Историкам — и историкам западных стран в особенности — хорошо известно, что ни одна нация, ни один народ не сможет существовать и развиваться, если его политическая элита не будет постоянно внедрять в сознание своего народа информацию о том, что во все исторические периоды его существования, даже критические, его поведение было исторически оправдано и безусловно позитивно. Не будет этого — не будет и самой нации как субъекта международных отношений. Именно поэтому сегодня политические элиты европейских стран изю всех сил стремятся перевернуть историю с ног на голову, оправдать в глазах своих народов коленопреклонённость своих правительств того времени перед Гитлером и внушить своей публике идею о том, что за зарождение Второй мировой войны чуть ли не основную ответственность должен

нести Сталин, а не Гитлер, а через него и Россия как таковая. Примеров в этом плане более чем достаточно.

Так, в сентябре 1938 года, когда Гитлер после унижительного для чешской нации Мюнхенского сговора выставил Праге ультиматум в течение 10 суток передать Германии Судетскую область, чешское правительство обсуждало это требование всего полтора часа, после чего министр иностранных дел Чехии Камилл Крафта пришёл к выводу: “Теоретически ультиматум можно отвергнуть. Но за этим последует война, в которой никто нас не спасёт”. И это было сказано при наличии в Чехии одной из лучших в Европе, на тот момент, армии и при том, что Советский Союз готов был оказать Праге помощь (теоретически, конечно, потому что ещё до этого польское правительство заявило, что в случае попыток оказать такую помощь польская армия не пропустит через свою территорию Красную армию и будет стрелять в русских, если те решатся на оказание такой помощи). Это была позиция правительства Чехии. А что подвигало сам чешский народ устраивать в Праге (и не только) многотысячные демонстрации приветствия немецким солдатам, входившим в страну после провозглашения её германским протекторатом?

Позже, в июле 1941 года президент чешского протектората чех Эмиль Гаха в послании к своим гражданам знал, что он опирается на поддержку своего народа, когда заявил: “Для того чтобы чешский народ принял участие в великой борьбе немецкого народа и внёс свой вклад в дело его победы, ему были определены задачи, особенно в области снабжения и вооружения... Военный взнос в 5 млрд крон был нами сделан ввиду того, что чешский народ непосредственно не участвует в войне”. И Чехия сделала что могла в этом плане. На вооружённые силы гитлеровской Германии, задействованные в боях против СССР, работали 122 чешских военных завода, 12 тысяч средних и мелких предприятий, 2,5 млн самых квалифицированных в Европе рабочих и технических специалистов до апреля 1945 года снабжали вермахт танками, самоходными орудиями, артиллерией и стрелковым вооружением.

Да и только ли Чехия повела себя таким образом? На экономику Германии работала и вся остальная Европа. Так, одна только нейтральная Швеция, добывая 10,8 млн т особо ценной железной руды, 10,3 млн т из них поставляла Германии. Мало кто знает, что за неделю до декабрьского (1941 года) наступления Красной армии под Москвой кичившееся своим нейтральным статусом шведское правительство, опираясь на свои разведданные, предупредило Берлин о том, что русские подготовили наступление под Москвой. Гитлер, впрочем, не поверил этому, заявив: “У Сталина уже не осталось войск для такого наступления”.

Фактически против СССР вместе с немцами шли и все другие европейские нации.

Пора бы и нам самим восстановить в этом вопросе историческую правду. Пришло время сказать вслух и публично, что, вопреки широко распространявшемуся советским пропагандистским аппаратом в сталинскую послевоенную эпоху тезису о том, что Россия (Советский Союз) во Второй мировой войне воевала, прежде всего, за освобождение народов Европы от фашизма, на самом-то деле наши люди воевали за сохранение нашей собственной свободы и нашей собственной жизни. В Европе же в массе своей “освобождения” от фашизма никто и не искал. Правительства всех европейских стран, кроме английского, в принципе вполне устраивал факт наступления Гитлера на СССР, а в гитлеровской армии в этом наступлении практически участвовали все европейские государства. Не оказалось в Европе ни одной страны, представители которой не воевали бы на территории СССР против Красной армии. Даже оккупированная Гитлером Франция была представлена на Восточном фронте своими, пусть небольшими, но воинскими подразделениями. Воевали против русских все, даже шведы и албанцы, и даже горделивые поляки. А правительства тех европейских стран, которые после войны громко подчёркивали сохранение своего военного нейтралитета, помогали Германии воевать против России не только материальными поставками, но и политическими действиями.

Отнюдь не на пустом месте Сталину приписывают фразу, произнесённую им в 1943 году: “Некоторые товарищи еврейского происхождения думают, что эта война ведётся за спасение еврейской нации. Эти товарищи ошибаются. Великая Отечественная война ведётся за спасение нашей Родины во главе

с великим русским народом”. А в послевоенных мемуарах У. Черчилля можно прочесть, как в 1943 году Сталин был вынужден признаться своему собеседнику: “Вы думаете, что мои солдаты воюют за советскую власть? Да нет, они воюют за свою матушку Россию”.

До меня лично поздновато дошло понимание того, что нельзя было годами и десятилетиями бесконечно напоминать политическим элитам европейских государств о том, что мы освободили их народы от фашизма и требовать от них чуть ли не ежедневной благодарности в наш адрес за этот подвиг. Большинство из них этого “освобождения” не искали. А главное, советские идеологи такими требованиями ставили своих *vis-a-vis* в положение политически низшее по отношению к себе. А такого положения никто долго терпеть не будет. Вот после 1991 года Москва и наткнулась, грубо говоря, на идеологическую “ответку”, на почти что ненависть к себе.

Впрочем, нас, законных потомков и наследников той Великой Победы, это обстоятельство не должно волновать. Она в истории нашего народа была, и мы не намерены предавать этот подвиг забвению. Но меня не оставляет ощущение, что мы и сами-то ещё не до конца осознаем значение того, что сделали для всех для нас наши отцы, деды и прадеды в те годы. Наверное, это объяснимо. Народ наш и победу над Наполеоном по-настоящему стал осознавать лишь спустя много лет. На всенародный сбор народных средств и строительство Храма Христа Спасителя в честь этой победы ушло целых 70 лет (возведён в 1883 году). Наверняка не меньше, а скорее всего, больше времени уйдёт и на возведение всенародного памятника в честь столетнего юбилея нашей Победы.

Западным критикам нашей победы над гитлеровским фашизмом (да и нашим доморощенным) очень не нравится, что она олицетворяется с Красной армией, с Советским Союзом как большевистским государством, противопоставившим себя миру капитализма. Однако тут уж ничего не поделаешь, было — как было.

КТО РАЗВЯЗАЛ ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ?

Интервью с историком, старшим научным сотрудником отдела “Истории Великой Отечественной войны” Музея героической обороны и освобождения Севастополя К. В. Колонтаевым.

– Константин Владимирович, как известно, в ноябре 1918 года завершилась Первая мировая война, начатая в августе 1914 года по инициативе мирового финансового капитала и, прежде всего, его руководящего ядра в лице банковской семьи Ротшильдов. Какова была цель поджигателей этой всемирной кровавой бойни?

– Поживился на этой войне не только клан Ротшильдов. Целью Первой мировой войны было коренное политическое переустройство Европы, чтобы резко улучшить возможности дальнейшей эксплуатации европейских стран, в том числе России, финансовым капиталом. Для достижения этой цели предусматривалось: 1) ликвидировать все существующие в Европе большие государства, официально именовавшие себя империями (Германия, Россия, Австро-Венгрия, Турция); 2) максимально ослабить монархические формы правления и распространить республиканские формы государственного устройства.

Ещё в 1910 году русский политолог Н. Н. Беклемишев в своей книге “Невидимая империя”, посвящённой политическим аспектам деятельности европейского финансового капитала, отмечал, что прежняя эксплуатация стран посредством монархических режимов и связанных с ними различных придворных клик вследствие их растущих appetитов и численности привела к росту разного рода “накладных расходов”, а значит, падению прибыли. Поэтому у банкиров возникла потребность сменить систему правления в данных странах и уменьшить их размеры для облегчения эксплуатации и повышения нормы прибыли.

В общем, в результате Первой мировой войны эти две основные поставленные цели были достигнуты. Если в 1914 году в Европе было только 2 республики: Франция и Швейцария, то в 1919 году их стало около 20.

– То есть соответственно древнему, как мир, афоризму: разделяй сильных на слабых и властвуй над ними?

– Да, практически в одночасье распались все европейские империи, и из них выделилось множество небольших и слабых государств. Но при этом в результате Первой мировой войны произошёл крайне неожиданный и неприятный для европейских банкиров, прежде всего для Ротшильдов, поворот событий. Их прежний младший партнёр или даже слуга – американский финансовый капитал и, прежде всего, финансовая группа Моргана – в ходе войны разбогател гораздо больше, чем прежние хозяева, и начал теснить их по всему миру, претендуя на мировое первенство. Если до Первой мировой войны США были должны Европе 6 млрд долларов, то к концу Первой мировой войны Европа должна была США 10 млрд долларов.

Чтобы яснее можно было представить грандиозность этих цифр в то время, напомним, что доллар 1918 году примерно равен 100 долларам 1999 года. Однако вторжение американского банковского капитала в мировую территориальную и экономическую делёжку не шло так гладко, как ему бы хотелось...

— **С Вами, Константин Владимирович, нельзя не согласиться, так как мысль о подлинных истоках Второй мировой войны, то есть о невероятных алчных аппетитах мировых банкиров, с точностью до буквы подтверждают многие русские и зарубежные исследователи. Так, А. Е. Кукина в своей книге "Провал американских планов мирового господства в 1917–1920 гг." (М.: Госполитиздат, 1954. С. 90) пишет, что борьба между европейским и американским финансовым капиталом в 1919–1922 годах проходила с переменным успехом. Например, после ухода в ноябре-декабре 1918 года германо-турецких войск с Закавказья США начали готовить к отprawке в этот регион 70-тысячную армию для овладения его нефтяными богатствами. Но англичанам удалось сорвать американские планы. В свою очередь, американцы в 1919 году сорвали планы Японии, являвшейся в тот период экономической колонией Англии, расширить зону своей интервенции в Сибири и увеличить численность находившихся там японских войск (см.: Эпперсон Р. Невидимая рука, 2-е изд. СПб, 1999. С. 122).**

— Основная борьба между европейским и американским финансовым капиталом развернулась на послевоенных международных конференциях, и прежде всего, на самой основной из них — Версальской мирной конференции 1919 года. В ходе этой конференции американский президент Вудро Вильсон выдвинул идею создания Лиги Наций, которая, по мысли лидеров американского финансового капитала, должна была стать мировым правительством, управляющим миром в его интересах. Лига Наций была создана в 1919 году, однако захватить в ней руководящую роль США не удалось. Англия и Франция решительно воспротивились этому, после чего американцы демонстративно покинули Лигу Наций, и она весь период своего фактического существования (1919–1939) являлась наднациональным органом европейского финансового капитала. И вот теперь мы подходим к непосредственным истокам Второй мировой войны.

— **Я полагаю, чтобы максимально учесть аспекты и причины её возгорания, не следует пренебрегать теми оценками и характеристиками, что давали "мировым буржуям" коммунистические лидеры, что ещё больше убеждает нас в том, что ради огромных экономических и территориальных выгод мировой капитал и раньше, и теперь готов на любые агрессии и безумные авантюры. Так, давая характеристику взаимоотношений США и Европы после Первой мировой войны, В. И. Ленин отмечал: "Америка не может помириться с Европой, потому что между ними глубочайшая экономическая рознь, потому что американцы богаче других". В 1925 году XIV съезд ВКП(б) отмечал "небывало возросшую роль Северо-Американских Соединённых Штатов, граничащую с мировой финансовой гегемонией".**

— С целью захвата ключевых позиций в мире США после своей неудачи на Версальской конференции стали обращать внимание на другие крупные страны мира, недовольные итогами Первой мировой войны. Таковых было четыре: Германия, Италия, Россия и Япония. Относительно Германии и России американскую точку зрения сформулировал 15 января 1920 года командующий американскими войсками в Германии генерал Г. Аллен. В своём дневнике он сделал следующую запись: "Германия является государством, наиболее способным успешно отразить большевизм. Расширение Германии за счёт России на длительное время отвлекло бы немцев на Восток и уменьшило бы тем самым напряжённость в их отношениях с Западной Европой".

Согласно американской точке зрения, сильная и в то же время находящаяся в американской финансовой зависимости Германия должна была стать главной вооружённой силой США в Европе (см.: Н. Allen, Mein Rheinland. Tagebuch Berlin, 1923, s. 51).

— **А стало быть, и сильнейшим противовесом стремительно развивающегося в экономическом плане СССР...**

— Безусловно. Вначале США взяли за Японию, поскольку она была второй после США великой державой в Тихом океане, который американцы

считали своим “озером”. На проходившей 12 ноября 1921-го—6 февраля 1922 года в Вашингтоне международной конференции по морским вооружениям американцы, пользуясь своим финансовым преимуществом, просто купили Японию у Англии. Англо-японский союзный договор 1911 года был на этой конференции расторгнут, после чего Япония вошла в сферу влияния США.

Следующим этапом стала Италия. После известного “Похода на Рим” 28-29 октября 1922 года, организованного итальянскими фашистами, к власти пришёл Муссолини, начавший проводить крайне недружественную по отношению к Англии и Франции политику в Средиземноморье и Африке. Одновременно с этим американцы начинают практическую деятельность по завоеванию Германии. Как и в Италии, ставка делалась на совершенно новые политические силы, в данном случае — на ещё практически никому не известную “Национал-социалистическую рабочую партию Германии” во главе с Гитлером. Один из видных послевоенных германских биографов Гитлера — И. Фест — отмечал, что именно с 1922 году начинается финансирование Гитлера из разного рода анонимных источников в Чехословакии, Швеции и особенно Швейцарии. По его словам, “осенью 1923 года, накануне своего путча Гитлер съездил в Цюрих и вернулся оттуда, как он сам говорил, с чемоданом с деньгами” (см.: Фест И. Адольф Гитлер. Пермь: Алетейя, 1993. Т. 1. С. 271).

Но позиции Франции тогда оказались крепче, гитлеровский “пивной путч” с треском провалился, и повторить в Германии в 1923 году итальянский блицкриг американцам не удалось. Им пришлось заняться выработкой долгосрочной политики в германском вопросе.

— **Из сказанного Вами, Константин Владимирович, следует, что хитроумные планы американского финансового капитала простирались далеко за пределы Германии — на Восток, в советскую Россию. Фашистская Германия стала лишь плацдармом и силовым рычагом для крупной агрессии американского финансового капитала в СССР. Что же делалось в 20-е годы американцами в плане внутреннего разложения Советского Союза?**

— В 1922-1923 годах американцам удалось кое-что сделать для приобретения позиций и в руководстве СССР. Правда, тут долго искать не пришлось. Американцам с помощью своих больших денег и тут удалось прийти на всё готовое, а точнее — перекупить у европейского финансового капитала несколько ключевых фигур в СССР. Одной из таких фигур был не кто иной, как Л. Д. Троцкий, тесные связи которого в период 1917-1921 годов с англо-французским капиталом не были большим секретом даже для обычных дипломатов и разведчиков.

Например, резидент германской военной разведки в Москве майор Хеннинг, действуя с группой подчинённых ему офицеров в качестве сотрудников германской экономической миссии, 24 мая 1918 года, за полтора месяца до эсеровского мятежа в Москве, давая подробную характеристику внутреннего положения в РСФСР, указывал на то, что, по его мнению, дни Советской власти сочтены, поскольку в ближайшие дни в Москве по приказу Антанты произойдёт организованный левыми эсерами военный переворот, поддерживаемый частью большевистского руководства и особенно Троцким. По его мнению, “Антанта, как это теперь совершенно очевидно, сумела склонить часть большевистского руководства к сотрудничеству с эсерами. Так, прежде всего, Троцкого уже можно считать не большевиком, а эсером на службе у Антанты”.

Спустя неделю, 1 июня 1918 года, германский посол в Швеции Люциус общался в германский МИД о беседе с бывшим русским послом в Вашингтоне Р. Р. Розеном, который в её ходе указывал, что основным противником мирных отношений между Советской Россией и Германией в большевистском руководстве является Троцкий. Далее Люциус отмечал, что аналогичная информация имеется у него и из других источников (см.: Исраэлян В. Л. Неоправдавшийся прогноз графа Мирбаха. — “Новая и Новейшая история”, 1967, № 6. С. 63-64). Именно этой сменой хозяев и объясняется резкая активизация Троцкого в 1923 году, после двухлетней предыдущей “спячки”, а также резкое ухудшение здоровья Ленина в 1923 году и его смерть в январе 1924 года.

Но пока основной целью США в Европе оставалась Германия. Сделав для себя кое-какие выводы из неудачи гитлеровского путча 1923 года, американцы решили привлечь к делу финансовой колонизации Германии также и Англию с тем, чтобы полностью изолировать Францию как главное препятствие

в первой половине 20-х годов на пути проникновения в Европу. Экономическая колонизация Германии американским капиталом облегчалась тем тяжелейшим состоянием германской экономики, и прежде всего, тяжёлой промышленности, которое сложилось к 1923 году в результате проигрыша Германией Первой мировой войны и выплаты ею непосильных для неё послевоенных репараций.

В 1914–1923 годах не обновлялись основные фонды германской промышленности, и для её продукции были закрыты внешние рынки. В таких условиях послевоенное восстановление германского промышленного потенциала могло затянуться на неопределённо долгое время.

В январе 1923 года в связи с задержками германских выплат послевоенных репараций франко-бельгийские войска заняли Рейнскую область и установили контроль над находящимся на её территории Рурским промышленным районом. Эта оккупация ещё больше дезорганизовала экономику Германии, вызвала гиперинфляцию и рост безработицы. В стране начались массовые волнения, перераставшие в ряде территорий в восстания, руководимые коммунистами. На оккупированных французами территориях также начались вооружённые выступления, организуемые коммунистами и националистами. Заметьте: только НСДАП Гитлера отказалась участвовать в сопротивлении французской оккупации (см.: И. Фест. Адольф Гитлер. Т. 2. С. 35–36).

Уже к концу 1923 года Франция со своей оккупацией Рура оказалась в чрезвычайно трудном положении. Репарации от Германии так и не поступали, а расходы на содержание оккупационных войск в Руре непрерывно росли. Одновременно с этим рос дипломатический и финансовый нажим на Францию со стороны США и Англии с требованием прекратить оккупацию.

– **К слову, Константин Владимирович, ветеран нашей контрразведки Вячеслав Геворков, исследующий историю Великой Отечественной войны, пишет, что Форд давал каждый год Гитлеру на день его рождения 50 тысяч долларов, поэтому Гитлер знал, на каком базисе он сидит и потому крупных еврейских банкиров США не трогал. “Я хочу показать ключ к следующей войне”, – пророчески пишет Геворков. Вот, оказывается, каким весьма разборчивым “антисемитом” на деле был Гитлер...**

– Совершенно верно! Основным элементом так называемого “Плана Дауэса” (Чарльз Дауэс – крупный американский банкир, выдвинувший ряд предложений по урегулированию проблемы выплат репарационных платежей Германии) было предоставление финансовой помощи Германии от США и Англии в виде кредитов якобы для выплаты репараций Франции. В 1924–1929 годах Германия получила по “Плану Дауэса” от США 2,5 млрд долларов, от Англии – 1,5 млрд долларов (примерно 400 млрд долларов по курсу 1999 года). Это дало возможность германской промышленности практически стопроцентно обновить производственное оборудование и создать базу для будущего восстановления военного производства.

– **Однако известно, что, согласно “Плану Дауэса”, возрождение германской промышленности также было рассчитано на реализацию её продукции на рынках стран Восточной Европы и СССР. Не вижу здесь логики в действиях американских банкиров. Неужто они хотели возродить советскую промышленную базу?**

– Логика тут есть! Советский Союз должен был стать аграрно-сырьевым придатком германского промышленного комплекса. Превращение Восточной Европы и СССР в рынки сбыта германской промышленной продукции, помимо прибылей американским банкам, ставшим фактическими владельцами германских промышленных концернов, решало ещё 2 основных для американцев задачи: ликвидация французского влияния в Восточной Европе и недопущения индустриализации СССР.

Один из соавторов и исполнителей “Плана Дауэса”, германский банкир Шахт, подводя его итоги в 1929 году, с удовлетворением отмечал, что “Германия за 5 лет получила столько же иностранных займов, сколько их получила Америка за 40 лет, предшествовавших Первой мировой войне”.

А далее всё пошло по нарастающей. К 1929 году Германия обогнала Англию по объёму промышленного производства (12% общемирового) и заняла второе место в мире после США (44%). В 1929 году американские инвестиции

в Германии составили 70% всех иностранных капиталовложений, и большая часть из них принадлежала американской финансовой группе Моргана. Таким образом, на смену мировой финансовой гегемонии Ротшильдов пришла финансовая гегемония Морганов, которые до 1915 года обслуживали интересы Ротшильдов в Северной и Южной Америке.

– **Из Ваших слов, Константин Владимирович, следует, что Гитлер и его клика были всего лишь марионеткой в руках американских банкиров. Но как объяснить то, что фашистский рейх объявил войну не только Франции, Англии и СССР, но и самой Америке, которая его, по сути, породила и взлелеяла? Выходит, джинна выпустили из бутылки...**

– Дойдём и до этого. В подтверждение мной сказанного приведу слова американского исследователя Ральфа Эпперсона, который так оценил итоги “Плана Дауэса”: “Без капиталов, предоставленных Уолл-стритом, не существовало бы Гитлера и Второй мировой войны”. В 1929 году вся германская промышленность принадлежала фактически различным американским финансово-промышленным группам.

Принадлежавшая Рокфеллеру “Стандарт ойл” контролировала всю германскую нефтеперерабатывающую промышленность и производство синтетического бензина из угля. Банковскому дому Моргана принадлежала вся химическая промышленность в лице концерна “И. Г. Фарбениндустри”. Через принадлежавшую Морганам американскую компанию связи “ИТТ” они контролировали 40% телефонной сети Германии и 30% акций авиастроительной фирмы “Фокке-Вульф”. Через “Дженерал электрик” Морган контролировал германскую радио- и электротехническую промышленность в лице германских концернов “АЭГ”, “Сименс”, “Осрам”. Через “Дженерал моторс” Морган контролировал немецкий германский автомобилестроительный концерн “Опель”. Генри Форд контролировал 100% акций концерна “Фольксваген”.

К моменту прихода Гитлера к власти под полным контролем американского финансового капитала находились такие ключевые отрасли германской промышленности, как нефтепереработка и производство синтетического горючего, химическая, автомобилестроительная, авиационная, электротехника и радиоприборостроение, значительная часть машиностроения. Всего 278 фирм и концернов, а также ключевые банки, такие как “Дойче банк”, “Дрезднер банк”, “Донат банк” и ряд других.

– **Константин Владимирович, позвольте вернуться непосредственно к той опаснейшей угрозе, что в результате этих западных политико-экономических игрищ нависла над нашей страной. Ведь главная цель американских и подвластных им английских и германских банкиров – порабощение СССР, причём испытанным ими методом – загребать жар чужими руками...**

– Говоря о значении “Плана Дауэса” в отношении СССР, с точки зрения американского и английского финансового капитала, министр иностранных дел Англии О. Чемберлен в феврале 1925 года отмечал, что “Россия нависла, как грозовая туча, над восточным горизонтом Европы – угрожающая, не поддающаяся учёту, но прежде всего, обособленная”. Поэтому, по его мнению, необходимо “определить политику безопасности вопреки России и даже, пожалуй, за счёт России”... Именно “безучётность” и “обособленность” СССР, его масштабные экономические успехи больше всего тревожили американских и английских банкиров.

Для преодоления этой “обособленности” в октябре 1925 года в швейцарском городе Локарно открылась международная конференция с участием Англии, Франции, Германии, Италии, Бельгии, Польши и Чехословакии. Цели конференции определил госсекретарь США Ф. Келлог: “Конференция в Локарно, естественно, следовала за работой комитета Дауэса” (см.: Congressional Record, vol. Pt 1, Washington, 1926, p. 906).

Хотя США формально не принимали участия в работе конференции, они руководили и направляли её работу. По этому поводу лидер Компартии Германии Э. Тельман отмечал: “Американские банкиры не участвуют в Локарно официально. Но американский финансовый капитал, рассматривающий Европу как большую колонию, весьма деятельно сотрудничал при осуществлении Локарно. Представители американского финансового капитала недвусмысленно дали понять, чего американский империализм желает в Локарно” (см.: Thalmann, Lokarno der neue Krigpakt. Berlin, 1925, s. 4).

Таким образом, в обмен на дополнительные политико-юридические гарантии безопасности Франция фактически отказалась от своего влияния в Восточной Европе в пользу Германии. Страны “Малой Антанты” (Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия, Греция) были открыты для доступа Германии, а значит, США. Кроме того, Франция потеряла возможность с помощью своих восточноевропейских сателлитов угрожать Германии с востока.

После того как в Локарно были на американских условиях “решены” основные европейские противоречия, американский финансовый капитал решил обратить серьёзное внимание на СССР, чтобы покончить с его, по выражению О. Чемберлена, “обособленностью”.

— **В СССР, как известно, в это время шла ожесточённая борьба И. В. Сталина и его единомышленников с внутренней политической оппозицией. В ноябре 1925 года вместо разбитого и изолированного Троцкого вдруг возникает так называемая “новая оппозиция” в лице Зиновьева и Каменева, которая по своей политической программе ничем не отличалась от троцкизма, т. е. собиралась под прикрытием дискуссии “о невозможности построения социализма в отдельно взятой стране” покончить в интересах американских банкиров с этой самой “советской обособленностью”. Отсюда становится понятным уже многожды доказанный факт враждебности для СССР “сотрудничества” этих “новых оппозиционеров” с иностранными банковскими магнатами...**

— Советский Союз пытались бить по дипломатическим каналам с двух сторон — внутренней и внешней. Когда к исходу 1926 года “новая оппозиция” и воссоединившийся с ней Троцкий потерпели крах и утратили позиции в советском руководстве, а XV съезд ВКП(б) объявил о начале процесса индустриализации в СССР, американские банкиры начали кампанию силового давления на Советский Союз во внешнеполитической сфере. 23 февраля 1927 года английский МИД направляет СССР ноту с угрозой разрыва дипломатических отношений. В апреле 1927 года китайская полиция в Пекине по указанию американского и английского послов берёт штурмом советское посольство и убивает несколько советских дипломатов. 27 мая 1927 года в Лондоне английская полиция захватывает советское торговое представительство, после чего английское правительство объявило о разрыве дипломатических отношений с СССР. 7 июня 1927 года в Варшаве на вокзале убит советский посол Войков, после чего из США последовал крупный заём Польше на военные нужды.

Однако это давление вызвало противоположные результаты. Осенью 1927 года руководители “новой оппозиции” лишаются всех занимаемых ими к этому времени государственных и партийных постов, и начинается восстановление мощи Красной армии путём наращивания её численности, улучшения работы военной промышленности и начала создания мобилизационных резервов.

— **А что же Гитлер, осуждённый на некоторое время после провала “пивного путча”, и его партия — позабыты-позаброшены?.. Выброшены из политической колоды мировых стратегов-банкиров?**

— Только на короткое время! Гитлер вовсе не был забыт своими американскими покровителями. По мере того как в СССР теряли позиции сторонники “Плана Дауэса”, американские банкиры вновь обратили внимание на новоиспечённого фашистского фюрера и его партию, которые после 1923 года несколько лет пребывали в почти полном забвении, вроде припасённого козыря в международной политической игре.

С конца 1926 года, после очевидного провала троцкистско-зиновьевского блока и принятия XV съездом ВКП(б) курса на индустриализацию, то есть на превращение СССР в промышленно развитое, самодостаточное государство, к Гитлеру вновь начинает сочиться ручеек денег от различных германских фирм и банков, который превращается в водопад с конца 1928 года, когда в СССР начинается выполнение первой пятилетки и когда, спустя год, в конце 1929 года из высшего политического руководства СССР устраняется последняя группа агентов влияния американского финансового капитала во главе с Бухариным, так называемая правая оппозиция.

— **Процесс привода Гитлера к власти, как известно, был затяжным и многоступенчатым, отражая в период 1928–1933 годов колебания и надежды наиболее реакционной, антисоветски настроенной части**

банкиров США на то, что первая советская пятилетка провалится, и СССР, оказавшись после этого в глубоком политико-экономическом кризисе, станет для них лёгкой добычей и можно будет обойтись без сильной Германии. Могло бы случиться так, что затея американских банкиров привести Гитлера к власти с треском провалилась? Ведь Вы не раз упоминали, что позиции коммунистов в Германии в эти годы были сильны, они с лёгкостью оттеснили бы нацистов на политическую периферию.

— Повторю известную истину: история не развивается в сослагательном наклонении. Да, американские банкиры периодически меняли тактику привода Гитлера к власти в Германии, но к осуществлению своей главной цели — подчинению и разгрому растущей мощи СССР — неуклонно шли. Отличие было только в том, что если в 1923 году американцы финансировали Гитлера непосредственно через швейцарские банки, то в 1926–1932 годах это делалось через германские банки и промышленные концерны, которые к этому времени превратились в германские филиалы различных американских финансово-промышленных групп, и прежде всего Моргана.

Весной 1930 года в Германии от власти отстраняется коалиционное правительство, возглавляемое социал-демократом Г. Мюллером. Его сменило правительство Г. Брюнинга, состоящее только из представителей правых партий. Так завершился период правления социал-демократов в Германии 1918–1930 годов и началось постепенное свёртывание буржуазной демократии, так называемый “период президентских правительств” 1930–1933 годов. В июле 1930 года Брюнинг распускает рейхстаг, хотя по закону его полномочия истекли только в 1932 году. Это было сделано с целью использовать недовольство населения экономическим кризисом и превратить нацистов в крупную парламентскую силу. Что и произошло. На состоявшихся 14 сентября 1930 года выборах в рейхстаг нацисты получили 6 млн 800 тысяч голосов избирателей (на предыдущих выборах 1928 года — всего 800 тысяч) и 107 мест в рейхстаге (в 1928 году — только 12 мест).

Этот весьма заметный успех нацистов вызвал положительный отклик у американской и английской прессы, принадлежавшей крупнейшим газетным магнатам того времени в США и Англии Хёрсту, Ротемиру, Бивербруку и ряду других (см.: Гинцбург Л. И. Рывок Гитлера к власти. — “Новая и Новейшая история”, 1968, № 1. С. 83–84).

Успех нацистов на выборах 1930 года дал повод канцлеру Брюнингу начать переговоры с ними о вступлении в его коалиционное правительство. Но хозяева Гитлера считали, что этого делать не стоит. В рождественском номере 1930 года одной из влиятельных германских газет был помещён вопрос “Как вы расцениваете участие Гитлера в правительстве?” Известный тогда в Германии историк Шюслер, отражая точку зрения подлинных хозяев Гитлера, ответил: “Слишком рано!” Далее он объяснил, что участие нацистов в коалиционном правительстве нерационально, поскольку ослабит нацистскую партию “из-за противоречия между идеей и действительностью”, то есть между социальной демагогией и реальной политикой, и тем самым затруднит нацистам последующий захват всей полноты власти.

В это же время атташе американского посольства в Берлине Д. Гордон сообщал госсекретарю Г. Стимсону: “Нет никакого сомнения, что Гитлер получил значительную финансовую поддержку от определённых кругов промышленников. Как раз сегодня до меня дошёл слух из источника, обычно хорошо информированного, что представленные здесь различные американские финансовые круги весьма активно действуют в том же направлении” (см.: Papers Relating to the Foreign Relation of the United State, Washington, 1945. Vol III, p. 84).

Осенью 1930 года в США побывал председатель рейхсбанка Германии Шахт, обсуждавший со своими американскими коллегами детали предстоящего прихода Гитлера к власти. Спустя год, 11 октября 1931 года в городе Гарцбурге состоялось совещание видных германских банкиров и промышленников совместно с представителями высшей аристократии и генералитета. На совещание был также приглашён Гитлер. Шахт довёл до сведения присутствующих мнение американцев о необходимости “наведения в Германии порядка”, то есть установления в стране диктатуры нацистской партии.

Дальнейшие события развивались сравнительно неторопливо вплоть до мая 1932 года, когда СССР объявил о выполнении пятилетнего плана и завершении в основном процесса индустриализации. Кроме этого объявления, существовали и объективные данные, показывавшие американцам, что их надежды на возможный провал первой пятилетки не оправдались.

– **Действительно, в СССР широко освещались крупные успехи первой пятилетки. Если в 1928 году в страну ввозилось из-за рубежа, и прежде всего из США, Германии и Англии, 81% необходимого количества продукции машиностроения и промышленного оборудования, то в 1931 году этот показатель снизился до 17,8%... Получается, разница между двумя этими показателями, образовавшаяся всего за 3 года, означала фактический крах “Плана Дауэса” в отношении СССР?**

– Именно так. После этого события, признав реальные технологические успехи СССР, ареопаг американских банкиров решил торопиться. События стали развиваться стремительно. В конце мая 1932 года под давлением германских банкиров и аристократии, объединённых в так называемый “Клуб господ”, ушло в отставку правительство Брюнинга, и ему на смену пришло правительство Папена, формально не нацистское, но по сути профашистское, призванное непосредственно подготовить приход нацистов к власти. В середине ноября 1932 года 17 крупнейших банкиров и промышленников направляют президенту Гинденбургу письмо с требованием назначить Гитлера рейхсканцлером. С этим же требованием в это же время к Гинденбургу дважды обращался бывший наследный принц кайзеровской Германии. 4 января 1933 года на вилле банкира Шрёдера близ Кёльна состоялось очередное совещание германских финансистов, на котором было решено привести Гитлера к власти в течение ближайших нескольких недель, что и было сделано в конце января 1933 года.

Одновременно с установлением к концу января 1933 года национал-социалистического режима в Германии был установлен национал-социалистический режим и в самих Соединённых Штатах Америки в лице президента Рузвельта и его “Нового курса”.

– **Ваше, Константин Владимирович, столь прямолинейное утверждение вызывает некоторое сомнение. В нашем сознании ставить рядом фигуры Гитлера и Рузвельта – нонсенс! Да и внутренние режимы фашистской Германии и демократических США, казалось бы, несовместимы...**

– Формально – да, несовместимы. Однако послушаем современников тех исторических событий. За несколько месяцев до официального вступления Рузвельта в должность члены администрации усердно изучали опыт режима Муссолини в Италии. Впоследствии бывший до Рузвельта президентом США Гувер, ознакомившийся с пакетом документов “Нового курса”, вспоминал: “Я пытался объяснить им, что это чистый фашизм, что это простая переделка “корпоративного государства” Муссолини”.

И действительно, между политикой “Нового курса” Рузвельта и гитлеровской Германии было поразительно много общего. Небывалая до этого при капитализме степень вмешательства государства в экономику, создание из безработных трудовых армий, выполняющих крупномасштабные строительные работы общегосударственного значения, главным образом по строительству дорог, уничтожение психбольных в Германии и их стерилизация в США... Единственным отличием было сохранение в США многопартийности и формальной демократии.

– **Известно, что, создавая в гитлеровской Германии очаг будущей войны в Европе, американские банкиры обеспечивали аналогичный очаг напряжённости и в Азии, конкретно – в милитаристской Японии, беря СССР в кольцо...**

– В годы Первой мировой войны Япония добилась господствующего экономического положения в Китае. Но в 1922 году на Вашингтонской конференции американцы заставили японцев уйти из Китая. Однако после этого ещё 5 лет американцам не удавалось на равных соперничать в Китае с Англией и Францией. Американское влияние в Китае стало быстро расти после прихода к власти 12 апреля 1927 года правых националистов во главе с Чан Кайши. К 1930 году, по сравнению с 1914 годом, американские капиталовложения в Китае выросли в 3 раза, правительственные займы и финансовая помощь – в 6 раз.

Однако к началу 1930 года американцы серьёзно разочаровались в режиме Чан Кайши. Ему не удалось восстановить единство страны путём ликвидации коммунистов и генеральских феодальных клик. Сокрушительный разгром войск Чан Кайши в Маньчжурии войсками советской Дальневосточной армии в ноябре–декабре 1929 года показал невозможность его использования как средства внешнего вооружённого давления на СССР.

Поэтому американцы стали срочно искать на Дальнем Востоке новую силу, которая могла бы навести порядок в Китае для того, чтобы сделать его территорию пригодной для размещения там своих капиталов и силового воздействия на СССР извне. Поскольку внутри Китая такой силы не оказалось, было решено искать её за его пределами.

Выбор пал на Японию, которая после её вытеснения из Китая в 1920–1922 годах Англией, Францией и США нуждалась в рынках и капиталах для своей бурно развивающейся промышленности. Таким рынком мог быть только Китай, а капиталы находились в США.

– **Этому есть документальное подтверждение?**

– Их несколько. Приведу лишь одно. Позицию США в предстоящей войне Японии с Китаем президент США Гувер сформулировал следующим образом: “Мы должны указать, что Китай оказался не в состоянии обеспечить должный порядок внутри страны, который предусматривался договорами. Значительная часть Китая оказалась под влиянием китайских коммунистов, сотрудничающих с Россией. Правительство Маньчжурии оказалось в руках авантюриста, не признающего китайского правительства, а Китай не принимает никаких мер, чтобы заставить его подчиняться. На этой территории царит анархия, что совершенно недопустимо”.

За те полтора года, в течение которых происходила оккупация Маньчжурии Японией, американские поставки и финансовая помощь Японии составили 182 млн долларов. По нынешнему курсу это более 9 млрд долларов.

– **Стало быть, американские политики вели подготовку ко Второй мировой войне, – и прежде всего, против Советского Союза – на два фронта: на Западе – руками Гитлера и на Востоке – руками милитаристской Японии?**

– Как признают авторы советской 12-томной “Истории Второй мировой войны”, “до середины 1939 года Япония вела внешнюю политику, согласованную с США”. Насколько велика была эта согласованность, можно судить по тому факту, что в 1933 году по приказу из США Япония и Германия почти одновременно вышли из Лиги Наций. В 1937 году Япония по приказу из США начинает новую войну в Китае с тем, чтобы подорвать в нём позиции англо-французского капитала и расширить сферу американского влияния в Китае за счёт Англии и Франции.

Чтобы парализовать возможное вмешательство СССР на стороне Чехословакии и обеспечить Мюнхенский сговор, по приказу из США Япония 29 июля 1938 года организовала вторжение на советскую территорию в районе озера Хасан трёх пехотных дивизий и механизированной бригады. В мае–августе 1939 года широкомасштабный советско-японский вооружённый конфликт на реке Халхин-Гол в Монголии преследовал цели отвлечь силы СССР из Европы накануне нападения Германии на Польшу и заставить Советский Союз принять германское предложение заключить пакт о ненападении, которое и последовало в разгар боёв.

– **Отмеченное Вами, Константин Владимирович, убедительно перечёркивает измышления современных западных недругов и некоторых “наших” либеральных историков и публицистов, будто Советский Союз заключил “предательский” пакт о ненападении с Гитлером за спиной у “демократического” Запада... На самом деле это была объективно вынужденная мера, ведь задача отвлечения советских сил от Европы в этот период была в целом выполнена. Как гласят советские документальные источники, в первой половине 1939 года численность советских войск на Дальнем Востоке должна была по плану вырасти на 57 тысяч человек, а фактически увеличилась на 345 тысяч. И это в преддверии очевидной войны с фашистской Германией...**

– США щедро финансировали Японию для сковывания СССР на Дальнем Востоке. Только в 1938 году финансовой группой Моргана Японии было предоставлено займов на 125 млн долларов. А общая американская помощь Японии в 1937–1939 годах составила 511 млн долларов.

Торговый атташе посольства США в Японии, побывав в 1937 году на японско-китайском фронте, признавал: “Если кто-либо последует за японскими войсками в Китае и увидит, сколько у них американского снаряжения, то он получает право думать, что следует за американской армией”.

– **Нельзя не отметить хитроумное мастерство американских стратегов по издавна отработанному ими умению хватать каштаны из огня чужими руками, да ещё при этом набивать свою мощну несметными капиталами на крови и страданиях миллионов людей... Ведь традиции такой изуверской политики, называемой ими “защитой собственных национальных интересов”, до сих пор активно воплощаются в жизнь и также по сей день направлены, главным образом, против России. Вспоминаю в этой связи, как впоследствии растерзанный необузданной яростной толпой, по сути, подло приговорённый американским ЦРУ лидер Ливии Муаммар Каддафи гневно бросил в американские уши в 2009 году на 64-й сессии Генеральной ассамблеи Организации Объединённых Наций: “Вы породили Гитлера, не мы! И вы же устроили Холокост!” Он был абсолютно прав.**

– Да, прав. Главное агрессивное русофобское детище США – Гитлер – порождён и активно взращивался американским финансовым капиталом и, надо признать, небезуспешно. Едва только Гитлер был приведён к власти, как США тут же начали использовать его как таран для подрыва позиций европейского финансового капитала. В октябре 1933 года Германия выходит из Лиги Наций. В январе 1934 года между Германией и Польшей заключается договор о ненападении, в результате которого Польша из сферы англо-французского влияния перешла в сферу германского, а значит, и американского влияния.

В ответ начинаются попытки заигрывания европейского капитала с СССР. В конце 1933 года СССР получает приглашение вступить в Лигу Наций и в 1934 году вступает в неё. В 1935 году на VII конгрессе Коминтерна в Москве следует отказ от политики прямого захвата власти коммунистами в европейских странах, и возникает идея блока компартий с различными леволыберальными реформистскими силами, получившая практическое оформление в виде так называемых “народных фронтов”. В том же 1935 году заключается военно-политический союз между Францией, СССР и Чехословакией, направленный против Германии.

В ответ на это Германия по приказу из США в марте 1936 года вводит войска в демилитаризованную Рейнскую область. На то, что данный ввод войск не был личной инициативой Гитлера, указывают и многие западные историки. Так, один из них, Б. Л. Гарт писал: “Менее всего Гитлер хотел развязать ещё одну мировую войну. Гитлер, несмотря на свою беспринципность, длительное время проявлял исключительную осторожность в осуществлении своих целей. Военные руководители проявляли ещё большую осторожность. Когда в марте 1936 года Гитлер решил занять войсками Рейнскую демилитаризованную зону, его генералы были встревожены этим решением. В результате их протестов вначале в Рейнскую зону было направлено несколько символических подразделений” (см.: Бэзил Лиделл Гарт. Важнейшие стратегические решения в книге “От “Барбароссы” до “Терминала”. М.: Политиздат, 1988. С. 15-16).

В ответ на приход летом 1936 года к власти правительства “Народного фронта” в Испании и Франции последовали организованный немецкой разведкой по указанию из США мятеж генерала Франко, а затем германо-итальянская интервенция в Испании. А в Африке фашистская Италия с целью подрыва английского влияния, опять-таки по указанию из Вашингтона, в 1935-1936 годах оккупировала Эфиопию. На Дальнем Востоке с аналогичной целью в 1937 году Япония начинает завоевание Китая.

Компромисс и заигрывание клана Ротшильдов с СССР в 1933-1937 годах завершились в 1937 году. Сигналом завершения стал приход к власти в ноябре 1937 года в Англии правоконсервативного правительства Чемберлена.

Причиной конца этого процесса было, с одной стороны, мощное внешнеполитическое давление США в период 1935-1937 годов, о котором говорилось выше, а с другой – разгром в СССР в 1936-1937 годах военно-политического антисталинского заговора. И хотя руководители заговора ориентировались на США и Германию, европейские банкиры надеялись, что в случае свержения Сталина им тоже кое-что перепадёт.

– Как в данном политическом раскладе Вам видится военно-политический антисталинский заговор в СССР, который решительно отрицают либеральные историки и политологи, утверждая, что его якобы инспирировал Сталин с целью окончательно разделаться с остатками оппозиции в стране? Между тем, в частности, историк и публицист Эдуард Хлысталов, основательно разбиравшийся в этом вопросе, с которым мне довелось беседовать на данную тему, прямо утверждал наличие этого заговора и его реальную опасность для страны в канун Великой Отечественной войны...

– Что касается заговора с целью свержения Сталина, то о его подготовке в зарубежной печати писали ещё в начале 1930-х годов. Например, в органе русской белогвардейской военной эмиграции, журнале “Часовой”, в одном из номеров в начале 1931 года об этом сообщалось следующее: “По сведениям лица, прибывшего с юга России, в Красной армии наблюдается несомненное брожение. В армии коммунисты ведут энергичную агитацию против Сталина. Сейчас эта агитация стала почти открытой. К противосталинской агитации агенты ГПУ относятся чисто формально, стараясь не замечать её. Привлекается к ответственности, главным образом, мелкота, а средние и высшие агенты власти, агитирующие против Сталина, остаются в стороне”.

Говоря об этих же процессах, В. М. Молотов отмечал: “Не думайте, что Сталин поверил какой-то фальшивке, переданной через Бенеша. Тухачевский, которого мы хорошо знали, был расстрелян, потому что был военной силой правых Рыкова и Бухарина. А государственный переворот без военных не обходится” (см.: С. Грибанов. Заложники времени. – М.: Воениздат, 1992. С. 52-53).

К этому можно добавить слова из интервью историка, бывшего сотрудника разведки КГБ СССР Арсена Мартиросяна, в котором он, в частности, сказал: “В 1937-1938 годах ликвидировали лишь видимую верхушку заговора военных, а до второго и третьего эшелона заговорщиков не докопались. По соображениям государственной безопасности Сталин вынужден был жёстко пресечь развязанную Ежовым вакханалию репрессий, в том числе и против военных. Идея государственного переворота в СССР на фоне военного поражения разрабатывалась в высших армейских кругах Советского Союза с 1926 года. В 1935 году на стол Сталина лёг доклад ГРУ, в котором было чётко расписан этот сценарий. Затем и НКВД представил соответствующие доказательства. Потому-то и последовал 1937 год”. В этом же интервью рассказано о “плане Тухачевского” – о полном разгроме Красной армии в июне 1941 года...

– **Вернёмся, Константин Владимирович, к нашей исходной теме, как американский финансовый капитал готовил Гитлера к войне против СССР.**

– С ноября 1937 года европейский финансовый капитал ищет компромисса уже не с СССР, а с США и Германией за счёт СССР. Выражением этой политики стал Мюнхенский сговор: “Мюнхенский сговор был по существу пактом о ненападении между Германией и Италией, с одной стороны, и Англией и Францией – с другой. Немалую, если не ключевую, роль в Мюнхенской сделке сыграли США. Так, американский посол в Англии Д. Кеннеди в беседе с германским послом в Лондоне Дирксеном 13 июня 1938 года прямо сказал, что “в экономических вопросах Германия должна иметь свободу рук на Востоке, а также Юго-Востоке Европы”.

Дальнейшим шагом на пути капитуляции Англии и Франции перед Германией и США стала Испания. В 1938 году под нажимом Англии и Франции правительство “Народного фронта” Испании объявило о выводе из страны интернациональных бригад и советских добровольцев, которые были единственной боеспособной силой республиканской армии. А в феврале 1939 года под влиянием Англии и Франции в Мадриде правые социалисты и анархисты произвели, как известно, кровавый военный переворот, в результате которого республика распалась, и в марте 1939 года Франко установил контроль над всей территорией страны. После этого Испания вслед за Италией и Германией стала ещё одним американским плацдармом в Европе.

– **Ныне русские историки часто говорят, что не только вооружённая с ног до головы фашистская Германия, а, по существу, в с я Европа воевала против СССР. Насколько справедливо это утверждение?**

– Всецело справедливо. Но плюс к тому не будем забывать, что именно американская финансовая элита всемерно способствовала этому. Гитлер был послушным исполнителем их воли. В 1938 году США благосклонно отнеслись к капитулянтству Англии и Франции перед Германией, так как последняя была весьма слаба тогда в военном отношении, и поэтому мирный захват Австрии и особенно Чехии с её второй по объёму производства военной промышленности в Европе были жизненно важны для Германии в целях последующего начала войны в Европе. В результате захвата Чехии в период с ноября 1938 года по март 1939-го Германия получила 469 танков, 1582 самолёта, 2175 полевых и 500 зенитных орудий, 785 миномётов, 43878 пулемётов, 1 млн винтовок. Этого оружия было достаточно для вооружения 40 дивизий. В 1938 году на одних только заводах чешского концерна “Шкода” было произведено оружия больше, чем во всей Великобритании.

После того, как Германия к весне 1939 года обрела необходимый военный потенциал, США начали стремительно развязывать Вторую мировую войну и, прежде всего, войну Германии против Англии и Франции с тем, чтобы выкинуть их с рынков Латинской Америки и, в свою очередь, овладеть рынками их колоний. Вопрос о рынках для американцев к концу 30-х годов стоял очень остро. В 1937 году США, занимая 7,1% территории и имея 6,5% населения мира, производили 41,4% мировой промышленной продукции и имели 62% мирового запаса золота на сумму 28 млрд долларов. вполне естественно, что, обладая подобной мощью, США уже тогда претендовали на мировое господство.

– **Существует версия, будто, став президентом США, Рузвельт избавил страну от экономической депрессии, повёл её по пути экономического развития и социального процветания, то есть якобы совершил великое “американское чудо”. Но в таком случае зачем США нужна была очередная мировая бойня?**

– Я бы не стал идеализировать Рузвельта. Он также “слеплен” американским финансовым капиталом, как все прочие президенты США. “Новый курс” Рузвельта, или, проще говоря, американская разновидность “национал-социализма”, так и не привёл к долговременной экономической стабилизации. В 1937 году США вновь оказались в пучине кризиса, и в 1939 году загрузка промышленных мощностей составляла 33% (в разгар кризиса 1929–1933 годов – 19%). Оценивая обстановку в США в 1939 году, один из ближайших советников Рузвельта – П. Тагуэлл – отмечал следующее: “В 1939 году правительство не могло добиться никаких успехов. Впереди лежало открытое море до того дня, когда в Польшу вторгся Гитлер. Туман мог развеять только могучий ветер войны. Любые другие меры, которые были во власти Рузвельта, не принесли бы никаких результатов”.

Конкретным публичным сигналом Гитлеру начинать действовать стало отклонение 19 мая 1939 года Конгрессом США поправки об отмене закона о нейтралитете США.

– **В ряде заслуживающих доверия исторических источников утверждается, что главную вину за Мюнхенский сговор несут Англия и Франция, а США якобы тут ни при чём...**

– Сознательное лукавство или наивное заблуждение. Что касается тайной дипломатии, то в 1939 году США категорически отвергли настоячивые предложения Англии и Франции благословить второй Мюнхен, на этот раз за счёт Польши. США дали ясно понять, что они против любого мирного пути разрешения германо-польского конфликта, подчёркивая, что, если Англия и Франция не объявят войны Германии в случае её нападения на Польшу, то они лишатся всякой американской помощи. Американский посол в Англии в 1938–1939 годах Джозеф Кеннеди позднее так вспоминал об этом: “Ни французы, ни англичане никогда бы не сделали Польшу причиной войны, если бы не постоянное подстрекательство из Вашингтона. Летом 1939 года президент непрерывно предлагал мне подложить горячих углей под зад Чемберлену”.

Американский историк Ч. Тэнзилл по этому поводу писал следующее: “Президент вовсе не хотел, чтобы война, которая начнётся в Европе, закончилась так быстро, что США не успели бы вмешаться. В сентябре 1938 года против Гитлера могли выступить французская, английская, русская и чешская армии, которые раздавили бы его довольно быстро. К лету 1939 года обстановка коренным образом изменилась. Россия заключила договор с Германией,

чешская армия исчезла. Война, начавшаяся в 1939 году, могла затянуться до бесконечности”.

— Когда я слушаю Вас, Константин Владимирович, у меня порой создается впечатление, что если бы Гитлер не был в абсолютной экономической, политической и финансовой зависимости от банкиров США — подлинных поджигателей Второй мировой войны, то он не совершил бы свой “Дранг нах Остен”, то есть военный поход на Советский Союз, настырившись европейскими странами...

— Нет, это ошибочное впечатление. Я исхожу из конкретных объективных исторических фактов. Неутолимая жажда “фюрера” осуществить свой завоевательный поход на Восток была неудержимой, о чём он, как известно, писал ещё в своей книге “Майн кампф”. Но он не был таким уж оголтелым, глупым и “бесноватым”, как пишут во многих источниках, и, учитывая трагический исход для Германии Первой мировой войны, понимал несвоевременность своей авантюры, реально сознавая, что Германия ещё недостаточно сильна для победоносного похода на СССР, тем более воевать на два фронта. “Вначале Гитлер не собирался завоёвывать Польшу. Он был готов какое-то время принять её в качестве младшего партнёра, при условии, что Польша вернёт Германии принадлежащий ей выход к Балтийскому морю и тем самым соединит с Германией по суше Восточную Пруссию” (см.: Б. Л. Гарт. Важнейшие стратегические решения в книге “От “Барбароссы” до “Терминала”. Указ. изд. С. 20-21).

Достаточно хорошо посвящённый в планы Гитлера генерал Манштейн указывал, что до марта 1939 года в главном командовании сухопутных войск Германии не существовало плана стратегического развёртывания войск для нападения на Польшу (см.: Эрих фон Манштейн. Утерянные победы. Альманах “Севастополь”, 1997, № 5. С. 151). Крупномасштабные завоевания в Европе Гитлер готовился начать в 1943 году (см.: В. Пруссаков. Окультизм мессии и его рейх. М.: “Молодая гвардия”, 1992. С. 59-60).

И “вдруг”, “внезапно” Германия активизируется. В конце апреля 1939 года Германия расторгает договор с Польшей о ненападении. Затем с германской стороны следует отказ соблюдать англо-германское морское соглашение 1935 года и выдвигается требование возврата германских колоний, захваченных Англией и Францией в Первой мировой войне. И, наконец, 22 мая 1939 года между Германией и Италией заключается военно-политический союз “Стальной пакт”.

— Понятно, банкиры США, с одной стороны, довольно искусно ставили Гитлера со своими европейскими экономическими конкурентами, а с другой — с Советским Союзом. Потому, очевидно, Гитлер и не испугался воевать на два фронта, что рассчитывал на реальную политическую и экономическую поддержку США? Или, по крайней мере, на нейтралитет США...

— Именно так! Под давлением США в конце марта — начале апреля 1939 года Англия и Франция взяли на себя обязательства быть гарантами независимости Польши, что означало автоматическое объявление войны Германии в случае её нападения на Польшу. Одновременно с весны 1939 года правящие круги США начали предпринимать энергичные попытки для обеспечения невмешательства СССР в предстоящую войну Германии с англо-французским блоком. С этой целью в мае 1939 года, с одной стороны, Германия начинает забрасывать СССР различными мирными предложениями, а с другой — на Дальнем Востоке также в мае 1939 года Япония начинает в Монголии войну с СССР для того, чтобы сделать германские мирные предложения более “привлекательными и весомыми”.

— Дальнейшее хорошо известно. Советско-германский договор о ненападении был заключён 23 августа 1939 года, за неделю до нападения Германии на Польшу и за 10 дней до объявления Англией и Францией войны Германии.

— Однако заключение этого договора стало одновременно и первым серьёзным сбоем в разработанном американцами сценарии Второй мировой войны. Япония, потерпевшая серьёзное поражение в войне с СССР в мае-августе 1939 года, которую она вела по приказу США, и брошенная своей союзницей Германией, заключившей мирный договор с СССР, опять-таки по приказу из США, что также стало известно японцам, была страшно возмущена американским вероломством. Осознав опасность дальнейшего следования в фарватере внешней политики США, она решила принять участие в начинающейся Второй

мировой войне самостоятельно. Это объясняется тем, что, в отличие от германских банкиров и промышленников, их японские коллеги, хотя и были должны американцам, но являлись не только юридическими, но и фактическими собственниками своих банков и концернов.

– **Как же отреагировала “элитарная демократическая общественность” США на весть о новой войне в Европе?**

– Начало войны 1–3 сентября 1939 года было встречено в высших сферах США с плохо скрытым ликованием. Влиятельная “Нью-Йорк таймс” 9 октября 1939 года утверждала, что отныне “слово из Вашингтона будет играть решающую роль при установлении мира в Европе”. Спустя 20 дней в той же газете Джон Форстер Даллес (в дальнейшем госсекретарь США) выступил со статьёй, в которой предрекал, что после окончания войны в Европе руководство миром перейдёт в руки США, то есть американский финансовый капитал будет владычествовать повсюду.

Чтобы побудить Англию и Францию к более энергичной войне с Германией, американский конгресс 3 ноября 1939 года принял закон, разрешающий им приобретать в США за наличный расчёт всё необходимое для ведения боевых действий, что, по сути, отменяло прежний закон о нейтралитете.

Однако, отчётливо понимая крайнее лицемерие и фальшь своих американских “партнёров”, Англия и Франция, да и Германия тоже всю осень и зиму 1939–1940 годов явно не желали плясать под их дудку – воевать по-настоящему – и вели так называемую “странную войну”. Это очень не понравилось США, которые устами своего тогдашнего госсекретаря Сэмнера Уоллеса сказали, что “конечная победа может быть обеспечена только длительной и отчаянной войной, которая приведёт Европу к полному экономическому и социальному крушению” (см.: S. Welles. The Times for Decision, p. 73). В это же самое время газета “Нью-Йорк геральд трибюн” в номере от 19 марта 1940 года прямо призывала правительство США “следить, чтобы для интересов США не возникло угрозы из-за появляющихся в определённых кругах Европы каких-либо мирных предложений”.

Но этот призыв явно запоздал. В феврале 1940 года госсекретарь Уоллес совершил длительную поездку в Европу, посетив Англию, Францию и Германию. В Берлине он, очевидно, сделал германским правителям настолько серьёзное внушение, что через несколько дней после его отъезда Гитлер срочно встретился с Муссолини и объявил ему о решении в начале ближайшей недели наступать на Западном фронте, что и началось 15 апреля и завершилось в середине июня 1940 года полным крушением Франции и созданием угрозы дальнейшему существованию Англии.

Таким образом, летом 1940 года американские планы по отношению к Западной Европе были выполнены: Франция фактически исчезла с карты мира, Англия превратилась в страну, чьё дальнейшее существование определялось объёмами американской помощи. В августе 1940 года США подписали договор с Канадой о совместной обороне, который означал, что эта самая крупная по территории британская полуколония переходит в сферу влияния США. После этого единственной крупной державой в мире, находящейся вне сферы влияния США, оставался СССР.

– **Здесь, Константин Владимирович, хотелось бы более чёткого Вашего разъяснения смысла внешнеполитического замысла США в отношении нашего государства. Ведь мы с американцами были союзниками в борьбе с гитлеровской Германией...**

– Смысл замыслов США в отношении СССР заключался в том, чтобы вернуть Советский Союз к реализации “плана Дауэса”, а для этого было необходимо деиндустриализовать его, вернув на уровень 1925 года. В этом, собственно говоря, и заключалась суть германского плана “Барбаросса”, согласно которому немецкие войска оккупируют европейскую часть СССР, вплоть до предгорья Урала, и лишат его тем самым 80% промышленного потенциала. То есть в результате германской оккупации европейской части СССР его промышленный потенциал должен был сократиться в 4–5 раз и тем самым вернуться примерно к тем показателям, какие он имел в 1925 году, накануне начала осуществления первого пятилетнего плана.

– **Какие конкретные документальные свидетельства того, что решение о нападении Германии на СССР принималось не в Берлине, а в Нью-Йорке, Вы могли бы привести?**

— Таковых свидетельств существует великое множество! Сами авторитетные американские историки С. Митчелл и Д. Мюллер, в частности, пишут, что главнокомандующий вермахтом фельдмаршал Кейтель только в марте 1941 года узнал о планах Гитлера напасть на СССР, то есть за 3 месяца, что является немыслимо коротким сроком для подготовки операции такого уровня. Узнав, Кейтель не на шутку встревожился и спешно составил меморандум, в котором обосновал свои возражения против этих планов, и пошёл с ним на приём к Гитлеру, который в ответ устроил ему дикий разнос. После этого Кейтель подал прошение об отставке. Гитлер категорически отказался её принимать и потребовал от Кейтеля безусловного подчинения.

Вслед за Кейтелем своё отрицательное отношение к планам войны с СССР высказали командующий немецкими войсками в Восточной Пруссии (в дальнейшем командующий группой армий “Север”) фельдмаршал Лееб, командующий германскими войсками в Польше (в дальнейшем командующий группой армий “Центр”) фельдмаршал Бок, начальник экономического управления вермахта генерал-лейтенант Томас и ряд других высокопоставленных военачальников (см.: С. Митчелл и Д. Мюллер, Командиры Третьего рейха. Смоленск: Русич, 1997. С. 24, 47, 71, 82).

Поведение Гитлера в конфликте с руководством армии по поводу планируемой войны с Советским Союзом явственно свидетельствует, что эти планы не были его собственными. Поскольку элементарная логика правителя государства, тем более государства диктаторского, требует того, что в случае отказа подчинённого выполнить приказ его для начала надо, как минимум, отстранить от занимаемой должности. Гитлер, встретив довольно энергичные возражения подчинённых, не только не делает этого, но даже не принимает их собственных прошений об отставке, устраивая вместо этого истерику. Такое поведение Гитлера, согласитесь, свидетельствует о том, что он сам, как минимум, ничего не мог сказать по существу против этих возражений, если даже в глубине души был согласен с ними. А это означает, что планы были выработаны не им, а сам он служил лишь передаточным звеном для их доведения до непосредственных исполнителей.

— **И всё-таки, Константин Владимирович, я хочу возразить Вам в той части нашей беседы, где Вы решительно утверждаете, что Гитлер войны с СССР длительное время не желал. Но ведь о необходимости территориального расширения Германии за счёт восточных территорий, и прежде всего, территории Советского Союза он постоянно заявлял публично и писал ещё в своей “Майн кампф”. Не логичнее ли было бы говорить о полном совпадении интересов американских банкиров с авантюристическими планами Гитлера?**

— Если вдуматься, одно не противоречит другому. Безусловно, я далёк от мысли представить Гитлера таким невинным агнцем в руках жаждущих мирового пожара американских банкиров. Вместе с тем, о том, что Гитлер очень осторожно и осмысленно готовился к мировой войне, особенно с таким гигантом, как СССР, понимая всю глубину последствий в этом случае для себя лично, свидетельствует его попытка затянуть её начало. Поэтому он, явно не согласовав свои действия с руководством США, послал своего первого заместителя и доверенное лицо Гесса в Англию на переговоры. Причём сама форма его отправки свидетельствовала о чрезвычайности ситуации.

Полёт Гесса 10 мая 1941 года стал очевидной попыткой Гитлера избежать на определённое время войны с СССР и выйти из-под контроля США путём заключения мира с Англией, создания на его основе англо-германского союза и затем на его базе своеобразной “Европейской империи” в противовес США. Но отказ английских правящих кругов, находившихся к тому времени под полным контролем США, принять эти предложения заставил Гитлера смириться с той ролью, которую американцы приготовили ему. На это указывают данные, содержащиеся в статье Ф. Д. Волкова “Неудавшийся прыжок Рудольфа Гесса” в журнале “Новая и Новейшая история” (1968, № 6. С. 107–120).

— **В связи с этим возникает вопрос: кому же, если не германскому фюреру, реально принадлежала вся полнота власти в нацистской Германии и какова была в действительности нацистская иерархия?**

— По данным исследователя Л. Н. Гаранина, реальным руководителем нацистской Германии был председатель рейхсбанка и министр экономики Шахт. Его первым заместителем был Геринг. На долю же Гитлера были выделены

представительно-пропагандистские функции: “До прихода к власти Гитлер довольно долго жил на деньги Геринга, который вёл себя по отношению к нему довольно свободно, подсмеиваясь над его пуританством и вегетарианством. Геринг был доверенным лицом германских банкиров в НСДАП и сам занимался игрой на бирже. Геринг был инициатором и организатором поджога рейхстага. Он же вопреки воле Гитлера организовал 30 июня 1934 года “ночь длинных ножей”, в ходе которой был уничтожен Рем и другие члены НСДАП, верившие в антикапиталистическую демагогию нацизма. В марте 1938 года Геринг руководит аншлюсом Австрии. Среди нацистского руководства Геринг наиболее негативно относился к СССР и постоянно подчёркивал своё отрицательное отношение к пакту о ненападении, начиная с момента его заключения в августе 1939 года” (см.: Гаранин Л. Н. Второй человек в рейхе. “Вопросы истории”. 1992, № 1. С. 163–165).

– **Логика Ваших суждений и приведённая Вами в их подтверждение убедительная документальная фактура, Константин Владимирович, очень интересна, хотя и довольно неожиданна для сложившегося стереотипа мышления у целого ряда историков и политологов, которые первой фигурой в нацистской иерархии видят всё-таки Гитлера и никого иного. После начала войны Германии с СССР сценарий дальнейшего хода событий осенью 1941 года с циничной простотой изложил, как известно, сенатор-демократ Гарри Трумэн (с 1944 года – вице-президент США, с апреля 1945-го по январь 1953-го – президент США): “Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают друг друга как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах” (см.: Яковлев Н. Н. Гарри Трумэн: политический портрет. – “Новая и Новейшая история”, 1967, № 2. С. 51). Как говорится, то, что у Рузвельта было в голове, то у Трумэна – на языке...**

– Осознание Гитлером последствий авантюры, в которую его втянули США, после происшедшего разгрома в декабре 1941 года немецких войск под Москвой привело его в бессильную ярость, результатом чего стало объявление войны США сразу же после японского удара по Пёрл-Харбору, хотя реально вести войну с США Германия не имела никаких возможностей вплоть до высадки американских войск в Северной Африке летом 1942 года.

– **А если бы после первоначальных успехов в войне с СССР Германия начала терпеть поражение – тогда бы политическая многоходовка американских банкиров потерпела крах?..**

– Американская дипломатия многоветвиста и хитроумна. Финансовый капитал никогда не кладёт яйца в одну корзину. У него на этот поворот событий имелся соответствующий вариант действий, который заключался в следующем.

1. Военный переворот и устранение с политической арены Гитлера, Гимmlера и ряда других широко известных одиозных фигур.

2. Формирование “демократического” германского правительства и под этим предлогом оказание давления на СССР с требованием, чтобы его войска прекратили движение в направлении Восточной Европы.

Реализацией этого варианта стало покушение на Гитлера и попытка военного переворота в Берлине 20 июля 1944 года.

– **Если бы Гитлер погиб в результате взрыва бомбы, военный переворот в Берлине был бы удачен и к власти пришло коалиционное правительство из представителей социал-демократов, а также центристских и умеренно-правых партий, существовавших до прихода нацистов к власти, не думаю, что Сталин поддался бы давлению США и СССР согласился на мирные переговоры, а наши войска остановились бы на прежних своих границах. Не для того наше Отечество пролило океан людской крови и получило столько огромных экономических разрушений, чтобы останавливаться на полпути. Цель правительства СССР и всего народа была едина – добить зверя в его собственном логове, в Берлине.**

– В начале нашей беседы, Владимир Александрович, мы договорились не гадать на кофейной гуще в сослагательном наклонении: “а что было бы, если бы...” Однако в таком стиле начали Вы, не я. Что ж, позвольте и мне порассуждать в таком виде.

После убийства Гитлера новое “демократическое” правительство в Германии сразу бы открыло Западный фронт американско-английским войскам во Франции и было бы тут же признано западными союзниками. После чего из Вашингтона в Москву, от союзника Рузвельта к союзнику Сталину было бы послано тёплое и дружественное письмо с призывом по такому прекрасному случаю, как свержение гнусного тирана Гитлера и прихода к власти в Германии демократических сил, остановить войска Красной армии на линии советско-германской и советско-румынской границы по состоянию на 1 января 1941 года, поскольку новое германское правительство изъявило скорейшее желание вывести немецкие войска из оккупированных ими стран Восточной Европы и передать контроль над ними их бывшим правительствам, находящимся в лондонской эмиграции, каковые уже пакуют чемоданы, готовясь к посадке в самолёты...

Но если бы СССР всё-таки не внял и продолжал бы победное продвижение на Запад, как Вы говорите, то США на самых законных основаниях могли бы, как минимум, объявить о широкомасштабных военных поставках Германии для отражения “советской агрессии” против ставшей в одночасье демократической Европы во главе с Германией или, как максимум, объединить свои и германские войска в боевых действиях против Красной армии. Даже всеисильный Сталин не мог не считаться с мировой русофобской силой. Возникла бы прямая угроза начала Третьей мировой войны.

Однако механизм реализации этих “крутых” американских планов оказался чересчур сложным, и, как следствие, произошёл его неизбежный сбой. Гитлер остался жив, а Красная армия победоносно вошла в Восточную Европу и даже взяла Берлин, что весьма обесценило американское лидерство в послевоенном мире. Вместо, по предвоенным американским планам, одной сверхдержавы в послевоенном мире в лице США их оказалось две: США и СССР.

Это обстоятельство, как мы хорошо знаем, и определило в дальнейшем, в период 1946–1990 годов, американскую политику в мире, приведшую к трагедии крушения СССР...

— Спасибо, Константин Владимирович, за столь интересное, глубокое и широко обоснованное документально интервью. Его актуальность в контексте современной международной глобальной политики и агрессивного поведения американского банковского капитала несомненна.

С документов Нюрнбергского трибунала нынче, что называется, “сдувают пыль”. Недавно в Москве прошла Международная конференция “70-летие Нюрнбергского трибунала: историческое значение и проекция в современность”. В ряде выступлений его участников красной нитью проходила очень важная, актуальная и поучительная мысль: нынче мы хорошо знаем подлинных поджигателей двух мировых войн, но нам так же хорошо известны имена и тех, кто способен развязать Третью мировую катастрофу. Важнейшая задача мирового прогрессивного сообщества – остановить преступников, не дать погибнуть человечеству в новой ядерной войне.

На скамье подсудимых на Нюрнбергском процессе должны были сидеть и понести справедливое суровое наказание не только гитлеровские головорезы из ближайшего окружения Гитлера, но прежде всего те, кто стоял у истоков Второй мировой войны, то есть американские финансовые воротилы, раздувшие её всепожирающий пожар, породившие и взлелеявшие Гитлера, направившие его на СССР и другие страны, нажившие баснословные капиталы на крови и огромных людских страданиях.

Пока не будут преданы суровому суду преступники, жаждущие мирового господства, организующие мировые войны, – семьи, носящие фамилии Ротшильд, Морган, Рокфеллер, и ещё более 300 клановых семей долларовых триллионеров и миллиардеров, миру постоянно будет угрожать опасность всеобщего уничтожения.

— Увы, если и можно было видеть представителей элитарного американского сообщества на историческом Нюрнбергском процессе, то не в роли ответчиков, а в чёрных мантиях судей...

**Беседовал Владимир Юдин
г. Тверь**

ЮРИЙ НОВОПОЛЬЦЕВ

ПАКЕТ ПАНДОРЫ

Катынский вопрос всерьёз разделил Польшу и Россию; раз за разом во время многочисленных телевизионных дискуссий приходится слушать одно и то же обвинение со стороны польских политиков – в расстреле их военнопленных в 1940 году. Не проходят контрпретензии – в массовом уничтожении пленных красноармейцев в 1920–1921 годах.

В Польше убеждены, что наши военнопленные сами умирали в огромных количествах в результате эпидемии различных болезней. Интересно, а что мешает нашей стране отклонить претензии по гибели польских офицеров, полицейских, жандармов и гражданских лиц? Какие доказательства вины НКВД имеются в рассматриваемом вопросе? По всей вероятности, наиболее весомыми следует считать документы из закрытого пакета № 1. То есть, “записку Берии от... марта 1940 года”, две выписки из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 5 марта того же года и “записку Шелепина от 3 марта 1959 г.” Казалось бы, всё просто и убедительно, однако перечисленные документы вызывают огромное сомнение в научном мире по части их подлинности.

Первый аспект, способный вызвать удивление у любого непредвзятого читателя. Нарком внутренних дел сообщает: *“В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических к-р партий, участников вскрытых к-р повстанческих организаций, перебежчиков и др. Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю...”*

Речь идёт об огромном количестве людей – 14736 человек, сосредоточенных в трёх лагерях для военнопленных, и 18632 заключённых тюрем западных областей Украинской и Белорусской ССР. Что примечательно, расстрелу нарком предлагает подвергнуть не всех “врагов”, а часть их – 14700 военнопленных из числа содержащихся в лагерях НКВД СССР и 11000 заключённых тюрем указанных областей. По этому поводу споры шли не раз и не два, а воз и ныне там.

Попробуем обратить внимание на другое обстоятельство: азбучной истиной является положение, что правоохранные органы любого государства обязаны не только карать, но и перевоспитывать провинившихся. Получается, что в 1939–1940 годах Наркомат внутренних дел не смог перетянуть на сторону СССР ни единого польского гражданина, попавшего в советский плен? Тем самым Л. П. Берия признал перед руководством страны собственную профессиональную непригодность как руководителя упомянутого ведомства, не так ли? А были ли у него основания для подобного самобичевания –

все ли польские военнопленные офицеры являлись “неискоренимыми врагами Советской власти”? Для начала вспомним хорошо известные нам имена Зигмунта Берлинга, Льва Букоемского и других, при помощи которых формировалось в годы Великой Отечественной войны Войско Польское. На тот момент упомянутые офицеры находились в Старобельском и Козельском лагерях военнопленных – их Берия тоже счёл врагами? Руководитель Наркомата внутренних дел должен был знакомиться с докладами Управления по делам военнопленных, из которых вырисовывалась несколько иная картина, чем в пресловутой “записке Берии” – уже в ноябре 1939 года отмечалась наметившаяся поляризация в рядах офицерства:

“Среди офицеров началось расслоение на кадровых и запасных, которые между собой имеют разные взгляды и отношения к войне и Советскому Союзу.

В Козельском лагере, например, многие офицеры открыто высказывают, что во главе польского правительства и главного командования стояла кучка проходимцев, которая не опиралась на массы (среднее офицерство).

“Правительство не заботилось о насыщении армии техникой, а только навело внешний блеск и заботилось о своём благополучии”. “По случаю крестин у генералов парад и банкет, приезд генерала в гарнизон – парад и банкет, одним словом, парады и банкеты без конца. Наша армия была построена на внешнем блеске”.

Предполагаемого автора записки должны были известить о словах, произнесённых полковником Ришардом Малиновским:

“Настроение офицеров подавленное. 20 лет мы строили Польшу и за 20 дней её потеряли. В Германию ехать не хочу и буду просить гостеприимства Советского Союза до окончания войны между Германией и Францией”.

Защитники разбираемого нами документа не помнят собственных произведений. Так, Н. С. Лебедева в книге “Катынь. Преступление против человечества” сообщает нам чрезвычайно интересные вещи:

“Члены Компартии Польши Р. Имах и С. Шиперский при активном участии поручика К. Дудзинского, подхорунжего Ф. Кукулинского, капитана К. Розен-Завадского и Т. Вихеркевича организовали в лагере “красный уголок”. Здесь были оформлены красочные пропагандистские стенды, собрана марксистская и агитационная литература, проводились собрания, читались доклады. УПВИ обратилось к начальнику отдела кадров Коминтерна П. В. Гуляеву с просьбой сообщить, значились ли членами польской компартии М. Зелинский, И. Кулаков, М. Живчик, С. Шиперский, Р. Имах, И. Вольский. Усиленно пропагандировал работы В. И. Ленина поручик Чечот”.

Невзирая на то, что речь ведётся о более позднем периоде времени – осени 1940 года – и об ином лагере – Грязовецком, все упомянутые в тексте офицеры на март 1940 года содержались в Козельском и Старобельском лагерях, то есть их тоже в “записке” именовали врагами и предлагали уничтожить. Впоследствии капитан Казимир Розен-Завадский и поручик Роман Имах будут обвинены контрразведкой генерала Андерса в просоветских взглядах и арестованы. Был арестован польской контрразведкой и подполковник Марианн Моравский, написавший в 1941 году:

“В этой новой освободительной войне против насилия немцев польский народ ищет друзей. Его глаза устремлены на Восток – к социалистической России, где он надеется найти себе мир, сочувственное отношение и поддержку в борьбе за сохранение существования”.

Тремя фамилиями список пострадавших от спецслужб генерала Андерса не исчерпывается, если судить по докладной записке комиссара Государственной безопасности Г. С. Жукова И. В. Сталину от 16 февраля 1944 года:

*“Государственный Комитет Оборона
тов. Сталину*

Генерал-майор Берлинг просил меня передать советскому правительству его личное ходатайство принять, если это возможно, через англичан соответствующие меры к облегчению положения арестованных генералом Андерсом в Палестине польских офицеров, в частности, тех, о которых сообщалось в советской прессе:

1. Розен-Завадского (а не Завадовского, как указано в сообщении ТАСС) Казимира Павловича, 1898 года рождения, уроженца гор. Варшавы, капитана танковых войск польской армии.

2. *Имаха* (а не *Иноша*) Романа Ульяновича, 1905 года рождения, уроженца гор. Сосновец Келецкого воеводства, капитана польской армии.

По мнению Берлинга, в числе арестованных генералом Андерсом польских офицеров должны находиться известные ему следующие лица:

1. Горчинский Евстафий, 1893 года рождения, поляк, б. офицер царской армии, полковник-сапёр польской армии.

2. Тышинский Леон Казимирович, 1896 года рождения, из дворян, подполковник-сапёр польской армии.

3. Дудзинский Казимир Адольфович, 1890 года рождения, уроженец Тернопольской области, подполковник польской армии.

4. Северский Януш Леопольдович, 1912 года рождения, уроженец гор. Злочев Львовской области, поручик пехоты польской армии.

5. Томалл Михаил Андреевич, 1909 года рождения, уроженец Львовской области, поручик пехоты польской армии.

6. Щиперский Станислав Янович, 1903 года рождения, уроженец Келецкого воеводства, подпоручик польской армии.

7. Шумигальский Владимир Станиславович, 1910 года рождения, уроженец Тернопольской области, поручик польской армии.

8. Кукулинский Франтишек Станиславович, 1915 года рождения, уроженец Краковского воеводства, подхорунжий польской армии.

9. Гадомский Роман, 1904 года рождения, уроженец Познанского воеводства, член компартии Польши с 1927 года, неоднократно сидел в польской тюрьме за революционную деятельность, подхорунжий польской армии.

По утверждению генерал-майора Берлинга, все эти лица во время пребывания в лагерях военнопленных и в армии Андерса занимали активную просоветскую линию.

Данные Берлинга о просоветском настроении этих лиц подтверждаются также имеющимися в НКГБ СССР материалами.

Гадомский был направлен в армию Андерса по линии быв. Коминтерна. Сообщаю на Ваше распоряжение.

Комиссар государственной безопасности
Г. Жуков”.

Если у органов государственной безопасности имелись материалы, отражающие просоветские взгляды упомянутых лиц, могли ли они не быть известными их руководителю?

Не следует забывать и об осведомителях, имевшихся во всех лагерях военнопленных. В приводимом ниже документе упомянуты псевдонимы 21 осведомителя Козельского лагеря. Письмо написано заместителю начальника Управления по делам военнопленных И. И. Хохлову начальником особого отдела Козельского лагеря старшим лейтенантом госбезопасности Эйльманом от 28 апреля 1940 года:

“... представляю личные дела с характеристиками на осведомителей из числа военнопленных, содержащихся в Козельском лагере: “Вальтер”, “Малый”, “Спортивный”, “Керч”, “Зух”, “Павлов”, “Тыгрис”, “Стрела”, “Пчела”, “Товарищ”, “Змеевский”, учётные дела которых были Вам переданы майором Госбезопасности тов. Зарубиным.

Одновременно представляю личные дела с характеристиками на осведомителей: “Енец”, “Виктор”, “Познанский”, “Вольский”, “В. Костровицкий”, “Линейный”, “Яблонский”, “Броницкий”, “Виленский” и “Юзеф”, которые были пропущены и не вложены в учётные дела во время отправки их в Управление по делам военнопленных...”¹.

Предложение уничтожения собственной агентуры носит откровенно абсурдный характер.

Другой момент: не всех антисоветчиков было разумно подвергать наказанию. Руководство Советского Союза стремилось отсрочить неизбежную войну против гитлеровской Германии; некоторая часть польских военнопленных была немецкого происхождения – их казнь могла бы осложнить советско-германские отношения. Если этого не понимал Берия, то Сталин и глава внешнеполитического наркомата СССР Молотов должны были обратить внимание на данный аспект, чего, однако, не произошло.

Третье обстоятельство: автор записки предлагает принятие очень серьёзных мер, но распространяются они лишь на большую часть контингентов трёх лагерей НКВД и заключённых тюрем западных областей Украины и Белоруссии – на этом всё. Вопрос: а по какой причине оказались забытыми польские

военные, находившиеся в начале весны 1940 года в Москве, Владимире, Киве и других городах? Генералы Андерс, Янушайтис, Боруто-Спехович, полковник Коц, подполковник Табидзе, майоры Кипияни, Михновский и др.? Неужели Берия забыл об их существовании? Подобная избирательность и перечеркнула попытки отыскания мотивов, которыми могло руководствоваться тогдашнее политическое руководство СССР и лица, возглавлявшие НКВД. Уничтожение польской элиты? Простите, а Боруто-Спехович и Янушайтис к ней не относились? Месть за 1920 год? Во-первых, почему с таким запозданием; почему её не осуществили осенью 1939 года? Во-вторых, Андерс в 1920-м играл определённую роль – почему ему не припомнили участия в тех событиях? Нет, никакой логики в предложении расправы с избранными поляками не наблюдается.

С момента публикации “записки Берии” её критиков заметно смущает и ещё одно обстоятельство – как-то уж чересчур странно сведены военнопленные различных званий в одну графу: генералы с полковниками и подполковниками, майоры с капитанами и т. д.

Что за охота такая напала на шефа НКВД к суммированию, не вполне ясно, и нам это выяснить не удастся; зато мы можем проверить верность цифр, указанных в записке. Для начала используем справки УПВ об офицерах, полицейских и жандармах, ксёндзах, помещиках, государственных чиновниках, осадниках, торговцах, содержащихся в лагерях НКВД. Следует иметь в виду, что упомянутых справок было написано руководителем УПВ П. К. Сопруненко по две; первые оказались забракованы из-за того, что начальник Осташковского лагеря П. Ф. Борисовец в своей сводке смешал офицеров армии и полиции и жандармерии, указав их общее количество. Итак, графа первая: *“Генералов, полковников и подполковников – 295”*.

Согласно справкам об офицерах, в лагерях содержались 1 адмирал, 12 генералов, 82 полковника и 200 подполковников (в первой из них указан даже 201 подполковник); сумма 295 у нас получится лишь в том случае, если будет учтен и адмирал, о котором в графе записки нет упоминания.

“Майоров и капитанов – 2080”.

Согласно “контрольной справке” от 3 марта 1940 года в лагерях НКВД насчитывалось 555 майоров и 1507 капитанов; нетрудно установить, что общее число у нас получится совершенно иное – 2062 человека. В чём же дело? Не иначе, остряк Лаврентий Павлович надумал свести в одной графе майоров не только с капитанами, но и капитанами Морфлота, каковых в “контрольной справке” указано 13 человек – но нам ведь не хватает ещё пятерых! Делать нечего: учтём трёх капитанов второго ранга и двух капитанов первого ранга в соответствии с данными указанного документа².

Таким образом мы получим необходимую нам сумму – 2080 человек, но зададимся вопросом: каким армейским чином соответствуют морские звания капитанов первого и второго рангов? Капитан второго ранга тождествен армейскому подполковнику, а капитан первого ранга – полковнику. Логичнее эти пять человек было переместить в первую графу – к генералам. Неужели Берия не понимал этого обстоятельства?

Движемся дальше: *“Поручиков, подпоручиков и хорунжих – 6049”*.

Вновь незадача. Налицо совпадение численных данных с “контрольной справкой об офицерах”. Но у нас появляются вопросы уже к обоим справкам: почему в них отражены данные поручиков, подпоручиков, хорунжих и подхорунжих, однако подхорунжие не упомянуты? И как было с ними поступить, если в тексте они не упомянуты, но без них число 6049 человек офицеров и лиц, к ним приравненных, никак не получается?

Выясняем разницу в количестве офицеров, отражённых во второй и первой справках; в первой указано 8376 человек, а во второй – 8424. Следовательно, в Осташковском лагере содержались 48 армейских офицеров, в первой сводке по состоянию на конец февраля 1940 года указанных вместе с офицерами полиции, жандармерии и погранвойск³. Именно на это число должно уменьшиться количество офицеров полиции, жандармерии и пограничных войск на начало марта того же года.

“Офицеров и младших командиров полиции, пограничной охраны и жандармерии – 1030”.

Офицеров смешали с младшими командирами, но, думается, это не мешает нам – в “контрольной справке о полицейских и жандармах, содержащихся в лагерях НКВД для военнопленных” обозначены следующие цифры:

“Офицеров полиции и жандармерии – 250 чел.”, “Мл. комсостава полиции и жандармерии – 780”⁴.

250 и 780 действительно в сумме составят 1030. Но нас больше интересует другое: а что в первой справке “О полицейских и жандармах...”? А вот в ней количество офицеров полиции и жандармерии указано 282 человека, численность младших командиров не изменилась⁵. То есть уменьшение численности офицеров полиции и жандармерии состоялось, но лишь на 32 человека! Что бы это означало? В Осташковский лагерь внезапно была привезена партия из 16 военнопленных, носящих офицерские звания полиции и жандармерии? Откуда и куда они подевались впоследствии, ведь уже в сводке УПВ от 16 марта 1940 года от них не осталось и следа⁶? Возможно, начальник лагеря часть армейских офицеров объединял с младшим командным составом полиции и жандармерии, если речь шла о подхорунжих? Но ведь численность младших командиров не поменялась! А что у нас с рядовыми полицейскими и жандармами?

“Рядовых полицейских, жандармов, тюремщиков и разведчиков – 5138”.

Кто же объединяет разведчиков с полицией? Весьма странное решение. Какие данные указаны в “контрольной справке о полицейских и жандармах”?

“Рядовых полицейских и жандармов-5016

Тюремщиков-114

Разведчиков и провокаторов-8”.

Как видим, из “записки Берии” исчезло слово “провокаторы”, но это ещё не всё: согласно первой “справке о полицейских и жандармах” рядовых полицейских и жандармов насчитывалось 5008 человек. Получается, что помимо 16-ти новых офицеров полиции в Осташковский лагерь прибыли к 1 марта 1940 года и 8 новых рядовых полицейских (или жандармов, не суть важно). Точно так же, как и старшие по званию, они таинственно исчезли к середине указанного месяца. Защитникам “записки Берии” вместо клятвенных уверений в подлинности разбираемого документа стоит отыскать фамилии “странных военнопленных”, которые, к тому же, вероятнее всего, даже не были зарегистрированы лагерным руководством, так как учётный номер 7779 принадлежит Друту Андрею Людвиговичу, обозначенному в предписании на отправку в Калинин из лагеря за № 050/3 п. 58, а в Осташков он прибыл из Криворожского лагеря⁷; время же прибытия данного этапа из 6-ти человек – 17 февраля 1940 года⁸. А вот следующий учётный номер (7780) – у Гонсура Валентина Викторовича, отправленного в Калинин по предписанию 058/4 п. 50, который был принят в Осташковский лагерь 3 марта того же года⁹. На “контрольной же справке” чётко обозначено, что составлена она по состоянию на 1 марта указанного года. И вообще – то вторая справка “о полицейских и жандармах” должна была зафиксировать не увеличение численности упомянутого контингента, а уменьшение, так как именно 1 марта скончался старший полицейский Гибчинский Станислав Михайлович, 1894 года рождения¹⁰. Да, разобраться со статистикой, касающейся полицейских и жандармов, нам не удастся. Вновь вернёмся к нашей записке:

“Чиновников, помещиков, ксёндзов и осадников – 144”.

Перед нами – последняя из справок, составленных для Л. П. Берии: на ксёндзов, помещиков, крупных государственных чиновников, осадников, торговцев; в ней обозначены следующие цифры:

“Ксёндзов – 24, помещиков – 11, крупных государственных чиновников – 71, осадников – 35, торговцев и крупных собственников – 3”¹¹.

Можно убедиться самостоятельно: в “записке Берии” численность торговцев и крупных собственников включена в сумму “144”, но упоминания в тексте о них не содержится. Ещё замечание: до марта 1940 года начальник УПВ П. К. Сопруненко в сводках не смешивал крупных государственных чиновников и судебных работников – первых насчитывалось 66, вторых – 5 человек¹². Заметьте, раз за разом у нас возникают вопросы не только к “записке Берии”, но и к “справкам УПВ”, следовательно, целесообразно продолжить проверку количественных данных из “справок” при помощи сводок того же Управления по делам военнопленных и документов лагерей для военнопленных. По генералам и полковникам данные отражены в “справках” верно, вопросов не имеется, но вот подполковники удивляют. В первой из справок об офицерах их численность указана по данным, полученным из двух лагерей, сбоку имеется запись, сделанная карандашом: “Староб. – на 27/II-40 г. Козельск – 26/II-40 г.”¹³.

На 22 февраля 1940 года в Старобельском лагере содержалось 127 подполковников, в Козельском — 73¹⁴. На начало марта в Козельском лагере ситуация не изменилась, Старобельский же лагерь лишился сразу двух подполковников: 22 февраля начальник Старобельского лагеря А. Г. Бережков отчитался об отправке из лагеря в Ворошиловград подполковника Октавеца¹⁵, а тремя днями позже в Старобельской межрайбольнице скончался подполковник Калиновский¹⁶. Подведём итог: на конец февраля 1940 года подполковников содержалось в двух лагерях 198, “справка же об офицерах” предоставляет в наше распоряжение совершенно иные данные — 201! “Контрольная справка” исключает одного из подполковников, их становится 200 — всё равно больше на 2 человека, чем было в реальности.

Проверим ещё данные по майорам: на 22 февраля в Старобельском лагере содержалось 316 майоров, в Козельском — 232. Сумма — 548. За неделю численные данные не менялись, “справка об офицерах” сообщает нам, что майоров в лагерях НКВД — 551 человек, “контрольная справка” увеличивает их количество на 4! Произошло ли увеличение на 4 человека за счёт статистики Осташковского лагеря, сказать сложно, поскольку начальник указанного лагеря П. Ф. Борисовец предпочитал указывать армейских офицеров одной строкой, без расшифровки их званий. Единственный раз он это сделал при пересылке численных данных для “контрольной справки”. В полном недоумении завершаем мы разбор этих документов.

Не меньше, чем с численностью контингента, указанного в записке, проблем возникает при определении её даты — “...марта 1940 г.” нас полностью устроить не может. С обсуждаемым нами документом творились прямо-таки чудеса: записка имеет регистрационный номер 794/б; как выяснилось, письма Сталину за № 793/б и 795/б датированы одинаково: 29 февраля 1940 года. В таком случае, почему “записка Берии” указывает март? По логике событий, и она должна датироваться 29 февраля. В ответ на вполне резонное замечание нам рассказывают фантастическую историю: будто бы Берия большую часть записки составил 29 февраля, зарегистрировал её, а затем забрал для доработки — он ожидал получения уже известных нам справок (знал бы он, какого качества будут эти справки...) Что же, ясно многое, но кто объяснит: к чему Лаврентию Павловичу была именно февральская регистрация записки? На данный вопрос ответа всё равно не последует, а потому предлагается двигаться дальше. Нарком внутренних дел получил справки 2 и 3 марта, следовательно, свой эпохальный документ он должен был отправить 3-го числа — пауза и так затянулась. Но имеется один нюанс: 5 марта 1940 года состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), обсудившее, как нам сообщают, саму “записку” и принявшее решение о создании судебной “тройки” в составе двух заместителей наркома внутренних дел — В. Н. Меркулова и Б. З. Кобулова, а также начальника 1-го Спецотдела НКВД Л. Ф. Баштакова. Должность последнего указана и в самой записке, и в выписке из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б). А теперь рассмотрим один крайне любопытный документ:

“В. срочно.

Первый Специальный Отдел НКВД СССР.

г. Москва

4 марта 1940 г.

№ 091.

Служебная записка.

Нач. управления военнопленных НКВД

Майору Госбезопасности тов. Сопруненко.

По приказанию Зам. Наркома Внутренних Дел, комиссара Государственной Безопасности тов. Меркулова просим дать телефонное распоряжение Нач. Осташковского лагеря военнопленных об этапировании в гор. Москву в распоряжение 3-го отдела ГУГБ НКВД — Шинкман Феликса Абрамовича, 1899 г. рожд., уроженца г. Варшавы.

Зам. Нач. 1 спецотдела НКВД

Капитан Госбезопасности: Баштаков.

Зам. нач. 3 отделения

Лейтенант Госбезопасности Сашенков¹⁷.

Вывод неумолим: ни 3, ни 4 марта записка завершена и отправлена по адресу не была, ввиду того обстоятельства, что 4 марта 1940 года Л. Ф. Баштаков находился на другой должности. Совершенно неясно: а чем объяснялась очередная задержка с доработкой “записки Берии”? И какой смысл был в ожидании справок, если военнопленные постоянно перемещались с одного места на другое, и статистика менялась? Так, 2 марта того же года 10 ксёндзов выехали из Старобельского лагеря в Москву¹⁸. Иначе говоря, “справка о ксёндзах, помещиках, крупных государственных чиновниках...” обесценилась, поскольку её данные устарели и ксёндзов на момент принятия решения Политбюро содержалось в лагерях НКВД на 10 человек меньше. Последний вопрос по данному моменту: не многовато ли событий выпало на 5 марта 1940 года? Завершено написание записки её автором, Политбюро её обсуждает и принимает решение, Баштаков получает и новую должность, и место в “спецтройке”...

Лучший способ проверки документа на предмет подлинности – сопоставление сведений, изложенных в нём, с реальными событиями. Постепенно мы перемещаемся от “записки Берии” к “выпискам из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б)”. Политбюро без единого возражения 5 марта 1940 года приняло более чем странный план действий наркома внутренних дел, постановив:

“Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения – в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных – по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР;

б) на лиц арестованных – по справкам из дел, представляемых НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе тт. Меркулова, Кабулова и Баштакова (начальник 1-го спецотдела НКВД СССР”).

Была установлена для “спецтройки” и контрольная цифра лиц, подлежащих расстрелу (14700 чел.), о которых говорилось в “записке Берии”. Но то были планы (если не подвергать сомнению документ), а каковы оказались реалии? Без сомнения, какое-то решение по польским военнопленным принято было, но то ли, что изложено в “выписке”? Если то самое, остаётся удивляться, как бесцеремонно в НКВД принялись его нарушать. Во-первых, работники Наркомата внутренних дел взялись за сортировку военнопленных, и части контингента лагерей была предназначена транспортировка в Юхновский лагерь. Во-вторых, как и следовало ожидать, в дело вступило германское посольство, неоднократно отправлявшие запросы УПВ на предмет освобождения из плена лиц германской национальности, проходивших службу в польских армии или полиции. В-третьих, начались совершенно непонятные поездки военнопленных – 9 марта 1940 года из Козельского лагеря в Осташковский отправились двое: Марианн Гавяк и Юлиан Вонсовский¹⁹. Остаётся лишь развести руками: военнопленных Козельского лагеря почти всех вроде бы ожидала верная смерть, контингент Осташковского ожидало то же самое, тогда зачем понадобилась эта перевозка? Почему им следовало погибнуть в Калинин, а не в Смоленске? Правда, к перечисленным в “записке” категориям они не относились, но, с другой стороны, ни рядовыми, ни младшими командирами они также не были; как было поступать с теми, кто вовсе не служил ни в армии, ни в полиции или жандармерии, и “записка”, и “постановление Политбюро” промолчали. Вонсовского, к слову, отправили по предписанию 062/2 п. 51, как считают защитники документов из “закрытого пакета”, на расстрел. Пример этот далеко не единственный: 9 из 10 ксёндзов, 2 марта 1940 года вывезенных из Старобельского лагеря в Москву, в марте-апреле того же года транспортировали в Козельский лагерь²⁰. Если им уготована была смертная казнь, почему её не осуществили в столице? Точно такой же вопрос зададим и в отношении ещё двоих, также прибывших в апреле 1940 года из Москвы в Козельский лагерь; ими были капитан Георгий Шидловский и рядовой Людвиг Навроцкий²¹.

Вспомним, что Политбюро очертило круг тех, кого должны были подвергнуть жуткой расправе: по предложению наркома внутренних дел, казнить должны были лишь тех, кто находился в трёх специальных лагерях и тюрьмах

западных областей Украины и Белоруссии. Шидловский же с Навроцким находились на момент принятия решения в Бутырской тюрьме, то есть суровое решение их не касалось ни в коей мере. Тем более, что Навроцкий был все-го-навсего рядовым...

Самый, пожалуй, удивительный пример касается судьбы Юзефа Каминского: в феврале 1940 года его из Осташковского лагеря отправили в Чернигов по подозрению в службе в разведотделе польского Генштаба²². С Юзефом Каминским вышла промашка: его перепутали с однофамильцем и тёткой, последнего уже давным-давно передали Германии²³. Разобравшись в ситуации, Управление по делам военнопленных вернуло Каминского в Осташковский лагерь в мае 1940 года, когда “разгрузка лагерей” входила в завершающую фазу²⁴. Согласно версии расстрела польских военнопленных войсками НКВД, принято считать, что в Киеве их расстреляли не одну тысячу; Юзефа Каминского также зачислили в расстрелянные в мае месяце указанного года – с какой целью его везли из Чернигова не в Киев, до которого было рукой подать, а в далёкий Калинин?

Совершенно не считаясь с “решением Политбюро ЦК ВКП(б)”, работники НКВД принялись свозить в Осташковский, Козельский и Старобельский лагеря военнопленных, находившихся на момент принятия решения в лагерях Наркомата чёрной металлургии, Ровенском и Шепетовском лагерях. То есть тех, чью участь 5 марта 1940 года не рассматривали. Так, в Козельский лагерь в конце апреля 1940 года доставили из Ровенского пятерых офицеров²⁵; десятерых полицейских из того же Ровно привезли 27 апреля того же года в Осташков²⁶. Туда же доставили двоих полицейских из Елено-Каракубского лагеря тремя днями позже²⁷. Двое полицейских проходили лечение в Смоленской психиатрической больнице; если их так желали расстрелять, то до смоленской тюрьмы их можно было доставить пешком, до зловещего катынского леса было чуть подальше... Но нет, 27 апреля они тоже пожаловали в Осташковский лагерь²⁸. Из шепетовской больницы доставили также двоих полицейских – Людвиг Маловейского и Станислава Сцибура (так в документе, верное написание – Цибура)²⁹. Уже в наши дни, во время раскопок во Владимире-Волынском могил жертв узников местной тюрьмы, в одной из них внезапно были обнаружены опознавательные жетоны военнопленных Осташковского лагеря: Людвиг Маловейского и Юзефа Кулиговского. Расстреляны они оказались из немецкого оружия немецкими пулями 1941 года производства. То есть они были казнены тогда, когда, по версии расстрела военнопленных войсками НКВД, они уже год были мертвы и покоились в Калининской области. Общественность удивилась, но ей была предложена ещё одна фантастическая гипотеза: будто Маловейский свой жетон забыл в больнице, кто-то его присвоил и был расстрелян вместе с чужим опознавательным знаком. В отношении Кулиговского сказано не было ничего, заслуживающего внимания. История с “потерянным жетоном” Людвиг Маловейского построена на песке: кто был этот “похититель чужого знака”? Полицейский? По какой причине он не был транспортирован вместе с Маловейским? Продолжал лечение? В таком случае, почему его не перевезли по выздоровлению, допустим, в мае? Свой личный жетон он потерял или у него отныне имелось два опознавательных знака? Или жетон оказался у гражданского лица? Этот человек не понимал, что бездумное присвоение чужого имущества может навлечь на него неприятности? Что было бы, если бы работники НКВД заинтересовались, откуда у их подопечного данный знак и не служил ли он, часом, в полиции?

Если Политбюро “распорядилось подвергнуть казни” из числа военнослужащих лишь офицеров, то “спецтройка” не сочла нужным последовать и этому совету – в списках казнённых хватает и капралов, и вахмистров, и даже рядовых. То есть, с одной стороны, часть контингента вывели из-под удара, но, с другой стороны, обрушили его на головы других...

“Выписка из протокола заседания Политбюро” предписывала вершить суд и расправу над военнопленными без вызова последних и предъявления им обвинения. При таком варианте и допросов подсудимых быть не могло; а как было в реальности? 9 марта 1940 года из Козельского лагеря убит полковник Любодзецкий, доставленный в Киевскую тюрьму. В книге “Тайна Катыни” В. Н. Швед опубликовал несколько документов по делу Станислава Любодзецкого, среди них имеются два протокола допроса обвиняемого и обвинительное заключение по делу (а его также быть не должно). Двигаемся дальше:

вместе с Любодзецким в Киев доставили капитана Лихновского. 26 апреля из Киева в УПВ сообщили о Леопольде Лихновском:

“Свою причастность к бывш. польским разведывательным органам отрицает...”³⁰.

Иными словами, и украинские органы безопасности проигнорировали решение Политбюро и вердикт по делу капитана Лихновского принимали не тем способом, что был предначертан в выписке.

В тот же день, 9 марта 1940 года из Козельского же лагеря в Смоленск были доставлены 11 человек, причисленных к разведчикам и провокаторам. Хотя и нацистский пособник Юзеф Мацкевич в своей книге “Катынь” утверждает, будто их всех казнили в марте того же года, но вплоть до 20 апреля того же года УНКВД по Смоленской области вело переписку с УПВ, регулярно сообщая о ходе следствия по делу 11 военнопленных³¹. Если следствие оказалось достаточно продолжительным (о его окончании было сообщено 25 марта упомянутого года), могло ли оно обойтись без допросов обвиняемых? Интересно, хоть какой-то “завет партийного руководства”, обозначенный в решении от 5 марта 1940 года, в НКВД не нарушили?

Особую важность, пожалуй, представляет сама процедура “вынесения смертного приговора” военнопленным – описание её составлено весьма категорично. Защитники документов из “Закрытого пакета № 1” поясняют нам приблизительно следующее: для начала в лагере, в котором содержался военнопленный, должны были составить справку. В ней лагерное начальство заполняло три графы: фамилию, имя военнопленного, дату и место рождения, социальное и семейное положение; наконец, должность и воинское звание. По завершении заполнения справки её отсылали в Управление по делам военнопленных, которое вносило запись в последнюю графу “заключение” с рекомендацией, каким образом следует поступить с военнопленным. Подписав документ, отправляли его вместе с учётным делом военнопленного в 1-й спецотдел. Там составляли протокол для “судебной тройки”, та просто подписывала его, по-видимому, даже не вникая в детали. Протокол заседания возвращался в 1-й спецотдел, принимавшийся за составление списков-предписаний (фактически расстрельных). Предписания передавались УПВ, в Управлении заверяли предписания подписью – и они отправлялись в лагерь. Имена тех немногих, которым была уготовлена участь отправки в Юхновский лагерь, по указанию председателя “тройки” В. Н. Меркулова просто не вносились спецотделом в протоколы. Решения о приостановке или даже отмене приговоров принимались тем же Меркуловым, возможно, после консультации с Л. П. Берией или даже Сталиным. Помимо лагерей, списки-предписания высылались и УНКВД Смоленской, Калининской и Харьковской областей, которые должны были обеспечивать приведение приговора в исполнение.

А теперь – вопросы, которые не могут не возникнуть у внимательного читателя. Для начала – почему военнопленных Старобельского лагеря Ворошиловградской области отвозили за её пределы, в соседнюю область? Впрочем, этот вопрос выходит за рамки нашей темы. Каким образом справки на военнопленных оказались составлены даже на тех лиц, на которых они составляться были не должны? В частности, в Осташковском лагере в предписания на отправку из лагеря оказались занесены военнопленные, скончавшиеся до 5 марта 1940 года. Таковых насчитывается трое: в наряде О12/1, под пунктом 10 значится Станислав Гибчинский, ушедший из жизни 1 марта 1940 года³². В предписании О37/3 пункт 36 отдан Граносу Яну Степановичу – между тем Гранаса (так верно) не стало ещё 26 февраля того же года³³. Все рекорды побил предписание О23/4 благодаря своему пункту 71, в коем значился Фичко Александр Николаевич. Всё дело в том, что Фичко скончался более чем за два месяца до составления списка-предписания – 3 февраля 1940 года³⁴. Если предположить, что начальник Осташковского лагеря проявил служебное рвение и переусердствовал, то такое предположение окажется ложным: в самом конце “разгрузки лагеря” П. Ф. Борисовец отправил в УПВ список оставшихся в лагере на тот момент (вторая декада мая 1940 года); в нём карандашом оказались отмечены те, на кого начальник лагеря справку не отправил. Таковых оказалась треть военнопленных – 14 человек. К чему майор Борисовец готовил справки на тех, кто был неподсуден, и медлил с приготовлением справок на живых? Спорная ситуация в другом лагере – Старобельском. В отчёте о полученных из УПВ нарядах на отправку

военнопленных и самой отправке начальник Старобельского лагеря А. Г. Бережков сообщает:

“В присланных списках значатся Мажец Эдвард и Боксер Эдвард, исключённые нами по строевой записке как выбывшие на излечение в больницы г. Харькова”³⁵.

Возможно следующее объяснение: 22 апреля 1940 года от заместителя начальника УПВ И. И. Хохлова прибыло распоряжение начальникам Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей немедленно выслать на военнопленных, находящихся в лагерных стационарах и городских больницах, их учётные дела и справки на данных лиц с указанием больницы, в которой военнопленный находится, и состояния его здоровья. Всё так, но одно дело — проходившие лечение в Старобельской межрайбольнице, а совершенно другое — находящиеся на немалом удалении от лагеря — более чем в 200 км. Каким образом Бережков мог узнать о состоянии здоровья Мажеца и Боксера? Переписка с больницами отнимет немало времени и не позволит выполнить приказ о незамедлительной высылке учётных дел. Обращает на себя внимание фраза *“...исключённые нами по строевой записке...”*

Означает это, вероятнее всего, что никаких справок А. Г. Бережков на данных военнопленных не составлял. Спора нет: справки на военнопленных были необходимы, но огромные сомнения вызывает предположение, что решение по военнопленным принималось по изготовленным на них справкам. Каким образом принимались, в таком случае, решения об отмене или отсрочке вынесенных приговоров? По году или месту рождения? По именам и фамилиям? По воинским званиям? Может быть, Комиссия, решавшая участь военнопленных, изучала и их личные дела?

Обращает на себя внимание и наличие немалого количества случаев, когда военнопленным якобы выносился расстрельный приговор, а затем отменялся. Самый известный подобный случай произошёл с военнопленным Козельского лагеря Святославом Свяневичем: его уже 29 апреля 1940 года vezли этапом, но сняли с него и после нескольких дней содержания в смоленской тюрьме доставили в тюрьму же, но Бутырскую. Ситуация со Свяневичем не может не изумлять — кто осмелился отменить якобы расстрельный приговор? Кстати, не вполне понятно: известны две записки заместителя начальника 1-го спецотдела А. Я. Герцовского в адрес заместителя начальника УПВ И. И. Хохлова. В первой из них Герцовский просит отдать распоряжение о задержке этапирования военнопленного Козельского лагеря Святослава Свяневича в город Смоленск и военнопленного Осташковского лагеря Михаила Ромма в город Калинин³⁶. Вот так — одним махом, отменить сразу два “расстрельных приговора”. Во второй же записке А. Я. Герцовский упоминает лишь Свяневича и ссылается уже на распоряжение наркома Л. П. Берии³⁷. Странных моментов, которых защитники “расстрельной версии 1940 года” не хотят замечать, два: почему, если в деле оказались замешанными две столь влиятельные особы, как нарком внутренних дел и его заместитель, они не предпочли действовать напрямую, то есть лично отдать распоряжения, минуя стадию Управления по делам военнопленных? Возможно, не хотели действовать в обход упомянутой инстанции, отвечавшей за работу с военнопленными? Но ведь промедление, согласно “расстрельной гипотезе”, могло бы обернуться провалом всей акции — Свяневича и Ромма просто бы расстреляли, на этом и была бы поставлена точка.

А не потому ли, что операция по “разгрузке лагерей военнопленных” была на самом деле поручена не некоей “спецтройке”, а Управлению по делам военнопленных?

Второй момент: расстрельный приговор — вещь серьёзная; уж если его вынесла “спецтройка”, то отменить его не могли ни Берия, ни Меркулов. Первый из них вообще был выведен, согласно решению Политбюро от 5 марта 1940 года, за рамки операции по “разгрузке лагерей” и не имел к ней ни малейшего отношения (если принимать на веру документы из “Закрытого пакета № 1); второй же, конечно, “спецтройку” возглавлял, но и он не должен был отменять решение трёх человек: В. Н. Меркулов — фигура значимая, но не такая значимая, как В. Н. Меркулов, Б. З. Кобулов и Л. Ф. Баштаков, вместе взятые. Не потому ли так легко отменили сразу два расстрельных приговора, презрев все правила, что их на самом деле не было?

Полезно было бы узнать, как сложились судьбы тех, кого сняли с этапов. Михаил Ромм (двоюродный брат известного режиссёра) был доставлен

в Юхновский лагерь военнопленных, а Свяневича судили по обвинению в шпионаже (и его допрашивали и предъявили затем обвинительное заключение) и вынесли ему приговор – 8 лет лагерей. Так что 22 июня 1941 года он встретил на севере СССР. Впоследствии Свяневича амнистировали. Обвинение ему предъявили более чем серьёзное – почему же не расстреляли? Неужели Свяневича снимали с этапа, везшего его на расстрел, только затем, чтобы отправить затем на Север исправлять собственную вину неустанным трудом? Товарищей же его по этапу вроде как расстреляли. При этом никого из них в шпионаже не обвиняли. Логичными действия сотрудников органов внутренних дел выглядели бы в том случае, если бы Свяневича наказали не мягче, чем его соратников по этапу, а строже, – может, так оно и было?

А однажды военнопленного везли в УНКВД (якобы на смертную казнь), но уже дорогой в отношении него был изменён приказ об этапировании, и военнопленного присоединили к группе лиц, следовавших в Юхновский лагерь. Тех, кого везли якобы на смертную казнь, и тех, кого ожидала иная участь – пребывание в Юхновском лагере, везли, получается одним поездом, и скорее всего, если взять во внимание численность групп (в Харьков – 2 человека, в Юхнов – 15, в Москву – 3), находились они в одном вагоне – где такое видано? Речь идёт о военнопленном Старобельского лагеря Андже Булгаке. После метаморфозы, произошедшей с ним, получается, что в Харьков этапом от 12 мая 1940 года доставили всего одного человека.

Впрочем, случай с Анджеем Булгаком не самый удивительный. Трудно-объяснимая история случилась в Осташковском лагере: 20 мая того же года начальник упомянутого лагеря получил от начальника УПВ П. К. Сопруненко шифротелеграмму:

“Военнопленного Панасюк Михаила Ивановича 1905 года отправьте Калинин распоряжение УНКВД согласно наряда 062/2 от 19 мая, порядковый 14. Вместо Панасюка подлежит отправлению Юхновский лагерь Жим Эмиль Михайлович 1899 года.

Исполнение донесите.

20/V-40

4959”³⁸.

Руководство Юхновского лагеря, вероятно, не без некоторого удивления отпартовало пятью днями позже:

“Сов. секретно

Капитану Госбезопасности тов. Сопруненко

г. Москва

25 мая 1940

№ 435. Во исполнение Вашего № 25.4048 двенадцать военнопленных прибыли 25 мая с. г. из Осташковского лагеря НКВД – Юхновским лагерем приняты.

Одновременно доношу, что вместо значащегося в Вашем списке Панасюк Михаила Ивановича прибыл Жим Эмиль Михайлович 1899 г. рождения”³⁹.

Согласно версии сторонников подлинности разбираемых документов, распоряжение направить Панасюка в Юхновский лагерь было принято “спецтройкой”, прежде всего, Меркуловым. Но тогда кем данный военнопленный был включён в так называемые расстрельные списки? Тоже Меркуловым? Заметим, что П. К. Сопруненко даже не счёл необходимым сослаться на полученное от него указание.

А однажды польскому военнопленному удалось, будучи дважды приговорённым к смертной казни, дважды от неё уйти. Разумеется, такой вывод напрашивается лишь в случае использования модели действий органов внутренних дел, предложенной сторонниками нацистской версии. Речь идёт о капитане Януше Макарчинском. В конце марта 1940 года он был транспортирован в Москву в распоряжение 2-го отдела ГУГБ. Тем не менее, его включили в так называемый “расстрельный список” 014, пункт 55. Исполнен расстрел отчего-то не был, вместо этого Военная Коллегия Верховного Суда СССР в октябре того же года вынесла Макарчинскому смертный приговор по обвинению в шпионаже. Однако Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам, перечеркнув решение того же Политбюро (если оно не вымысел, разумеется), сочло возможным помиловать Макарчинского, заменив смертную казнь 15 годами

лагерей⁴⁰, после чего капитан польской армии стал напоминать сказочного героя, ото всех ушедшего...

Вообще различные отделы ГУГБ НКВД вносили серьёзные коррективы в проводимую операцию по “разгрузке лагерей”, но при этом, решая вопросы, касавшиеся военнопленных, заинтересовавших отделы ГУГБ, обращались не к В. Н. Меркулову.

“НКВД СССР

*Главное Управление Государственной Безопасности
5-й отдел.*

гор. Москва. 7 апреля 1940 года.

Служебная записка.

Зам. Нач. 1-го спецотдела НКВД

Капитану Гос. Безопасности

тов. Герцовскому.

Прошу Вас в дополнение ранее посланных следующих военнопленных, находящихся в Козельском лагере НКВД, оставить в лагере для оперативных мероприятий 5 отдела ГУГБ НКВД СССР.

1 Любомирского Яна Губертовича, 1913 г. рожд.

2. Сеницкого Стефана Стефановича.

3. Казмирчака Казимира Валентиновича.

4. Соколовского Мечислава Казимировича.

Зам. Нач. 5 отдела ГУГБ НКВД СССР

Майор Госуд. Безопасности

/Судоплатов/⁴¹.

Можно убедиться самостоятельно: П. А. Судоплатов предпочёл вести переговоры о польских военнопленных не со “спектройкой”, а с 1-м спецотделом. Но, возможно, он был не в курсе проводившейся “расстрельной операции”? В таком случае, целесообразным будет обращение к документам, написанным людьми, посвящёнными в суть операции. Например, к таковым явно относился А. Я. Герцовский.

“№ 930—49-30

Лично.

Служебная записка

Заместителю нач. Управления НКВД СССР

по делам о военнопленных

лейтенанту госбезоп.

т. Хохлову.

Прошу снять с контрольного учета и представить на ближайшее заседание комиссии дела на:

1. Бонк Адели Тадеу, 1897 г. р.

2. Корнеля Романа Михайловича, 1893 г. р.

3. Мажец Томаша Петровича, 1883 г. р.

4. Оссовского Мечислава Антоновича, 1898 г. р.

Зам. Нач. 1-го спецотдела НКВД СССР

капитан госбезопасности

Герцовский⁴².

Получается, что и Герцовский действует по совершенно иному алгоритму: при чём здесь Управление по делам военнопленных? Оно ведь заключение уже написало, далее — составление протокола 1-м спецотделом и передача его в руки всесильной “тройки”. И. И. Хохлов в неё не входил и не должен был с нею соприкоснуться. И потом, разве заместитель начальника Управления по делам военнопленных ставит на контрольный учёт и снимает с него? Похоже, что постановка на контрольный учёт военнопленных действительно зависела от руководства УПВ, поскольку 25 апреля того же года А. Я. Герцовский написал новую записку аналогичного содержания, но с фамилиями других военнопленных, и вновь адресовал её тому же Хохлову⁴³. И вот что примечательно: среди двенадцати имен польских военнопленных, которых служебное письмо лишало защиты, имелась и фамилия А. А. Теодоровича. Если пользоваться схемой рассмотрения дел военнопленных, предлагаемой нам сторонниками нацистской версии, то и он, и все прочие, указанные в списке, были обречены. Причём роковые события должны были свершиться незамедлительно, ибо много ли времени занимает напечатание протокола да собирание подписей? А вот и нет, так как 8 человек военнопленных Осташковского лагеря,

отражённых в служебном письме, этапировали в Калинин почти месяц спустя; приказ на их отправку дал П. К. Сопруненко 19 мая 1940 года⁴⁴. Что же касается выделенного нами А. А. Теодоровича, то он и вовсе был вывезен в Юхновский лагерь да ещё прибыл в него с первой группой из Осташковского лагеря 6 мая 1940 года⁴⁵. Что произошло? Комиссия (сторонники прогерманской версии ставят знак равенства между ней и “спецтройкой”) его оправдала? Но каким образом? Ведь она не работала ни с какими документами, за исключением составленного для неё протокола? И потом, разве у неё имелось право выносить какой-то иной приговор, за исключением расстрельного?

Ситуация вполне проясняется, но нас интересует не только оценка документов из “Закрытого пакета № 1” как исторических источников, но и то, как в реальности происходила “разгрузка спецлагерей”. В таком случае нам стоит внимательно приглядеться к следующему документу:

“Совершенно секретно.

Справка

(о прохождении дел)

1. Лагерьям направлены списки на 13.682 чел.

Из них: а) Козельскому лагерю на 4.252 чел.

б) Старобельскому на 3.750

в) Осташковскому на 5.680

2. В 1-й Спецотделе оставлены дела на 154 чел.

Из них: а) По Козельскому лагерю

б) По Старобельскому лагерю

в) По Осташковскому лагерю

3. До особого распоряжения оставлены дела на 609 чел.

Из них: а) По Козельскому лагерю на 144 чел.

б) По Старобельскому лагерю – 26 чел.

в) По Осташковскому лагерю – 439 чел.

4. На исправление в лагерях дел на 29 чел.

Из них: а) По Осташковскому лагерю на 15 чел.

б) По Старобельскому лагерю – 14 чел.

в) По Козельскому лагерю

5. В Юхновский лагерь направлены 200 чел.

6. В работе 49 чел.

Для доклада имеется дел на 185 чел.

Всего прошло дел на 14.908 чел.

Начальник Управления НКВД СССР

по делам о военнопленных

капитан госбезопасности

(Сопруненко)

3 мая 1940 г.”⁴⁶

Данная справка имеет целых три родственных ей “Справки о прохождении дел”: две написаны в конце апреля, ещё одна имеет ту же дату, что и разбираемая нами. Трёх справок аналогичного содержания коснёмся чуть позже, а сейчас сделаем первые выводы.

Контрольная цифра, указанная Политбюро ЦК, – 14 700 военнопленных, уже перевыполнена, но за подобное перевыполнение плана не принято хвалить. Мало того, “спецтройка” продолжает, ничуть не смущаясь, собственную деятельность. Постепенно складывается впечатление, что СССР в 1940 году был государством, в котором царила полная анархия, и каждый делал то, что его душе было угодно. В ином случае “Выписка из решения Политбюро” имеет фальшивое происхождение. В пользу такого умозаключения говорит и огромное количество дел (763), решение по которым отсрочено. Каким образом могла произойти задержка, если ни одна из инстанций ничем не занималась, помимо прочтения справок, содержащих крайне скудные сведения, да подписанием протоколов? Причем, задержанные дела разделены на две категории: оставленные 1-м спецотделом и оставленные до особого распоряжения. Подобная градация может иметь лишь одно объяснение: учётные дела военнопленных задерживались разными инстанциями. Одна из них понятна: 1-й спецотдел. А вторая? Чьё должно последовать “особое распоряжение”? Меркулова? Если так, то он явно не ходил всякий раз к Берии или Сталину – 609 дел всё-таки. Но в документах имеется фраза, указывающая лицо, чьё “особое распоряжение” могло привести в движение задержанные дела второй

категории. Читаем отрывок из апрельского предписания начальника УПВ П. К. Сопруненко начальникам Козельского, Старобельского и Осташковско-го лагерей:

“...Военнопленных, указанных в прилагаемом списке, если они будут значиться в списках военнопленных, подлежащих отправке из лагеря – никуда не отправлять без моего особого указания”⁴⁷.

По-видимому, всё становится на свои места: именно Сопруненко или его заместителю Хохлову постоянно и отправляли служебные письма с просьбами либо рассмотреть дела, снятые с контроля 1-м спецотделом, либо, напротив, не рассматривать дела ряда военнопленных. Причём П. К. Сопруненко не имело смысла утаивать истину от начальников лагерей, ибо те должны были находиться в курсе деталей операции.

Не находит подтверждения и версия, утверждающая, будто 1-й спецотдел занимался подготовкой для “тройки” неких протоколов. Обратите внимание, после указания количества дел, находящихся “в работе”, Сопруненко указывает количество дел, готовых для доклада. Нетрудно догадаться, что доклад этот В. Н. Меркулову делали либо начальник УПВ, либо его заместитель Хохлов. Причём доклады носили общий характер. В этом убеждают цифры из справок о прохождении дел конца апреля. В одной из них П. К. Сопруненко предлагает В. Н. Меркулову выслушать доклад “на 888 человек”, а в другой – даже на 1190⁴⁸. Даже если “тройка” потратила бы по одной минуте на каждую из 1190 фамилий, ей бы пришлось потратить на эту процедуру более двух дней. Конечно, можно сказать, что “тройка” лишь подписывала протоколы, но кто тогда решал вопрос о приостановке принятия решений по ряду дел военнопленных? Если же эти решения были прерогативой иных лиц, то занимала ли “спецтройка” главствующее положение в проводившейся операции по разгрузке лагерей военнопленных? И существовала ли “спецтройка” в реальности? Последние сомнения у нас должны улечься после ознакомления с фрагментом из последней “справки о прохождении дел”:

“Отправлено из лагерей 13.678 чел.

Из них: а) Из Козельского лагеря – 4249 ч.

б) Из Старобельского – 3749 ч.

в) Из Осташковского – 5680 ч.”⁴⁹.

Дело в том, что Сопруненко, не моргнув глазом, лжёт В. Н. Меркулову, указывая совершенно не то количество военнопленных, отправленных из лагерей в распоряжение начальников областных УНКВД. В предписаниях на их отправку довольно нередко встречались оплошности: приказ отдавался на вывоз людей, уже покинувших лагерь, находившихся в другом лагере, один и тот же военнопленный мог быть упомянут дважды в предписаниях и т. д. П. К. Сопруненко умалчивает о подобных эксцессах, покрывая допустивших оплошности. Тем самым мы получаем ответ на вопрос: кем готовились предписания на отправку военнопленных. Думается, Сопруненко не стал бы выгораживать чужое ведомство, рискуя собственной карьерой. На самом деле к 3 мая 1940 года из Козельского лагеря в распоряжение УНКВД вывезли 4235 человек, из Старобельского – 3747, из Осташковского – 5634. Судя по тому факту, что справка не переделывалась, заместитель наркома дезинформацию принял и поверил в неё. Отсюда вопрос: а могло ли такое произойти, если бы Меркулов действительно возглавлял грозную судебную “тройку”? Вероятнее всего, Сопруненко даже и не сделал бы попытки обмануть начальство.

Что же, наступила пора выводов.

1. Политбюро ЦК ВКП(б) 5 марта 1940 года приняло решение, касавшееся не только контингента, сосредоточенного в трёх лагерях и тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии; “разгрузка” коснулась и лагерей Наркомата чёрной металлургии. При этом из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей должны были вывозиться абсолютно все категории военнопленных, а не только те, которые были указаны в “записке Берии” и “выписке из протокола заседания Политбюро”. Вероятный мотив, вынудивший Политбюро и НКВД заниматься переброской военнопленных, – подготовка указанных лагерей и тюрем к приёму нового контингента. Никаких действий в отношении тех, кто находился в тюрьмах Москвы, Владимира и прочих городов, не было предпринято ввиду отсутствия там подобной проблемы.

2. Справки на военнопленных составлялись в лагерях потому, что играли роль кратких справочников по их учётным делам. Последнюю графу –

“заключение”, также, вероятнее всего, заполняли в лагерях, поскольку в ней отражалось, каким образом зарекомендовал себя тот или иной персонаж.

3. 1-й спецотдел принимал просьбы различных отделов ГУГБ об их заинтересованности в указанных ими военнопленных, после чего их учётные дела со справками перемещались в спецотдел.

4. Прочие учётные дела рассматривались уже УПВ – управление, в свою очередь, отбирало военнопленных, впоследствии переведённых в Юхновский лагерь. В первую очередь, обращалось внимание на обладателей обширных и полезных связей – именно потому в Юхновском лагере оказалось немало ярых антисоветчиков. Затем наступала очередь лиц, настроенных просоветски, и рядовых вместе с младшим командным составом, не имевших компрометирующих их фактов в учётных делах. Всех прочих передавали в распоряжение руководства УНКВД трёх областей.

5. Роль В. Н. Меркулова сводилась лишь к общему контролю за проводившейся операцией: он регулярно слушал доклады начальника УПВ или его заместителя, получал транспортные сводки о перемещениях эшелонов с вывозившимся контингентом; из Калининской области начальник областного УНКВД докладывал ему о количестве вывезенных военнопленных из самого проблемного лагеря – Осташковского. При этом заместитель наркома не был особо внимателен, иначе разоблачил бы приписки Сопруенко в одной из “справок о прохождении дел”. Никакая “тройка” участь военнопленных не определяла. Отсюда – категорический вывод: все документы из “Закрытого пакета № 1” сфальсифицированы, так как оставшаяся нерассмотренной “записка Шелепина” указывает “судебную тройку”, решения которой стали для польских военнопленных роковыми. Впрочем, “записка Шелепина” заслуживает отдельного разговора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 9. Л. 318.

² РГВА. Ф. 1/п. Оп. 01е. Д. 3. Л. 106.

³ Там же. Л. 109.

⁴ Там же. Л. 105.

⁵ Там же. Л. 110.

⁶ Там же. Л. 119.

⁷ Там же. Оп. 2е. Д. 8. Л. 204.

⁸ Там же. Д. 11. Л. 237.

⁹ Там же. Л. 263.

¹⁰ Там же. Оп. 1е. Д. 7. Л. 182.

¹¹ Там же. Оп. 01е. Д. 3. Л. 111.

¹² Там же. Л. 43, 85.

¹³ Там же. Л. 109.

¹⁴ Там же. Л. 83.

¹⁵ Там же. Оп. 2е. Д. 10. Л. 160.

¹⁶ Там же. Оп. 1е. Д. 7. Л. 141.

¹⁷ Там же. Оп. 2е. Д. 11. Л. 270.

¹⁸ Там же. Д. 10. Л. 168.

¹⁹ Там же. Д. 9. Л. 305.

²⁰ Там же. Л. 321, 331, 338.

²¹ Там же. Л. 339.

²² Там же. Оп. 1е. Д. 10. Л. 509.

²³ Там же. Л. 513.

²⁴ Там же. Оп. 2е. Д. 11. Л. 371.

²⁵ Там же. Д. 9. Л. 349.

²⁶ Там же. Д. 11. Л. 415.

²⁷ Там же. Л. 416.

²⁸ Там же. Л. 417.

²⁹ Там же. Л. 340.

- ³⁰ Там же. Оп. 1е. Д. 10. Л. 539-539 (об).
- ³¹ Там же. Л. 416, 417, 423, 466.
- ³² Там же. Д. 7. Л. 182.
- ³³ Там же. Л. 180.
- ³⁴ Там же. Л. 82.
- ³⁵ Там же. Оп. 2е. Д. 10. Л. 219.
- ³⁶ Там же. Оп. 4е. Д. 13. Л. 133.
- ³⁷ Там же. Оп. 1е. Д. 10. Л. 465.
- ³⁸ Там же. Оп. 3е. Д. 3. Л. 248.
- ³⁹ Там же. Оп. 2е. Д. 14. Л. 251.
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 694. Л. 2, 21.
- ⁴¹ РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Л. 62.
- ⁴² Там же. Л. 96.
- ⁴³ Там же. Л. 129-130.
- ⁴⁴ Там же. Оп. 3е. Д. 3. Л. 361.
- ⁴⁵ Там же. Оп. 2е. Д. 14. Л. 218.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 01е. Д. 3. Л. 173.
- ⁴⁷ Там же. Оп. 4е. Д. 13. Л. 57.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 01е. Д. 3. Л. 164, 207.
- ⁴⁹ Там же. Л. 174.

НАТАЛЬЯ СОВЕТНАЯ

ВОЙНА СТУЧИТСЯ В ДВЕРИ

Размышления о книге Виталия Синенко “Я не убит подо Ржевом. Завещание отца” (М.: Российский писатель, 2020).

Ржевский плацдарм снова образовался. И снова его цель — Москва. Здесь снова воюют. В новой войне не обязательно заходить танкам в город. Достаточно запустить тараканов в головы мирных граждан.

В. Г. Синенко

Неизвестная битва?

Книга Виталия Синенко “Я не убит подо Ржевом. Завещание отца”^{*} пришла в мир настолько своевременно, что в этом, без сомнения, видится Промысел Божий. Война вновь стучится в наши двери!

Назревавший с 1990-х годов фашистско-бандеровский фурункул на Украине прорвался в 2014 году, и зараза от него потекла к белорусским и российским границам, разливаясь всё шире и разнося растиражированную Западом и США зловонную ложь о Второй мировой войне. В наши дни нападки на великую Победу становятся всё агрессивнее, ведь её опыт — наше бесценное достояние, и не зря новые крестоносцы и их пособники из “пятой колонны” так упорно и методично пытаются его уничтожить, переименовать, вытравить из нашей памяти. Виталий Георгиевич Синенко, журналист и писатель, кандидат исторических наук, дал, несомненно, достойный и аргументированный ответ на выпады американских и европейских специалистов по перекраиванию истории.

В поисках ответов на многие вопросы, будоражащие в настоящее время общество, автору помог отец — очевидец тех событий, непосредственный участник Ржевской битвы, лейтенант 214-й, а затем 220-й стрелковой дивизии 30-й армии Калининского фронта — Георгий Дмитриевич Синенко, чудом оставшийся в живых. Его подробные дневники-воспоминания, — бесценный документальный материал, открывающий путь к ответам на загадки прошлого. В этом ещё одна важная особенность произведения: к разгадкам прошлого, настоящего и будущего представители двух поколений шли сообща, ведя при этом острый диалог.

^{*} Первая публикация Виталия Синенко о Ржевской битве в виде документальной повести “Я не убит подо Ржевом” — одного из центральных разделов (“Ржев”) будущей книги — состоялась в четвёртом номере литературно-художественного и общественно-публицистического журнала Союза писателей Союзного государства “Белая Вежа” в 2015 году.

Документальная повесть и одновременно глубокое историческое исследование Виталия Синенко “Я не убит подо Ржевом. Завещание отца” стала событием. Книга пролила свет на “Неизвестную битву” (название первой главы). Писатель с величайшим трудом, словно золотоискатель, промывающий тонны песка в поисках драгоценных крупинок, собирал противоречивые сведения о “Ржевском выступе”, чувствуя скрытую тайну, “что-то тяжёлое, глубинное”.

Что давало силу нашим бойцам устоять перед мощным напором чудовищной гитлеровской лавины? Не напрасны ли были огромные жертвы? (При этом немцы скрывают цифры потерь до сегодняшнего дня!). Вопросы, не только мучающие автора, но и дающие обильную пищу для всякого рода клеветы и спекуляций.

Книга “Я не убит подо Ржевом. Завещание отца” построена любопытнейшим образом: это и нескончаемый конфликтный диалог “отцов и детей”, и книга (дневник) в книге, и исследование, происходящее на глазах у читателя, и охват геополитического пространства бывшего СССР и Европы, и, наконец, не просто вопросы, но и исчерпывающие ответы на них. Ответы, так необходимые нам в наше безумно сложное, нагло-лживое и противоречивое время.

Так чем же было на самом деле четырнадцатимесячное стояние под Ржевом? Трудно поверить, но уже тогда, в 1941–1942 годах, это была битва за... Берлин! Не за Москву, а за Берлин! Сами немцы призывали своих солдат не сходить с места, потому что “отдать Ржев – это открыть дорогу на Берлин”.

“Ослабить центр, позволить русским развить наступление и самим потерять надежду взять Москву – этого Гитлер и его генералы позволить себе не могли. Треть всех сил вермахта была сосредоточена на Ржевско-Вяземском выступе. Более того, как свидетельствует историческая наука, сюда были переброшены 12 немецких дивизий с других участков фронта, в том числе с юга. В общей сложности 16 немецких дивизий потеряли здесь от 50 до 80 процентов личного состава. Когда 2 марта 1943 года немцы вынуждены были оставить Ржевский плацдарм, они высвободили 21 дивизию. Это больше, чем было окружено под Сталинградом... Сверхнапряжением сил под Ржевом обещивался успех под Сталинградом и перелом в войне... Именно здесь (под Ржевом. – **Н. С.**), в условиях установившегося равновесия созревало и созрело наше превосходство над врагом. В этом суть Ржевского противоборства. Под Сталинградом это превосходство реализовалось... И получилось, что, отступив, враг действительно открыл нам дорогу на Берлин...”

Писатель открывает один за другим немаловажные исторические факты. Это и высочайшая эффективность нашей разведки в “играх” с немцами – до сих пор подброшенные врагу советскими разведчиками версии и документы, на которые клюнули гитлеровцы, в результате попросту прозевав Сталинград, сбивают с толку наших нынешних противников. Это и огромные потери Германии, не жалеющей солдат вермахта, потому что под Ржевом немцы защищали свою родину и теперь чрезвычайно гордятся этим – гордятся! – несмотря на принесённые немецким народом неисчислимы жертвы, невзирая на своё поражение в этом противостоянии.

“Не на жизнь, а на смерть сцепились не просто армии – лоб в лоб сошлись две нации, два мировоззрения, две социальные системы, две правды. Победить или умереть. Борьба за счастье своей родины у немцев закончилась в убийстве нашей Родины. Мы победили. Наша правда оказалась выше. Её поддержало Небо. Многие наши святые воины сложили головы на Ржевском поле. Смертию смерть поправ”.

И не потому стояли до последнего красноармейцы, что якобы отступить им не давали заградительные отряды. “Мы шли в бой. Нас не гнали. Что такое заградотряды, я тогда не знал, не было их у нас. Мы понимали, что можем погибнуть, но альтернативы не было. Мы защищали свою землю, своих близких, самих себя от врага”, – так говорит тот, кто воевал на “Ржевском выступе”, тот, кто восемнадцатилетним лейтенантом попал в самое пекло войны, но не дрогнул. И до конца своих дней не путал *правду факта* и великую правду войны, *правду жизни*. А потому на сыновья слова: “Вы под Ржевом кровью умывались!” – отвечал сурово: “Это лучше, чем соплями”.

Виталий Синенко констатирует – немецкие генералы признавались: самым тяжёлым испытанием для них было то, что подрывало моральный дух их

солдат: не только то, что у Красной армии сохранялись человеческие резервы, но и “с каким настроением эти резервы вступали в бой, как они воевали. Ждали (немцы. — Н. С.) или морально сломленных предыдущими трéпками, проклявших всё на свете ветеранов, или необстрелянных, беспомощных новичков — рыхлое, мягкое тесто, а натыкались снова и снова на твёрдый, жёсткий кулак. Это то, что называется боеспособностью. В умении непостижимо быстро восстанавливаться виделось что-то сверхъестественное, и это наводило ужас”.

А ведь у этого сверхъестественного есть простое и короткое название — дух, русский дух, который мощнее вражеской силы.

Именно этим духом, в противовес одурманиванию сознания славян, вознёсся 25-метровый памятник — статуя советского бойца, распадающаяся снизу на стаю из тридцати пяти летящих журавлей, возле деревни Хорошево в Тверской области — мемориал, прославляющий “неизвестную битву” Великой Отечественной войны.

Этим духом пропитано то поколение детей и внуков, которое помнит живыми наших воинов-богатырей, освободителей и победителей. Именно это поколение обязано успеть сделать всё возможное, чтобы передать мощный, животворящий дух вкпе с живительной правдой следующим поколениям. Наши внуки и правнуки должны пронести эстафету Победы в грядущие времена. В этом — залог будущего мира.

От Каина до Иуды

*..Дьявол с Богом борется,
а поле битвы — сердца людей.*

Ф. М. Достоевский

Книга “Я не убит подо Ржевом. Завещание отца” вышла в Москве, в издательстве “Российский писатель” в 2020 году — тяжелейшем периоде для современного мира.

Пандемия COVID-19 без объявления войны унесла и продолжает уносить тысячи человеческих жизней во всех странах в то время, когда, казалось бы, медицина научилась справляться с большинством тяжёлых болезней, когда медтехника и лекарственные препараты заполнили полки многочисленных аптек и кабинеты лечебных учреждений. Регулярные сводки в СМИ о зарегистрированных больных и ежедневных смертях нагнетают страх, панику, депрессию, тревожную усталость. Такое эмоциональное состояние не только снижает иммунитет, но и многократно повышает человеческую внушаемость. И тогда любая вброшенная в информационное пространство дезинформация, а также обвинения, лозунги, призывы воспринимаются людьми без малейшей критики, мгновенно разжигая в них приступы как пессимизма, депрессии, так и недовольства, гнева, ярости, агрессии.

Создавшаяся ситуация умело используется борцами за так называемую демократию, чтобы под видом стремления к порядку и “свободам” довести страны, приговорённые к смерти, до разрухи, до самоуничтожения. Глобальная цель известна, она исторически не менялась. Борьба за территорию. Борьба за природные ресурсы. Борьба за экономическое и военное превосходство. Борьба цивилизаций за мировое господство.

Наверное, напряжение, буквально осязаемое, тревога, словно звенящая в августовском воздухе, тяжёлое, неосознаваемое предчувствие беды и живущая на генетическом уровне в поколении моих сверстников война стали однажды причиной странного сновидения. Увидела явственно, как весь горизонт набухал зловеще-кровавой тьмой. Несметные полчища чёрных танков и мрачных солдат затмевали собою небесный свет, надвигались чудовишной тучей. Ужас охватил меня. Вбежав в длинное кирпичное здание без дверей и оконных рам, закричала находившимся там людям (их было много — мужчины, построенные в колонны, — они словно ждали приказа): “Немцы! Немцы! Уже идут!” Я задыхалась от страха и бессилия. А они стояли, не двигаясь. “Делайте же что-нибудь! Немцы сейчас будут здесь!” — выдохнула что было силы и проснулась...

На следующий день, 9 августа, во время президентских выборов в Беларуси, была предпринята попытка государственного переворота. С этого времени

в течение нескольких месяцев в стране не прекращались провокационные не-санкционированные митинги, беспорядки, агрессивные выходы радикалов, управляемых через телеграм-каналы “просвещённой” Европой, от лица которой особенно усердствовала Польша.

В авторском предисловии к своей книге Виталий Синенко размышляет: “Если Россия оттолкнёт Беларусь и НАТО поставит здесь, на этом месте, где я сейчас проезжаю (на границе России и Беларуси. – Н. С.), свои ракеты, то Москву придётся переносить. Не саму Москву, конечно, а Москву как столицу. Слишком быстро летят современные ракеты. После развала Советского Союза на Западе появились горячие головы, наследники псов-рыцарей, мечтавшие с ходу, воспользовавшись удобным моментом, удушить Россию окончательно и бесповоротно. Они стремились превратить Беларусь в передовой плацдарм нападения на своего извечного противника. Требовалось лишь разорвать славянский мир, рассорить народы, включить и Беларусь в число врагов России. Взращивалась щедро удобряемая деньгами “пятая колонна” с двух сторон границы”. То, о чём думал Виталий Георгиевич в мае 2003 года, наши противники попытались реализовать в августе 2020-го и сегодня ещё не теряют надежд на осуществление своих чёрных планов.

27 ноября 2020 года на встрече с врачами 6-й городской клинической больницы Минска президент А. Г. Лукашенко поделился сведениями, полученными внешней разведкой. Он привёл слова премьер-министра Польши Матеуша Моравецкого: “Будущее Беларуси принципиально для Польши. Западные территории Беларуси исторически принадлежат Польше... Варшава предприняла множество конкретных шагов для помощи белорусской революции: финансовая поддержка через польские и польско-американские программы солидарности с жертвами режима Лукашенко, приглашение белорусских студентов, упрощение правил пересечения границы, поддержка независимых СМИ и НПО”.

Да, Польша, поддерживая и финансируя протестные митинги в Беларуси, радостно потирала руки в предвкушении жирного лакомого куса, о котором мечтал ещё в начале прошлого века Юзеф Пилсудский, руководитель восстановленного государства Польского. Одновременно НАТО продолжило активно наращивать своё присутствие по западным границам Союзного государства.

Ещё в начале сентября в Литве, в 15 километрах от границы с Беларусью, появились мистически приснившиеся мне танки. США перебросили на полигон в Пабраде 2-й батальон 69-го бронетанкового полка 3-й пехотной дивизии, находящейся по ротации в Европе. Вблизи белорусской границы было задействовано 500 человек, 29 танков, 43 боевые машины Bradley.

А на полигоне Рукла с конца октября по 6 ноября прошли учения “Блестящий прыжок” Объединённой оперативной группы повышенной готовности Сил быстрого развёртывания НАТО. Польша перебросила в Литву батальон подгальских стрелков, спецназ и штаб оперативной группы по борьбе с химической, биологической, радиационной и ядерной угрозой. К учениям присоединился пехотный батальон испанской воздушно-десантной бригады с 40 единицами бронетехники. Приняли участие 200 военнослужащих и 60 единиц техники вооружённых сил Чехии и литовская механизированная рота.

У российских границ, в Эстонии, американцы впервые провели учения с боевой стрельбой из реактивных установок залпового огня (РСЗО). А следом в Польше и Прибалтике прошли противовоздушные учения с участием сил США, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Швеции. Параллельно в литовском Шяуляе начались многонациональные (США, Чехия, Франция, Венгрия, Эстония, Латвия, Литва, Словакия, Италия, Польша) учения наземной ПВО – задействовано более 750 человек.

Военные эксперты предполагают, что осенние полёты американских стратегических бомбардировщиков В-52Н, являющихся носителями ядерного оружия, по полярной траектории могут означать отработку удара по целям в России с использованием крылатых ракет воздушного базирования. А бомбардировщик 60-0005, летавший с выключенным транспондером над центральной Украиной, скорее всего, отрабатывал удар крылатыми ракетами по русской столице Москве.

Так в этом сложном 2020 году, как и в последние 30 лет после разделения Советского Союза, в Восточной Европе готовился и продолжает готовиться полноценный наступательный плацдарм. Это серьёзнейший вызов военной безопасности Беларуси и России.

Цветная (белая) революция в ранее спокойной и вполне благополучной стране раздвигалась белыми ленточками и бело-красно-белыми флагами, скомпрометировавшими себя в годы Великой Отечественной войны. Белые ленточки на оба рукава обмундирования повязывали предатели, добровольно служившие в составе вермахта, пока для них не придумали специальную форму. А под бкб-флагами встали тогда полицаи, самые безжалостные, самые кровожадные участники военных событий на территории оккупированной Белоруссии.

Тема трусости и предательства в книге Виталия Синенко ненавязчиво проходит через всё повествование. От предательства человека человеком, брата братом до измены Родине и оклеветания памяти советской эпохи. Даже в воспоминаниях матери писателя Екатерины Иосифовны Синенко упоминаются ничтожные Иуды и Каины: “Тогда ребята из нашей школы схватили Сергея Бабича, уже служившего в немецкой управе. . . Мою подружку Галку тоже расстреляли. Она жила не в Основе, а в пригороде, в деревне Котляры. Кто-то донёс, что она помогала нашим во время этих боёв. . .”

Георгий Дмитриевич о предательствах рассказывает более обстоятельно и, что поразительно, – спокойно, взвешенно, как человек, знающий “правду факта и большую правду жизни”, которые нельзя путать и смешивать.

Когда остатки разбитой 214-й стрелковой дивизии, в которой служил отец писателя, перебрасывались под Старицу, в кузове грузовика вместе с обстрелянными офицерами ехали новички. Среди них оказался один, быстро скумекавший, что “подохнем здесь все!”. На подходе к штабу он вдруг схватился за живот, заохал, симулируя острую боль, и в результате был отправлен обратно в штаб, в лазарет. “Парень явно хотел сбежать, причём не откладывая это дело в дальний ящик. Если подумать, то действовал он вполне в духе современной индивидуалистической морали, когда на первом месте “я”, а потом всё остальное. Вениамин не был обманут советской пропагандой. Он не захотел быть “пушечным мясом”, не рвался “насовершенствовать подвигов”, а тем более поднимать бойцов в атаку с криком “За Родину, за Сталина!”. И может быть, это он ещё в перестройку активно взялся разоблачать, исправлять прошлое и внедрять свой “правильный взгляд” на войну”, – подводит итог данной *правде факта* Виталий Синенко.

А мне вспоминается, как в перестроечные годы кое-кто из моих ровесников и знакомых, начитавшись нахлынувшей “литературы”, созданной подобными вениаминами, вдруг заговорил о том, что фашизм сам по себе был задуман вообще-то неплохо. . . Признаюсь, от таких откровений пересохло в горле. Это был шок.

Ещё одна история предательства, рассказанная Георгием Дмитриевичем, произошла в лагере для военнопленных в белорусском городе Молодечно. Наблюдая за бывшим ротным писарем Пуниным, попавшим в плен под Сталинградом, Синенко заметил в нём характерную слабину: “Он напоминал прячущуюся в панцирь улитку. . . Заветным его желанием было как-то отсидеться, пережить опасное время, а там видно будет. В беседах он не высказывал симпатий немцам, не поносил советскую власть, он боялся одного – смерти, а отсюда настороженно и с опаской относился ко всему, что несло для него риск”. Результатом страха стало предательство – сорвался запланированный и хорошо подготовленный побег, несколько подпольщиков были расстреляны, сам Георгий, которому тогда только исполнилось 19 лет, после пыток попал в лагерный карцер и в число смертников, намеченных к отправке в Германию.

Автор книги, анализируя этот факт предательства, обращает внимание, что желание отсидеться в “моей хате с краю”, как правило, приводит к трагедии, тем паче если речь идёт о войне. Полностью разделяя позицию писателя, с болью констатирую, что идея о якобы неразумности и вреде сопротивления внедрялась и продолжает внедряться в сознание современников давно и целенаправленно. Ещё в восьмидесятых годах прошлого столетия, путешествуя из Витебщины в Литву, я обратила внимание на реплику женщины-экскурсовода, брошенную с затаённым вызовом, о том, что западные районы не знали страшных разрушений, потому что здесь не было партизанского сопротивления или оно было слабым. Одна лишь реплика, а запомнилась навсегда, потому что на мгновение смутила, затем вызвала возмущение: “Выходит, партизаны – это плохо?!” Но никто из туристов не ответил, промолчали даже

те, кто войну пережил. Не придали значения? Не хотели обидеть? Только, как известно, капля камень точит...

И вот уже в Беларуси широко тиражируют книги Светланы Алексеевич (к слову, однокурсницы Виталия Синенко), собирая для этого средства по всей республике (это в помощь-то Нобелевскому лауреату!), а в книгах — знакомая нам мысль: “Партизаны были хуже немцев”. И уже один из сотрудников литературного журнала советует пишущему о войне литератору: “Писать об этом надо так, как Алексиевич!” И то там, то тут вдруг услышишь: “Да если бы не партизаны!..” Те же, кто партизанил, помню, с горечью повторяли: “Как много было предателей... Нельзя быть предателем!”

А на самом деле — много ли их было? И на этот вопрос отвечает писатель Синенко: “Тема предательства — большая тема. Украинские националистические формирования особенно заметны, они кладут тень на всю нацию. Сейчас открыты данные по количеству “восточных” добровольцев в германских вооружённых силах. Так вот, общее их число около 1,17-1,18 млн из 196,7 млн, проживавших в 1941 году в СССР. С этим средним показателем совпадает число предателей-украинцев по отношению ко всему населению республики, также 0,6%, или 250 тысяч из 41 млн 965 тысяч. Ничтожно малая часть. Причём нужно учесть, что вся республика находилась в оккупации. В также оккупированной Беларуси показатель меньше, но не в разы и даже не на десятки, а лишь на несколько сотых процента — 0,55, или в абсолютных цифрах 50 тысяч с учётом личного состава Белорусской краевой обороны при населении чуть больше 9 миллионов человек. Форту в этом малочётном рейтинге всем дают прибалтийские республики, но и там цифры не зашкаливают и отрыв не в разы, а лишь в единицы процентов. Фашисты рассчитывали на массовое предательство. Но их надеждам и планам не суждено было сбыться”.

Современники непростого 2020 года — дети, внуки и правнуки переживших Великую Отечественную войну. Дети — те, кто вырос на подвигах пионеров и комсомольцев-героев — ещё помнят рассказы воевавших родителей, бабушек-дедушек. Это люди, закалённые правдой жизни. А вот внуки и правнуки — те, кто учился по перестроечным школьным программам (когда опытные учителя, историки и преподаватели литературы, в ужасе за головы хватались), впитывал точечную информацию из интернет-сетей, читал антисоветские книги, безжалостно расстреливал всё живое в компьютерных играх и мечтал мало работать, но много получать, — поколение правды факта.

С началом организованных Западом беспорядков в Беларуси некоторые из этого поколения вдруг сообразили, что можно легко заработать пяти-десятидолларовую бумажку (иудины тридцать сребренников) только за то, что постоишь-походишь на противовластном митинге. Или преградишь путь автомобильному движению в центре города (весело!). Или, осушив халявную бутылку пива, сорвёшь шлем с головы у омовца (круто!). Или помашешь бело-красно-белыми флагами, невесть откуда вдруг заполонившими столицу и областные города Беларуси (в стране же их не шьют) — и какая разница, что такие же развевались над полицаями (клёво!). И это же классно — не ходить на занятия и не слушаться преподавателей!..

Но не могу не согласиться с неожиданным мнением одного молодого нашего современника: не столько опасны те, кто с ленточками на площадь выходит, сколько те молчуны, которые с бкб-флагами в душе по госконторам сидят.

Как назвать сегодня их, митингующих и “молчунов”, вставших под предательский флаг? Тех, кто, не вникая в смысл вброшенных врагами лозунгов, не зная истории, исковеркав или позабыв её, называет фашистами мирных людей и уже готов вцепиться в горло каждому, кто не с ним? В 2014 году мы с недоумением и ужасом наблюдали помутнение разума у братьев-украинцев. (Именно тогда Виталий Синенко и приступил к созданию книги “Я не убит под Ржевом. Завещание отца”.) С 9 августа 2020 года мы стали свидетелями этой беды и в Белой Руси.

Помутнение разума — от желания лучшей жизни! Во все времена все хотели жить лучше. Даже в Раю первые люди не пожелали слушаться Бога (зачем запрещает!) и отведали злополучное яблоко. И всё! Есть Рай, но нет их в Раю. До самого распятия Иисуса Христа, когда снова двери в Царствие Небесное открылись через великие страдания Сына Божьего. Но не для всех. А для любящих, ибо сказано: “Нет больше той любви, как если кто положит

душу свою за друзей своих”; смиренных, не осуждающих, старающихся избавиться от собственных грехов, а не воюющих с теми, кто грешен, чтобы их очистить.

Зомбированные телеграм-каналами белорусы, потерявшие способность к анализу и критике, в упор не замечают большой *правды жизни*. В 1945 году ею была великая Победа. Ныне – это попытка осуществления цветной революции руками тех, кто уже приговорён Западом, который ими же и руководит. Из опубликованного в интернет-сетях скриншота (с сохранением пунктуации и орфографии): “С сегодняшнего дня телеграм-канал берёт на себя ответственность за организацию революции в Беларуси посредством перекрытия дорог и трасс, с использованием любых средств и методов, и вывода из строя транспортной инфраструктуры, а также нейтрализации карателей. Основной целью будет удар по дохлой экономике, начинаем активно выводить с утра дороги, выводить из строя системы светофоров, ну и конечно готовить молодоты и другие средства! Забастовки должны начинаться с утра, чтоб памярковные белорусы не доехали на работу, поэтому особое внимание уделять общественному транспорту и выводить его из строя! Саморганизуйтесь в мобильные отряды и вспомните, как наши деды боролись с фашизмом за наше будущее, а сейчас наше бездействие на руку диктатору, пора положить этому конец и показать диктатору, кто хозяин на белорусской земле – НАРОД. Любые упоминания про протесты и цветочки, хождения без цели отныне в наших чатах под запретом и бан без предупреждения, мы делаем революцию!”.

Большая правда – это и озвученные президентом Беларуси А. Г. Лукашенко сводки КГБ:

– из выступлений официальных лиц Польши: “Победа революции в Беларуси – также национальный интерес Польши”;

– из заявления министра иностранных дел Украины во время разговора с коллегой из Германии: “Мы теряем наши возможности, не предпринимая решительных мер. Евросоюзу следует ввести серьёзнейшие санкции против Беларуси, чтобы парализовать деятельность государства, бизнеса и производств”;

– из выступления представителя США: “В России мы хотим ускорить процесс дезинтеграции: местные власти должны получить больше полномочий, центральная власть должна быть ограничена. Мы будем поддерживать внутренний конфликт в российском обществе. Текущее руководство в России может потерять власть из-за событий в Беларуси”.

Задурманенные же пропагандой белорусы, из тех, кто не куплены, а обманно-идейные, эмоционально возмущаются в соцсетях:

– Боже, радетели власти узурпаторской, когда вы поймёте, что никакого отношения к политтехнологиям США у большинства митингующих нет?!. Большинство идут по зову сердец, потому что ненавидят фальшь и ложь!..

– А разве есть необходимость извне обкладывать нас всякими НАТО, если мы изнутри своими же обложены по горло? Страшен враг не тот, что снаружи, а тот, что внутри тебя!..

Последние слова из комментария неизвестного протестанта как раз соответствуют истине. Внешнего врага, с Божьей помощью, победим. Не зря в ответ на военные учения НАТО у белорусско-российских границ, а также непростую обстановку в постсоветских странах: Кыргызстане, Армении, Азербайджане, в сентябре-октябре прошли совместные (Россия и Беларусь) военные учения “Славянское братство-2020” (второй этап) и командно-штабные учения с миротворческими силами Организации Договора о коллективной безопасности ОДКБ “Нерушимое братство-2020”, где отрабатывались совместные операции в Восточно-Европейском регионе. В манёврах было задействовано более 900 человек и свыше 120 единиц техники. Учения ярко продемонстрировали способность и готовность отразить агрессию против Союзного государства.

А что у нас внутри – в душе, в уме?

Отец писателя Виталия Синенко, ветеран войны, с горечью упрекает сына: “Чтобы мозги детям перевернуть, специалисты у вас в Москве нашлись. Навалом. Предали наше время, а заодно и нас. Память об эпохе предали. Молодое поколение видит нашу эпоху всё больше глазами диссидентов, мстителей, своих и западных антисоветчиков. Эти авторы активны, эмоциональны и плодovitы”.

Сын соглашается: “Наших внуков повели за собой бывшие полицаи и перебежчики из русского зарубежья, все как один они сегодня антисталинисты и борцы за свободу русского народа от большевистского ига. Эти уже выдали несметное количество свидетельств, мало походящих на покаяние. Они атакуют, они продолжают свою войну. Молчаливые и тихие в годы войны люди-улитки вдруг также вылезли из своих раковин и присоединились к этому обличающему хору агрессивных предателей. Они всегда держали нос по ветру и служить шли к тем, за кем сила”.

Человека, зомбированного вражеской пропагандой, не просто вернуть к здоровым суждениям. Тысячи здоровых людей не убедят одного сумасшедшего, но один сумасшедший может убедить тысячи здоровых – правило психиатрии. Мы живём в мире, который стал сумасшедшим домом. Однако даже в жутких условиях немецких концлагерей ныне оплётанные “молчунами”, вениaminaми, алексиевичами комсомольцы и коммунисты уходили в лагерное подполье, продолжали бороться не только за себя, но и за “истерзанных неволей, истощённых голодом, павших духом военнопленных”.

“Шла борьба за души, сознание и волю людей, – писал в воспоминаниях Георгий Дмитриевич Синенко. – Перед нами ставилась задача сорвать планы фашистов, раскрыть глаза заблуждающимся и колеблющимся, рассказать о происходящих переменах на фронтах и о том, что ждёт изменников Родины после войны”.

Значит, и мы должны. В противовес обученным и заплаченным радетелям *правды факта*, от которой сеется мрак и опускаются руки, говорить, разоблачать, писать о *правде жизни*. Об этом же просил сына ветеран Синенко: “Вы помните нас молодыми... Советский период для вас – не только перестройка с речами Горбачёва и Ельциным на танке. У вас глаза шире открыты на сталинский период, чем у нас самих, а мозги не так загажены “новым мышлением”, как у внуков и правнуков. Вы нас можете соединить. И в вас на генетическом уровне живёт война... Вы последние дееспособные хранители памяти о советском прошлом. Вы, только вы сможете соединить и поколения, и эпохи!”

А “белая” революция в Беларуси всё же терпит крах. Всё меньше протестующих на площадях и центральных улицах столицы. Так называемый “Марш соседей” в Минске – попытка собирать людей дворами – оказался совсем жиденьким. Некоторые “змагары” ревели от обиды и злости: вышли во двор, а больше-то никого и нет! Да и как же могло быть иначе, если потомков партизан и фронтовиков в стране гораздо больше, чем предателей? Они тоже выходят маршами, организуют автопробеги – в защиту мира и спокойствия. Их много! Их большинство. Однако успокаиваться рано, да и надежды, что успокоятся западные вдохновители и кураторы “белых” событий, нет. Хватит ли у них ума не накликать беду, в том числе и на самих себя?

Завещание отца

Отца уже нет в этом мире. Но наш диалог продолжается. И когда я оказываюсь в тупике, обращаюсь к нему, и он приходит, позволяя увидеть и понять то, что я не смог бы без его помощи.

В. Г. Синенко

Вторая часть названия книги Виталия Синенко – “Завещание отца”. Он просил через сохранённую память о советском прошлом соединить поколения и эпохи.

Ещё в семидесятых годах прошлого века писатель Анатолий Иванов в романе “Вечный зов” устами коллаборациониста Лахновского проговаривал западную программу идеологического уничтожения советской страны. Она очень напоминает периодически появляющуюся в СМИ информацию о “Плане Даллеса”, по поводу существования которого идут нескончаемые споры. Но все тридцать лет после горбачёвской перестройки мы видим своими глазами неоспоримый факт – идёт информационная война, призванная стереть историческую память о нашей великой Победе, достижениях СССР, развратить умы и души молодёжи. И какая разница, под каким названием такой

документ был создан, кто был его автором, если цели, задачи его воплощаются в жизнь с завидным упорством. Если предательство многих либеральных чиновников, купленных американскими и европейскими дипломатами прямо в Москве, давно ни для кого не секрет. Ну, а о тех, кто разворовал страну и рванул из неё, и разговора нет – кто они, если не предатели своего народа? На создание потенциальных предателей и нацелена такая программа.

В начале двухтысячных инокиня Александра, хранительница Царской часовни близ Петербурга, познакомила меня с письмом писателя, имя которого называть не буду по этическим соображениям, но текст его письма частично приведу, потому что в нём говорится о том, что в те годы переживалось многими нашими современниками. После многочасовой беседы с матушкой Александрой о России, о святом Царе Николае Втором, о мистическом проклятии за предательство помазанника Божия, о безусловном возрождении Святой Руси, где многие захотят жить, да не всем будет дано, он написал: “Я изменился в одну ночь! Своего имени – Николай, своей фамилии – я стеснялся. Теперь я ими горжусь!! Русский народ для меня был потерянным и деградировавшим, Россия – постылой родиной, не раз меня обобравшей – инфляциями и дефолтами – и обманувшей – вначале с коммунизмом, потом с перестройкой, а затем и с демократией. На чужбине я стеснялся и своего народа, и своей Родины – “пугала планеты”. Теперь же, благодаря Вам, мне открылось предназначение и русского народа, и моей страны. Теперь я счастлив тем, что я – русский, теперь я горжусь своим именем, своей фамилией. Своим Царём, отдавшим за меня, блудного сына, жизнь. Своим Богом, истинным Богом, Творцом, а не тварью. Неисчерпаемыми глубинами и необъятным многообразием Православия – все это внезапно открылось мне в одну ночь! Все, что я искал в других религиях и, возможно, находил – по крупицам, оказывается, окружало меня с рождения во всей полноте, многомерности и цельности. . .”

Что произошло с этим, теперь уже счастливым, человеком? Не то ли, о чём просил ветеран-фронтовик Георгий Дмитриевич: через память о прошлом соединить поколения и эпохи?

Своей книгой-исследованием, книгой-размышлением “Я не убит подо Ржевом. Завещание отца” писатель Виталий Синенко совершает невероятное. Следуя по жизненному пути своих родителей (родом с Украины, жили в Белоруссии, защищали Россию, под которой подразумевался весь Советский Союз), он, пристально рассматривая оклеветанные, испоганенные наши исконно русские ценности, шаг за шагом, страница за страницей очищает историю страны от наветов и грязи.

В первом разделе книги В. Синенко пишет: “Все входы и выходы в предвоенную эпоху плотно запечатаны. Табличка с черепом и костями предупреждает: “Сталинщина!”. И дальше проход по спецпропускам. Однажды я в упор спросил отца: – Ваша довоенная эпоха – это эпоха зла? – Чушь! – резко ответил отец. – Самоощущение людей было светлым. Сейчас всё чернят. Но это неправда”.

Георгий Дмитриевич родился в 1923 году, в это же время на Псковщине появился на свет русский поэт Игорь Григорьев. Они, ровесники, люди одного поколения, одной страны, не знали друг друга, но так похоже, так самоотверженно любили своё Отечество, что хочется назвать их братьями, родными. Орденносец Игорь Григорьев в свои восемнадцать тоже встал на защиту отчизны, возглавив молодёжное подполье, потом ушёл в партизаны. Бесстрашно боролись с фашистами в годы войны Синенко и Григорьев, грудью встали за Родину, поливаемую грязью в перестроечное время. Игорь Николаевич в стихотворении “Перед Россией” писал кровью сердца:

*Я родине моей не изменял.
Безрадостной полянью переполнясь,
Я убивался с ней в глухую полночь,
Но родине во тьме не изменял...*

Следом за ним эти слова мог бы повторить и Георгий Дмитриевич. Ныне оклеветанная страна вырастила миллионы таких патриотов. Как?

Они оба учились в советской школе, о которой Георгий Дмитриевич Синенко писал в своих воспоминаниях: “Образование тех лет строилось на единстве

семьи и школы. Оно было органичным, природным: и родители, и школа одинаково понимали общие цели и задачи, у них не было противоречий, инакомыслия и инакодействия. Всё, что мы слышали в школе, мы слышали и дома, я говорю о своей семье. У нас была одна правда. Те же, кто не принял советскую власть, видя усилия школы, государства, реальные перспективы для молодёжи, как правило, не становились открыто поперёк. Они тоже думали о будущем своих детей. И в целом у нашего поколения, воспитанного советской школой, государственной идеологией, трудовыми семьями, у основной массы не было разлада в душе”.

Старшее поколение помнит советскую школу, любимых учителей, которые прошли все ужасы войны, которые учили нас с величайшей любовью к нам и к своей стране. Помним мы и другое – как во времена перестройки отменили в школе воспитательный процесс и поручили ей оказание образовательных услуг. Воспитание исчезло – и упало качество образования.

Пока в школе трудились педагоги, воспитанные по советской системе – “последние дееспособные хранители советского прошлого”, даже коренная переделка программ не отменила их душевной щедрости. Однако сменилось поколение, и трещина в школьном образовании превратилась в пропасть. Безумный отказ от признанной во всем мире лучшей системы образовательно-воспитательного процесса дал свои плачевные результаты.

Недавно в Фейсбуке появился исполненный боли пост некоего Дмитрия Белоусова об уровне современных абитуриентов ВГИКа, не знающих азов отечественной киноклассики. Он опубликовал впечатления киноведа Андрея Апостолова: “Только что провёл во ВГИКе занятие на подготовительных курсах. Замечательные ребята собираются поступать на киноведческий. Про артиста Олега Даля не слышал ни один, про Геннадия Шпаликова не слышал ни один (хотя его бронзовая фигура стоит прямо у входа во ВГИК), “Калину красную” не видел ни один. Но это ладно, ни один не знает главного героя “Семнадцати мгновений весны”, и ни один не знает даже примерно, когда в стране была перестройка. А в ответ на вопрос про самых популярных у массового зрителя советских режиссёров одна девочка уверенно произнесла: “Рязанов и Гайдар”...” Гор Карапетян поделился: “Получается, что большинство считает нормальным не видеть и не знать классику кинематографа России. Если сравнить с ними студентов, поступающих в литературный вуз, которые не знают и не читают Пушкина и Толстого... Грустно, когда из грамотной, читающей нации выросло поколение неучей, обидно за наших предков и за то, во что превращается наша страна”.

Да, грустно и обидно, но ещё и страшно. Ведь именно так разрывается связь поколений и эпох.

В книге Виталий Синенко, автор, постоянно спорит с отцом, пытаюсь разгадать скрытые временем тайны смыслов происшедшего. Писатель вызывает Георгия Дмитриевича на доверительный разговор, по-доброму провоцируя, подвергая сдержанной критике его свидетельства и убеждения. Так, в первом, “довоенном” разделе книги, затрагивая роль комсомола в воспитании молодёжи, он посмеивается над отцовским идеализмом: “Одномыслие, зажатость, никакой духовной свободы, бесконечная маршировка строем под барабанный бой, красные галстуки, стихи про Сталина и Ленина, нудные комсомольские и пионерские собрания, субботники, взносы...”

Не так ли думают сегодня многие, особенно те, кто вырос уже без пионерии и комсомолии, без тимуровцев, без Павки Корчагина? Последних понять можно – откуда им знать? Трудно понять тех, кто застал ещё то советское время...

В день рождения комсомола, 29 октября каждого года, кто-нибудь да и вспомнит о Коммунистическом Союзе молодёжи. Среди поздравлений под яркими картинками в интернете можно прочесть комментарии людьми с разными, зачастую непримиримыми взглядами. Два года назад, в столетие комсомола, на глаза попался гневный, полный нескрываемой ненависти текст: “Страшно, когда после красного террора, продолжавшегося более семидесяти лет и оставившего след кровавого и трагического опыта, народ (белорусский. – Н. С.) в самом сердце Европы отмечает столетие со дня основания организации, которая по своей сути была преступной и бесчеловечной, потому что прославляла этот режим. Такой организацией был комсомол. Он подчинялся КПСС, которая, в свою очередь, была генератором идей, благодаря

которым на территории СССР была успешно построена страна под названием Империя Зла... Ложь и обман лежали в основе идеологии комсомола. Государственная идеология в СССР создала свою “квазирелигию”... Празднование 100-летия комсомола, которое широко и повсеместно отмечается в Беларуси, есть не что иное, как Хэллоуин – праздник Сатаны...”

Возмутился ли кто этой клеветой? Да. Но на них тут же набрасывались её защитники под видом праведников: “Нет, это не охаивание наших дедов и родителей. Это горькая правда о тех, кто зомбировал их своими идеями, заставляя без конца жертвовать собой, работать то за копейки, то вовсе за идею. А к концу СССР тот комсомол, что я застала – сплошное враньё, приписки, лицемерие. Да, среди комсомольцев были замечательные люди, даже герои, что не обеляет саму идею безбожной организации”, – это убеждения, высказанные школьным педагогом!

Вчитаемся в ключевые слова учительского комментария: зомбировал идеями; заставляя жертвовать; заставляя работать; заставляя за идею; даже герои не обеляют...

Эти слова, особенно последние, обладают убийственной силой – зачем нужны герои, тем более за идею? Кому нужны жертвенность и труд? Какой смысл в труде, если за копейки? А уж за идею – и говорить не приходится. Так мелкая правда частного факта пытается заглушить большую правду жизни. А дети впитывают...

Виталий Синенко признаётся, что отец посмотрел на него с жалостью, словно спрашивал: “Неужели ничего не понимаешь?” Ответил серьёзно, обстоятельно: “Комсомол тогда только родился... Высокая идея действительно пронизывала организацию. Комсомол был пропитан молодой романтикой, но он не являлся искусственным, формальным образованием или игрой в политику. Российский Коммунистический Союз молодёжи участвовал в реальных делах. И награды свои получал заслуженно, гордился ими. Это была форма самоуправления, подготовка молодёжи к новой взрослой жизни. Всё это было свежо, ново, захватывало молодёжь, не всю, но большую её часть. Организация удесятерять силы... В Союзе молодёжи каждый начинал чувствовать, что такое коллектив, что вместе мы горы можем свернуть... Извечная дилемма жить для себя или жить для других тогда решалась в пользу не личного, а общего, в пользу коллектива. В то время как природа человека настроена на жизнь “для себя”, новая мораль требовала самоограничения, умения существовать в коллективе, то, что до революции называлось “в соборе”. Себялюбие, эгоизм воспитывать не надо – само придёт, не заржавеет. Жить для себя соблазнительней и легче, но пример нашего кумира Павки Корчагина показывал: сам погибай, а товарища выручай – этому и учились следовать... В чести были жертвенный порыв, искренность чувств и помыслов – это и воспитывалось в нас школой, комсомолом, всей государственной идеологией. Пионерия, комсомол – это и самоорганизация, и самоуправление”.

Хотелось сделать цитату короче, да из песни слов не выбросишь. Недавно покинувший Божий мир талантливый писатель-публицист Александр Казинцев в одном из интервью поделился мыслью о том, что будущее надо обязательно проговаривать – в спорах, дискуссиях, столкновениях мнений, что всё зависит от наших усилий, а решающий фактор – самоорганизация масс. Автор книги “Я не погиб подо Ржевом...” вместе с отцом мучительно проговаривают наше будущее, пытаясь разглядеть его корни, его ростки в прошлом, в том числе и в той “самоорганизации масс”, которой были пионерия, комсомол и партия.

Во время Великой Отечественной войны, напоминает В. Синенко, “требовалось организовать огромные массы на сверхусилие, на подвиг. Ни США, ни Англии, ни Германии, ни Японии, никому ещё в мире не приходилось перестраивать свою экономику и всё хозяйство в таких суровых обстоятельствах”.

Старший Синенко решил вступить в партию в начале войны, ему было всего 18 лет. Зачем? “По идейным соображениям. Партия для меня была чем-то высоким, святым, не кормушкой, как это представлялось некоторым её более поздним членам. Тогда было время испытаний. Для всех. Партия взвалила на себя, несла самый тяжёлый груз. Она была в центре всего. Внутренне я был готов, когда прозвучит призыв: “Коммунисты, вперёд!” – сделать этот шаг”.

Именно такими коммунистами и совершались подвиги, которых было не счесть. Вокруг таких коммунистов самоорганизовывались военнопленные в фашистских лагерях — даже там, в нечеловеческих условиях, создавалось сопротивление. О таком сопротивлении военнопленных в Молодеченском “Шталаге № 342” и в “Шталаге VI-A”, разместившемся недалеко от немецкого города Эссена, где (силой духа и опять же — чудом!) выжил отец писателя, повествуется в книге Виталия Синенко.

Готова подписаться под каждым словом Георгия Дмитриевича. Воспитанная на примерах пионеров-комсомольцев-партийцев — героев, и я когда-то, в свои двадцать с небольшим, пришла в партийную организацию с заявлением, написанным в произвольной форме. Жаль, что оно не сохранилось, потому что пришлось вместо него оформить заявление-бланк. Но до сих пор помню, о чём писала, и снова ощущаю тот высокий душевный подъём, который привёл меня в партийную организацию. Мне хотелось быть в первых рядах тех, кто готов по первому зову сделать шаг вперёд.

Возвращаясь к реплике педагога о том, что герои не обеляют, гневно протестую! Нет, обеляют! И не только обеляют: они — соль, они — основа, они — великая *правда жизни*. И эту правду подтверждают даже враги. В литературе, в СМИ, в интернете можно найти письма и дневники немецких солдат. Один из них, мечтавший о лёгком преодолении Волги и захвате Сталинграда, записал: “19 октября 1942 года. Мой Бог, аллилуйя, мы преодолели развалины школы. От нашего батальона осталось около 100 человек. Две недели назад нас было 328... 328 солдат и офицеров Великой Германии... Оказалось, что чертову школу обороняли 15 русских, и мы нашли 15 трупов, среди них не было ни одного офицера, Господи, кто ими командовал?... Представляете? Всего 15 трупов! И их штурмовал целый батальон, лучший штурмовой батальон Великой Германии! Но самое горькое нас ожидало впереди. До Волги остается ещё 400 метров, но перед нами, через дорогу, стоит разрушенный четырехэтажный дом. И что-то мне подсказывает, что через эту улицу наш батальон не сможет перейти... 31 декабря 1942 года. Мы встречаем Новый год в развалинах чертовой школы. Русских пришлось похоронить. Они своим видом — даже у мертвых были сжаты кулаки! — полностью деморализовали новобранцев, которых каждую неделю присылали в наш батальон...”

Великая *правда жизни* заключается в том, что весь наш народ, от детей до стариков, по сути своей — героический. Был, есть и останется.

И о квазирелигии. Спорить трудно. Действительно, Церковь была отделена от государства, существование Бога официально отрицалось, поэтому, следуя логике автора, квазирелигией можно назвать насаждаемый атеизм. Ведь это тоже вера — вера лишь в земную жизнь, отрицание вечной души и Творца. Обвинение серьёзное, имеющее, к сожалению, основания. Виталий Синенко и в этом вопросе попытался докопаться до истины.

Невероятно, но в народе вера продолжала жить! Георгий Дмитриевич, предупредив, что судить его эпоху современными мерками вовсе нельзя, призвал: “Я не ходил в церковь, но понимал, что такое праведная жизнь, а что такое грех. В душе моей жила вера. Она жила в нас, первых советских поколениях, впитавших идеалы нового времени... Атеистическое государство — да, но жили по Христу, что говорится, с Богом в душе... Мы верили в справедливость, в братство людей. Через советское воспитание, культуру, книги с нами оставались христианские идеи и ценности. Библейские заповеди входили в нас через советскую мораль, целиком построенную на Нагорной проповеди Христа. Да, из нашей жизни изъяли церковь, но сохранили Дух и веру. Религиозное мировоззрение приняло другие формы...”

В немецком концлагере он, комсомолец, и солдат Иван Никифорович Линаев, верующий и воцерковлённый человек, понимали друг друга и помогали, потому что верили в добро. И называл Георгий дядю Ваню своим ангелом-хранителем.

И далее через всё повествование неизменно проходит упоминание имени Божьего, будь то мистическое чудо или Промысел Господень. Я не знаю, насколько сам писатель воцерковлён, каковы его личные взаимоотношения с Творцом, но то, что вышло из-под его пера, веру только укрепляет. В Бога, в Россию, в Правду, в Победу, в русского (в самом широком смысле) человека.

Большая правда жизни

Старшие поколения прошли испытание войной. Нам отпущены испытания миром.

В. Г. Синенко

Надо отдать должное автору книги “Я не убит подо Ржевом...”, сумевшему в одном произведении раскрыть множество серьёзнейших тем. Каждая из них заслуживает особого внимания.

Словно следуя совету Паисия Святогорца быть пчелой, собирающей повсюду только мёд, а не мухой, для которой весь мир сузился до помойки, Виталий Синенко на протяжении всей книги выполняет этот завет. Собирая очищенный от наветов мёд правды, он пишет и о ВКП(б) (“Фашисты с особой ненавистью относились к большевикам, выделяя их из общей массы в отдельную, особо опасную категорию, подлежащую уничтожению... На фронте у коммунистов был высочайший авторитет, и заслужен он ими был недаром и нелегко — часто ценой собственных жизней... За годы войны погибло три миллиона коммунистов”), и о Сталине (“Ненависть к Сталину возведена в ранг абсолютной истины и прямо-таки религиозного символа. Всё, к чему прикасался Сталин, несёт на себе печать зла. Монстр не мог быть прав. На отрицании Сталина, его демонизации строится вся антисоветская, антироссийская пирамида... Ненависть к Сталину дала пропуск в наше духовное пространство не просто антикоммунистам, но и ненавистникам России, предателям, сбежавшим из страны и вещающим из тёплого для них далека. Антисталинский миф сам по себе стал вреден, он мешает понять и оценить опыт, приобретённый в условиях катастрофы... В условиях войны налаживалась жизнь! Вот гениальное открытие и верно выбранный властью и Сталиным путь. В тех условиях это был единственно верный ответ на немецкие планы блицкрига...”)

В. Синенко пишет о репрессиях и “пятой колонне” (Д. Девис, посол США в СССР, докладывал Рузвельту: “В России в 1941 году не оказалось представителей “пятой колонны” — они были расстреляны. Чистка навела порядок в стране и избавила от измены”).

О нацменьшинствах и депортациях (“О том, что депортированных приняли местные семьи и разделили с ними все тяготы военного быта, о том, что государство не бросило их на произвол судьбы, об этом говорилось и говорится почему-то мало, как и о том, что суровые меры не были забавой властей, а вынужденным спасением от угрозы предательства, гражданской войны у себя в тылу. Опасность была реальная, а не мифическая”).

О Втором фронте (“Мы переживали трагические этапы в схватке с фашистами, но на все воззвания о помощи европейские и американские союзники оставались глухи. Самые тяжёлые годы мы оставались с Гитлером один на один. А после войны родившийся на волне нашей победы соцлагерь также распался очень уж легко и молниеносно. Границы цивилизаций существуют, и их нельзя бездумно игнорировать”).

О ленд-лизе (“Американцы должны благодарить Советский Союз, низко поклониться и руку поцеловать за то, что в разгар Великой депрессии в США мы вдруг открыли у себя гигантский рынок сбыта для их залежалой продукции. В ходе Второй мировой войны США выделили СССР беспроцентный кредит на 10 млрд долларов и в его счёт поставляли нам произведённое на их предприятиях добро. Мы воевали, истекали кровью. Америка же оживила свою экономику, безработица резко упала, предприятия заработали, технологии стали развиваться... Ленд-лиз переводится, как “давать в долг”, “давать в аренду”... После войны все рассчитались с Америкой по долгам”).

О фильтрационных лагерях (“Кто подлежал суду и арестам?... Руководящий и командный состав полиции, “народной стражи”, “народной милиции”, “Русской освободительной армии”, национальных легионов и других подобных организаций; рядовые полицейские и рядовые участники перечисленных организаций, принимавшие участие в карательных экспедициях или проявившие активность при исполнении обязанностей; бывшие военнослужащие Красной армии, добровольно перешедшие на сторону противника; бургомистры, крупные фашистские чиновники, сотрудники гестапо и других немецких карательных и разведывательных органов; сельские старосты, являвшиеся активными пособниками оккупантов... Выявлялись шпионы, завербованные агенты, диверсанты...”).

Отец же писателя и в плену оставался воином, участвовал в подполье, вместе с двумя своими товарищами бежал из плена уже на территории Германии, Победу встретил в Пфальцских горах с оружием в руках, но, как и многие его товарищи, прошёл фильтрацию, после чего ему вернули воинское звание, и он был призван в армию.

О репатриации (“Рациональный и практичный Запад был заинтересован задаром получить дешёвую рабочую силу. В лагерях для перемещённых лиц американские и английские службы развернули настоящую “охоту за умами”. Из числа советских перемещённых лиц вычленились профессора, доценты, доктора и кандидаты наук, конструкторы, технологи, инженеры и другие специалисты. Ничего личного, только бизнес. Но не только. Целенаправленно создавался ударный легион из наших соотечественников, враждебных СССР...”).

О “пушечном мясе” (“У “цивилизованных” немцев в конце войны... безжалостно стали гнать на фронт, в бой стариков, инвалидов и необученных мальчишек из гитлерюгенда. Их просто бросали в топку войны. Это к вопросу о “цивилизованности”, “пушечном мясе” и цене победы”).

О Германии (“В конце 1944 года Красная армия вступила на территорию Германии, командование ждало и готовилось к нападению немецких партизан в своих тылах. Было испытано огромное недоумение, когда узнали, что немецких партизан просто не существует”).

О подполье (“Коммунистическое подполье являлось силой, которая противостояла хаосу и немецкому порядку, желавшему превратить людей в слизь... На кого опереться в фашистской неволе?... Партия сплывала и организовывала”) и партизанах (“Никогда и нигде в истории человечества партизанское движение, сопротивление врагу на оккупированных им территориях не приобретало такого размаха и не имело таких масштабов, как на территории Советского Союза в годы Второй мировой войны”).

О коллективизме (“Индивидуалы, пассионарии обречены в большой глобальной драке, которой является мировая война”) и системе подготовки офицерских кадров (“За период войны было подготовлено более 1 млн 640 тысяч офицеров и 300 тысяч политработников”).

О фашизме и борьбе цивилизаций (“Шла война между Востоком и Западом. Гитлеровцы действовали во благо своей цивилизации, и это был тот суперперцент, склеивающий и мародёров из низших слоёв общества, и благородных аристократов в едином порыве “Дранг нах Остен!” Вот она – сверхидея!”).

О сохранении Победы и возрождении России (“К России постепенно возвращается ощущение своего особого места в Евразийской цивилизации. Союзное государство с Беларусью, Евразийский экономический союз с Беларусью, Казахстаном, Арменией, Киргизией делают наши страны сильнее, устойчивее в мировой тряске. Перспективы Единого экономического пространства расширяются. Россия не просто страна, не Голландия или Бельгия. Россия – центр, ядро великой цивилизации. Так изначально было устроено Небом”)...

Книгу Виталия Синенко надо издавать огромными тиражами, чтобы её имела каждая библиотека на пространствах бывшего СССР, чтобы она дошла до каждой школы, вуза, воинской части. Обратит бы внимание на эту книгу Министерства обороны и просвещения. Подобный материал надо множить в противовес всей заказной лжи, калечащей разум, а нередко и судьбы молодых современников. Войну и нашу Победу, победу нашей Русско-Православной цивилизации, пытаются превратить в миф, хотят её украсть. Чуть больше месяца назад Маттиас Сони, посол ФРГ в Литве, назвал целью освобождения Германии от фашизма русскими “установление в побеждённой стране сталинского репрессивного правления”. И глазом не моргнул. “Мухи” целенаправленно и планомерно делают своё дело. А мы, считающие себя пчёлами?

Своим взрослым сыновьям я не просто рекомендовала, а убедительно попросила их прочесть книгу Виталия Синенко, потому что она, несомненно, поможет им обрести нестигаемый внутренний духовный стержень, стать настоящими мужчинами, надёжными защитниками Отечества.

Надо препятствовать формированию предателей! Министерства культуры, образования, просвещения, Федеральное агентство по делам молодёжи в РФ обязаны взять на себя ответственность за сохранение памяти и Победы.

Идёт борьба за Россию как центр нашей цивилизации, идёт война за души наших детей и внуков – не на жизнь, а на смерть. И чтобы однажды не затмили свет на горизонте вражеские полчища и танки, мы должны говорить о большой правде войны и о большой правде жизни. И тогда мы снова обязательно победим! Книга Виталия Синенко – об этом.

“Я НАДЕЮСЬ, ЧТО
“НАШ СОВРЕМЕННОК”
БУДЕТ ВЫХОДИТЬ В СВЕТ
ЕЩЁ НЕ ОДНО ДЕСЯТИЛЕТИЕ”

* * *

Уважаемая редакция, здравствуйте!

С нетерпением всегда жду очередного номера журнала. Благодаря таланту, организаторским способностям Станислава Юрьевича журнал известен своей независимостью и объективностью. От всей души желаю Вам и Вашим близким здоровья, благополучия и новых свершений.

Более всего мне нравится в журнале разделы “Очерки и публицистика” и “Память”.

Именно этот раздел в декабре понёс невосполнимую утрату – ушёл из жизни Александр Иванович Казинцев, очень рано. Сколько ещё нужных нам книг он мог бы написать! Обращаюсь к Вам с просьбой. Почта потеряла безвозвратно первый номер журнала за 2021 год. За тридцать лет, что я выписываю журнал, такое случалось. В таких случаях я обращался в журнал, и мне всегда помогали. Вышлите мне, пожалуйста, если можно, номер журнала наложенным платежом.

Спасибо.

Росин А. П.
г. Санкт-Петербург

От редакции: “Номер журнала выслан”.

* * *

Главному редактору
журнала “Наш современник”
С. Куняеву

Дорогой коллега!

В 1987 году я начинал печататься в “Нашем современном” с небольшого очерка. В 1988 году в журнале “Москва” вышла повесть “Пропасть” – о наркобизнесе в СССР (порезана цензурой), после которой бескрайние посеы мака в 5 областях убрали, чем нанесли мафии серьёзный урон. Но и мои публикации надолго исчезли.

Однако оказалось, что есть ещё более запретные темы. Последние десятилетия работаю над исследованиями в области русской античности и поиска артефактов.

Написал ряд книг и выпустил 63 документальных фильма. Миллионы просмотров в интернете, отдельные сюжеты и на федеральных каналах, но ни

один фильм в полном объёме в Москве не пошёл. А ведь на сегодня открыто 10 гигантских храмовых комплексов и до 1000 каменных святылец. Есть выдающиеся артефакты, которые власти блокируют в информационном поле.

Да и сами русские для них “прилагательное”.

Отправляю вам в подарок книгу “Странствие от луны до солнца”. Знаю, что журналы более любят идти впереди издательств. Но ведь важнее донести до читателя сведения: кто мы и откуда идём.

С уважением **Евгений Бажанов**
г. Самара

* * *

Станислав Юрьевич, здравствуйте!

Уважаемая Сафрончук как-то обратилась к Путину и затем к общественности в журнале с пожеланием реабилитировать И. В. Сталина. Справедливо реабилитировать бы и В. И. Ленина. Они вожди нашего государства, выступившие с идеей социальной справедливости. С ними наша страна стала великой державой – СССР, – культурной и грамотной. В годы гражданской войны с Ленинским Красным Знаменем страна отбросила европейских интервентов, борясь за Советскую власть. Сталин сумел сплотить страну, спас народы от фашизма. Мавзолей Ленина – наша история. Сафрончук обратилась к Г. А. Зюганову – вынести тело В. И. Ленина из Мавзолея. Что, она боится его? С трибуны Мавзолея Сталин выступал со знаменитыми речами 7 ноября 1941 года и 9 мая 1945 года в честь Великой Победы. И сейчас, когда зачехляют Мавзолей, это позор. Недруги Отечества боятся Ленина и Сталина. Они стремятся уничтожить память о них. Стыдно, когда 9 мая не упоминают имя Сталина. Пионеры-ленинцы, Ленинский комсомол! Как это гордо звучало! Мы с гордостью носили красный галстук. В библиотеках наших было много интересных книг, и мы из них узнали о героях гражданской войны: о Котовском, Думенко, Будённом, Миронове, Чапаеве, о Павке Корчагине (Николае Островском). Узнали о героях Великой Отечественной войны: Александре Матросове, Зое Космодемьянской, Юрии Смирнове, лётчице Валерии Хомяковой, спасавшей ночное небо Саратова и Сталинграда (фашисты её называли “ночной ведьмой”).

Сейчас в школе нет Пионерии и Комсомола. С Хрущёва, Горбачёва и Ельцина переписывается и чернится наша славная история. Нет тех кинофильмов, которые вдохновляли героев Краснодона, Алексея Маресьева, Николая Островского... В программе школы нет романов “Молодая гвардия”, “Как закалялась сталь”. Зато есть “Архипелаг ГУЛАг” Солженицына, и детям внушили, что Страна Советов – сплошной “ГУЛАг”.

Сейчас трудно попасть в школу. Всё же мне удалось побеседовать на уроке истории с детьми. Я попросила их назвать любимого героя. Это было накануне 9 Мая. В классе молчание. Тогда я стала говорить о Зое Космодемьянской. Спросила, что они знают о ней? Тут учитель помогла им и сказала, что она, Зоя, поджигала дома. Значит, не героиня, а поджигатель. Говорю, что в домах были фашисты, Зоя их выгоняла на мороз – они мороза лютого не выдерживают, погибают. Но образ Зои-поджигателя закрепляют в новой экранизации фильма. Как-то еду в автобусе. Рядом сидят два мальчика. Разговорились. Спросила, кто для них Ленин и Сталин? Один сказал, что Ленин – шпион, другой, что Сталин – тиран. Мне было трудно доказать их неправоту. Побывала в одной библиотеке. На видном месте – стихи Бродского и “страшилка” А. Н. Яковлева: “Сталин – тиран”. Сейчас идёт спор о памятнике Феликсу Дзержинскому: вернуть его на своё место или нет. Патриоты страны выступают: поставить памятник на своё место, а недруги боятся Дзержинского, боятся даже важные персоны – генералы, “историки” новоявленные, видимо, те, которые чернили нашу историю и продолжают чернить... Феликс Дзержинский боролся с саботажем, мародёрами, спекулянтами и другими жуликами, боролся с беспризорностью. Его называли “железный Феликс”. Сейчас недруги его зовут “террористом”.

И вот сейчас мы видим на экране толпы подростков на площадях, выступающих в поддержку Навального, обещавшего деньги немалые, чтобы свергнуть

Путина и Россию. Какое безнравственное поколение выросло у нас без Пионерии, без Комсомола!

Римма Ивановна Иванова
г. Москва

* * *

Здравствуй, уважаемая редакция “Нашего современника”, здравствуй-те, глубокоуважаемый Станислав Юрьевич!

Со всей сердечной теплотой поздравляю Вас с 65-летним юбилеем выхода в свет первого номера журнала! (Подписан в печать 06.03.1956 года.) За эти годы на его страницах печатались столько известных писателей и поэтов, что можно со счёта сбиться. Без всякого сомнения, “Наш современник” внёс огромный вклад в литературное наследие нашей Родины! Хочу посвятить юбилею своё стихотворение:

*В своём письме однажды я назвал
Отрогом Русского Парнаса наш журнал.
Я думаю, что все на нём поместятся:
И — кто кошерное едят, и те, кто крестятся,
И мясоеды с вегетарианцами,
И марсиане с юпитерианцами...
Со всей Вселенной мы договоримся
И Русским Словом все объединимся!*

Желаю всему коллективу журнала — и литераторам, и администрации, и техническому персоналу, — крепкого-крепкого здоровья, долголетия и благополучия во всех Ваших делах!

Очень жаль, что в этот знаменательный день нет с нами преждевременно ушедшего из жизни уважаемого Александра Ивановича Казинцева, светлая ему память. Сколько бы он ещё мог сделать полезного для своего журнала, скольким молодым писателям и поэтам он открыл бы дорогу в Литературу своими мудрыми наставлениями... Эх... Что тут сказать... Невосполнимая утрата как для журнала, так и для русской литературы...

Но давайте всё же смотреть в будущее с оптимизмом. **Я надеюсь, что “Наш современник” будет выходить в свет ещё не одно десятилетие**, что и молодые представители, и признанные мастера русской литературы будут по-прежнему печататься на его страницах, опираясь на патриотическую платформу, внося свой вклад в наследие своего Отечества!

“Да не оскудеет Земля Российская талантами!” Вот на этой жизнеутверждающей ноте мне и хотелось бы закончить своё письмо. До свиданья, всего вам наилучшего!

С уважением **Афанасьев А. Г.**
г. Калуга

* * *

Уважаемая редакция, с необыкновенным удовольствием прочитал в первых двух номерах за 2021 год замечательные воспоминания хирурга А. Ю. Убогого. Покорила искренность повествования, где безо всякой рисовки излагаются будни профессии оперирующего хирурга. При этом с любовью отдано должное не только наставникам автора, но и его помощникам в лице медсестёр и нянечек, как он называет обыкновенных санитарок. Должное отдаётся даже сопровождающим врача неодушевлённым предметам, включая инструментарий, каталку, докторские сандалии и др. Спасибо вам, друзья, и, конечно, низкий поклон Андрею Юрьевичу за его по-настоящему философский труд.

Ваш верный подписчик
Новиков Вячеслав Васильевич

Здравствуйте, уважаемый Станислав Юрьевич!

Пишет Вам один из авторов вашего журнала. Недавно я стал свидетелем некоторых неприятных высказываний, прозвучавших на творческой встрече с хорошо известной Вам Гузель Яхиной, на которые не смог не отреагировать. Написанное решил отправить Вам, в рубрику “Письмо читателя”, ведь помимо того, что я пишу в ваш журнал, я ещё активно его и читаю. К сожалению, моё письмо не будет откликом на напечатанные в вашем журнале материалы, но, надеюсь, оно подойдёт. Просто считаю, что такое оставлять без скорого ответа нельзя, а “Наш современник” – один из немногих журналов, который публикует письма своих читателей.

С уважением **Сергей Петунин**

DANKE, MEINE LIEBE, ИЛИ КАК ГУЗЕЛЬ ЯХИНА РАСКРЫЛА НАМ ГЛАЗА...

Был неприятно удивлён суждениями Гузели Яхиной на встрече, посвящённой акции “Тотальный диктант-2021”. Встреча происходила в Новосибирске, в Областной научной библиотеке, куда российская писательница прилетела проверять народ на грамотность. Рассказывая о своей новой книге “Эшелон на Самарканд” (2021), сдержанно-доброжелательная писательница, как всегда, с невинной улыбкой рассказывала об ужасах репрессий, коллективизации и нелюбви отца народов к своему этому самому народу. К таким вещам я, к сожалению, уже привык. Сейчас, куда ни пойдёшь, речь только об одном – о том, какой ужасный был Сталин и созданный им режим. Идёшь в кинотеатр (например, на фильм-сказку господина Хржановского) – там Сталин, ГУЛаг, репрессии, садишься перед телевизором – а там Зулейха, Яхина, Сталин, репрессии, идёшь в библиотеку – там снова Яхина, Сталин, эшелон, репрессии. Повозмущавшись, перестаёшь обращать внимание – дел много и отвлекаться каждый раз на этот инфо-мусор себе дороже. Наверное, не обратил бы внимания и в этот раз, если бы не очередной “патриотичный” перл из уст писательницы, давно известной своими антироссийскими суждениями. Именно он и переполнил чашу моего терпения. А дело вот в чём: на встрече, посвящённой “Тотальному диктанту” и одновременно выходу книги “Эшелон на Самарканд”, госпожа Яхина с увлечением рассказывала о Германии – эту страну писательница любит, ценит и часто туда ездит. В Германии у неё литературный агент. Рассказывая читателям библиотеки о подробностях работы над немецким переводом романа “Дети мои” (2018), писательница без тени смущения, озаряя зал чистой искренней улыбкой, рассказала о том, как её немецкий литературный агент посоветовал ей добавить “чёрных красок” в и так отрицательный образ вождя. Только вдумайтесь: гражданин страны, в недавнем прошлом запятнанной в таких делах, рядом с которыми меркнут все либеральные рассказы о советской эпохе, упрекает российского писателя в том, что он недостаточно очернил видного деятеля родной истории! Того самого, который смысл с лица Европы пятно фашистского позора, о чём поспешил забыть или, напротив, слишком хорошо помнил немецкий поборник справедливости.

С ним все понятно, его интересы ясны, но... Как поступила Гузель Яхина в ответ на это явно несправедливое предложение? Быть может, возмутилась? Как патриотка, кинулась защищать свою историю от бесцеремонного вторжения? Быть может, посоветовала немецкому другу обратиться к своей истории, в которой предостаточно несмываемых пятен, и марать всё чёрной краской там? Нет. Ничего подобного не случилось. С кроткой улыбкой Гузель Яхина привычно проглотила пилюлю позора за грехи нецивилизованной Рашки (нецивилизованного Совка):

– Я, мой благодетель. Я виновата, но постараюсь всё исправить.

Да простит мне читатель эту литературщину, но факт остаётся фактом – у современной “совести нации”, продолжательницы традиций Александра Исаевича, идеологическая сторона вопроса не вызвала возражений.

Кажется, ни читатели, ни ведущий встречи вообще не заметили подвоха и продолжали мирную беседу о “красотах” и достоинствах произведения. Однако мне как читателю было уже неважно, о каких вершинах человечности написала на этот раз Гузель Яхина – в отношении художественной ценности

её книг (как и творческой мотивации) стало всё предельно ясно. Из уст писателя, который ради меркантильной выгоды поддерживает идеологический разговор против своей страны, все призывы к человечности звучат фальшиво, лишь для отвода глаз.

“А что плохого? — спросит читатель. — Зло нужно изобличать. И почему это изобличающие тоталитаризм слова вдруг оказываются антироссийскими?”

Я отвечу так: все эти “ГУЛаги” (как выразился один из знакомых либералов) и муссирование репрессий не имеет никакого отношения ни к свободе, ни к справедливости. Одни это делают из меркантильной выгоды, а вторые — по глупости и наивности повторяют. Вдумайтесь: если бы госпожа Яхина была настоящим борцом за свободу граждан своей страны, она бы не пинала давно истлевший и безответный прах истории (который, увы, уже не может дать сдачи), но обратила бы внимание на недостатки современного государства, которых пруд пруди, в котором человек — свой, родной, гражданин — зачастую притесняется не меньше, чем во всеми охаянном СССР. И уж точно бы не стала идти на поводу у своих западных коллег и при упоминании имени отца народов скромно опускать глаза.

Единственная цель всех этих страшных (многократно преувеличенных) историй — скрыть ужасы настоящего, скрыть то неравенство, которое обеспечивает определённой прослойке (в круги которой уже влилась модная писательница) безбедную (если не сказать больше) жизнь, попытка скрыть собственные, ещё более страшные преступления.

Посудите сами: в истории любой страны отыщется предостаточно чёрных пятен, из которых каждый нормальный гражданин старается извлечь уроки. Но почему только нашу страну, только наш народ постоянно призывают к ответу или, как выразился один либеральный режиссёр, “к покаению”?

И кто же, спрашивается, призывает нас “покаяться” за грехи? Кто это, позвольте спросить, взял над нами такой менторский тон? На каком основании? Святая (и ещё недавно фашистская) Европа? Безгрешная Америка, на совести которой Ирак, Иран, Косово и совсем свежие события в Сирии? Или здесь память наших писателей-борцов, исключительная в области сталинских грехов, начинает давать осечку?

Почему же немецкие, итальянские писатели не трясут грязным бельём своей истории у всех на глазах? Книжки, конечно, пишут, осуждают, но не кричат истерично, не призывают себя и всех покаяться за имена соотечественников, заляпанных кровью людей с половины земного шара.

Думаете, они забыли? Ничего они не забыли, помнят! Просто дело тут не в памяти, а совсем в другом.

Сталинские репрессии в наше время выполняют роль разменной монеты. Одни их поминают потому, потому что боятся невыгодного для себя сравнения с прошлым, вторые, именуемые дельцами от литературы, пытаются это прошлое (их) выгодно монетизировать, а третьи (их западные коллеги) — никак не могут простить России то, что мы выстояли в борьбе с фашизмом и сокрушили режим, который поставил на колени боготворимых сегодня “фордов” и “мерседесов”.

Мы раздражаем их тем, что после всех испытаний выжили и остались народом. Мы болезненный ячмень у них на глазу, потому что наши победы и наша история обесценивают их идеалы и опыт. Делают их как бы не нужными.

Нам не за что и не перед кем каяться.

Ведь на самом деле чопорных немцев не заботят ни наши страдания, ни жертвы ГУЛага. Их заботит собственное прошлое, которое они пытаются забыть всеми силами, но память о стране, которая водрузила на берлинском здании красный флаг победы, не даёт им это сделать.

Самобичевание не сделает нас цивилизованней и лучше. От того, что мы прилюдно будем истязать плоть родной истории, нас не примут в европейскую семью, и наша жизнь не станет беззаботной и сытой.

На этот персональный европейский пряник и надеются Яхина и подобные ей функционеры. ГУЛга, репрессии, коллективизация для них — не предмет размышлений во время бессонных ночей и боли неумолкающей совести, а всего лишь выгодная статья доходов.

Их не заботит будущее и лицо нашей страны, потому что единственное, чего можно добиться мазохистским очернением родной истории, — ещё большего презрения к себе и своему народу.

Благодарим госпожу Яхину за то, что показала своё истинное лицо, долгое время скрытое за патриотической маской. Наверное, это единственное, на что она раскрыла нам глаза за свою писательскую карьеру.

Что касается “Эшелона на Самарканд” – говорить о достоинствах не приходится (да и не хочется). Как и всякому досужему художнику, Яхиной недоступны живые переливы людского характера – она может работать только на контрастах: мужественная женщина, женственный мужчина, горбун с прекрасным женским лицом и уродливым телом. Немой старик и словоохотливый мальчишка. Уже по этим деталям, даже не читая книгу, можно многое понять о “достоинствах” нового произведения.

Лично я никогда не пойду на встречи с этим писателем, не буду читать его книг и смотреть поставленных по его произведениям сериалов. Кроме того, я больше никогда не пойду на “Тотальный диктант”, который, привлекая к акции подобных писателей, компрометирует свой патриотичный и просветительский имидж.

Это же самое советую и другим.

* * *

Здравствуйтесь, уважаемый Станислав Юрьевич!

Не могу Вам не написать. Случайно взяв в библиотеке города Ваш журнал “Наш современник” за 2020 г., с огромным интересом прочитала Вашу публикацию “К предательству таинственная страсть”. И сказала себе: “Ба... оказывается, есть люди, понимающие всё происходящее так глубоко, смело, дерзко...”. В течение месяца прочитала все публикации этой заметки, начиная с октября 2019 г. по конец 2020 г. В 2021 г. наша библиотека, к сожалению, не выписала ваш журнал, хотя этот факт не удивителен, но выписала зато то, что не читают: “Подсобное хозяйство”, “Приусадебный участок” и т. д., и т. п.. Как будто не знают, что заниматься трудяге землёй сейчас для государства стало невыгодно. Ну, да Бог с ними. А за Вашу публикацию низкий Вам поклон. Испытала просто подъём внутренней энергии и счастья – как-то сразу в голове всё стало на свои места. Я очень тянусь к поэзии, хотя не большой её знаток, сердце тянется. Читаю, например, Марину Цветаеву... Я её в себя, а она не хочет... При том, что просто люблю Тютчева, Пушкина, Гумилёва безо всяких причин, просто сердце отзывается, и всё. А есть, оказывается, ещё Н. Рубцов без всяких претензий на оригинальность, пишущий просто и ясно... Спасибо Вам огромное, рада, что нашла единомышленников.

С уважением **Сивцева Галина Ивановна**,
58 лет, пенсионер.

* * *

Уважаемый Сергей Станиславович!

Читаю и перечитываю Ваши очерки под условным названием “Вадим Кожин”, и всякий раз это чтение оказывается пиршеством для ума. Живу в деревне, телевизор смотрю крайне редко, и когда в какой-то момент оказывается нечего почитать, я знаю, что у меня есть Ваши, как я их назвал, “Хроники быта позднего социализма”. И эти хроники можно читать и перечитывать, каждый раз находя там что-то новое или много нового.

Ощущаю даже, как растёт мой собственный интеллектуальный уровень, поскольку вот, перечитывая в последнем номере давний памфлет Михаила Лифшица, упиваюсь текстом, который прежде прочитал бы с трудом или бегом, без интереса.

На сегодняшний-то день как ложится. С рогатыми чудищами в детских и недетских передачах на телевидении, с мертвечиной в выставочных залах, с бесконечным смакованием скабрёзностей и уродств. А пуще того, с демонстративным унижением женщины, к которой при советской власти мужчину призывали относиться с благоговением.

И вот, перечитывая декабрьский номер, наткнулся на подчёркнутый мной абзац: ...”самый тяжёлый удар по русской деревне был нанесён во время так называемой “оттепели”. Если коллективизацию деревня сумела пережить, то новации хрущёвских временщиков и их последователей, методично и планомерно уродующих её облик, обезлюживающих её пространства, сводивших её саму с лица земли, пережить не сумела. И “Привычное дело” – это был первый пронзительный крик о том, что деревня держится из последних сил”...

Подчёркивал я этот абзац не зря в прошлый раз. Мне пришлось в те годы собственными глазами наблюдать свершавшееся. Если послевоенный председатель был среди людей, на току или в поле и к нему запросто можно было обратиться с любой просьбой, то “хрущёвский” председатель укрупнённых колхозов оказался в кабинете, и в последние годы можно было просидеть не один час в приёмной, чтобы дождаться разговора.

Те старые председатели ещё по-человечески входили в нужды своих колхозников, сглаживали абсурдизм райкомовских баскаков, осуществлявших набеги на деревни (Белов это хорошо описал). Председатели нового типа, вошедшие в “номенклатуру” райкомов, обкомов, связь с народом, а зачастую и со здравым смыслом, всё более и более утрачивали.

И всё-таки до последних лет советской власти деревня выводила на луга и в перелески личных коров, жители держали хрюшек, и горожанин-дачник мог легко насладиться свежими деревенскими продуктами, которые сегодня можно только в лживой рекламе увидеть.

Сегодня вы даже крика петуха на рассвете не услышите. Новыми налогами, а также санитарными требованиями нас всех привязали к магазину с ген-модифицированными продуктами, привозимыми из-за тридцати земель.

Кроме того, деревня была обителью мастеров, владевших и топором, и долотом, и ещё длинным перечнем инструментов, без которых в деревне не прожить. Кстати, это мастерство русского мужика внесло немалый вклад в нашу победу в Отечественной войне. А сейчас он где? Исчез и пахарь, и мастеровой. Исчез! У меня на достройке дома работали только узбеки и таджики. Наведалась, правда, один раз бригада чувашей.

А ещё не менее страшное: мы перестали петь. В моём детстве деревня собиралась по субботам на свободной лужайке попеть и поплясать. Ещё в конце 80-х мы пели и плясали дома по праздникам. Сейчас и это исчезло. Следом исчезла и композиторская музыка. В эстраде сейчас вместо музыки кривлянье и демонстрация нарядов или перепевки старого. Душа России исчезает!

Вернусь к строчке из приведённого выше абзаца... “Привычное дело” В. Белова – это был первый пронзительный крик о том, что деревня держится из последних сил”. Не знаю, сколько криков было ещё, но деревню мы не спасли. Соппротивление было крайне вялым.

Тогда, правда, счастливые советские дети ещё продолжали ходить в лучшую в мире школу, страна вырвалась в космос и была лидером мирового спорта. Было чем гордиться. Гордость переполняла грудь. Однако гниль, которой было заражено государство в конце 50-х, привела к тотальному обрушению его через тридцать лет, и без всякого крика, не только пронзительного.

Я помню, как в чеченскую войну некоторые доброхоты показывали, как наши пленные солдаты молча по-бараньи, без последнего броска на врага, без брани подставляли своё горло под нож. Это было предметом издевательств и насмешек со стороны глумливых разбойников и их почитателей.

Сегодня, когда уже одни ошмётки остались от былого величия и видно невооружённым глазом намерение врага вымести вон этот оставшийся, валяющийся под ногами мусор, чтобы овладеть тем, что валось когда-то Россией, народ молча и покорно переставляет слабеющие ноги навстречу своей гибели.

Издаст ли кто-то тот пронзительный крик, который заставил бы народ очнуться? Ответа нет.

С уважением Валерий Ремизов
Нижний Новгород
01.04.2021

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ВАДИМ КОЖИНОВ

Глава 15

Борьба продолжается (продолжение)

В 1967 году постановлением Президиума Ленинградского горсуда был реабилитирован Михаил Михайлович Бахтин (о чём ни он сам, ни Кожинов не знали ещё долгое время: Кожинов ещё годы, прошедшие после смерти Бахтина, был убеждён в том, что никакой реабилитации так и не состоялось). В этом же году началось массовое переиздание книги “Проблемы поэтики Достоевского” в Югославии, Италии, Японии. Через год “Творчество Франсуа Рабле” выходит в английском переводе в США.

По следам опубликованной в “Вопросах литературы” двумя годами ранее статьи “Слово в романе” (предоставленной Кожиновым), явившей настоящее открытие романного слова, в парижском журнале “Critique” появляется статья Юлии Кристевой “Бахтин, слово, диалог и роман”, где автор написала, что “обладая вдохновенной, а временами и просто пророческой манерой письма, Бахтин ставит коренные... проблемы”. Правда, при этом Кристева почему-то попыталась увязать Бахтина... со структурализмом. Кажется, прочтя именно эту статью, директор ИМЛИ Борис Сучков, ранее и слышать не хотевший о Бахтине, тут же “признал” его, затвердив парадоксальное словосочетание “структурализм бахтиньен”, чем очень веселил Кожинова. О подобном “прочтении” Бахтина Вадим Валерианович напишет позднее: “... Многие западные авторы сводят “бахтинизм” к новой интеллектуальной “игре”, заменившей игру в структурализм и т. п. Но это утверждение или даже “обвинение” вовсе не означает, что на Западе вообще не понимают существа философии Бахтина. Речь идёт о модной волне, захватившей многих, но в основе её всё же если и не полное понимание, то хотя бы острое чувство глубины бахтинского “откровения”...”

7 августа 1968 года Кожинов пишет Бахтиным в Саранск:

“Дорогие Елена Александровна и Михаил Михайлович!

Давно не писал Вам, ибо последние полтора-два месяца прошли в почти историческом состоянии квартирного обмена. Страшная женщина, о которой я Вам, конечно, рассказывал, довела меня до раскольниковского состояния. Но, слава Богу, всё позади. Теперь можно спокойно жить до смерти.

Вы, очевидно, уже слышали обо всём от моего старого друга Володи Королёва. Позавчера квартира стала, наконец, целиком нашей.

Продолжение. Начало в №1-7,9 за 2019 год, 1-5,7-12 за 2020 год, 1-3 за 2021 год.

Не знаю даже, о чём ещё написать. Очень хотелось бы приехать, но удобно ли это сейчас, когда Елена Александровна ещё нездорова? Напишите хотя бы пару строк.

Мой новый адрес: Москва, Г-19, ул. Мясковского (это бывший Большой Афанасьевский пер. на Арбате), д. 35/37, кв. 14. Тел. 2916728.

Буду с нетерпением ждать.

Как статья “Гоголь и Рабле”, о которой меня всё время спрашивают в “Вопросах литературы”?

Приезжала из Англии Байкова-Ариян, которая была в последние годы другом семьи Николая Михайловича, привезла несколько его тетрадей со стихами и записями философского характера.

Она говорила о нём с редким восхищением и любовью. Обещала привезти его дневники и письма.

Саша растёт. Лена наслаждается материнством, старшая моя дочь окончила первый курс Мединститута (ф-т биохимии). Мы с Бочаровым живём в Переделкине, но я, в основном, в Москве, занимаюсь ремонтом квартиры. Вот и всё.

Напишите.

Безгранично Ваш В. ”.

“Страшная женщина”, о которой идёт речь — это последняя жена Владимира Владимировича Ермилова, превратившая жизнь кожиновской семьи, с которой Кожинины вынуждены были делить общую площадь, в сущий ад. До осени 1966 года Вадим Валерианович, Елена Владимировна и Сашенька жили в Лаврушинском переулке в ермиловской квартире. В октябре месяце того года перебрались, как выразился Вадим Валерианович, в “маленькую квартиру родителей вдовы Ермилова” на Мосфильмовской улице. И, наконец, обрели своё постоянное жильё на улице Мясковского.

О “старом друге Володе Королёве”, с которым Кожинин познакомился ещё в самом конце 1950-х, вспоминал Сергей Бочаров:

“Познакомился Вадим с Королёвым так. У Кожинина вышла статья в “Вопросах литературы” (очевидно, имеется в виду статья “Роман — эпос нового времени”, опубликованная в 1957-м. — С. К.)... На статью Вадима совершенно не известный грузчик из ленинградского порта Владимир Королёв написал письмо. Вадим ему тут же ответил, и завязалась переписка. Потом Королёв пригласил его к себе домой. Вадим с Еленой поехали к нему в Ленинград. Потом Королёв приехал к Вадиму в Лаврушинский, и Вадим познакомил меня с ним. Мы подружились. В декабре 60-го года я и Вадим с жёнами гостили у Королёва в Ленинграде. Между прочим, этот Королёв организовал у себя в порту забастовку (её причиной была задержка зарплаты на один день). Через несколько дней зарплату прислали, но Королёва выгнали из порта. Потом Королёв с Кожининым разошёлся, а я продолжал с ним дружить...”

Статья “Искусство слова и народная смеховая культура (Рабле и Гоголь)”, которую ждали в “Вопросах литературы”, так и не была там напечатана. Она дождалась своей публикации лишь в 1973 году в одном из ежегодных сборников научных трудов “Контекст”, издаваемых Институтом мировой литературы.

Что касается родного брата Михаила Бахтина — Николая Михайловича, жившего уже много лет в эмиграции в Англии, — то сам Михаил Михайлович особо не жаждал никакого возобновления связи с ним, называя его “коммунистом” и вообще как-то исподволь отстраняясь от всякой информации о нём, приносимой Вадимом Валериановичем. Сама по себе ситуация заставляла о многом задуматься: отбывший в эмиграцию один брат, ставший “коммунистом”, — и не пожелавший покинуть Родину другой, для которого слово “коммунизм” ассоциировалось с самыми чёрными страницами его биографии.

При всём том, как позднее проследит эту “линию жизни” Бахтина Кожинин, сделал непреложные выводы, — труды Михаила Михайловича вполне могли быть опубликованы ещё перед войной, и столь длительная задержка их обнаружения объяснялась, с одной стороны, совершенно “непробивным” характером их автора, с другой — отсутствием поддержки влиятельных людей в нужное время. И, конечно, немаловажную роль в этой задержке сыграла война.

В это же самое время состоялась встреча Владимира Турбина с Юрием Андроповым, которую организовала дочь нового председателя Комитета государственной безопасности. Первая волна мировой славы Бахтина не могла не

произвести впечатление: уговоры Турбина подействовали, и через год супруги Бахтины были определены в Кунцевскую кремлёвскую больницу на лечение. В Саранск они больше не вернутся.

Кстати, Кожин, узнав, что Бахтин в очередной раз отказался от звания профессора, которое ему настойчиво предлагали в Саранском пединституте (при отсутствии докторской степени!), выразил своё недоумение этим отказом. И получил новый урок: “Я – философ, а философ должен быть никем, – внушительно произнёс Михаил Михайлович, закуривая очередную папиросу, – ибо иначе он может начать приспособлять философию к своему социальному положению”.

“Идея – это живое событие, разыгрывающееся в точке встречи двух или нескольких сознаний”, – запомнил благоговейно внимавший Кожин слова Бахтина, который в ответ на благожелательное восхищение начавшейся мировой славой с иронической улыбкой заметил: “Вы выпустили джинна из бутылки”, – прекрасно отдавая себе отчёт в обилии возможностей превратного и извращённого толкования его идей.

Кожин вспоминал, что, услышав вопрос о соотношении христианских конфессий, Бахтин без колебаний ответил, что человек, причастный России, может исповедовать именно и только Православие (что осталось в русском философе совершенно не понятным даже его старой подружкой ещё с Невельских времён, знаменитой пианисткой и истово православной женщиной Марией Юдиной, которая заявляла, что книгу “Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса” православный человек не должен хранить у себя в доме, как будто не вбирая в сознание, что в этой книге запечатлён мир Католической церкви). В этой связи крайне интересна ещё одна сцена из обрывочных воспоминаний Вадима Валериановича:

“Уже к концу 1960-х годов я навестил Бахтина в подмосковном писательском санатории “Малеевка”, где он отдыхал и лечился. Неожиданно пришёл новый паломник – публицист Юрий Карякин – и задал вопрос об отношении к Бердяеву, которого он тогда начал читать. Бахтин сказал, что это его наиболее полярный противник, поскольку, как он выразился, с бердяевской точки зрения Бог нуждается в человеке, а он, Бахтин, всё же полагает, что, напротив, человек нуждается в Боге...”

Затем, впрочем, дело обернулось совсем по-иному. Ю. Карякин, обрадовавшись суждению Бахтина, стал весьма резко критиковать Бердяева с ортодоксально марксистских позиций. И тогда Бахтин, вообще-то очень сдержанный и совсем не склонный к жёстким спорам человек, с незнакомой мне до того решительностью возразил, что, если проблема ставится так, как делает Карякин, он предпочитает “остаться с Бердяевым” (которого он, кстати, в своё время знал лично)...”

Бердяев стал своего рода “модным чтением” в интеллектуальных кругах, и многие попадали под “бердяевский соблазн” (в частности, это напрямую касалось членов “Всероссийского социал-христианского союза освобождения народов”), а иные оттачивали на Бердяеве марксистско-ленинский “инструментарий”, как тот же Карякин или Юрий Трифонов, герой повести которого “Предварительные итоги”, вскоре опубликованной в “Новом мире”, вещал о дурно пахнущем увлечении “белибердяевщиной”.

И таких ведь было немало... И Кожин слишком хорошо знал цену всем этим выпадам, притом, что сам, изучая полемику Бердяева и Розанова, целиком был на стороне последнего.

* * *

Ещё до “новгородского съезда” в Центральном совете Всероссийского общества охраны памятников (которое насчитывало уже 2 миллиона членов по всей стране) по инициативе газеты “Советская культура” состоялся “круглый стол”, посвящённый проблемам сохранения культурного наследия. И каждый за этим столом делился самым наболевшим.

Доктор исторических наук Н. Воронин:

– На днях я получил сведения, что в маленьком древнем городке Юрьево-Польском, знаменитом своей земляной крепостью 1152 года и резным белокаменным храмом XIII века, “привязывают” к древним валам два высотных

здания. Неужели они нужны в Юрьеве и почему ими нужно обязательно изуродовать древний центр города? Во Владимире, являющемся центром “Владими́ро-Сузда́льского историко-архитектурного музея-заповедника”, готовится решение о сносе остатков аркады торговых рядов – примечательного памятника города конца XVIII века.

Академик Борис Рыбаков:

– О воздухе мы вспоминаем, когда нам его не хватает, о памятниках мы начинаем говорить, когда им грозит какое-то бедствие. Подлинным бедствием для памятников истории, архитектуры и археологии является позиция некоторых хозяйственников, которые ради чисто экономической выгоды разрушают старое, поднимают руку на священное для нас. Памятник может быть и тысячелетним, и связанным с недавними событиями, например, с годами Великой Отечественной войны. Ледовое побоище и битва под Сталинградом священны для нас.

Пытаясь понять, почему же руководители хозяйственных предприятий безоглядно поднимают руку на памятники истории и культуры, приходишь к выводу, что в этом повинны мы, историки. В своё время мы не сумели воспитать молодое поколение в духе уважения к памятникам.

Писатель Валентин Иванов:

– Если говорить о воспитании, о преподавании истории, нельзя не вспомнить о серьёзных промахах в этом деле. Уже несколько поколений советских школьников воспитано по формуле: старую Россию всегда били за невежество и отсталость (свидетельствую: воистину так! Нас, школьников 60-х, обучали на уроках истории в это время именно в данном ключе – в ключе выступления Сталина на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности в 1931 году. Сталин давно умер и развенчан, лишён звания “корифея всех наук”, но дело его живо! И хватает же совести иным нынешним псевдоучёным приписывать всем поголовно тогдашним членам Общества охраны памятников истории и культуры “сталинизм”! – **С. К.**)

А если, к примеру, проанализировать войну 1812 года с технической точки зрения, то нетрудно убедиться, что вооружение русской армии, изготовленное в России, ни в чём не уступало вооружению армии Наполеона, изготовленному во Франции. Но во всех учебниках истории берётся в расчёт только лишь героика побед и забывается то немаловажное обстоятельство, что технический уровень русской промышленности был ничуть не ниже уровня передовой по тем временам промышленности наполеоновской Франции.

Святослав Котенко:

– Куликово поле... Место, священное для нас. На краю поля расположился скотный двор. Почему его там построили? Я разговариваю с директором местного совхоза. Это молодой специалист, эрудированный человек. Хозяйство старается вести по-передовому. Всё, кажется, на месте... А вот что Куликово поле и скотный двор не могут быть соседями – не понимает, более того, даже откровенно недоумевает: а что ж в этом особенного, ведь рядом с таким большим зелёным полем скотный двор – выгодно...

Как не вспомнить в связи с этим такой случай. Недавно в древнем и славном русском городе Коломне проходила интереснейшая по замыслу тематическая выставка детского рисунка “Памятники истории и культуры”. О выставке было объявлено по радио и в газетке, висели афиши, специально сообщили школам. И что же?... На открытие пришло всего девять человек. В городе со стотысячным населением не нашлось ни одного учителя, который бы сам пришёл и привёл с собой на выставку ребят...

Археолог, член-корреспондент АН СССР Валентин Янин:

– Мы должны сохранять памятники не только потому, что они что-то напоминают, они содержат высокий потенциал для расширения наших знаний. Я считаю, что в этом отношении труд историка, археолога, искусствоведа не менее замечателен, несёт не меньшее чудо, чем труд физика или человека, который участвует в коллективе, посылающем ракеты в другие миры.

И, наконец, настала очередь Кожина:

– Я говорю об “отчем доме” в самом прямом смысле этого слова. Произведения искусства дают человеку неизмеримо меньше, ибо находятся вне его. Это объект созерцания. Архитектура же – единственное искусство, в котором человек живёт.

Возьмите любой старый московский переулок. Каждый дом имеет своё лицо, каждый дом, как человек, отличается друг от друга. Пусть он даже в архитектурном отношении более чем скромен. Мы не задумываемся над тем, что если убрать эти старые “живые” дома и заставить человека жить среди гладких стен и асфальтовых тротуаров, то человека не станет. Строя новые здания, нам следует бережно заботиться о сохранении тех, в которых “выражен человек, его история”, потому что переоценить эту ценность невозможно.

Материалы “круглого стола” были напечатаны в “Советской культуре”, и одним из авторов статьи была Тамара Александровна Князева, ставшая нежной подругой Вадима Валериановича.

В это же время Кожин впервые с конца 1950-х обратился к теме кинематографа. Он опубликовал в “Московском комсомольце” статью “Массовое” и “немассовое” кино”, в которой пошёл поперёк насаждавшейся повсеместно мысли, что есть кино “для масс” и есть кино “для немногих”.

Сама природа киноискусства, утверждал Кожин, противоречит изготовлению фильмов “для немногих”. “Когда человек смотрит фильм в одиночку (по тому же телевидению), он скорее знакомится с ним или анализирует его, но не воспринимает до конца, не живёт им, ибо жить им можно только “совместно” со многими людьми... Любый кинофильм, безусловно, адресован всему населению страны. В силу самого характера бытия кино в нарушении данного “правила” предстаёт как отступление от коренных законов этого искусства. Если кинофильм не может быть пережит всеми совместно, он становится каким-то отщепенцем”.

Зрелищность кинофильма, настаивал Кожин, неотделима от динамичности происходящего на экране, простоты в развёртывании действия (которая, разумеется, не тождественна упрощённости смысла), праздничности атмосферы, которая “выражается в интенсивной, открытой жизни (так всякая подлинная трагедия – празднична)... В этом контексте естественным было сопоставление современного кинематографа и античной трагедии, также обращённой ко всем.

“Думается, – писал Кожин, – что все те фильмы, которые заслуживают титула киноклассики, в полной мере обладают этими свойствами. Это относится не только к эпопеям Довженко или трагедиям Бергмана, но и к гротескной лирике “Атланты” Виго, к лучшим кинороманам Рене Клера и итальянских неореалистов...”

Здесь внимательные читатели могли узреть посыл, прямо направленный против Виктора Некрасова, незадолго до того опубликовавшего в “Искусстве кино” статью, сопоставляющую “Землю” Довженко и “Иваново детство” Тарковского, утверждая явные преимущества последнего фильма.

“В то же время столь прославленные многими “профессионалами” ленты, подобные “Гневному оку”, “Прошлым летом в Мариенбаде” или даже (ох, не поздоровится мне!) “Виридиане”, – продолжал Кожин, – фильмы, которые, разумеется, по-своему значительны, интересны и ценны (хотя бы с экспериментальной точки зрения), едва ли всецело принадлежат к искусству кино в подлинном значении этого слова...”

Я утверждаю, что произведения киноискусства, не имеющие настоящего “массового”, общенационального успеха, являются несостоявшимися. И пусть не говорят в этом случае о неподготовленности зрителей... Нелегко поверить, что нынешние зрители вообще стоят значительно ниже по развитию, чем всё население древних Афин, вполне понимавшее театр Эсхила и Аристофана. Я знаю, как переживаются в наших кинотеатрах “Пепел и алмаз”, “Ночи Кабирии”, “Живёт такой парень...”

И потому я полагаю, что многие высоко оценённые критикой фильмы – в том числе такие, как “Иваново детство” и “Мне двадцать лет...” (изменённое название фильма Марлена Хуциева “Застава Ильича”. – С. К.) – в той или иной степени не состоялись как произведения киноискусства...”

В справедливости слов Кожина мне самому пришлось убеждаться не единожды. “Мне двадцать лет” я досмотрел в кинотеатре с большим трудом, временами преодолевая состояние чудовищной скуки. Буквально заставил себя досмотреть до конца прославленного “Андрея Рублёва” Тарковского, не сдерживая своего недоумения на последних кадрах, когда в цвете стали демонстрироваться древнерусские иконы: “Какое отношение имеет это чудо

к современному неврастенику под именем Рублёва, два с лишним часа вынимавшего душу на экране?!” (И уже много позже с чувством радости от совпадения прочитал у Кожина: “... В непомерно превозносимом множестве критиков кинофильме А. Тарковского “Андрей Рублёв” (по моему убеждению, посредственном и, в частности, невыносимо скучном) творчество гениального иконописца никак не соотносено с русской жизнью его времени — даже напротив”)... На моих глазах зрители уходили из зала с “Репетиции оркестра” Феллини (притом, что когда в “Иллюзионе” демонстрировались его “Ночи Кабирии” или “Дорога”, переполненный зал боялся вздохнуть). Также зал пустел наполовину (если не больше), когда на какой-нибудь из московских окраин демонстрировался фильм Тарковского “Зеркало”. Кожин однажды пошёл на просмотр этого фильма и вышел из кинотеатра в состоянии полного неприятия того, что видел и слышал. Особенно его привели в раздражение стихи Арсения Тарковского, служившие звуковым фоном к фильму... Но это уже события последующих лет...

В описываемое же время Кожин вдохновенно работал, писал статью за статьёй (кроме теоретических работ в отделе теории ИМЛИ), постоянно выступал на заседаниях “Русского клуба”.

Выступления многих его участников отличались нешуточной остротой. Святослав Котенко, заведующий отделом критики “Молодой гвардии”, регулярно анализировавший в журнале передачи Центрального телевидения, буквально уничтожал расхваленный во всех газетах и журналах кинофильм Евгения Габриловича и Юлия Райзмана “Коммунист”, где главную роль вдохновенно играл Евгений Урбанский: “В этой картине коммунист реквизирует жену у русского крестьянина!” А по логике авторов (полностью поддерживаемой зрительным залом) только так и следовало поступать с “кулаком” и “накопителем”... Марк Любомудров свой доклад о русском театре начинал со слов: “Русского театра больше нет. Его убили”. А потом рассказывал историю русской сцены, начиная с Фёдора Волкова, приводя такие примеры, что становилось ясно: после Станиславского и Немировича-Данченко, отстоявших Московский художественный театр от всех напастей (и, в частности, от атак Мейерхольда, призывавшего после революции “повесить замок” на двери всех театров), русская режиссура практически сошла на “нет”, и ни расхваленные, ни разруганные “Современник” и “Таганка” (самые популярные тогда в Москве театры), ни “Ленком” или Театр на Малой Бронной не имеют к русской режиссёрской традиции никакого отношения.

Кожин же считал, что малоизвестные или практически забытые (а также периодически извлекаемые) страницы истории отечественной культуры XIX века имеют не меньшее значение для современности. Он читал лекции по творческому наследию славянофилов.

“Вадим Кожин, — вспоминал Дмитрий Анатольевич Жуков, — привлекал на вечера своих подопечных поэтов, делал доклады... настаивал на создании специальной молодёжной комиссии”.

И тот же Жуков описывал свои дружеские посиделки с Кожинным в это же время в обществе весьма интересных исторических персонажей.

“...Кожин в ту пору был весел, остроумен, тороват на новые творческие идеи и не чурался зелёного змия. Самое большое удовольствие мы получали, когда он, подыгрывая себе на гитаре, начинал петь русские романсы. Знал он их феноменально много и, бывало, сперва скажет, чьи слова, музыка, в каком году впервые исполнялось, а потом запоёт голосом несильным, но выразительным. Заслушаешься!”

Помнится, были мы с ним на даче в Переделкине у одной пожилой дамы, Галины Серебряковой, писавшей увесистые романы из жизни Маркса и Энгельса. В своё время она сидела в лагере по каким-то идеологическим причинам, а вернулась, как и многие, в Москву по воле Хрущёва. Её муж был почитателем песнопений Вадима под водку. В тот раз, прикончив бутылку, Вадим замолк, отложил гитару и сказал, что продолжит только в том случае, если молодой супруг Серебряковой сбегает в магазин ещё за одной, что тот дисциплинированно исполнил”.

Не знаю, о каком “молодом супруге” идёт речь. Дочь Галины Серебряковой вспоминала, что последние годы её мать провела в одиночестве. Возможно, речь идёт о каком-либо из молодых поклонников, по случаю оказавшемся тогда на переделкинской даче.

Кожин и Серебрякова были соседями по Переделкину, и Вадим Валерианович не упускал случая зайти к известной писательнице и не менее известной “зечке”, отсидевшей два срока. И если к её книгам о Марксе и Энгельсе он отнёсся весьма равнодушно, то достаточно высоко оценил два мемуарных сборника — “О других и о себе” и “Странствия по минувшим годам”, тем более что она рассказывала ему ещё о многом, что не вошло в печатный текст. С большим интересом слушал её тюремно-лагерную “эпопею”, лёгшую в основу книги “Смерч”, которая без ведома автора была опубликована в охваченной волнениями Польше, после чего Серебряковой пришлось выступить с протестом против этой публикации. Общение проходило не без взаимных трений: Серебрякова благоговела перед Лениным и ненавидела Сталина, а Кожин к этому времени начал обретать более спокойный и устойчивый взгляд на отечественную историю и её творцов. Но ни о какой “объективности” ни Галина Иосифовна, ни её дочь слышать не хотели. Вадим Валерианович даже нарвался на реплику Серебряковой-младшей:

— Вы обеляете Сталина, а моя мама сидела при нём!

Не было смысла ничего здесь уточнять, но дочь писательницы в эту минуту лишилась хладнокровия. Конечно, Кожин никого не думал “обелять”. Кроме того, он знал немалосущественные подробности “сидения” своей собеседницы. Позднее он рассказывал, что авторша книг о Марксе и Энгельсе была одной из приближённых начальника лагеря и исполняла роль надсмотрщицы — ездила на белом коне и била кнутом заключённых.

* * *

А идеологическая борьба тем временем накалялась с каждым днём.

При всём том, что можно было ожидать во внутренней жизни государства всё большего ужесточения в идеологии, “Молодая гвардия” продолжала гнуть свою линию. В 9 номере за 1968 год появилась статья Виктора Чалмаева “Неизбежность” с эпиграфом из Некрасова “Ну, трогай, Саврасушка, трогай! Натягивай крепче гужи!”, тезисы которой он “обкатывал” на заседаниях “Русского клуба”. Вот эта статья как раз и явилась впрямую не обозначенным ответом “Заклинанию духов” Владимира Воронова и его обвинениям в “русопетстве”.

“И во времена Пушкина и Гёте истинная поэзия была окружена превосходящим её численно потоком заурядной, “неизящной” словесности. Но газетно-журнальный бум XX века с его коммерческим или утилитарно-практическим, стяжательским отношением к печатному слову внезапно сделал эту “пропорцию” катастрофической. Словно вышла из берегов какая-то мутная река, хлынули слова “с подолом уличным”, и последние рассказы Чехова, статьи и рассказы Толстого, стихи Блока стали сущими островками незагрязнённого, одухотворённого Слова.

Не газеты сами по себе пугали художников, а торжество газетчины, поверхностного вкуса, биржевой гул, звучащий отчётливо со страниц буржуазных газет. Люди отучались слышать голоса народной жизни. Чаще всего это мозаичное зеркало “информации”, это удешевлённое, “демократичное” якобы, общедоступное слово именно скрывало очертания жизни, подлинной культуры...”

Далее следовала цитата из неназванного Василия Розанова, из его “Сумерек просвещения”: “Море слов, передвигаемых с места на место, для всякого готовых, всякому доступных, поглощает всякий живой факт... как пыль на краю... леса поднялся на окраине двухтысячелетней европейской культуры лёгкий рой бумажных листков, который закрыл его...”

Это было лишь вступлением к статье, вступлением, впрочем, достаточно резким, учитывая то умилённое (если не коленопреклонённое) отношение к Серебряному веку, которое широко распространялось в писательских (и не только) кругах. Но дальше от “газетчины” начала века шёл прямой переход к современности.

“Варварство в целлофановой обёртке, в “модерной” суперобложке, рекламируемое нередко и “голубым экраном”, и магнитофонной лентой... Вот что засыпает истинные ценности песком забвения более основательно, чем песок пустыни, скрывший (но и сохранивший для нас!) бессмертный портрет Нефертити...”

И какой диктат у этого варварства! Оно превращает незрелых людей в истинных роботов, заполняет их сознание своей “идеологией” механически, и такой робот, как нечто сокровенное, “выстраданное”, повторяет заданную программу...

Затем следовал раздел, озаглавленный “История при свете совести”, что уже повергало многих в состояние лёгкого шока, ибо давным-давно отечественную историю при этом свете разглядывать было не принято.

Герои этого раздела – хорват Юрий Крижанич, которого “одним из множества ветров, обдувающих Россию к Востока и Запада”, занесло сначала в Москву, потом в Тобольск и который “обнаружил одну беду, которой страдает эта могучая земля. “Чужебесие” – бешеное пристрастие ко всему чужеземному, как толкует это слово сам автор”; Всеволод Никанорович Иванов, в своё время руководитель колчаковской “Нашей газеты”, бывший эмигрант, вернувшийся на Родину в 1945-м из Харбина (и, кстати, репрессиям не подвергшийся), автор романа “Чёрные люди”; многолетний сиделец Алексей Черкасов, автор романа “Хмель”; Дмитрий Балашов, только-только выступивший в “Молодой гвардии” со своим первым историческим романом.

“... А кто знает, какие сложные думы жили в сердцах и удалых головушках тех казаков – беглецов, “утеклецов”, что шли вместе с Ермаком, Хабаровым, Дежнёвым через дёбри сибирской тайги, чтобы Россия, неласковая к ним, каторгой грозящая, вдохнула полной грудью родственной её душе простор Великого океана? А кельи пустынножителей-патриотов вроде Сергия Радонежского, вдохновившего Дмитрия Донского на решительный бой, вроде патриота-патриарха Гермогена, в Смутное время рассылавшего в разные концы земли письма-мольбы о единстве? Нет, не пустынна наша священная история, пожалуй, только не “обжита” по-настоящему”.

Истово, в сказовом ритме “обживал” её Чалмаев в своей статье, где оживаемо кстати поминался неистовый протопоп Аввакум (сначала со ссылкой на романы Вс. Иванова и А Черкасова, потом уже – на него самого), – совершенно не в тоне и духе “исторического материализма”.

“Не Запад сам по себе ужасал Аввакума, не косность патриархальщины влекла его, как и позднее Льва Толстого в бунте против буржуазной цивилизации, а превращение временных и явно несовершенных форм, идей в абсолют, идеал, в единственную площадочку для развития России. Да и крепостничество, и капитализм – это же щепка в океане, на которой не уместится тысячелетняя народная обновляющаяся Русь!”

... В это время на экраны страны выходил ещё один художественный кинофильм о “белой гвардии” – “Бег” по мотивам произведений Михаила Булгакова, снятый А. Аловым и В. Наумовым (в основе сценария лежала одноимённая пьеса). Одна из самых запоминающихся сцен фильма – монолог бывшего генерала Чарноты в потрясающем исполнении Михаила Ульянова под мостом среди парижских клошаров:

– Всё можно купить... Но только не Родину. Особенно такую, как моя... Россия не вмещается в шляпу, господа нищие! Не вмещается!

Эти слова по своему смыслу и напряжению родственны знаменитым словам таможенника Верещагина – “Я мзду не беру. Мне за державу обидно...” – из фильма “Белое солнце пустыни” (который на исходе “перестройки” будет охарактеризован, как “лихой отечественный вестерн с его наивным имперским шовинизмом”)... Это “не вмещается” имело прямое отношение как к капиталистической “шляпе”, так и к марксистско-ленинской. И явно перекликалось с только что вышедшей чалмаевской статьёй.

Волей-неволей вставал вопрос: а нынешняя стадия “развитого социализма” – тоже “щепка в океане”? Тут же, как молния разрезает тучи, разрезает стилизованный сказовый чалмаевский текст цитата из Аввакума: “Видели мы – выпросил у Бога светлую Россию сатана, чтобы обагрить её кровью мученической, а то и знаем, что из муки – наука. Учимся мы, страдая! Учимся!”

И далее, следующая часть статьи под заголовком “Потребности” толпы и идеалы народа” воссоздаёт во всём современном контексте ситуацию, в которой уже наши современники “учатся”, на своей “муке”.

“А вы что же думали – что при социализме люди будут стоять у корыта изобилия и хрюкать от удовольствия?” – цитирует Чалмаев Ленина, говорившего о социализме как о “величайшей мечте человечества”. И тут же рядом – цитата из Константина Леонтьева, который “возмущался... торжеством толпы

над народом”. Так есть у нас ныне социализм или нет? Или ныне – торжество толпы, припавшей к корыту? Чалмаев не даёт прямого ответа – да он и не нужен. Всем строем своего сочинения он говорит: не реализовалась эта мечта. А настоящую муку-мученическую претерпела русская деревня, находящаяся ныне на последнем издыхании.

“Споры о народности, патриотизме, о месте деревенской прозы в нашей критике, – подводил промежуточный итог Чалмаев, – это, безусловно, косвенное отражение всемирного процесса борьбы вокруг понятий “толпа”, “публика”, “народ”, вокруг проблемы разумного сочетания “потребностей” и “идеалов”. И не умея или не стремясь найти действительно верный ответ на эти вопросы, некоторые критики обращаются к испытанному “методу”.

Да что там вздыхать о деревне! О долге перед ней за прошлые годы! Выстроим крестьянам новые дома с шиферными крышами, с городской мебелью, с санузлами, модными сараями! Вот и весь долг за прошлые “перебои”! – так примерно рассуждают некоторые, протестуя во имя “прогресса” против “идеализации” мужика, против воспевания родников, истоков. Точно так же они рассуждают и об участии Байкала, русских лесов: “Да дайте нам похозяйничать ещё лет двадцать, мы вам новый Байкал выроем, лучше прежнего, где угодно – и весь долг!”...

И кажутся просто несмышлёными мистиками все, кто избегал “бухгалтерии”, логики коммерсанта во взаимоотношениях с народом, перенося весь вопрос в область сердца, нравственных терзаний: любя народ “странной любовью”... Деревенский люд, надо сознаться, принимает этот язык рубля, бухгалтерии: уж очень небрежно, неразумно в иные годы пожинали плоды его былого бескорыстия...

Эти “бухгалтера” то временами угрожают, ссылаясь на доводы науки, что деревни-то вообще не будет к 2000 году (далеко смотрели! И всё для этого делали... – С. К.), то вдруг начинают упрекать всех поклонников природы, рек, земли в отрыве от народа – вот, мол, вы вздыхаете обо всём этом, а народ рвётся к телевизору и санузелу, коньячку, модной песенке “туристского толка” и к “небрежной современной манере” в культуре (перепутать толпу с народом – это всегда был любимый приём “бухгалтеров. – С. К.)... И подумает иной певец “звезды полей”: и “онученосец” я, и “антинародный” идеалист к тому же...”

Но... “подлинная цивилизация невозможна без цивилизации души, без всемерного развития чувства родины, социалистического гуманизма, высоких духовных потребностей.

Каждый народ хочет быть не только сытым, но и вечным”.

Статья Чалмаева наравне со статьёй Лобанова “Просвещённое мещанство” стала программной для “Молодой гвардии” в конце 1960-х. К сожалению, временами критика, что называется, “несло”. И очень жаль, что рядом с ним тогда не оказалось внимательного редактора. Не появилось бы в тексте статьи не имеющее отношения к реальности утверждение о Константине Леонтьеве как о “друге Л. Н. Толстого”, да ещё и как о “Чаадаеве 60–80-х годов”. В крайне современном разговоре о забытом (расстрелянном в 1937 году) писателе Иване Макарове были бы правильно названы его произведения (“Миша Курбатов” вместо “Миши Курдова” и “Стальные рёбра” вместо “Стальные ребята”). Впрочем, Чалмаев и раньше не слишком внимательно вычитывал написанное: в статье “Великие искания” строчки из стихотворения Блока приписал Бунину, а Нила Сорского назвал “Нилом Саровским”.

Кожин, позвонивший Чалмаеву сразу по прочтении статьи, поздравил его с удачей и радостно удивился, как беспрепятственно прошла в тексте цитата из Леонтьева с обозначением фамилии автора; он не сдерживал своей горечи при виде этих очевидных “ляпов”, на которых потом вволю “оттанцуются” литературные “бухгалтеры”. Да мало ли кто каких фактических ошибок по незнанию или по “замыливанью глаза” не совершал в своих писаниях?! Не из-за них на статью “Неизбежность”, как и на “Просвещённое мещанство”, набросились, словно стая псов, спущенных с цепи, свора присяжных литературных критиков.

В течение всего последующего года Ю. Суровцев (“Придуманная неизбежность”), Ф. Чапчахов (“Защита истоков” или проповедь надклассовости?), В. Борщук (“В защиту историзма”), Г. Бровман (“Открытие нового или повторение пройденного”), Л. Крячко (“Соблазны “технизма” и духовность”),

И. Мотяшов (“Ответственность художника”), В. Ковский (“Об интеллектуализме, мещанстве и чувстве времени”), Н. Семинихин (“О “национальной гордости” и “православных святцах”) в “Литературной газете”, “Литературной России”, “Вопросах литературы” и даже в “Науке и религии” буквально воем выли над страницами “Молодой гвардии”.

“Странные, путаные суждения о творчестве Горького мы встречаем в статье В. Чалмаева “Великие искания”... С умилением пишет критик о “босьяках”, “золоторотцах”, всякого рода “философах” и “мудрецах” вроде Луки, Тихона Вялого и им подобных, которые якобы воплощали в себе лучшие черты народного характера... А ведь Горький утверждал в своих произведениях, как известно (кому?! – С. К.), революционные взгляды на жизнь, концепцию активного, борющегося человека, мечту о новой социалистической России...”

Суть была понятна: вы что, против новой, социалистической России?!

“Народ – великое понятие, и попытка уложить его в прокустово ложе какой бы то ни было схемы ведёт к искажению исторической правды. Так именно и случилось в статье В. Чалмаева... Успешно способствовать развитию народности литературы и искусства возможно лишь с помощью единственного верного оружия – научной марксистско-ленинской методологии”.

“Толковать о национальном чувстве как самостоятельным факторе, – писал В. И. Ленин, – значит только замазывать сущность дела”. Наш же критик постоянно, с экстазом, чуть ли не молитвенно твердит о “святынях национальной души”...”

На Ленина, значит, покусились?! Или решили его вообще проигнорировать?

“В. Чалмаев заходит в далёкую даль, когда слагает переворачивающие всё вверх дном гимны страданиям раскольников: они, мол, не хотели “ответчать на жестокость жестокостью, ибо это, как они понимали, вредило бы в итоге Отечеству...” Я бы не удивился, если бы В. Чалмаев такие фигуры преподнёс нам в ключе “сыновьего” непротивленства...”

Но разнести “по кочкам” мало. Нужен неумолимый обобщающий вывод, призывающий, как минимум, к административным мерам.

“Остаётся задать ещё один вопрос: насколько неизбежным было появление статьи, проповедующей асоциальные взгляды на русскую историю и на некоторые современные заботы нашей жизни в журнале “Молодая гвардия”? Или и впрямь работники журнала убеждены в том, что Никон и раскольники, всенощный колокольный звон и бессловесная лошадушка “Саврасушка” могут подлинно патриотическому коммунистическому воспитанию молодёжи?”

Этот “камушек” от Юрия Суровцева летел рикошетом и в заместителя Никонова Валерия Ганичева, незадолго до того опубликовавшего в “Молодой гвардии” статью “Наследники народной культуры”, где “органической частью ленинского плана строительства нового общества” объявлялось бережное отношение к наследию прошлого: “Комсомол, молодёжь недвусмысленно заявляют о своей позиции, когда берут на себя заботу о величайшем памятнике русской старины, диве-дивном на озере Неро, Ростове Великом, заботливо возрождая седой кремль, возвращая к жизни величественные храмы и громкозвучные колокола”. Другими словами, нынешние комсомольцы – это буквальные антагонисты комсомольцам 20-х годов, членам “Союза воинствующих безбожников”, разрушителям и участникам “штурма небес”. Противопоставление, не сформулированное явно, бросалось в глаза и приводило и Суровцева, и иже с ним в состояние яростного экстаза.

Как посмели?! Где классовый подход? А где учение Ленина о “двух культурах”? Что это за “идеализация патриархальной косности”? Что это за Христос, у Чалмаева “отряхивающий ризы” над русским полем? Это что, проповедь религии? Чалмаев что, против улучшения условий жизни колхозников? Он что, противится новым веяниям в политике партии? А Лобанов в самом деле полагает, что в нерушимо едином социалистическом обществе существуют некие “короеды”, его подтачивающие?! И вообще, не пахнет ли здесь национализмом, русским шовинизмом?

Но чем больше истерили литературно-критические “марксисты-ленинцы”, тем больше неуверенности ощущалось в их писаниях. Вроде бы весь лексикон брался из прессы столь любимых 1920-х годов, но ни прежней энергии, ни прежней ненависти не ощущалось. Точнее, ненависть была, но её накал как-то... приглож с тех пор, что ли?

Куда энергичнее выступали авторы “Октября”. Кочетов вообще не церемонился ни с “новомировцами”, ни с “молодогвардейцами”. Владимиру Максимова (очевидно, заподозрив того в сочувствии к последним) он так прямо и заявил:

— Со следующего номера ты член редколлегии, партия умеет ценить по-рив... Говорят, славянофильством увлекаешься? Выброси эту дурь из головы, это вас, легковерных, дуболом Никонов мутит, у самого идеологическая каша в башке и других с толку сбивает. Мы ему на днях накрутим хвоста, чтоб неповадно было, долго помнить будет... Ладно, иди...

“Крутить хвоста” Никонову Кочетов начал ещё год назад, когда “Октябрь” выступил со статьёй некоего В. Ханжина, направленной против статьи Лобанова “Внутренний и внешний человек” — сама мысль о прямом уничижительном сопоставлении героев повестей “Октября” и “Нового мира”, которое “позволил себе” Лобанов, была, конечно, нестерпимой.

Среди “сбитых с толку” Никоновым Кочетов числил и своего собственного автора Владислава Шошина, который в статье “Заре навстречу”, опубликованной, очевидно, по недосмотру главного редактора, положительно оценил и чалмаевскую, и лобановскую статьи (кстати сказать, свои стихи, по которым потом будут открыты “автоматные очереди”, он печатал в “Молодой гвардии”). Спыхватившись, Кочетов распорядился “палить” из всех “стволов”. В 12-м номере за 1968 год появилась статья штатного “октябрьского” критика Петра Строкова под разящим заголовком: “О народе—Саврасушке”, о “загадках” русского характера и исканиях “при свете совести”.

Это был достаточно известный боец за классовую чистоту на литературной ниве. Немногим ранее он в огромной статье “Земля и люди”, опубликованной в “Огоньке” Анатолия Софронова (которого наши либералы по сей день не устают причислять к “русской партии”), “отвечая” на письмо первого секретаря Верховского райкома КПСС Орловской области А. Блынского, недоумевающего, как это “многие литераторы, пишущие о деревне, почему-то основное внимание уделяют только изображению послевоенных трудностей, только теневых сторон жизни и быта советской деревни”, — буквально разносил “Две зимы и три лета” Фёдора Абрамова, “Из жизни Фёдора Кузькина” Бориса Можаева, “Пиво на дорогу” Юрия Галкина, “Кончину” Владимира Тендрякова, мимоходом отвешивая затрещину рассказу “В профиль и анфас” Василия Шукшина и “Привычному делу” Василия Белова. “По страницам иных рассказов и повестей ныне шествует некий лирический герой, ищущий путей приобщения к “вечным источникам” духовной красоты и мудрости. Но обретает их почему-то в облике разных “правдоискателей”, “страстотерпцев” и “великомучениц”, напоминающих небезызвестную солженицынскую Матрёну, на коей якобы держится и село, и город, и государство наше... Возникает вопрос: почему же лирическая литература о деревне далека от острых социальных проблем наших дней, почему она тяготеет к прошлому, к элегически-сентиментальным вздохам о старой деревне, к абстрактному, внеисторическому решению нравственных проблем?..”

Но то, как разрешал “острые социальные проблемы наших дней” Чалмаев, Строкова не устроило ещё больше: “История при свете совести” — так называется одна из центральных глав статьи “Неизбежность”... Но чья совесть призвана освещать: совесть большевика-ленинца или, скажем, какого-нибудь мятущегося интеллигентика, совесть которого мигает, как пламя свечи на сквозняке, и того гляди погаснет?... Образ покорного коняги принимает у В. Чалмаева обобщающее значение: “Саврасушка” — это русский народ, который-де не только в прошлом, но и в настоящем выступает не творцом истории, не хозяином своей судьбы, а великомучеником и страстотерпцем, призванным покорно влечь свой “воз” по исторической колее — и так до самого коммунизма... Что и говорить, безрадостная картина прогресса и движения нашего народа к осуществлению своих идеалов!.. Эта любовь к “родному и близкому” коняге — аж “до боли сердечной” — перенесена, конечно, “в область нравственных терзаний”... Мы с пониманием относимся к такой болезненно-странной любви, **но всё же предпочитаем, чтобы у нашей молодёжи воспитывалась не сострадательная, терзающая душу и сердце любовь к народу** (выделено мной. — С. К.), а любовь деятельная, вдохновляющая миллионы юношей и девушек на мужественную борьбу за счастье и процветание нашей великой Родины...”

Было, конечно, чрезвычайно забавно читать тогда (а сейчас это ещё забавнее!) рассуждения о том, что “идеологи русской партии” якобы “страдания русского народа, его нищету, его убогий быт, его рабство, его тяжкий труд на земле, чаще всего безвозмездный, они считали тем, без чего якобы невозможна русская духовность”. Я думаю, подобную карикатуру, наляпанную (здесь это самое точное слово!) пером Александра Ципко, постеснялся бы публиковать даже советский журнал “Крокодил”. Дальше – пуще. “С точки зрения идеологов “Русской партии”, как писал Виктор Чалмаев, “негласный нравственный кодекс” русского крестьянина состоит в том, чтобы всю жизнь быть привязанным к земле, к колхозному с трою, к тяжёлому труду, за который он мало что получает... Для них (“идеологов русской партии”. – С. К.) не может быть русскости без нищеты!” Тут, пожалуй, самое время ткнуть нашего философа носом хотя бы в это место чалмаевской статьи: “Сейчас нередко наблюдается своеобразный разрыв между социальным и национальным. ... Мы имеем целый поток стихотворных произведений, где без конца повторяется слово “Русь”, “Россия”, идут картины вневременного, внесоциального, какого-то идеализированного деревенского “оазиса”, царства фатальной тишины. В этом плане особенно поучителен последний сборник Цыбина “Ау”, в котором поэт нередко даже трухлявую стену избы ставит выше всего “городского”. Это поза, а не позиция защитника национальных устоев, объективно очень вредящая осознанию Советской Родины (Владимир Цыбин не забыл и не простили этой чалмаевской реплики, в чём мы ещё удостоверимся. – С. К.). Порой исключительными и единственными носителями всего национального становятся только такие герои, которые, подобно древним пустынножителям, уходят от всего общественного...” (мировоззрение этих “героев” будет потом приписано самому Чалмаеву. Передёргивать – так передёргивать).

Ещё забавнее – обвинение в “русском национализме” автора, привлекающего для своего социального анализа произведения Иона Друцэ, Михаса Стрельцова, Гранта Матевосяна, Юстинаса Марцинкявичюса, “автора прекрасной поэмы “Кровь и пепел”...

... Но было бы несправедливо делать вид, что весь этот гвалт остался без ответа.

В начале 1969 года в “Молодой гвардии” выступил Анатолий Ланщиков с полемическими заметками “Осторожно – концепция!” В них он точно и не без едкости охарактеризовал тогдашний стиль литературной полемики (пройдут какие-то 20 лет – и он покажется почти академическим!): “Поговорил, скажем, критик А. о том, что по каким-то причинам не устраивает критика Б., смотришь, последний “воздвигает” какую-нибудь фантастическую концепцию и, пользуясь первым же случаем, приписывает её своему литературному противнику. Затем критик Б. принимает патриотическую осанку и начинает громить критика А., и притом не столько как критика, сколько как человека. И тут уже сложилась своя модель. Сначала щедро выдаются “комплименты”, порой граничащие с прямыми оскорблениями. Второе условие – наличие в обвинениях “политических полунамёков”. В-третьих, критику А. подыскивается “реакционный предшественник”, а потом, естественно, следуют соответствующие “выводы”. Подобная статья должна вызвать у читателя невольное предчувствие административного вмешательства в дела литературные. Конечно, потом этого вмешательства может и не быть, скорее всего, и не будет, но ощущение, что оно “может быть”, должно возникнуть”.

Оговорки насчёт того, что “вмешательства может и не быть, скорее всего, и не будет”, делались Ланщиковым, скорее всего, для страховки, чтобы по возможности упредить вероятную неадекватную административную реакцию. Тем более что дальше он буквально “раздевал” Юрия Суровцева с его “Придуманной неизбежностью”:

“Сколь велико у Суровцева желание быть проповедником, столь же велико у него желание не быть праведником: когда он бросается спасать от Чалмаева “газетчину”, то как-то слишком уж поспешно забывает о своей “проповеди” и “отрезает” с такой поспешностью, которая никак не способствует неторопливости мышления...” “Какая витийствующая односторонность! – цитировал Ланщиков Суровцева, пережившего приступ негодования от слов Чалмаева о “коммерческом газетно-журнальном буме”. – **Ведь это говорится о периоде подготовки и проведения русской революции 1905 года**” (подчёркнуто Суровцевым. – А. Л.)...

Но всего этого Суровцеву показалось мало, и он продолжает: “Вдумайтесь только: измельчали “культурные ценности” в нашей стране **в те годы, когда складывалась первая революционная ситуация** (подчёркнуто Суровцевым. — **А. Л.**).

В представлении Суровцева революция — это нечто вроде всенародного карнавала, общегосударственного праздника по случаю великих достижений в области материальной и духовной жизни, демонстрация гармонии общества. Но он как-то забывает, что революционные ситуации как раз и создаются в те периоды, когда в обществе неблагополучно, когда государственный организм переживает всесторонний кризис...” На обвинение Суровцева, что Чалмаев “сделал... из Бунина певца единой России!..” Ланщиков напомнил, что речь идёт об одном из самых поэтичных бунинских рассказов “Косцы”: “В том-то всё и дело, что народное творчество (в данном случае и песня, и её исполнение) всегда объединяет людей в каком-то хорошем добром чувстве, но Ю. Суровцев делает вид, что он ничего этого не понимает и якобы только экономии места ради делает столь “произвольные” усечения текста статьи своего оппонента...”

“Я не шучу (это мы понимаем. — **А. Л.**) и не преувеличиваю, — предупреждает нас Суровцев, — современный советский критик в 1968 году стремится доказать великое государственное и даже народное значение раскола и никонианства”. Если убрать отсюда излишний пафос, идущий от субъективного восприятия Суровцевым статьи Чалмаева, то никакого криминала не остаётся. Действительно, неужели комсомольский журнал только потому, что он комсомольский, должен отечественную историю преподносить на манер студенческого капустника?”

Суровцев на протяжении всей своей “громоподобной” статьи подставил множество раз (как он подставлялся и до этого, и многожды потом), чем Ланщиков воспользовался практически безукоризненно. Но на этом не остановился, отметив явные просчёты у самого Чалмаева:

“Спрашивается, оправданно ли цитирует критик в своей статье К. Леонтьева? По-моему, так, как он это делает, нет. И дело тут не только в фигуре самого К. Леонтьева, а в том, что имя его ничего не говорит молодёжному читателю, который, прочитав чалмаевскую “Неизбежность”, наверняка составит о нём ошибочное мнение. Тут необходимо было внятно сказать о религиозно-философской позиции К. Леонтьева и никак уж не зачислять его в друзья Льва Толстого, потому как последнее противоречит исторической истине... Дружба между крупными личностями своего времени определяется не совместными ночёвками и “прекрасными беседами”, а чем-то более значимым. Л. Толстой и К. Леонтьев не могли быть друзьями, так как для первого в религии главным была — “любовь”, а для второго — “страх”...”

Если же говорить о глубине социального анализа, то и здесь даёт себя знать несовершенство методологии Чалмаева. Что касается той части статьи, в которой ведётся критика эпохи капитализма в России и современного и империализма, то тут у Чалмаева ощущается достаточно чёткое понимание социального вопроса... Здесь внесоциальность его оценок можно доказать только при помощи заведомых передержек. Но вот что касается времён более отдалённых, например, времён раскола и никонианства, тут действительно социальная почва уходит из-под ног... Это издержки метода, но никак не признак дурных намерений В. Чалмаева. Говорить же, что он проповедует “асоциальные” взгляды на русскую историю и на некоторые современные заботы нашей жизни — значит, приписывать ему “концепцию”, к которой он никогда не имел никакого отношения”.

И далее с той же основательностью, вдумчивостью, тщательностью анализа Ланщиков разбирал “октябрьскую” статью Дмитрия Старикова “Заметки для памяти”, по сути, защищая от него “новомировскую” статью Игоря Золотусского “Добавление к эпосу”, посвящённую выходу на экраны четырёхсерийного фильма Сергея Бондарчука “Война и мир”.

Думаю, следует сказать, что тот же Дмитрий Стариков годом ранее напечатал в “Октябре” статью Ланщикова “Исповедальная” проза и её герой”, ставшую своего рода литературно-критической “бомбой”, ибо так въедливо и аргументированно прозу Василия Аксёнова и Анатолия Гладилина (как и критические статьи их “болельщиков”) не разбирал до тех пор никто.

В этой статье Ланщиков стёр в порошок ходячий тогда термин “четвёртое поколение”, показав, что из этого поколения 1930–1935 (ориентировочно) годов рождения выходили люди с самыми разными, подчас диаметрально противоположными судьбами, и герои “исповедальных” повестей и рассказов, несколько лет назад бывшие в большой моде, не могут ни по каким характеристикам претендовать на его представительство. Что к появлению этих “героев” никакого отношения не имел пресловутый “1956 год”, ибо появились они тремя годами ранее. Что неумение этих героев мыслить (в чём сходились многие критики) опять же нельзя распространять на всё поколение. Что эти самые персонажи постоянно “выдают себя за страшных новаторов, самоуверенно принимают самые неестественные позы с небескорыстной целью ошеломить всех новизной и оригинальностью”, что они своими повадками напоминают чеховского Ионыча, но “теперешние Ионычи, усвоившие с чужих слов модные убеждения, необычайно агрессивны и деятельны на ниве удовлетворения своих потребительских запросов”. И что, наконец, сами авторы имеют чрезвычайно приблизительное представление о природе писательского мастерства, предпочитая усваивать чужеродные приёмы, но даже их не в состоянии усвоить – о чём писал ещё Кожин. “Беда вовсе не в том, – подчёркивал Ланщиков, – что кто-то учился у Хемингуэя или Фолкнера, беда в том, что кто-то, не обременяя себя серьёзной учёбой у больших западных мастеров, сел на их духовное иждивение”. Кожин же вообще считал, что “исповедальщики” “учились”, по сути, у Кашкина, Волжиной, Холмской и других переводчиков американской литературы.

Номер журнала со статьёй “Исповедальная” проза и её герой” пошёл по рукам. На Ланщикова стали смотреть с опаской и затаённым интересом. Дмитрий Урнов вспоминает забавную и в то же время характерную сцену того времени: “Вскоре после появления Толиной статьи я впервые увидел его на заседании в Доме литераторов. Мы ещё не были знакомы, я не знал, как выглядит автор, никого не оставляющий равнодушным. Сидели в круговую, и прямо напротив нельзя было не заметить лица, отличавшегося скульптурной монументальностью. “Это кто же такой внушительный?” – произнёс мой внутренний голос. Вдруг над ухом у меня, словно угадывая вопрос, раздалось едва слышное с интонацией испуга: “Лан-щик-ов”. Толя, когда мы познакомились, мне сказал, что статья, как видно, вовремя попала в поток полемических публикаций, а он пошёл против потока. . .

В традициях классической русской критики Ланщиков рассмотрел, что же сказывается в чистосердечных признаниях молодых протестантов, бросивших пронзительный призыв отряхнуть с наших ног прах директивной ортодоксии. Мальчишки-то, если вчитаться, посредственны, поверхностны, просто брешут, не замечая, как они выбалтывают о себе лишнее. Неплохо устроившиеся блудные выкормыши советской власти для себя желают воли, горизонт их ограничен обывательским эгоцентризмом. Надо было в самом деле дышать общественной атмосферой того времени, чтобы чувствовать, почему имя автора-антиномиста, пошедшего наперекор, произносилось с уважительным ужасом”.

Пройдёт каких-то два года – и Ланщикову эту статью припомнят во время приёма его в Союз писателей. Рассадин буквально задыхался, когда оглашал свой отзыв:

– Редкостное неумение ориентироваться в литературном материале. Шарахается из крайности в крайность. То изображает абсолютно бездарным графоманом Аксёнова, талант которого общепризнан (кем?! – С. К.), то невероятно поднимает Д. Балашова. Часто аргументация просто отсутствует. А когда она есть, тут начинаешь просто колебаться: то ли это откровенная установка на подтасовки, то ли элементарное неумение и нежелание доказывать. Пристрастие к грубам ярлыкам вместо анализа и разбора. Бывает крайне грубо и недоброжелателен. . . Начинаешь вспоминать романы Ивана Шевцова. . . Панический перехлест. . .

Кажется, всё, что Рассадин говорил о Ланщикове, он вполне мог бы отнести к себе самому, во всяком случае, к своему выступлению. И тут на помощь ему подоспел уже известный нам Фёдор Левин:

– Его ответ на анкету “Дня поэзии-69”, по сути, ревизия ленинской концепции русского историко-литературного процесса, свидетельство полной идейной незрелости Ланщикова.

Лев Аннинский попытался говорить о предвзятости по отношению к критике, но его безапелляционно перебил Владимир Огнев:

— При чём тут предвзятость? Да, он человек способный. Но сделано им мало, умение анализировать текст часто подменяется декларациями, предвзятым конструированием схем (анализу рассказов Аксёнова, произведённому Ланщиковым, мог бы позавидовать любой современный критик! — **С. К.**). Они (то есть схемы. — **С. К.**) уличают Ланщикова в слабой общекультурной подготовленности. Вопиющим незнанием истории русской поэзии является его ответ на анкету “Дня поэзии—1969”, — по сути, это отрицание социальной литературы, её общественной роли в жизни... Дурную услугу, как всегда, оказывает молодыми библиотека “Огонька” — астрономическим тиражом выпущена идейно незрелая и агрессивная по тону брошюра Ланщикова.

Апелляция к “молодым” прикрывала совершенно эгоистичный посыл: добиться того, чтобы эти самые “молодые” “окормлялись” исключительно из брошюр и книжек, написанных либеральными “шестидесятниками”, которые априори никому и никогда не могут оказать “дурную услугу”... Этот посыл хорошо прочувствовал и понял многоопытный литературный дипломат и интриган Феликс Кузнецов, исследователь и горячий апологет революционных демократов, по статьям которого, кстати, написанным во славу “исповедальщиков”, Ланщиков не единожды “прошёлся” в своём сенсационном труде.

— Я неоднократно спорил с Ланщиковым так же, как и он со мной, и спорили мы подчас очень ожесточённо... И тем не менее я убеждён, что продолжать наши споры мы можем, находясь в одном Союзе. Я не считаю, что творческий союз — союз единомышленников, если иметь в виду эстетические позиции. И это хорошо: хуже было бы, если бы мы были выстроены по одному ранжиру, сделаны на одну колодку... Его “заносит” — особенно если иметь в виду наши нерешённые споры о народном и национальном... Но... это человек, бесспорно, одарённый, более того — талантливый. И я верю в него как в критика... Откуда эта резкая недоброжелательность, эти выпады в адрес личности?... А не утрачиваем ли мы человеческое в ажиотаже споров и борьбы?

Но эта апелляция к совести действия не возымела. Творческое бюро постановило “отложить приём до выхода новых работ”. Ланщиков стал членом Союза писателей ещё через несколько лет.

А что касается анкеты, опубликованной в “Дне поэзии—1969”, для которой собирал материалы и которую редактировал Вадим Кожинов, — о ней разговор впереди.

Чалмаева и Лобанова уничтожали не только в прессе, но и (что было гораздо эмоционально тяжелее) на писательских собраниях. 17 января 1969 года в Доме литераторов состоялось партийное собрание, на котором всю неистовствовали бывшие рапповцы — Фёдор Левин и Владимир Сутырин.

— За 50 лет советской власти не было напечатано у нас подобной статьи, — казалось, Левин находится на грани инфаркта. — Чалмаев ревизует всю ленинскую концепцию. Ответные статьи не были достаточно остры (так и слышится: “Какая жалость, что этого не случилось в мои молодые годы! Уж я бы им...” — **С. К.**). Статья Чалмаева — это одна из форм не ревизии, а вымывания марксизма... Солоухин в своих “Письмах из Русского музея” ратует за одного Нестерова — против всех демократов-передвижников... Марксизм — это нечто устаревшее, как считают многие...

Тут же слово взял Аркадий Васильев, незадолго до того выступавший как общественный обвинитель на “процессе Синявского-Даниэля”.

— Чалмаеву не надо было брать в союзники господина Леонтьева: ведь так недолго дойти и до Победоносцева. А писатели этого не обсуждают. Надо оперативно реагировать на такие статьи, а то начинаются пересуды: “Может быть, сверху пришло такое указание?”

Крайне интересная реплика. “Либеральная общественность” всюду распространяла подобные слухи, намекая (а то и изрекая прямым текстом), что власть при помощи “новых славянофилов” готовит “новый погром”.

Ну и, конечно, не мог пройти мимо этой животрепещущей темы делавший отчётный доклад Сутырин:

— Статья Чалмаева вызывает серьёзную озабоченность. В ней есть кощунственные строчки, где Чалмаев сближает В. И. Ленина с мракобесом Леонтьевым, которого Чалмаев называет “другом Толстого”...

Впрочем, здесь не было ничего неожиданного. Куда более интересный и насыщенный разговор (с участием Вадима Кожинова, Михаила Лобанова и Анатолия Ланщикова) состоялся 25 апреля на пленуме Совета по литературной критике.

На этом обсуждении наложились одна на другую несколько тем: “молодогвардейские” статьи; статьи И. Дроздова “Закат бездуховного слова” и И. Краснобрыжего, громящего фантастику братьев Стругацких, опубликованные в “Журналисте”; выход в “Огоньке” статей В. Воронцова и А. Колоскова “Любовь поэта” и “Трагедия поэта”, посвящённые взаимоотношениям Владимира Маяковского и Лили Брик, а также издание сборника “Маяковский в воспоминаниях родных и друзей”, где впервые были опубликованы жуткие по сути мемуары Е. Лавинской о “домашнем быте” “лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи”; наконец, статья поэта Ивана Лысцова в провинциальной газете “Ленинское знамя” с грубыми выпадами против многих поэтов, опубликовавших стихи в “Дне поэзии-1968”.

Каждый из этих сюжетов заслуживает отдельного разговора. Но пока мы сосредоточимся на том, как оценивали собравшиеся авторов “Молодой гвардии”.

Доклад делал Вадим Соколов. Сейчас имя этого критика совершенно (и справедливо) забыто. Но были два периода в нашей литературной жизни, когда этот персонаж постоянно мелькал в печати с совершенно погромными выступлениями. Первый пришёлся как раз на конец 1960-х.

Сначала он подверг разному Дроздова и Краснобрыжего, потом перешёл к Лысцову и молодому критику Николаю Утехину. А потом...

— К сожалению, не только новички, но и профессиональные литераторы снижают в последнее время качество критики.

Приём испытанный: смешать в одну кучу средних литераторов с их далеко не самыми удачными работами и серьёзных писателей — с целью их дискредитации.

— Ланщиков как бы нащупывает просчёт Суровцева. А на самом деле Ланщиков, конечно, поддерживает основные намерения Чалмаева, несколько осуждая только методы Чалмаева. На самом деле в статье Чалмаева содержится ряд ошибочных идей, Ланщиков об этом ничего не говорит.

После Соколова выступил Валентин Оскоцкий, снова обрушившийся на Дроздова (“Около 10 раз в “Журналисте” упоминается журнал “Новый мир” — всегда негативно. И ни слова о том, что в “Новом мире” опубликованы произведения, получившие Ленинскую премию за 1968 год”). А потом пришла очередь Александра Когана.

— От Ланщикова всегда здорово достаётся его оппонентам, — начал он. — В полемике его со Стариковым было много интересного. Он умеет вести настоящий профессиональный разговор (кажется, в этом пытался отказать Ланщикову Рассадин. — **С. К.**). Но ему не стоит ставить себя в положение, из которого нельзя найти выход. У Вас, — это Коган непосредственно Ланщикову, — всегда видно, где Вы ратуете за истину, а где ратуете за свой журнал — за “Молодую гвардию”.

То есть, по его логике, между журналом и истиной не было ничего общего.

— В статье Ланщикова сказано, что у Чалмаева имеется своя методология. А мы-то считали, у Чалмаева ряд неверных, неудачных формулировок, оговорок, да и прямых ошибок, за которые его ругали, **пока весьма мягко** (выделено мной. — **С. К.**). Ланщиков признаёт некоторые “издержки метода” у Чалмаева. Но здесь разве в методе дело?..

Но разве “мягкость” критики Чалмаева могла устроить Фёдора Левина? Он и здесь оказался наготове с “тяжёлой артиллерией”. Но (пришлось смягчить тон) с очевидным пониманием — насколько изменилось время по сравнению с его временем, когда “нас водила молодость в сабельный поход”.

— Не надо делать вид, что Суровцев один не согласен с Чалмаевым. Вскоре после Суровцева была статья Чапчахова в “Литературной газете”... Чалмаев и его сторонники не видят никакой классово-борьбы в русской истории, марксизм выводят путём хитросплетений от протопопы Аввакума, будто и не было “3-х источников” Ленина. Игнорируют все народные бунты и революции, не замечая Герцена (у Чалмаева в “Неизбежности” были прямые ссылки на Герцена. — **С. К.**), революционных демократов... Зато Чалмаев приводит цитату из К. Леонтьева.

Это полный отказ от Маркса, другая историческая концепция.

Ланщиков в споре с Суровцевым все эти идеологические вопросы обошёл. Он похвалил Чалмаева за его намерения. Мы тоже не подозреваем Чалмаева в дурных намерениях (спасибо и на том... — **С. К.**). Мы ведь не разбираем персонального дела Чалмаева (что, можно вздохнуть спокойно? — **С. К.**). Но Вы, Ланщиков, спрятались за намерения Чалмаева, когда Чалмаев выступает против мещанства, безыдейности и модничанья в литературе — это хорошо. Но когда он видит истоки нашей истории в патриархальном крестьянстве, а рабочий класс и интеллигенция для него не существуют (они, что, “существовали” тысячу и более лет назад? — **С. К.**) — это плохо. Он перекликается с Лобановым, который выставляет толстовского Акима — того, который говорит: “Землица наша маленькая, не токмо скотину, курчонка некуда выпустить”.

Вы обошли главное в русской истории... Происходит вымывание марксизма, и это меня беспокоит. Я предлагал “Литературной газете” на месяц посадить группу историков, философов, литературоведов, которые разобрались бы во всех этих статьях, в этих тенденциях и опубликовали своё мнение. Я один не могу, не берусь это сделать в печати.

Мы имеем дело с каким-то идейным разбродом, с рядом антимарксистских статей. Руль выпущен из рук.

— Руль отбил “Журналист”, — послышалась реплика из зала.

— Нет, — парировал Левин, — “Огонёк” выхватил руль (в это время именно в софроновском “Огоньке” была напечатана серия материалов, которая привела Левина, таких, как он сам, и их последователей в состояние настоящего бешенства. — **С. К.**). И не только в литературе, но и в литературной политике. Например, Маяковский просил не поднимать сплетен вокруг его имени после его смерти. А “Огонёк” занялся позорными сплетнями. Петелин (заведующий редакцией критики в “Молодой гвардии”. — **С. К.**) написал недавно в “Огоньке”, будто все травили Михаила Булгакова и будто один только Сталин его поддерживал (неистойой травлей Булгакова занимались тогдашние друзья и товарищи Левина — многие из них ещё были живы, — и Левину совершенно не хотелось об этом вспоминать, потому и спрятались за Сталина. — **С. К.**). А в “Молодой гвардии” Коновалов заявил, что Сталин был гениальным полководцем (об этом и подумать нельзя было после бессмертной фразы Хрущёва, что “Сталин руководил войной по глобусу”. — **С. К.**). Читаешь всё это и только пожимаешь плечами...

О публикациях в “Огоньке” у нас ещё будет возможность поговорить. А пока послушаем Вадима Валериановича Кожина, который сразу расставил необходимые акценты, отделяя *овец от козлищ*.

— Нельзя обсуждать критические статьи на грани личного дела. Мне бы очень хотелось взглянуть, как эти три статьи будут восприниматься через 20–30 лет. Мы знаем, как сейчас выглядит высказывание критика Зайцева, назвавшего “Преступление и наказание” “позорным произведением”. Не так же ли будет выглядеть через 20–30 лет нелепое мнение Дроздова о Солженицыне или статья Ивана Лысцова “Глухота”? Все эти статьи вызовут у будущего читателя ощущение поразительного бескультурья.

Лысцов, защищая национальные традиции русской культуры, берёт себе в союзники — кого бы вы думали? Крайнего западника Тургенева, который говорил о России, что если бы она провалилась сквозь землю, то в мире ничего бы не произошло. Тургенев не случайно 20-ти лет выехал за границу и жил там всю жизнь, лишь изредка наезжая для получения доходов с имени (перерыв в несколько лет объясняется тем, что его не выпускали). В неудачном своём романе “Дым” устами героя Тургенев поносит Россию.

О статье Ланщикова. Я не совсем с ней согласен, но полемика его с Суровцевым и Чалмаевым очень интересна и серьёзна. Правда, споры идут, к сожалению, не о самом главном, не об отношении литературы к жизни. Споры идут о другом.

Экстремизм правый сейчас уже побеждён. Опасность идёт сейчас от левого экстремизма. Опасность идёт больше не с берегов Эльбы, а с берегов Усури.

Левый экстремизм нравится молодёжи, и она им на Западе заражена (Маркузе и другие). Левый экстремизм рядится в левые фразы. Поэтому он сейчас опаснее. Угроза, собственно, идёт и с Запада, и с Востока. И заключительная часть статьи Ланщикова поэтому очень важна.

Думаю, нет ничего странного в упоминании Кожиновым в подобном контексте имени Тургенева. Вот как вспоминал о спорах по этому поводу Дмитрий Урнов:

“Дело между нами доходило до крика, когда Вадим, как я думал, недопустимо принижал Тургенева в сравнении с Достоевским. Тургенев художественно воплотил те же психические состояния, которые Достоевский изображал без правдоподобной убедительности. Признавал это даже канонизированный Вадимом, никому другому не чета Михаил Михайлович Бахтин”. Может быть, Урнов услышал в каких-то словах Бахтина то, что ему очень хотелось слышать. Во всяком случае, у Урнова было своё мнение, у Кожинова — своё, и для Вадима Валериановича тогда Тургенев был Кармазиновым из “Бесов”. “Тургенев устами героя поносит Россию”, — уж Кожинову ли — ученику Бахтина — было не знать, насколько герой не отождествляется с автором?! Но в случае с Тургеньевым — в то время — он отождествлялся! И в этом плане Тургенев для него как писатель, позволявший себе “отождествиться” с персонажем, был неизмеримо ниже Достоевского.

Говоря о “заключительной части статьи Ланщикова”, Кожинов имел в виду его размышления о Брестском мире в контексте разговора о Льве Толстом. Анатолий Петрович цитировал Урицкого, который заявлял, что Ленин “смотрит на дело с точки зрения России, а не с точки зрения международной”, и, отталкиваясь от политической полемики 1918 года, утверждал: “Ленин видел дальше всех и хорошо понимал, что судьба русской революции зависит полностью от настроения крестьянства, а не от эмоций противников “аннексионистского мира” и сторонников “революционной войны”... В той позиции, которую твёрдо занял Ленин во время брестских переговоров, очень легко угадывается автор статьи “Лев Толстой как зеркало русской революции”...”

Смысл был очевиден: попробуйте, господа нынешние “международники”, обвиняющие нас в “игнорировании Ленина”, ответить на вопрос: как вы труды вождя понимаете сами? Что актуально в них для сегодняшнего дня? Сами вы, часом, ничего не игнорируете?

И вот тут взял слово сам Ланщиков:

— Меня возмущает, когда начинают ругать “Молодую гвардию” и тенденции статей, но ничего не доказывают. Это возмутило меня в статье Суровцева. Не поняли, на что направлен мой основной пафос. Есть критики, которым всё дозволено. Пусть тогда нам объявят список таких критиков, которые имеют право определять — кто прав, кто виноват.

Анатолий Петрович (и я могу это утверждать, как непосредственный свидетель и собеседник) ненавидел любое передёргивание, любое жульническое шельмование в печати — чем бы оно ни было продиктовано. Если Кожинов в своих критических разборах временами позволял себе играть с оппонентом, то Ланщиков, не терпевший никаких лукавых маскировок, всегда выходил на бой с открытым забралом. Он был полемистом, в споре с которым требовалось не придирается к отдельным фразам, а опровергать весь строй его суждения, для чего требовались аргументы, что волей-неволей сами по себе “раздевали” незадачливого оппонента, сплошь и рядом обличая человека бездуховного, лишённого гражданской позиции или заурядного фальсификатора.

Его разговор на страницах “Молодой гвардии” о патриотизме, о Толстом, чуть не похороненном в пучине событий послереволюционных лет, базировался не только на прочитанном и хорошо усвоенном. Многие в современной жизни давали основания для укрепления однажды выбранной жизненной позиции.

Помню его рассказ об одном эпизоде как раз из описываемого времени. Потом, через много лет, я прочитал об этом же в его статье, опубликованной уже на склоне жизни:

“В конце шестидесятых мне довелось быть участником совещания молодых писателей в Красной Пахре, и там ежедневно устраивались встречи с “интересными людьми”. Однажды был приглашён какой-то чиновник из Моссовета, он сумел привлечь внимание аудитории своим выступлением, посыпались вопросы. Кто-то задал и такой: “Когда будет построен новый крематорий?” Чиновник чуть замялся, а затем ответил примерно так: “Строительство почти

завершено, но тут сложности с печами... Дело в том, что для того крематория, что был построен ещё задолго до войны, печи мы покупали в Германии".

На мгновение установилась тишина, а затем в зале раздался дробный нервический смешок. И это понятно. В шестидесятых очень много писалось о гитлеровских "лагерях смерти", широко демонстрировалась кинохроника, запечатлевшая зловещие "германские печи" — отсюда и такая наша реакция: оказывается, эти самые "печи" придумал вовсе не Гитлер, а цивилизованный атеистический мир. А мне тогда подумалось: "Как человечество относится к мёртвым, так оно будет относиться и к живым"...

Но вернёмся к прерванному разговору... Ланщиков был непритворно возмущён тем, что его исподволь заталкивают в "компанию" критиков, которых он не считал критиками, — того же Ивана Дроздова, того же Ивана Краснобрыжого или Михаила Синельникова, разнесшего незадолго до того в "Литературной газете" прекрасную и жёсткую повесть Николая Воронова "Юность в Железнодорожке", опубликованную в "Новом мире".

— Я не согласен со статьёй Синельникова о Воронове... В "Новом мире" мне многое нравится и многое не нравится... Все мы в какой-то степени уязвимы. В "Журналисте" "Новый мир" ругают, а в "Новом мире" ругают "Журналист".

Тут и последовала реплика "из зала":

— Но ведь есть и общие критерии!

Ланщиков отреагировал мгновенно:

— Общие критерии! Какие общие критерии? А кто их устанавливал? Не надо их.

Слово потребовал бывший "зек" Симон Дрейден. Этот начал "палить по периметру", уже полностью игнорируя "Молодую гвардию".

— В "Журналисте" № 4 за этот год — статья Котова Владимира, восторженная статья на сборник "Маяковский в воспоминаниях", выпущенный под редакцией Колоскова и сестры Маяковского, хотя там напечатаны шизофренические (так! — **С. К.**) воспоминания Лавинской... У нас систематически распространяется миллионными тиражами клевета. Нечестно используются для этого средства массовой информации — "Огонёк" и другие органы. Где сейчас центр опасности? В попытках дезавуировать то, что говорилось на XX съезде и — возрождение культа Сталина...

Ни о каком "возрождении культа" и речи не было, но... доклад Хрущёва в сознании подобных людей был истиной в последней инстанции, а любое "покушение" хотя бы на одно из его положений воспринималось именно как пресловутое "возрождение".

Разговор пошёл на повышенных тонах, и разрядить сгущённую атмосферу попытался Феликс Кузнецов, который сам был взвинчен до состояния высокого градуса:

— Мы здесь, кажется, уже выходим за пределы возможной критики! Кажется, я для себя уже разобрался, что это такое — эти статьи. Появилась некая тенденция, которая стала массивной. Некоторые редакции и критики самозвано взяли на себя право делать литературную политику с тенденцией на партийное руководство литературой, с монополией на своё собственное понимание партийности.

Нам не следует, однако, забывать, что разговор идёт не с врагами, а с товарищами по литературе, что они просто недостаточно точно определили своё отношение к некоторым проблемам... Но надо разграничить: статьи в "Огоньке" и статьи Чалмаева и Ланщикова — это разные вещи. Статьи Чалмаева и Ланщикова — очень серьёзное явление и подхода требуют серьёзно: это не то, что "Журналист".

До недавнего времени у нас в литературе было два полюса: "Новый мир" и "Октябрь". Сейчас мы наблюдаем возникновение в литературе и общественной жизни третьего полюса. Я ощущаю этот третий полюс: он уже сформировался вокруг "Молодой гвардии", "Нашего современника" (заместитель Никонова, вологодский поэт Сергей Викулов недавно возглавил этот журнал, к которому до этого никто всерьёз не относился. — **С. К.**). Это не чисто литературное явление: оно вызвано какими-то серьёзными процессами. С помощью 10 человек, как предлагал Фёдор Левин, с этим явлением не справиться.

Это будет решаться гораздо медленнее и далеко не сразу. Явление это, очевидно, растёт из жизни, имеет свои духовные корни...

В XIX веке на поле борьбы сталкивались две основные тенденции, две концепции духовности.

В 30–40-е годы – западники – революционные демократы – народники – марксисты.

Вторая традиция идёт от Любомудров, Чаадаева (слава Богу, хватило у Феликса Феодосьевича соображения не определять Чаадаева в первый ряд! – **С. К.**), через молодых наших славянофилов, Достоевского, Владимира Соловьёва, Константина Леонтьева (который, кстати, наполовину выпадает из этого направления), через “Вехи”... через Бердяева, Фёдорова, Федотова, если брать современную буржуазную философию.

Через эту вторую линию так просто не перешагнёшь. Я убедился в этом, перечитывая сейчас перечисленных авторов. Эта вторая линия была нашу марксистскую интеллигентскую линию, которая шла через западников и демократов. Западники не выражали ни в малой степени русскую национальную линию (ценнейшее замечание! – **С. К.**). Демократы почти не ставили вопросов духовности. Не ставились они ни у Зайцева, ни у Писарева. “Народопоклонничество” и “чужебесие” заботились и о том, и о другом.

Вот я прочитал Бердяева “Истоки и смысл русского коммунизма” (одна из самых неумных бердяевских книг. – **С. К.**). А он как раз доказывает, что вся революционно-демократическая линия – вся исконно русская (да и марксистская).

В основе второй традиции лежит, собственно, допетровская Русь и её патриархальные начала...

А что, собственно, представляет собой национальное и народное начало сегодня, в наши дни? С этой точки зрения статья Чалмаева нужна, ибо не думать над всем этим нельзя. Весь вопрос в том, **как** они думают? Как они для себя согласовывают свою позицию с нашей современностью? Как сочетать позицию Чалмаева и марксизм? Как это сопрягается даже не с точки зрения догматов марксизма, а с точки зрения методологии? У Чалмаева подспудно чувствуется уничижительное отношение к революционно-демократическим традициям.

Но вот в эту минуту, когда Феликс Кузнецов заговорил на свою любимую тему – о революционно-демократических традициях, – он утратил всякую сдержанность и хотя бы видимость объективности. На головы апологетов “второй традиции” посыпалось одно обвинение за другим вперемежку с явно провокационными ходами.

– О традициях и о **современных народных истоках**, и – более серьёзный вопрос: как проявляется национальное народное начало в нашей современной жизни?

Вы полагаете, что оно проявляется в крестьянстве (как думали славянофилы в XIX столетии). Но ведь сегодня крестьянство совсем не то. Ведь у вас книжное, нереальное представление о народе, вы не знаете современного крестьянства. Вы ведь книжники.

Кому он это говорил? Фронтовику Михаилу Лобанову, который сам вырос в деревне, друзья и однополчане которого были потомственными крестьянами? Анатолию Ланщикову, который в Суворовском училище жил бок о бок и делил паёк с крестьянскими детьми? Это они, что ли, не знали народа? Или Феликс Кузнецов решил, что за них за всех должен “отыгрываться” один “книжник” Чалмаев?

А ведь самое интересное: с тех пор ни один ненавистник тех “молодогвардейцев” не выдумал ничего своего. Те же самые обвинения мы десятилетия спустя прочтаем и у Александра Ципко, и у Валерия Соловья, и у Николая Митрохина, которые, очевидно, решили, что знают народ “гораздо лучше”.

– Заметьте, что в современной литературе все патриархальные крестьяне – уже старики! Найдите Ивана Африкановича вашего возраста! Сегодня крестьянин-то другой совсем! И Белов лукавит с Африканычем после войны. И крестьяне, и рабочие, и интеллигенты – другие (особенно наша интеллигенция первого и второго поколения).

“Чем дальше в лес — тем злее партизаны”... Мы уже слышали от Дмитрия Урнова, как в подмосковных деревнях “попадались подобия Ивана Африкановича” при почти полном отсутствии трудоспособных мужиков. (Кстати, беловскому Ивану Африкановичу — ветерану войны — не было ещё и сорока. И где же это писатель лукавил? И не совершенно ли другим тоном начнёт писать тот же Кузнецов через несколько лет, когда познакомится с деревенскими жителями Валентина Распутина?) Кстати тут было вспомнить и утверждение Кожинова, что нет более современного произведения в нынешней прозе, чем беловское “Привычное дело”. Но Кузнецов, погружаясь в пучину азарта, уже ничего помнить не хотел.

— Для того чтобы поставить все эти вопросы на современные основы, нам надо начать самостоятельно мыслить, а не идти на поводу у XIX века. Сегодня никуда вам не уйти от Октябрьской революции.

Тут снова подал голос Александр Коган:

— Да, уж, кажется, никуда нам от неё не уйти!

Ободрённый Кузнецов разошёлся ещё пуще, уже переходя на грань прямого “шитья политики”. Кажется, он забыл, что собирался иметь дело “с товарищами по литературе”.

— Никуда не уйти от Октябрьской революции, от страны, которая давно европеизировалась. Пора понять, что беды не от социализма, а от недостаточности социализма, не от Европы, а от недостаточности Европы.

По-своему замечательно отождествление социализма в России с присутствием в ней “Европы”. Что же, интересно, имел в виду Кузнецов? Или он не помнил, что европейский социализм в XX веке носил название “национал-социализма”?

— У вас наивно-сентиментальная позиция в отношении деревни. Возьмите Яшина, Абрамова, Можяева, Белова. Вы не найдёте в этой современной честной, правдивой прозе своей сектантской точки зрения (а как же насчёт беловского “лукавства”? Правая рука не знала, что левая творит? — С. К.). А у Чалмаева в статье проглядывает отрок Варфоломей с нимбом вокруг головки.

Мы верим, намерения ваши хорошие. Но их надо положить на реальную основу. Или уж тогда быть последовательными и идти к Богу! Идти к патриархальному крестьянству как к идеалу. А это значит — неминуемо придти, прежде всего, к Православию (в отличие от католического западного пути). Идите уж до конца, к религиозно-идеалистической философии...

Вы хотите думать о народе. Но раньше надо было бы свериться, а чего хочет сам народ: возвращения вспять, или чтобы к нему, наоборот, пришло что-то новое? Поймите, что нельзя вечно и неизменно сохранять традиции!

Я против навешивания ярлыков. Я за то, чтобы разобраться, чтобы выйти на прямой спор, в котором, я убеждён, вы не выиграете. Ведь революционные демократы берегли традиции народности не меньше вас.

Он, кажется, решил, что всех революционных демократов здесь заменит один Николай Добролюбов, которого, кстати, и “молодогвардейцы”, и молодые учёные из ИМЛИ знали ничуть не хуже, если не лучше Кузнецова (Кожин, кстати, был автором фундаментальной работы “Теория литературного творчества в работах Николая Добролюбова”, написанной ещё в начале 1960-х). Он уже успел забыть свои собственные слова о западниках, которые “не выражали ни в малой степени русскую национальную линию”, ни о демократах, которые “почти не ставили вопросов духовности”.

Встал Анатолий Ланшиков, который слишком хорошо понял провокационный ход Кузнецова: согласиться с тем, что они, молодые люди, жаждут “возвращения вспять”? Это в ситуации, когда достаточно было после многодесятилетнего перерыва напомнить в открытой печати о традициях отечественной мысли, толком только-только начиная столь важный разговор, — и уже признать себя “замшелыми консерваторами”? Прямо сказать: да, мы идём к Православию — и отрезать себе доступ к легальной отечественной прессе? Вся подспудная подлость происходящего была очевидна. И Ланшиков уже не сдерживал эмоций.

— Вы спрашиваете, чего мы ищем? Мы ищем утерянный идеал! Наша молодёжь идеала не находит. Это беспокоит даже ЦК комсомола. Вернее: идеалы

не находятся раз навсегда, они меняются от поколения к поколению. Литература, которая не ищет идеала, она уже стала на месте.

Критика культа личности — это раздражает именно потому, что прошло много лет, а мы всё критикуем одно и то же! Нельзя же критиковать только культ. Нам нужны и положительные идеалы. Мы все за то, что наша страна несёт прогрессивное начало. У нашей страны особый путь. Об этом говорил Достоевский. Потому и революция совершилась именно у нас.

— Это бердяевская концепция! — раздался голос “из публики”.

Ланщиков не дрогнул.

— У каждого — и у Бердяева тоже — есть своё рациональное зерно. У нас только в 30–40 лет людям приходится вдруг открывать Бердяева, Леонтьева и т. д. Понятно, что люди могут ими и увлечься. Ведь у этих мыслителей могли быть верные мысли — они не были корыстными людьми и не хотели всё погубить.

Кажется, это на втором съезде писателей был выпущен такой шуточный лозунг: “Поднимем нашу критику до уровня кулуарных разговоров” (то есть давайте говорить откровенно). Не надо навязывать людям идей, которых они не высказывали. Ивана Африкановича никто не возводил в идеал.

Об интеллигенции нет у нас настоящей литературы, кроме курочкинского “Урода”. Везде, где пишут об интеллигенции, схема: один — карьерист, другой — хороший.

Да, не идеальны ни Абрамов, ни Можаев, ни Белов. Но это литература. Причём вовсе не деревенская литература (в деревне её никто не читает), а литература для интеллигенции. Что они нам дали, эти писатели? Мы с их помощью восстановили свой язык. Они подходят по качеству к литературе XIX века. Если хотите знать, направление это началось с Солженицына. До Солженицына был “Тихий Дон” Шолохова. И — мы не знали Булгакова, Платонова, теперь мы и их открыли. Я считаю, что больше и лучше всех о культе сказал Булгаков в “Мастере и Маргарите”.

(Стоит напомнить, что первая публикация “Мастера и Маргариты” — правда, урезанная цензурой — состоялась в журнале “Москва” после того, как там стал главным редактором прозаик Михаил Алексеев, которого, почитая “сталинистом”, лютой ненавистью ненавидели как в “Новом мире”, в частности, так и в либеральном литературном сообществе в целом.)

— Недостатки деревенской прозы мы видим. Но через неё мы придём к настоящей литературе.

О религии. Я откровенно скажу: если отрицать роль Православия, я не знаю, что бы тогда осталось в России, пребывая она в язычестве. Православие — его не вычешь, как католицизм в Европе.

По методу Достоевского надо нам разобраться, где правда, где неправда (со всех сторон правды). Когда разговор начнётся в этом русле... но он не может начаться в этом русле!..

Крестьянство мы не идеализируем, хотя наша русская литература из крестьянства вышла.

Мы хотим вернуться к истокам не для того, чтобы на них остаться, а для того, чтобы, исходя из их нравственности, из их идеалов, двигаться дальше, строить новое.

Миссия нашего народа значительно выше, чем сейчас мы думаем. От нас ждут слова!

В этом замечательном (во всех смыслах) выступлении обращает на себя внимание та мысль, что произведения Абрамова, Можаева, Белова — это не деревенская литература. И дело не в том, что её не читают в деревне (в отношении Белова, как мы видели, это было не совсем так, точнее, совсем не так). Ланщиков опять пошёл “поперёк течения”: с 1962 года, со статьи ленинградского критика Владимира Акимова, опубликованной в “Неве”, всю литературу о деревне числили по линии “деревенской”, придавая этому эпитету явно уничижительный, в лучшем случае, суживающий и обкаррывающий суть дела смысл. Здесь Ланщиков наметил то, что сформулировал открытым текстом в написанной через 10 лет статье “Деревня и деревенская проза”: “... Нет у нас никакой “деревенской” литературы — всё это выдумки равнодушных людей. Современные острые вопросы деревни — это наши общенародные вопросы,

от правильности решения которых зависит судьба всего народа, а не только одного крестьянина. Современная литература о деревне – это общенациональная литература, и достижения её способствуют расцвету всей отечественной литературы, в том числе и литературы о городе. Забота о современном городе начинается с заботы о старой деревне. Ведь оно и впрямь, как аукнется, так и откликнется”.

Кажется, Ланщиков здесь словно окликнул Анатолия Передреева, написавшего в 1964-м свою знаменитую, ставшую впоследствии хрестоматийной “Окраину”.

*Околица, родная, что случилось?
Окраина, куда нас занесло?
И города из нас не получилось,
И навсегда утрачено село.*

*Взрастив свои акации и вишни,
Ушла в себя и думаешь сама,
Зачем ты понастроила жилища,
Которые ни избы, ни дома?*

*Как будто бы под сенью этих вишен,
Под каждым этим низким потолком
Ты собиралась только выжить, выжить,
А жить потом ты думала, потом.*

В это же время размышлял об этом стихотворении Вадим Кожинов: “Перед нами – чуть ли не самый типичный образ современной жизни... За каких-нибудь два последних десятилетия на пространствах России выросли неисчислимые большие и просто огромные города, которые не могут удержать свою городскую энергию и атмосферу в своих непосредственных границах. Сила города переплёскивается, и на километры за его пределами образуется окраина – уже не город, но ещё и не село... Это стихи и о самом поэте, о его судьбе, очутившейся на грани, на пороге, который невозможно не переступить и невозможно переступить... Стихи прекрасны потому, что в них вошло, перелилось, обрело своё стихотворное бытие жизненное поведение поэта, его судьба, он сам, ушедший в себя и размышляющий на этой грани между городом и селом...”

В это время началось массовое уничтожение деревень в так называемом Нечерноземье, сселение жителей в “укрупнённые” посёлки. Во сколько человеческих жизней обошлась эта “операция” (ибо многие и многие люди не в состоянии были прижиться на новом “благоустроенном” месте и тихо умирали, многие подавались в города и, будучи не в состоянии обрести там себя, попросту пропадали), не известно по сей день. Это к вопросу о народе, “не желающем возвращения вспять”, на чём играл Феликс Кузнецов.

...Но пора подойти к финалу пленума. Заключительное слово произнёс Вадим Соколов.

– ...Меня насторожило начало выступления Кузнецова, которое я понял как поиск третьего пути. Между тем поиск третьего пути – дело безнадёжное. Информировав о Бердяеве, надо искать второй путь. Но не случайно этот путь зашёл в тупик. Попытка смирить себя с ним приведёт к лозунгу “За веру, царя и Отечество”. Никуда от этого не уйти, хоть сегодня никто такого лозунга не выдвигает... Царь часто сейчас скрывается за словом “государственность”.

“Благонадёжный” товарищ “шил” “неблагонадёжным” оппонентам монархизм. Во всяком случае всё в его выступлении было откровенно и недвусмысленно.

– Вовсе не идея Достоевского оправдалась в 1917 году. Меньше всего тогда Россия гордилась тем, что она “единственная” и “особая”. Речь шла тогда о международной революции. На особую роль Россия в 1917 году не претендовала. И не отгораживались мы забором от всего мира – “какие мы особые”!

Марксистам с бердяевщиной тут не смириться. Надо искать классовые, а не национальные корни революции и судить о ней не по “особой” роли русского народа. . .

О левых экстремистах говорил здесь Кожин. Но не кажется ли вам, что ведь факельные шествия в Китае мало чем отличаются от факельных шествий в фашистской Германии?

Занятную запись оставил в своём дневнике присутствовавший на этом ристалище Давид Самойлов: “Дискуссия о статье Чалмаева. Турков, Соколов, Кузнецов (либералы-тактики) говорят (разумно) о корнях, спорят с Леонтьевым и Победоносцевым. О современной функции не говорят. Не говорят о том, что “чалмаевщина” перспективнее, за ней многое стоит. Старый марксист Ф. Левин выглядит безнадежно устарелым евреем”.

Да уж где бы ещё с таким ожесточением говорили “о современной функции”, как не на этом собрании!

Запись пленума появилась в печати через три года в “Политическом дневнике” вездесущего Роя Медведева, изданном в Амстердаме в “Фонде имени Герцена”. Но появилась не полностью, за вычетом крайне агрессивных речей Юрия Суровцева и Владимира Огнева.

Показательно в этом отношении письмо Михаила Лобанова в редакцию журнала “Вопросы литературы”:

“Необходимая реплика.

В апреле 1969 года проходил пленум Совета по литературной критике при правлении Союза писателей СССР. Один из докладчиков на этом пленуме, Ю. Суровцев, на мой взгляд, бездоказательно обвинил ряд критиков журнала “Молодая гвардия”, в том числе и автора этого письма, не в чём ином, как в бесклассовом подходе к литературе и к самой истории России. Выступил и я на этом пленуме, считая нужным подчеркнуть, как важна для плодотворной работы нашей критики выработка общественно-эстетических критериев, достойных современного этапа народной жизни. Мне пришлось тогда показать (и это можно прочитать в стенограмме пленума), что обвинения Ю. Суровцева лишены оснований. Вот, например, Ю. Суровцев цитирует фразу из моей статьи: “У великих русских писателей была культура исторического мышления, т. е. совесть не только перед своими современниками, но и перед потомками. Писатель помнил: а что скажут обо мне потомки?” Ю. Суровцев увидел криминал в слове “совестливость”. Зацепившись за это слово, он вывел заключение о том, что критик не отделяет “демократическую культуру от культуры реакционной”, что он не видит в творчестве Л. Толстого противоречий, а это расходится с ленинской характеристикой творчества Толстого, и т. д.

В журнале “Вопросы литературы” (1969, № 8) напечатан обстоятельный отчёт о работе названного пленума. В этом отчёте даны все выступления, кроме моего. В журнале приводятся оценки Ю. Суровцева, в частности: “Ю. Суровцев подробно анализирует некоторые статьи М. Лобанова и других, напечатанные в журнале “Молодая гвардия”, и подвергает их критике за односторонние, не диалектические, а подчас и внеклассовые представления об истории России, о русском народе и русской культуре”. Самая элементарная добросовестность предполагает, так сказать, выслушать и “другую сторону” при столь грозном заявлении. Но о моём выступлении ни слова...

Думается, что журнал “Вопросы литературы”, опубликовав моё письмо, поправит это недоразумение.

М. Лобанов”.

Не от одного Суровцева Лобанов в досталь тогда наслушался обвинений в “патриархальности”, “внеклассовости”, “внесоциальности”. И когда заключительное слово взял председатель совета по критике Виталий Озеров, в его голосе уже звучал металл: “Мы обсудили вопрос о народности, обсудили самым исчерпывающим образом и можем закрыть эту проблему, не возвращаться больше к ней”. Когда Лобанов пересказывал основные эпизоды этого действия Анатолию Никонову, тот от души смеялся, но когда Михаил Петрович процитировал Озерова, главный редактор “Молодой гвардии”, уже предчувствуя дальнейшие перемены в своей жизни, поник головой, задумался. “Так они и в русской истории хотели бы закрыть все проблемы. Обсудили и закрыли”, — произнёс он после долгой паузы.

А что касается лобановского письма, то оно было опубликовано в “Вопросах литературы” ещё почти через год.

* * *

Выждав нужное время, почёл необходимым поучаствовать в травле “Молодой гвардии” и “Новый мир”.

Своя подоплёка была у этой истории.

До 1968 года “новомировцы” боролись преимущественно с так называемыми “сталинистами” в литературе в лице Всеволода Кочетова, Михаила Алексева, Виталия Закруткина и некоторых других писателей, причём серьёзный разбор их произведений, как правило, подменялся литературным фельетоном (то, насколько серьёзным к прозе того же Кочетова было отношение за рубежом, показывают хотя бы письма Сионского. Роман же Кочетова “Что же ты хочешь?” вызвал там настоящий литературный ураган. Мгновенно был осуществлён его перевод в Италии, на который откликнулся огромной уничтожающей статьёй Витторио Страда). Время от времени на страницах журнала появлялось нечто зубодробительное в адрес отдельных авторов “Молодой гвардии” вроде Ивана Ефремова или Ильи Глазунова... Но к концу 1960-х “политика” “Нового мира” приобрела отчётливо новый аспект.

Твардовский, видимо, считая, что реализует свою давнюю мечту, сочетая на страницах журнала традиции “критического реализма” с традициями революционными, попал в своего рода психологический капкан. Он, переживший несколько духовных переломов на протяжении своей драматической биографии (через два десятилетия Кожинов подробно опишет все эти переломы в статье “Самая большая опасность...”), оказался заложником новой “революционной” ситуации. Пересматривая и многое переоценивая в своей жизни (и Кожинов, и Передреев, печатавшийся тогда у Твардовского, и их друзья были потрясены его циклом “Памяти матери”, напечатанным на страницах журнала в 1966-м), Александр Трифонович оказался накрепко связанным с кругом людей (который он сам сформировал у себя в журнале), совершенно, по сути, далёких от него и во многом враждебных чему-то существовавшему в нём самом. При всём том, что должен был с ними сосуществовать и делать одно дело в окружении недоброжелательства, а то и прямой враждебности со стороны части партийных и литературных кругов. Обстановка, казалось, спланивала людей, которые в любой другой ситуации, возможно, если бы и сошлись друг с другом на короткое время, то разбежались бы чрезвычайно быстро.

И Твардовский прекрасно отдавал себе в этом отчёт.

“26. IX. 62. “Неприятности с Паустовским этим, которого чёрт дёрнул просить написать о Казакевиче для “НМ”. Неприятны в этой статейке мелкотравчатые штучки, “независимость”, “самый живой из всех живых”, “всё правильное” и “Август” Пастернака в чтении Казакевича. Копийку прислал для прочтения у гроба... Я, несмотря на настойчивость Данина, даже, м. б., раздражённый этой настойчивостью, отклонил это дело. Будет, возможно, демарш в отношении “НМ”, но бог с ними. Вообще эти люди, все эти Данины, Анны Самойловны (А. С. Берзер, зав. отделом прозы. — С. К.) и <нрзб.> во все не так уж меня самого любят и принимают, но я им нужен как некая влиятельная фигура, а все их истинные симпатии там — в Пастернаке, Гроссмане (с которым опять волынка по поводу заглавия очерка) и т. п. Этого не следует забывать. Я сам люблю обличать и вольнодумствовать, но, извините, отдельно, а не в унисон с этими людьми”.

“17. XI. 62. ...Нет у меня в редакции человека, для которого ж<урна>л был бы главной заботой, интересом его жизни, которого бы снабжал и советами, и помощью, и всей моей редакторской работой, но которому не я бы напоминал, не я бы писал деловые бумаги и т. п. (тот же проспект!), а наоборот бы!”

Это дневниковые записи Твардовского той “золотой поры” “Нового мира”, когда ещё никакого “партийного пресса” над журналом не было.

Когда Твардовский ещё в пору своего “первого редакторства” писал в ЦК КПСС, защищая статьи В. Померанцева, М. Щеглова, Ф. Абрамова и М. Лифшица, что “никакой особой “линии” у “Нового мира”, кроме стремления работать в духе известных указаний партии по вопросам литературы,

нет и быть не может”, он был абсолютно искренен и всю оставшуюся жизнь стремился придерживаться этого принципа. Другое дело, что сама партия выписывала замысловатые кренделя в своей идеологической политике и одни её “указания” подчас противоречили другим, не говоря уже о наличии “групп” в самом партийном ареопаге, одни из которых стремились Твардовского “съесть”, другие, наоборот, “возвысить”.

Его собственный личный авторитет, авторитет автора “Страны Муравии”, “Василия Тёркина”, “Дома у дороги”, поэмы “За далью — даль”, был непререклем как у писателей, так и у вождей. Другое дело, что всё меньше и меньше нравились партийным чиновникам новомирские публикации. Их приходилось отстаивать плечом к плечу с “командой”, в которой Твардовский своих единомышленников, по сути, не видел.

“Все их истинные симпатии там, в Пастернаке, в Гроссмани”... Твардовский безусловно солидаризировался с “симоновской” командой в оценке “Доктора Живаго” и увенчал своей подписью письмо в “Литературной газете” в 1958-м со словами о “нынешней постыдной, антипатриотической позиции Пастернака”. Что касается Гроссмана, то “новый вариант романа “Сталинград”, ставший потом романом “Жизнь и судьба”, Твардовский лично передал в ЦК ВКП(б) в 1954 году “с просьбой разрешить его к опубликованию”. Там было решено довести замечания ЦК по роману “до сведения редколлегии журнала “Новый мир”, предоставив на её решение вопрос о дальнейшей доработке и публикации”. Но доработка Гроссмана была такой, что редактор “Нового мира” запер роман в сейфе, откуда он и был изъят представителями органов государственной безопасности. После этого Твардовский не мог не думать, что Гроссман попросту решил “подставить” журнал.

А дальше, как говорится — круче.

Твардовский, сцепив, зубы, печатал совершенно противную ему мемуарную эпопею Ильи Эренбурга “Люди. Годы. Жизнь”, справедливо считая, что многое и многое из жизни в стране последних десятилетий Эренбург просто проигнорировал, а по поводу многого — бессовестно лукавил. Но отказать многократно лауреату и кумиру либеральной интеллигенции не мог. Когда к нему приходил и читал стихи Евтушенко, Твардовский вынужден — именно вынужден — был слушать этого “повсеградно обэкраченного” стихотворца, чтобы потом, потеряв терпение, сказать ему, что он не поэт, а напыщенный индюк. А после начиналось нечто фантазмагорическое. Стихи Евтушенко ставились в номер “соратниками по журналу” чуть ли не тайком от главного редактора, чтобы потом поставить того перед фактом: как же так, ведь это — легенда нашей молодой поэзии, так неужели же мы... (Примерно тоже самое ещё в первый период «Твардовского» редакторства происходило с поэмой Маргариты Алигер “Красивая Меча”, о которой Твардовский иронически говорил, что это “сорок тысяч вёдер воды”. Сотрудники журнала прятали Алигер, чтобы она не попадалась на глаза главному, опять же тайком доводили вещь “до ума”, первый зам Николай Тарасенков изводил “шефа” своими “надо!”, так, что, в конце концов, Твардовский не выдерживал: “Печатай ты! А я исчезну”).

Твардовский терпеть не мог Валентина Катаева и не любил его прозу, но опять же, уступая своей “команде”, уверявшей его, что “без Катаева”, тем более, Катаева “нового, современного” — “никак нельзя”, — и подписывал в номера и “Святой колодец”, и “Траву забвения”, и “Кубик” (кстати, Кожинов, в отличие от многих своих сотоварищей, высоко отзывался об этих вещах. Он ценил Катаева как художника при всём своём идеологическом несогласии с ним). По старой памяти (видимо, со времён “Студентов”) Твардовский продолжал публиковать Юрия Трифонова, но и к “Обмену”, к представленным рассказам отнёсся весьма прохладно.

Взаимные чувства к редактору (прикрывая его наименованием “редколлегий”) испытывал и Трифонов, о чём написал в своих воспоминаниях, опубликованных через несколько лет после кончины прозаика. Его жутко раздражала “непереваренная почвенническая фанаберия XIX века”, присущая нелюбимым им авторам и сотрудникам “Нового мира”, который, по его словам, “тоже крутится в этой вселенной, ядром которой является нечто, называемое “почвой” или, скажем, “родной землёй”. По достоинству оценить эту трифоновскую тираду можно, если вспомнить, что в первом номере “Нового мира” за 1963 год было напечатано знаменитое стихотворение Анны Ахматовой “Родная земля”.

*Да, для нас это грязь на калошах.
Да, для нас это хруст на зубах.
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чём не замешанный прах.
Но ложимся в неё и становимся ею.
Оттого и зовём так свободно — своюю.*

Но имя Ахматовой Трифонов предусмотрительно не назвал. Вместо этого он обратил внимание на другую публикацию: “На выходе был Белов, какие-то уморительные “байки” или “бухтины”, о которых Александр Трифонович говорил с удовольствием”.

Если учесть, что эти воспоминания, написанные уже после кончины Твардовского, ходили по рукам, в частности, и по рукам “новомирских” авторов и сотрудников, то смысл происходящего не то что недвусмысленно истолковывался, но становился всем понятен.

Мы-то, конечно, все из “шинели” “Нового мира”, — говорил Трифонов, — и об Александре Трифоновиче у нас осталась исключительно благодарная память, и помним мы все о его борьбе с “догматиками” и “охотнорядцами”, затравившими нашего гения, но вот беда: подкачал-таки главный редактор. Не на тех поставил. Тоже был болен “непереваренной почвеннической фанаберией”, от которой так и не смог избавиться.

Твардовский не мог не понимать, что именно так о нём начали думать с 1966-1967 года многие из его “соратников” вроде Берзер, Закса, Левицкого, Саца, того же Дементьева. А если ещё учесть, что он не слишком берёт свой язык в стенах редакции, и время от времени у него прорывалось давно наболевшее...

Олег Михайлов вспоминал, как вёл в журнале разговоры с Твардовским о Бунине, о его окружении, о его архиве, о своей переписке с русскими эмигрантами.

“В Париж тогда приезжал известный коллекционер и искусствовед И. С. Зильберштейн — приценивался к бунинскому архиву. Видимо, считая, что я большая шишка, Зуров (секретарь И. А. Бунина. — **С. К.**) мне написал: “Присылайте к нам не коммерсантов, а писателей”. Я сказал об этом Твардовскому, и он неожиданно откликнулся:

— И правильно. Не будет же дворянин жиду православные бумаги показывать.

Я поёжился. За моей спиной сидела чуткая Софья Ханаановна. Да и вся редакция “Нового мира” на эти слова должна была прореагировать болезненно: публицистикой (точнее, прозой. — **С. К.**) заведовала А. Берзер, критикой — К. Озерова, жена Зиновия Паперного, рабочим членом редколлегии был Закс (позднее уехавший в Израиль), другим — Сац. Я просто не знал, что ответить.

В ту пору даже слово “еврей” было под негласным запретом. Как-то мы с моим другом П. поднимались по лестнице в редакцию “Нового мира”, и он довольно громко произнёс это слово (было бы нелепо упрекнуть его в антисемитизме — он и женат был тогда на еврейке). Тут позади нас что-то заскрипело. Мы обернулись и увидели повисшую на ручке двери маленькую скукоженную старуху. С тоскливой, тысячелетней ненавистью она сказала ему:

— Здесь работаешь?.. Сволочь!

И отпустила тяжёлую дверь”.

Твардовский не мог не понимать (и чем дальше — тем больше это понимание нарастало), что в редакции его окружают (и назойливо формируют свою “редакционную политику”) преимущественно “жиды”, независимо от их национальности.

Впрочем, в зависимости от национальности — тоже.

5 сентября 1968 года. В этот самый день между Твардовским и его бывшим заместителем (смещённым в 1966-м) Дементьевым состоялся примечательный разговор.

— Саша, — это Твардовский Дементьеву, — я больше не могу. У меня в журнале русских почти нет. Сплошное еврейское засилье.

— Ха-ха-ха! — Дементьев иронически засмеялся: дескать, совсем допился дружок, что порет такую “черносотенную хрень”.

— Что ты смеёшься? Это не смешно, мне, по крайней мере.

Твардовскому было, действительно, не до смеха.

Примерно те же мысли бродили и у Владимира Лакшина, в чём мы ещё удостоверимся.

Но понимание происходящего — это одно дело. А поведение, конкретные поступки — всё же другое.

Среди разговоров с Леонидом Леоновым, которые Владимир Десятников записывал в свой дневник, был и такой:

“— Какие они атаки на меня делали! — сказал Леонов. — Я выступал, а вот Твардовский не смог. Своих дочерей за евреев выдал. У него слабое место было — лесья любил. Они это нащупали, а когда он всё понял, то было поздно. Алексей Сурков рассказывал мне, со слов Соколова-Микитова, которому Твардовский жаловался: “У меня внуки...” — и Леонов, приставив палец к лицу, показал нос крючком. — Помню, — продолжал Л. М., — было чествование К. Федина. Я сидел в президиуме слева от Федина, рядом со мной — Эм. Казакевич и Твардовский. Они ведь были родственники — дочь Твардовского была замужем за сыном Казакевича. Вдруг слышу, Казакевич что-то рассказывает Твардовскому и через слово отборный мат сыплет. Я после этого долго не мог понять. Ведь он же интеллигент, зачем ему надо было так материться при всех? Потом понял: Казакевич этим самым хотел показать Твардовскому, что и он тоже простой мужик”.

Чем дальше — тем больше зрело внутри Твардовского многослойное и неразрешимое для него противоречие.

После похорон матери, после цикла, посвящённого её памяти, после того, как он вернулся воспоминаниями к родному Загорью, когда он вплотную (в 1966-м) сел за поэму “По праву памяти”, фактически посвящённую раскулаченному и сосланному отцу, — он всё более пристальное внимание обращал на прозу Василия Белова, Фёдора Абрамова, Виктора Лихоносова, Чингиза Айтматова (работавшего тогда в том же творческом русле)... И в то же самое время — в нём постоянно будировалось и нарастало раздражение “Молодой гвардией”.

Едва ли он сам читал этот журнал. Во всяком случае, на страницах его двухтомного дневника не зафиксировано ничего подобного. Но слушал своих журнальных “конфидентов”, которые не упускали случая расписать ему во всех красках поведение и творчество новых “охотнорядцев” и “шовинистов” (подбирая и озвучивая “нужные” цитаты из их работ со своими соответствующими комментариями). Всё это происходило на фоне постоянных стычек с цензурой, с периодическими газетными нападками. С цензурой Твардовский воевал при помощи записок, адресованных в ЦК КПСС, после чего задержанные материалы частично или полностью отправлялись в печать — за отдельными исключениями (тут ещё надо учесть, что в цензурном комитете сидели свои “болельщики” “Нового мира”, заблаговременно осведомлявшие редакцию о грядущих “акциях”). Количество критических материалов о “Новом мире” в это время уж никак не превосходило количество бранных статей о “Молодой гвардии” — и тот лексикон, который писавшие о никоновском журнале позволяли себе, в принципе был невозможен в печатном разговоре о журнале Твардовского. Другое дело, что “новомирская тема” преимущественно касалась откликов зарубежной прессы, которая представляла “Новый мир”, как “демократическую оппозицию” советскому режиму, что выводило Твардовского из себя.

И он всеми силами старался продемонстрировать и за рубежом, и в родном Отечестве не просто свой советский патриотизм, но своё “стремление работать в духе указаний партии по вопросам литературы”.

Твардовский долго не мог забыть свою встречу в Италии в журнале “Эспрессо” с Альберто Моравиа и приглашёнными журналистами, которые провоцировали Александра Трифоновича на всём протяжении разговора. То спрашивали об отвергнутой им книге Евгении Гинзбург “Крутой маршрут”... Гинзбург, мать Василия Аксёнова, написала мемуары о своём аресте и лагерной жизни с точки зрения “правоверной коммунистки”, а Твардовский этого сочинения терпеть не мог, о чём и сказал открытым текстом на упомянутой встрече... То следовал вопрос о Бабеле, и Твардовский сказал, что этот писатель ему не интересен. В общем, вёл себя совершенно не “политкорректно”, но ничто не помогло ни на Западе, ни на родных нивах. Там из него и его

журнала лепили “антикоммунистическую оппозицию”, здесь настойчиво интересовались: почему это его и его журнал так обхаживают “западные антикоммунисты” и почему главный редактор не даёт им настоящего отпора?

От всего этого вместе взятого в пору было запить, и Твардовский периодически уходил в самые настоящие запои, о которых оставил воспоминания не только Солженицын. Об этом же писали непосредственные свидетели и “соучастники” – Александр Вампилов, Алексей Марков, Владимир Фирсов... После того, как была написана основная часть поэмы “По праву памяти”, Твардовский смог написать лишь одно более или менее цельное стихотворение, посвящённое памяти Гагарина. Всё остальное не выдерживало даже самой снисходительной критики.

Водка давала возможность заглушить и собственную совесть – Твардовский не мог не понимать, какую подлость он совершает, включаясь в травлю “Молодой гвардии”.

Но – положение главного редактора “лучшего журнала”, стоящего на посту “социалистической демократии”, обязывало. И была жажда доказать: мы – не враги, мы – свои. А настоящий враг – вот он, уже неоднократно раскритикованный в советских газетах. Но раскритикованный, похоже, недостаточно. Мы это сделаем лучше.

В № 3 журнала за 1969 год появилась статья Игоря Дедкова “Страницы деревенской жизни”, призванная, по сути, утвердить монополию на истолкование прозы таких “новомирских” авторов, как Виктор Лихоносов и Василий Белов, а также прозы Георгия Семёнова.

Для Дедкова идеалом литературы о деревне оставались очерки Овечкина и Дороша, повести и рассказы Тендрякова и Троепольского. А фразеологию “молодогвардейских” авторов он не переносил, что называется, на дух.

“То тут, то там на журнальных и газетных страницах замелькало: “голос земли”, “твёрдая почва народной жизни”, “величие русской души”, “народный дух”... “русское, отчее”, “святыни народной жизни”... Бывает монополия на торговлю водкой и табаком, на истину, бывает монополия на патриотизм. Похоже, что перед нами претензии именно такого рода... Такая всё обнимающая национальная гордость вкуче с высокомерием загарцевали вдруг на владимирских тяжеловозах, такое умиление разлилось вдруг окрест, что невольно диву даёшься: откуда что и взялось?..”

Само собой разумеется, бить авторов, “идеализирующих” деревенскую жизнь, и критиков, “идеализирующих” сих авторов, нужно тяжёлой “классической” дубиной. “Чехов и Бунин были жестокими и мрачными изобразителями мужаика. Но мы знаем, что Чехов и Бунин были в том споре правы, ибо долгие века и годы тяжела и застойна была сама атмосфера российской жизни, и иной русский человек, особенно в деревне, складывался, впитывая гражданскую пассивность и послушание как основные гарантии житейского благополучия, выживания вообще...” (Кстати сказать, Кожин не испытывал особой любви к Бунину, говоря, что своей “Деревней” он “оклеветал Россию”). Любопытно, что Дедков в своём социологическом анализе начисто “забыл” (или пожелал забыть) о крестьянских бунтах начала века, о деревне, которую куда лучше Бунина и Чехова знали писатели “Русского Возрождения” – Есенин, Клюев, Клычков, Орешин, Ширяевец... Но о них, само собой, здесь и памяти не было.

“Спору нет, – писал костромской критик, – рекламируемая ныне на всех перекрёстках “философия патриотизма”, её скрытые и явные потенции и претензии, причины известной её популярности и её общественный смысл – тема особая, несколькими абзацами тут не обойдёшься. Она заслуживает специальной статьи, может быть, и не одной...”

И такая “специальная статья” появилась в следующем номере журнала.

Поначалу в “Новый мир” сунулся со своим опусом вездесущий постоянный автор “Молодого коммуниста” Александр Янов. Он в своих описаниях литературной борьбы конца 60-х потом не скупился ни на какие сгущения красок, представляя “молодогвардейцев” опаснейшими “врагами режима”, чуть ли не диссидентами: дескать, о статье Лобанова “даже на кухнях говорили шёпотом” (близко ничего подобного не было – напротив, шли широчайшие обсуждения в официальных и неофициальных писательских собраниях и на читательских встречах) О своей же собственной попытке вмешаться в эту борьбу он оставил чрезвычайно любопытное свидетельство.

“Не скрою, мои воспоминания об этом эпизоде окрашены личной обидой. В “Новом мире” лежала тогда (и даже была одобрена на уровне отдела) и моя статья против “чалмаевщины”. Спокойная статья, историческая, ироничная – в духе дискуссии о роли славянофильства в русской истории, которую затеял я в том же 1969 году в академическом журнале “Вопросы литературы” (я открывал эту дискуссию в майском номере большим эссе “Загадка славянофильской критики” и завершал “Ответом оппонентам” в декабрьском, кстати, живого места не оставив от того же Дементьева (хоть и состоял он первым заместителем Твардовского, марксистом он был на удивление кондовым)).

Смысл моей статьи, предложенной “Новому миру”, был тот же, что и в дискуссии: славянофильство уже имеет на своем счету одну “потопленную” им российскую империю. Дайте ему волю, “потопит” и другую. В ядерном веке, балансирующем на грани самоуничтожения, “византийская идея отречения от мира как главного подвига человека” – не лучший способ воспитания солдата, который завтра может оказаться в шахте с ядерной ракетой. Об остальном читатель должен был догадываться сам: таков был закон эзоповского языка, на котором мы тогда общались.

Важно для нас во всём этом лишь то, что либеральным ответом “чалмаевщине” могла моя статья стать убийственным, а серьёзных неприятностей журналу не принесла бы, как не принесла их дискуссия “Вопросам литературы”. Но руководство “Нового мира” решило иначе. Возможно, потому, что после скандала с Синявским (всё-таки любимый автор журнала отбывал срок в мордовских лагерях за антисоветские рассказы, напечатанные вдобавок за рубежом, и “октябристы” вдоволь над ним за это поиздевались) решили продемонстрировать, что тоже любят Софью Власьевну – так на либеральном жаргоне называлась тогда советская власть. А возможно, потому, что уж очень настаивал Дементьев, всё-таки первый зам. Так или иначе, мне статью вернули без объяснения причин, а кондовый опус Дементьева на беду свою опубликовали”.

О дискуссии в “Вопросах литературы” у нас будет отдельный разговор. Здесь же интересно следующее: Янов до сих пор продолжает считать, что славянофильство “потопило” Российскую империю (историческая безграмотность этого заключения – на грани одесского анекдота). Само собой, Советский Союз обязательно “потопят” “новые славянофилы” (и этот бред поныне гуляет по трудам, кичащимся своей “академичностью”).

Но Янов, уже успевший к тому времени защитить диссертацию по Константину Леонтьеву (основной вывод которой был: “. . . Не пришлось Леонтьеву при жизни сослужить свою службу реакции. И попытки заставить его служить ей после смерти, конечно, тоже обречены”), по “вкусу” не пришёлся ни Твардовскому, ни большинству его “команды”. Особых умственных изощрений здесь было не нужно – требовалось нечто простое и пропагандистски-убойное. Твардовский, писавший в это же время в дневнике о “рабьем духе” Александра Дементьева, предоставил ему огромную журнальную площадь для погромнейшего материала. Так и появилась в четвёртом номере журнала статья “О традициях и народности”.

Писано и говорено об этом сочинении более чем достаточно. Даже неистовые апологеты “Нового мира” морщатся и едва ли не зажимают нос, когда пытаются хоть чем-нибудь оправдать её появление на свет Божий. Потому что подобного текста не появлялось на страницах советской печати со времён пресловутого Авербаха и Лелевича. Похоже, Дементьев в своём поносительском раже превзошёл самого себя, то есть Дементьева времён “борьбы с космополитизмом”, когда он с упоением громил с привлечением всевозможных политических ярлыков своих литературных противников.

Он начал с выпадов против Алексея Метченко и Анатолия Ланщикова. Потом перешёл к Чалмаеву: “Его статьи, если отвлечься от некоторых привходящих обстоятельств, не заслуживают серьёзного разговора. Они не отличаются ни глубиной или оригинальностью идей, ни убеждённостью, ни блеском изложения. В них больше пены и накипи, брожения смутных эмоций и желаний, чем продуманного содержания”.

Казалось бы – о чём тогда речь? Но далее огромную часть своей статьи Дементьев посвятил исключительно Чалмаеву. Напомнил о “буржуазной и социал-шовинистской печати”, что подняла “клеветническую кампанию против большевиков, обвиняя их в отсутствии национальной гордости и любви

к родине"... Понятно, откуда ноги растут? Само собой, тут же цитировалась статья Ленина "О национальной гордости великороссов". Противопоставил Дементьев заодно советский патриотизм русскому. "С псевдопатриотизмом разного рода передовая общественная мысль России и унаследовавший её традиции ленинизм всегда вели непримиримую борьбу. И даже славянофилы и названные в статье В. Чалмаева Ап. Григорьев и В. Ключевский, при всех их достоинствах, не могут быть в наше время высшим авторитетом при решении вопросов патриотизма, народности, национальных традиций". А как же "старое, грозное оружие" — идеалы Чернышевского и Писарева? Почему это у Чалмаева "их ореол померк"? В глазах Ленина он не мерк? А вы что-то имеете против?

"Ведь не думают же В. Чалмаев и В. Кожин, что деспотизм и реакция способствуют развитию литературы и искусства?" А что, если думают? И невдомёк было этому псевдоучёному, помешанному на вульгарном социализме, что, как писал Кожин, "эта примитивная логика начисто опровергается реальной историей литературы". Но Дементьева несёт дальше, он, кажется, уже сам забыл то, что когда-то учил, и кроме "Краткого курса истории ВКП(б)", ничего не осталось в памяти. С подобным солидным "багажом" можно было беспрепятственно утверждать, "что в дореволюционной России существовала не только народная передовая демократическая культура, но и культура господствующих классов, реакционная и антидемократическая..." Что "гордясь ратными подвигами русского народа, мы совершенно чужды пафоса великодержавности, "ура-патриотизма" и отделяем справедливые войны за независимость отечества от несправедливых, захватнических войн царизма"... Вся эта несъедобная жвачка служила одной цели: обвинить "молодогвардейцев" в "национальном высокомерии и кичливости". В идее "национальной исключительности и превосходства русской нации над всеми другими", в идеологии, "которая несовместима с пролетарским интернационализмом"... Далее следует уничтожение статьи Михаила Лобанова: "Везде и всюду усматривает М. Лобанов "просвещённое мещанство". Его не проведёшь ни образованием, ни эрудицией, ни артистизмом, ни интеллектуализмом... Вообще многие мотивы статей В. Чалмаева и М. Лобанова — об оторванности интеллигенции от земли, о "просвещённом мещанстве", о сытости и вечном, о западноевропейском муравейнике и т. п. — весьма явственно звучали уже в полемике славянофилов и в особенности почвенников с "Современником". И уже тогда была очевидна их беспочвенность и антинародность... Со времён Герцена прошло много лет... появилась новая интеллигенция из рабочих и крестьян, преданная делу коммунизма и социалистическому Отечеству. Надо бы, кажется, принять это во внимание при разговоре о "просвещённом мещанстве"!"

Пройдёт двадцать лет, и эта "новая интеллигенция" покажет во всей красе, насколько она "предана делу коммунизма и социалистическому отечеству"... Но Дементьев ничего не желал ни видеть, ни соображать. Он был озбочен одним: клеймением ненавистных "неославянофилов". Он "катил бочку" на всех поэтов, печатающихся в "Молодой гвардии", без разбора, не отличая Лысцова от Ларисы Васильевой, Шошина от Виктора Бокова, которого заодно хлестанул поистине страшным (в глазах критика) сравнением: "Может быть, В. Бокову и другим поэтам, охотно выставляющим себя "аржаными" и "конопляными", полезно напомнить известные стихи Н. Клюева, полемический смысл которых не требует пояснений", цитируя клюевское стихотворение 1918 года "Мы — ржаные, толокенные..." Более того, следовал вопросец с подходцем: "Не носят ли пристрастия наших поэтов несколько односторонний, "мужиковствующий" характер?" Цитировал поэму Алексея Маркова "Мать Есенина" и утверждал, что "Есенина любили". Поневоле вставал вопрос: кто любил? Народ, действительно, любил. А власть имущие? Начитанные люди не могли не вспомнить здесь "Злые заметки" Бухарина.

Дементьев издевательски раскавычивал строчки Николая Рубцова "И храм старины удивительный, белоколонный, пропал, как виденье, исчез среди померкших полей..." (потом из прижизненных книг поэта и долгое время из его посмертных сборников это классическое стихотворение "Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны..." неизменно удалялось). Как жуткую "крамолу" Дементьев квалифицировал появление в "Молодой гвардии" редакционной статьи "Тысячелетние корни русской культуры" — отчёт о новгородской конференции.

А завершался этот “труд неподъемный” цитатой из Программы КПСС, которая призывала “вести непримиримую борьбу против проявлений и пережитков всякого национализма и шовинизма, против тенденций к национальной ограниченности и исключительности, к идеализации прошлого и затушёвыванию социальных противоречий в истории народов, против обычаев и нравов, мешающих коммунистическому строительству”. Дементьев фактически прямым текстом говорил, что и он сам, и “Новый мир” в целом ведут эту непримиримую борьбу, поскольку подобных “проявлений” в комсомольском журнале более чем достаточно.

Цензура придержала этот номер из-за других материалов, но при помощи Агитпропа, возглавляемого тогда бывшим участником группировки Шелепина Александром Николаевичем Яковлевым, вовремя предавшим своего патрона, он вышел в июне месяце. “Молодогвардейцы”, да и все русские патриоты, читавшие этот опус, не могли не понять: такое стало возможно только при помощи партийных идеологов, которым никоновский журнал давно стоял поперёк горла. И начали готовить свой контрудар.

(Продолжение следует)

В марте 2021 года перестало биться сердце нашего постоянного автора, выдающегося русского критика Валентина Курбатова. В память о нём мы публикуем статью о “ранней” военной прозе Виктора Астафьева, впервые вышедшую в красноярском литературно-художественном альманахе “ЗАТЕСЬ” в 2020 году.

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ

СВИДЕТЕЛИ ГРОЗНОЙ ПРАВДЫ, ИЛИ НЕ ИГРА В “ВОЙНУШКУ”, А ВОЙНА

...Как далеко ушла война. Как близко она подошла. Послушаешь новости, откроешь интернет, и даже высокая мысль покажется второстепенной. На минуту сердце сожмётся, но милосердная жизнь постарается тут же загородить тревогу сиюминутными заботами. И, глядишь, уже завертелся и забыл. Пока не останешься вечером наедине с уже читанной и подзабытой, но тут словно самой судьбой подsunутой под руку книгой.

Может быть, это лучшая духовная школа — возвращаться к книгам, рождённым в половине прошлого столетия и, оказывается, совсем иначе, чем мы, нынешние, видевшим человека.

Случайно ли, что Виктор Петрович Астафьев, прошедший войну рядовым, израненный, оставшийся без глаза, первый рассказ написал именно о войне. В одну ночь, в дежурном журнале колбасного цеха в городе Чусовой. И рассказ самый “не героический” (“Гражданский человек”), потому-то написан оттуда, из тогда еще недалеко отошедших лет, когда боль и победа ещё были неразлучны.

Да и там только по внешности всё произошло из-за того, что завёл на литобъединении, устал про картинных литературных вояк слушать и взял да и написал своего Мотю Савинцева. А на деле-то Мотя давно жил в сердце и наружу просился.

Как спустя несколько лет запросится и Мишка Ерофеев из первой военной повести “Звездопад” с его по тыловым нравам вроде обычной (кто из солдат не влюблялся в госпиталях?) и так нестерпимо обернувшейся госпитальной любовью. Там впервые и потянуло невиданной, тяжело поднимающейся, новой для литературы войной и сразу очень своей, грозной астафьевской правдой.

Первый благодарный и последовательно до смертного своего часа читавший все книги Астафьева, строго и верно оценивающий их критик А. Н. Макаров писал об этой повести, что “такого изображения первой любви в литературе... не было, развитие стыдливого и окрыляющего чувства, начавшегося с характерной для нашего героя “умильной жалости” к девушке, дежурившей ночью в палате, передано так непосредственно, с таким возвышающим душу реализмом, что “Звездопад” можно поставить в ряд самых поэтических

произведений на эту тему”. И тут же замечательно выразил наше общее чувство по прочтении повести: “...от Вашей правды выругаться захотелось. Ну, что Вам, право, стоило поженить их или разлучить так с музыкой. А Вы взяли и написали, как в жизни. И потому и хочется ругаться, и грустно, и, наверное, уже никогда не забудешь этого Вашего юношу. Все мы, наверное, носим в душе нечто несовершенное, что и есть самое дорогое”.

Это, может быть, самая высокая оценка – когда “выругаться хочется” от бессилия и безжалостной правды, которая не одних героев разлучает, а в тебе самом обнаруживает “несовершенное”, и в твоей памяти вызывает уже истаивающий образ пусть в других обстоятельствах, но вот так же близко и укоризненно прошедшей любви, утрату которой ты всё валишь на судьбу, страшась доглядеть до конца и понять, что “судьба” – это только защита от твоего “несовершенного”. Хотя тут все много сложнее. Мишка ещё как будто и не догадался, что это война убила его любовь, что это она безумием своим сначала как будто умалила её, а там (может быть, отчасти защищая солдата) и вовсе погасила. Но писатель за Мишку это уже понял и только побоялся поверить понятному и оттого как будто замялся в финале, где уже брезжило что-то необыкновенно важное, что-то всеобщее-существенное, что было больше и важнее его судьбы и что касалось всякого человека на войне.

Должны были пройти годы, он должен был доучиться, пройти школу Высших литературных курсов, которые отлично сформировали его памятьливый, ищущий полного и многостороннего знания ум, мысль о войне должна была возмужать в рассказах (среди которых уже был и лучший его рассказ “Ясным ли днём”), в “Звездопаде”, а также в беседах с товарищами по курсам – Е. Носовым, П. Проскуриным, – в общении с А. Н. Макаровым, прежде чем он смог, наконец, однажды в деревне Быковке на Урале, где тогда жил, залпом, в три дня и, конечно, ночи, в последнюю из которых совсем не ложился, написать черновик самой неожиданной своей повести “Пастух и пастушка”.

Он начисто выстудил дом, позабыл, ел ли чего, и только поставив точку, опаматовался, как-то сразу понял, что сделал хорошую книгу, и с криком: “Громи захватчиков, р-р-ребята!” – кинулся к печке, а потом на пароход – и домой, чтобы скорее отправить рукопись Макарову – советоваться, обсуждать, думать, но дома его ждала телеграмма о смерти учителя.

“Легко” было написать черновик и читателю легко обмануться скоростью литературного труда (в несколько дней 120 страниц!), но потом было 13 перепечаток повести, пока она дошла до нынешнего, устраивающего автора варианта. Я видел астафьевские перепечатки на начальных стадиях – его провололочный (и проволока плохая, гнутая непослушной рукой) почерк чернил страничку и между строк, и на полях, и ещё на обороте. Редкой странице удавалось выйти из переделки чистой.

А мысль о повести зародилась в чувовской газетной командировке и воплотилась только через 14 лет после рождения замысла, хотя росла исподволь все годы, отчего и вылилась в черновике так скоро. Она уже и в “Звездопаде” билась, в той сцене, где Лида, разлучаясь с Мишкой, боится оставить его, потому что “в лице у него что-то”. Кажется, и сам Астафьев не знал, что это такое в Мишкином лице, и вот теперь снова, в других героях искал разгадки этого выражения.

Он определил жанр как “современную пастораль”. “Пасторалей” о войне ещё не писали. Читатель, обманутый идиллическим именем повести и жанром, беспечно открывал книгу и сразу проваливался в страшную ночь: “...чёрная злоба, чёрная ненависть, чёрная кровь задушили, залили всё во круг...” Казалось, вся “война была сейчас здесь, в этом месте: кипела в распотанной яме траншеи, исходя душливым дымом, рёвом, визгом осколков, звериным рычанием людей... И наши, и чужие солдаты попадали в лёжку, жались друг к другу, затискивали головы в снег, срывая ногти, по-собачьи рыли руками мёрзлую землю, утягивали под себя ноги, стараясь быть меньше, – и всё это молчком, лишь загнанный хрип слышался отовсюду”.

После этого страшного боя солдаты и увидели пастуха и пастушку: “За давно не топленной баней... возле картофельной ямы... лежали убитые старик и старуха... Они лежали, прикрывая друг друга... – вместе на веки вечные...”

И когда как-то разом займётся любовь лейтенанта Бориса Костяева к Люсе, мы по её тревожной чистоте и самозабвенности сразу поймём, что добром она не кончится, потому что лежат за баней в сырой земле не разнявшие рук

пастух и пастушка, так не похожие на тех, которых Борис мальчиком видел в московском театре и которые танцевали среди белых овец на зелёных лужайках и не боялись за свою любовь. А вот состарились и убиты в картофельной яме. Этот двоящийся образ нейдёт у читателя из головы, а если он помнит Мишкины глаза в “Звездопаде”, то и того хуже. Может быть, именно этот читатель, помнящий про глаза, не удивится, что в главе “Успение” Борис медленно умрёт от пустяковой раны, потому что у него, как и у Мишки, “убили” не любовь даже, а что-то более существенное, чего опять напрямую Астафьев не объяснит и что не сразу сформулирует критика.

Ночь. Лейтенант шепчет Люсе, вспоминая тех театральных пастуха и пастушку, танцевавших под простенькую сиреневую музыку: “В доверчивости они были беззащитны. Беззащитные недоступны злу — казалось мне прежде...” Позднее я прочитал в книге одного польского поэта, что безоружный человек всеилен и что во все времена не был убит ни один и никогда не будет убит безоружный человек. Вот и Борис высокою душою впитавшего гуманистические принципы человека был в этом уверен, но война и особенно вот эти не разнимающие рук и в смерти старик и старуха заставили его сделать оговорку, что это только “казалось ему прежде”, что “беззащитные недоступны злу”. Но сам он с такой уточнённой правдой смириться не мог.

Много приходило Астафьеву писем после этой книги. Очень просили читатели сохранить Борису жизнь, страстно хотелось им не “современной”, а классической пасторали вроде тех сказок, которые Мишка Ерофеев рассказывал Лиде в “Звездопаде”, где солдат прошёл все бои неуязвимым и в конце была свадьба. Но были и прекрасные, глубоко пронизательные письма. Старший товарищ по Пермской писательской организации Б. Н. Назаровский писал Астафьеву, жившему тогда в Вологде, очень верно: “Не на войне убивают, а война убивает”, — и приводил четверостишие Шандора Петефи:

*Смоют когда-нибудь дочиста
Слёзы всего человечества
Грязь со всего человечества —
Вот что узнать мне хочется.*

Добавляя, что заменил бы только “грязь” на “кровь”.

Тут суть схвачена кратко и безупречно — война убивает. Помню, как поразила меня когда-то “Баллада о расстрелянном сердце” прошедшего фронт поэта Николая Панченко, где герой после войны стучится под окнами с просьбой: “Подайте мне сердце!” Борис Костяев предчувствовал эти скитания, и сердце изменило ему раньше, чем он вышел из войны. Наверно, у Мишки в глазах была та же боязнь, прозорливо увиденная Лидой. Им было по девятнадцать, и впереди предстояла жизнь — без сердца им было нельзя. Они были молоды, и немудрено, что чувствовали так остро и непримиримо.

Но вот ведь и старшина Мохнаков в “Пастушке” — уж на что бывалый человек, огни и воды прошёл, извёл сердце до цинизма, так что Костяев под горячую руку даже убить его готов, а и тот чистое бельё надел, вещмешок с противотанковой гранатой за спину закинул, да и шагнул под немецкий танк, а потом Борис и письмо у него готовое нашёл к жене и детям. Подготовился старшина обстоятельно, как всё в жизни делал, и хоть подвиг совершил, а что-то очень на самоубийство похоже — понимал старшина, что без сердца на родной земле в родной деревне нечего ему делать.

Всё с годами растёт и меняется в человеке. Художник сцепляет символику и реальность, чтобы вернуть мысли всю даль, позабытую за теснотой быденной жизни. Потому Астафьеву и понадобилась “пастораль”, чтобы уже свою устоявшуюся традицию в изображении войны преодолеть, чтобы дать своей спокойно вызревшей мысли простор, на котором она может переключаться со всей художественно-исторической далью. При этом, уходя от себя, от уже стесняющего шаг своего опыта, он тем только полнее и сознательнее возвращался в лоно классической литературной традиции, к тем толстовским корням, которые неизбежны для всякого прозаика, принимающегося за философски перспективное осмысление войны.

Астафьев не случайно начинает пастораль боем, где “чёрная злоба, чёрная ненависть, чёрная кровь” и где человек “загнанно хрипит”, “по-собачьи роет руками мёрзлую землю”, “рычит”, где всё нажитое мыслью, чтением,

духовным ростом как раз не очень важно, чтобы не сказать — вовсе не нужно, а первенственно инстинктивное, прапамятное, бессознательное — ловкость, сила, проворство, жестокость, где человек приноравливается и усваивает уроки экономной войны, простой, как крестьянская работа: “Солдат знает, что надо делать на войне, и лучше всего, и твёрже всего он знает, что пока в землю закопан — ему сам чёрт не брат, а вот когда выскочит из земли наверх — так неизвестно, чего будет: могут и убить, и пока, возможно, он не выберется оттудова и за всяким-яким в атаку не пойдёт, будет ждать, когда свой ванька-взводный даст команду вылезать из окопа и идти вперёд... Но и тогда старый... вояка ещё секунду-другую перебудет в окопе, замешкается с каким-нибудь делом...”

Так понемногу научится воевать и Костяев, и ему бы долго идти по войне, а может, и до конца её дойти, когда бы не эта внезапная, но вместе всё-таки неизбежная любовь, которая потому и пронеслась над ним стремительно и властно, что он носил в планшете прекрасные письма матери, полные горькой возвышенной доброты, и хорошо помнил “состоящую из сплошных радостей” жизнь. Конечно, всего в ней, наверно, хватало — у сына учительницы, росшего на сибирской реке под строгой рукой отца, воспитывавшего сына по-спартански, — но сейчас он видел там только свет и праздник.

И вот война выжигает в нём всё это, такое существенное и единственно незабываемое для души, отменяет, и он истово и умело дерётся за сохранение этих дорогих опор, но чем более дерётся, тем далее прячет заветные понятия и очень злится, когда кто-то, как его солдат Ленцов, пытается перевести эти заветы на поучительные прописи. Борис хоть вслух не говорит, но наиболее верно определяет суть досады, вызываемой верными замечаниями солдата. Когда тот в очередной раз резюмирует: “Вот чем она страшна! Вот чем! В крови по шею стоит человек и глазом не моргнёт”, — Борис думает: “Ты свою боль по ветру пускаешь, и цепляется она репьем за другие души”.

Вот ещё от чего он умер, не дотянув до госпиталя, — “боль свою по ветру не пускал”. Понимал, что другим и без того несладко, что им и своего страдания вдосталь, у каждого свои незабываемые чувства расшатаны и повреждены, так что нечего им ещё своего добавлять, и душа в молчании надорвалась. До Люси она была более приспособлена, защищена, где обманом себя, где тренировкой, а тут всё разом оказалось наружу, и он сделался беззащитным перед злом, как те двое на сценической лужайке под сиреневой простенькой музыкой, или как эти, в картофельной яме, которые могли только укрывать друг друга руками, но это слишком слабая защита перед войной.

Мужество Астафьева в “Пастушке” было в том, что он поглядел на последнюю войну из высокой русской традиции, из вековой милосердной нашей культуры, которая, прежде всего, думает об отдельном человеке, о каждом, а с этой единственно должной точки зрения война неизбежно противоестественна. Не зря же первый свой рассказ он так и назвал “Гражданский человек”. Это был его герой, и выше всего в своём Моте Савинцеве он как раз эту “гражданскость” и ставил.

С тех пор все лучшие астафьевские герои будут Моте сродни. Анализируя книги товарищей Астафьева по поколению и литературе, — К. Воробьёва, Ю. Бондарева, В. Быкова, — критик Игорь Золотусский писал, что книги о войне “пишутся не для тех, кто там был. Ибо они знают это всё по себе... Поколение, которое прошло войну, оставляет нам эти книги в наследство... Когда оно было таким, как мы, оно не часто слышало эту правду. И теперь оно хочет, чтоб мы слышали её”.

Война не кончается с последним залпом. Проходят годы, десятилетия, окопы затягиваются травой, а инвалиды ещё мучаются ночами от старых ран, вдовы просыпаются в слезах, потому что забыли лица мужей, но так отчётливо видят своих неродившихся детей. Но главное — основную работу жизни уже делает невоевавшее поколение. Вот ему-то и надо знать, как всё было там, в главном деле отцов. И знать не по бодрым песням, не по сухим сводкам, а “по душе”. Ведь там погибали не отвлечённые отцы, а обыкновенные, живые, без которых пацанам было трудно расти и которых они рисовали с детским простодушием — красная звезда, наган в руке и ежедневная лихая победа над врагом. Этому научило детей бойкое военное кино, которое, кстати, как говорит Астафьев, и в окопах смотрели с удовольствием и чистосердечно радовались удачам киношных вояк. Сами они находились на совсем другой войне.

Литература и кинематограф и после войны кинулись было помогать детям в этом бодром миропонимании, но уцелевшие солдаты не дали свершиться внешне благодной, но внутренне губительной неправде. Жестокие мужественные книги Астафьева возвращали войне её некинематографический облик. Читать это было тяжело, но необходимо, и чем тяжелее была правда, тем в итоге она была созидательнее, потому что мы видели, в каких бесчеловечных, отрицающих все гуманистические законы условиях отцы всё-таки сбегали высокую русскую этику во всей её чистоте ценою ран и смерти товарищей. Они поняли, что нельзя примириться с тем, чтобы слово “смерть” вошло в человеческий обиход наравне со словами “есть”, “пить”, “спать”, “любить”, и все на свой лад сказали об этом, хотя сказать это было непросто.

Они завоевали себе право на правду, и, наверное, можно было бы написать ещё одну горькую страницу их последнего мирного, но не менее кровопролитного для души боя за возможность эту правду высказать. История публикации каждой такой книги требовала всего мужества. Когда они уставали, они вспоминали себя солдатами, вспоминали, что они, как писал Василь Быков Астафьеву после “Пастуха и пастушки”, ответственны за всех, “кого позаклапывали в русскую и нерусскую землю”, и потому не могут уклониться от своего долга выговорить истину, какой она явилась им в их мудрые, взвешенные, просвещённые возрастом и опытом годы. В этом стоянии отцов за правду в литературе был не менее значительный урок поколению детей, чем их победа в войне. Оно было прямым и естественным продолжением сохранённой в войну человеческой этики.

ЮРИЙ ПАВЛОВ

ВИКТОР АСТАФЬЕВ, “ПОТАЁННЫЙ” И ЯВЛЕННЫЙ

23 февраля 1990 года Виктор Астафьев информирует главного редактора “Нашего современника” Станислава Куняева: “... Я перехожу в журнал, более соответствующий моему возрасту, и к редактору, с которым меня связывает давняя взаимная симпатия, то есть в “Новый мир” [1. С. 550].

Данное решение несправедливо объяснять только расчётом: осенней встречей в Риме с писателями-эмигрантами (о ней в феврале Астафьев ещё не знал), желанием получить Нобелевскую премию и тому подобным. Переход в “Новый мир”, – прежде всего, результат почти окончательной победы тёмных начал в личности писателя. О разных уровнях проявления этих начал, определявших главную линию судьбы “позднего” Астафьева, и пойдёт речь.

Солидарность Виктора Петровича с “Письмом 42-х”, пропитанным кровью жертв ельцинского режима, говорит сама за себя. И не подпись Астафьева под позорным документом имеется в виду. Тем защитникам прозаика, кто утверждает, что он письмо не подписывал, и тем, кто в его фамилии, находящейся в конце письма, видит указание на “долгие переговоры и согласования” (“Культура”, 2019, № 16. С. 4), поясним. 14 января 1994 года Астафьев сообщает: подпись под “Письмом 42-х” “присобачили” без его ведома. Однако далее уточняется: “Подпись моя, стоящая среди достойных людей нашего времени, уместна, и я поставил её, считайте, задним числом” [1. С. 657]. Такое высказывание, озвученное через три месяца и десять дней после трагедии, воспринимается как признание нераскаявшегося человека, уверенного в своей правоте.

Ещё одно из важных проявлений сущности “позднего” Астафьева – его отношение к ельцинскому режиму. В 1990-е годы Астафьев многократно, последовательно, постыдно выступает в защиту президента. Всю ответственность за катастрофические события этого десятилетия писатель, как правило, возлагает на коммунистов и русский народ. В многочисленных интервью, письмах, отдельных “Затесях” Астафьев говорит, по сути, одно и то же. Вот как, например, во время предвыборной кампании в 1995 года характеризуются писателем Ельцин и народ: “Все дружно ругают президента, а виноват он лишь

ПАВЛОВ Юрий родился в 1957 году в городе Кроткине Краснодарского края. Доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Кубанского государственного университета. Член СП России. Критик. Лауреат литературных премий. Автор многих публикаций в журнале “Наш современник”, газетах “День литературы”, “Литературная Россия” и др. Живёт в Краснодаре. Главный редактор журнала “Родная Кубань”.

в том, что впрягся в эту огромную телегу, не сознавая, видимо, что гора выскока и колдобины на российском пути глубокие, что никуда, ничего и никого не вывезти. Уже в 90-м году было ясно, что народ наш не готов к крупным переменам, к решению колоссальных задач, к крутым, грандиозным переменам” [1. С. 712].

Любимая идейка о неполноценном народе западников-русофобов разных эпох наполняется Астафьевым таким же по происхождению содержанием. Приведём заключительную часть высказывания, составленного из расхожих клише: “Работали плохо, получали мало, жили одним днём <...>, при всеобщем образовании, в том числе и высшем, остались полуграмотной страной. Зато много спали, пили беспробудно, воровали безоглядно. И этому, в полусне пребывающему, ко всему, кроме выпивки, безразличному народу предложили строить демократическое государство, обрекая его думать и жить самостоятельно.

А зачем ему это? Нужно ли? – опять позабыли спросить!

Вот в 90-м или во время путча 91-го года и надо было давать отбой – не можем! Не созрели” [1. С. 713].

Если у русского народа такие “защитники”, как Виктор Петрович Астафьев, зачем ему враги?

Видимо, закономерно и то, что страшилки о русском фашизме и восхваление Ельцина часто сопровождаются сверхнегативными выпадами против ветеранов Великой Отечественной войны. Так, в “Старой записи”, одной из последних “Затесей”, Астафьев приписывает президенту мифические заслуги и не хочет понять фронтовиков, недовольных политикой руководителей страны. С удивлением читаем: “Но за чуткость эту и многое другое отблагодарили вояки Ельцина чисто по-русски: стали материть его на всех перекрёстках и площадях, трясли красными знаменами да славил отца и учителя, который послал их на смерть, а после победы, взбодрившись, выбросил на помойку, позагонял в леса, рудники, шахты искупать его вину <...>”. И заканчивается этот пассаж весьма своеобразно, в астафьевском духе: “Ума нет – беда недалеко”, – говорят на Урале” (“Новый мир”, 1999, № 8. С. 21).

В данном случае речь должна идти не об отсутствии ума у фронтовиков, а о неадекватности самого автора. Во-первых, ветераны войны разных национальностей относились к Ельцину резко отрицательно, поэтому нет никаких оснований говорить о “чисто русской” благодарности. Во-вторых, мысль о Сталине, посылавшем на смерть фронтовиков, недовольных в 90-е годы Ельциным, уязвима хотя бы потому, что фронтовики эти живы. В-третьих, страшилка – довольно старая и не собственно астафьевская – о победителях, выброшенных на помойку, загнанных в леса и т. д., рассыпается, если посмотреть на вполне благополучные судьбы С. Орлова, Ю. Бондарева, Г. Бакланова, Ф. Абрамова, Б. Слуцкого, В. Бушина, Б. Окуджавы, М. Лобанова, Д. Самойлова, Е. Носова и многих-многих других участников войны.

* * *

В последние тридцать лет большая часть СМИ, многие критики, литературоведы, деятели культуры, преподаватели вузов, учителя последовательно утверждают: публицистические высказывания и художественные произведения о Великой Отечественной войне “позднего” Астафьева – ранее не ведомая солдатская правда о главном событии XX века.

На самом деле своеобразное видение войны сформировалось у Астафьева уже в 1960–1970-е годы. Поэтому есть смысл сказать отдельно об этом периоде в становлении взглядов писателя на войну и на то, как эти взгляды проросли в личности и “позднем” творчестве.

Именно в эти годы Астафьев проводит нравственную ревизию традиционного видения войны. Этапным на этом ревизионистском пути являются рассуждения писателя 1974 года: “Что стоила нам победа? Что сделала она с людьми <...> И самое главное, что такое хороший и плохой человек? Немец, убивающий русского, – плохой; русский, убивающий немца, – хороший. Это <...> приучало к упрощённому восприятию действительности, создавало удобную схему, по которой надо и можно любить себя <...>” [1, с. 235]; “Хорошие – плохие” люди в военной форме уже своё отжили. Они

существуют только благодаря законсервированности и косности человеческой мысли” [1, с. 236].

Как видим, вопросы и ответы формулируются так, чтобы поставить под сомнение традиционное христианское представление о войне, разрушить национальную систему ценностей.

Астафьевская атака на эти ценности и такое восприятие войны была продолжена в письме к Валентину Распутину от 20 декабря 1974 года. Высоко оценив повесть “Живи и помни”, Виктор Петрович направляет младшего “брата” (так он долгое время называл Распутина) на принципиально иное, “правильное” понимание происходящего. Глаза на войну, по мысли Астафьева, должны открыть Распутину слова, сказанные на фронте якобы “умным человеком”: “Молокососы! <...> что вы тут хлещетесь, под пулями работаете, надеясь, что потом вас на руках носить будут, помогут вам в жизни (такие прагматично-западнические мысли в головах подавляющего большинства защитников Родины в принципе даже возникнуть не могли. — Ю. П.). Ни хрена! Как всегда, победу отнимут у народа те (отнять победу у народа невозможно; её можно отнять только у больных наполеонизмом людей, к народу отношения не имеющих. — Ю. П.), кто за вашими спинами скрывался, <...> сделают безликой массой, принизят ваше значение, оплюют ваш тяжкий труд на войне и в тылу...” [1, с. 243].

Валентин Распутин совету старшего друга не внял: такое видение войны и послевоенной действительности было для него абсолютно неприемлемо и в 1970-е годы, и позже. Закономерно, что в эссе Распутина “Повесть пронзительная и печальная”, написанном незадолго до смерти, Астафьев-прозаик присутствует в тексте и подтексте как антипод Евгению Носову.

В “поздних” рассказах Носова отмечается “какая-то особая чуткость и мягкость слов, которые только он умел расположить даже в самом суровом и драматическом тексте так, что они давали утешение и просветление” [2, с. 8]. Не иссякающий до самой смерти талант Носова Распутин объясняет качествами его писательской личности.

Размышляя об одном из лучших рассказчиков второй половины XX столетия, Валентин Григорьевич невольно определяет важнейшую мировоззренческую и творческую особенность русских писателей XX–XXI веков, продолжающих традицию христианского гуманизма: “Такое впечатление, что его творческий запас и не мог убыть, его духовная и нравственная чуткость, его мудрость и добродушие и не могли иссушиться, потому что личное, индивидуальное находилось в нём в непрекращающейся связи со всем лучшим, что сохранилось в нашем народе. Невольно любишь: сколько добрых, светящихся, ласкательных слов находит он для самой суровой военной поры — и когда находит? — почти в подобное же лихолетье (речь идёт о любимых Виктором Петровичем 1990-х. — Ю. П.)!” [2, с. 8].

В конце эссе даётся открытая сравнительная характеристика изображения войны в прозе Евгения Носова и Виктора Астафьева. Приведём её сокращённый вариант: “Уверен, что в рассказе “Памятная медаль” Евгений Носов продолжил негласный спор со своим другом Виктором Астафьевым о том, как следует им, фронтовикам, писать войну”; “Война ожесточает людей. Но по нравственному статусу писателя бывший воин не имеет права ожесточаться и переходить на грубый язык, в скверну окопного бытия, отдаваться, как клятвенный свидетель, тому низкому и звериному, без чего никакая война не обходится, и потом делать из этого окончательные выводы. Правда события не есть ещё историческая правда. Тем более не духовная правда и не художественная” [2, с. 8].

Отношение к войне Распутина и Астафьева, как видим, принципиально разное.

Несомненно и другое: в эссе Распутин выразил взгляды, характерные для русских писателей, продолжающих традиции отечественной классики. Традиции, со многими из которых Астафьев сознательно порвал. Об этом он говорил не раз и в процессе создания романа “Прокляты и убиты”, и в ответах своим оппонентам.

В письмах к Валентину Курбатову и Юрию Нагибину Виктор Петрович определяет те задачи, которые он ставил перед собой в романе “Прокляты и убиты”, и место своего произведения в русской и мировой литературе. В этих суждениях удивляет, прежде всего, наивно-неофитский уровень мышления.

Писатель, например, всерьёз утверждает: “Я усложнил себе задачу тем, что не просто решил написать войну, но и поразмышлять о таких расхожих вопросах, как что такое жизнь и смерть, и человечешко (разрядка моя. — Ю. П.) между ними” [1, с. 642].

Астафьев ломится в открытую дверь, ставя в заслугу себе то, что присуще любому большому художнику, повествующему о войне и не только о ней. Александр Пушкин, Лев Толстой, Сергей Есенин, Михаил Булгаков, Михаил Шолохов, Юрий Бондарев, Евгений Носов, Константин Воробьёв, Валентин Распутин, Василий Белов, Леонид Бородин и другие классики XIX–XX веков через изображение войны (всё равно какой) размышляли о жизни и смерти человека, которого “человечишком” не называли и назвать не могли.

И главным писателем-оппонентом на этом новом пути для Виктора Петровича стал автор “Войны и мира”. Толстовская традиция Астафьеву чужда, что следует из письма к Валентину Курбатову от 18 июня 1993 года. Загадочно звучит признание Астафьева о том, что он попытался добраться “до верхнего слоя той горы, на которой и Лев Толстой кайлу свою сломал” [1, с. 642]. В чём видится автору “Прокляты и убиты” слом “кайлы”? На этот и другие вопросы ответы у Астафьева отсутствуют. Иные же суждения писателя о своём романе дают возможность прояснить его точку зрения.

В письме к Юрию Нагибину от 10 июня 1994 года Виктор Петрович так “скромно” оценил “Прокляты и убиты”: “Написал произведение, какого в нашей литературе ещё не было...” [1, с. 668]. Смысл этого “не было” Астафьев определил тремя годами раньше: “Всей дальнейшей работой в романе я как раз и покажу, как армия рабов воевала по-рабски, трупами заваливая врага и кровью заливая поля, отданные бездарным командованием тоже рабского свойства” [1, с. 594].

Конечно, ничего нового в таком восприятии войны нет. Задолго до Астафьева и в одно время с ним подобные мысли высказывали “клеветники России” разного толка. Но всё же ответить Астафьеву, хотя бы пунктирно, необходимо.

Во-первых, рабы — от рядового до военачальника — не в состоянии были одержать победу над фашистской Германией и её многочисленными союзниками, своеобразным интернационалом “свободных” цивилизованных народов.

Во-вторых, миллионы добровольцев и несчётное количество героев (известных и неизвестных, военных и гражданских) опровергают миф о рабах-победителях. Да и бездарные полководцы, “дремучее офицерство” (В. Астафьев) войну не выигрывают и не одерживают побед в самых масштабных сражениях XX века.

В-третьих, всем, казалось бы, известные цифры и факты опровергают астафьевские басни о войне. Писатель создаёт свою лжереальность, где Покрышкин стал героем Советского Союза за два сбитых самолёта, а немцы — героями рейха за четыреста-шестьсот; СССР потерял в войне якобы сорок семь миллионов человек... [1, с. 686].

В-четвёртых, Астафьев в письмах, интервью, романе не может и не хочет понять следующее: подавляющая часть соотечественников защищала не власть, а Родину, делала то, что всегда делали — при любой власти — достойные люди. К их числу Астафьев в 1991 году принадлежать не хочет: “Повторись война, я нынче ни за что не пошёл бы на фронт, чтобы спасти фашизм, только назад красной пуговкой...” [1, с. 593]. Набившая оскомину мысль о тождестве фашистской Германии и СССР, взятая напрокат из Гроссмана, Солженицына и других антисоветско-либеральных источников, ситуацию не меняет.

Ещё один сюжет полемики с Толстым возник с подачи Игоря Дедкова. Он за год до смерти опубликовал одну из лучших своих статей “Объявление вины и назначение казни” [3, с. 185–202]. Астафьев ответил Дедкову уже после кончины критика. Писатель свёл полемику к вопросу о цензурной брани. Её обилие в романе объясняется Астафьевым с материалистических, вульгарно-социологических позиций — “нашей натуральной действительностью”. Этот же подход Астафьев демонстрирует и в суждениях о русской классике, которая приводится Дедковым как альтернатива роману “Прокляты и убиты”.

Высказывания писателя об авторе “Войны и мира” как будто вышли из “шинели” Пролеткульта, РАППа: “Лев Толстой — сытый барин, он баловался, развлекал себя, укреплял тело барское плугом, лопатой, грабельками, и не жил он нашей мерзкой жизнью, не голодал, от полуграмотных комиссаров

поучений не слышал, в яме нашей червивой не рылся, в бердской, чебаркульской или тоцкой казарме не служил... Иначе б тоже матерился” [1, с. 772].

Логика Астафьева легко опровергается судьбами десятков писателей, современников Виктора Петровича, на чью долю выпали испытания, подобные астафьевским, или ещё более тяжёлые, чем у него. В текстах Олега Волкова, Леонида Бородина, Евгения Носова, Константина Воробьёва, Виталия Семёна, Владимира Максимова, Василия Белова, Михаила Лобанова и многих других нецензурная лексика отсутствует.

Уже в 1960-е годы Астафьев неоднократно транслирует пацифистские мысли. В уважении к армии и армейской службе он в 1966-м видит – ни много ни мало – проявление милитаризма. А поведение солдат, стыдящихся маршировать на улице и петь песни, Астафьева радует как якобы сознательное сопротивление милитаризму. Слова, сказанные Виктором Петровичем молодому генералу 54 года назад, созвучны тому, что вешают либеральные авторы последних десятилетий: “...Если б торжествовала передовая человеческая мысль на земле, давно б уж не было на ней никаких казарм, никаких армий и некого было бы “освободить”, а ему, генералу, пришлось бы идти на производство и не обесценивать до самого серого цвета человека, а производить нужные людям вещи” [1, с. 91-92].

Подобное отношение к армии, генералам, солдатам начало воплощаться в жизнь на рубеже 1980–1990-х годов. К чему это привело, хорошо известно. Однако ужасающая реальность никак не подействовала на Астафьева. На протяжении всех 1990-х он – в интервью, в письмах, в романе “Прокляты и убиты” (наиболее показателен монолог Зарубина в беседе с Лахониным перед началом операции на плацдарме), в “Затесях” – транслирует свои взгляды 1960–1970-х годов на армию, войну, государство, человечество.

Пацифистские идеи, выраженные на ином материале, звучат в письме к Александру Макарову от 25 апреля 1967 года. В нём Астафьев, в частности, говорит, что взгляды Ричарда Олдингтона на войну “полностью совпадают с его взглядами” [1, с. 129]. Итоговая мысль письма, выражающая астафьевское заветное, такова: “...Войны в сущности своей похожи друг на дружку. На них убивают людей! Всё остальное не главное (защита родной земли или захват чужих территорий, убийство в бою или мирных жителей, пленных?.. – Ю. П.) и пустяк по сравнению с этим” [1, с. 130].

Эта мысль – сквозная, главная в повести “Весёлый солдат” и в романе “Прокляты и убиты”. На ней держится кольцевая композиция повести. Акцент, сделанный во втором предложении “Весёлого солдата”: я убил “немца, фашиста”, – в последнем абзаце произведения зримо, знаково отсутствует: “Четырнадцатого сентября одна тысяча девятьсот сорок четвёртого года я убил человека. В Польше” [5, с. 496]. В романе “Прокляты и убиты” идейно созвучные автору персонажи и он сам многократно, настойчиво озвучивают мысль: любая война – преступление против человека.

Думаем, читатель без пацифистских комплексов без труда оценит позицию Виктора Астафьева, мы же вернёмся к рассматриваемому вопросу об особенной солдатской “правде” писателя.

* * *

В “поздней” прозе Астафьева огромное количество элементарных арифметических, физиологических, литературных, исторических, природоведческих и иных ошибок. Ошибок кричащих, анекдотичных, умом не постижимых. Этот уникальнейший литературный феномен проиллюстрируем тремя страницами романа “Прокляты и убиты”.

О родителях бывшей жены майора Зарубина Натальи говорится: “Он свою жену, истасканную им по клопным баракам, по дальним гарнизонам, даже в сражение с японцами на Хасане её втянул, в качестве санитарки (какой жуткий русский язык, точнее, полное отсутствие чувства языка; пунктуационная же ошибка – запятая после “втянул” – имеется и в новомировском, журнальном варианте, и в книжном. – Ю. П.). Едва живые они из того сражения вышли, сразу и зарегистрировались и вскоре ребёнка сотворили” [6, с. 342].

События на озере Хасан были в 1938 году, значит, Наталья родилась в 1939-м. Однако – с подачи Астафьева – она до 1941 года умудрилась выйти

замуж за Зарубина, родить ему дочь Аксинию и внебрачного сына от генерала Лахонина, а также ещё забеременеть от него.

К тому же Наталья за два года своей жизни успела побывать школьницей, “студенткой подвизалась на ниве искусства в гарнизонных клубах и приносила оттуда забористые анекдоты” [6, с. 344]. Это с хронологией, арифметикой у Виктора Петровича проблемы, а с забористыми анекдотами, как и с нецензурной лексикой, — полный порядок.

Приведём ещё примеры, свидетельствующие о масштабе фактологических ошибок в “поздней” прозе Астафьева. В романе “Прокляты и убиты” сообщается, что Щусь был ранен на Дону [6, с. 338]. Попробуем выяснить, в каком месяце 1943 года это произошло. Мы знаем, что в “начале января” этого года Щусь вместе с подчинёнными отправился в Осипово на “уборку хлеба” [6, с. 228-229]. Через “две недели” [6, с. 291] их вернули в Новосибирск, откуда через сутки отправили под Сталинград. Однако здесь (примерно с конца января — начала февраля) бойцы “длительное время” [6, с. 331] находились в сёлах выселенных немцев Поволжья. Длительное время — это, скорее всего, от одного до трех месяцев, так как “солдаты, которые посообразительней, сделали младшими командирами” [6, с. 331], пройдя соответствующие курсы. А они во время войны были месячные-трехмесячные.

Итак, при самом быстром развитии событий на передовую Щусь вместе с Сибирской дивизией попал в марте месяце. Даже если бы он получил ранение сразу, то с такой раной, после которой остался “глубокий шрам” и Щусь был комиссован на 3 месяца, он, как минимум, месяц пролежал в госпитале. Значит, в Осипово Щусь приехал не раньше середины апреля. Здесь и “сотворил Валерии Мефодьевне второго ребёнка” [6, с. 338]. Однако знать о родившемся “на этот раз парне, Василии Алексеевиче” [6, с. 338] Щусь в двадцатых числах сентября никак не мог.

Ещё более очевидна хронологическая ошибка в повествовании о Лёшке Шестакове. Утверждается, что он “валялся половину зимы” в госпитале [6, с. 359]. То есть в госпиталь герой должен был попасть во время январской уборки хлеба в Осипово. Однако мы знаем, что там никаких повреждений Шестаков не получал и вместе с сослуживцами отбыл в Сталинград.

Рассказывая о сражении на плацдарме, Астафьев поведал историю об “армейских господах” [6, с. 435], попавших в штрафбат. Они в 1941 году “увели” у Сибирской дивизии “целый комплект нового обмундирования” [6, с. 435-436]. Г. Жуков — “мужик крутой”, “назначенный командующим Западным фронтом” [6, с. 436] — пообещал лично контролировать ход следствия и сообщить “товарищу Сталину с товарищем Берией <...> о явных пособниках Гитлеру, орудующих в тылу” [6, с. 437].

Однако “с прошлой осени — звон сколько! Почти год прошёл, но сообщников Гитлера выбирают и выбирают, как вшей из мотни солдатских штанов. Пособники Гитлера держались кучно, ругались, спорили, даже за грудки хватались, но доставали где-то деньги, отдельную еду, выпивку, шибко много, совсем отчаянно играли в карты. На деньги играли” [6, с. 437].

В эту очередную историю-сказку не верится по следующим причинам.

Во-первых, масштаб хищений и райская жизнь провинциальных офицеров в штрафбате не соответствуют реалиям времени. Думается, Астафьев перепутал 1941-1943 годы с эпохой перестройки и девяностыми.

Во-вторых, из разных текстов Астафьева очевидно, что он ненавидит Жукова. Это, конечно, не основание делать из Георгия Константиновича человека, каким он не был. Человека, пугающего следствие именами Сталина и Берии, прибегающего к помощи выражения “пособники Гитлера”. К тому же астафьевское ёрничество, направленное не только против Жукова, художественно не мотивировано. Авторские выражения “звон”, “почти год”, “вши из мотни” не достигают цели и бумерангом бьют по Астафьеву, который не способен ещё и хронологически точно изображать события, человека.

Несмотря на то, что в романе утверждается: “С прошлой осени — звон сколько! Почти год прошёл <...>” [6, с. 437], мы понимаем: прошли почти два года. И вот почему. История с обмундированием событийно привязана к битве под Москвой, к назначению Г. К. Жукова командующим Западным фронтом, что произошло 10 октября 1941 года. Сражение же на плацдарме, в котором принимают участие штрафники, началось 24 сентября 1943 года.

Вообще, осень в прозе Астафьева – самое урожайное на различные фактологические несуразности время года. Вот немногие из них.

В повести “Весёлый солдат” на Кубани в первой половине октября медсестра Клава и санитарка Аня из сада приносят раненым “чуть порченные, сбоку в плесневелых лишаих абрикосы, подопрелые яблоки” [5, с. 275]. Но на Кубани уже к концу июля нет даже плесневелых абрикосов, подопрелые же яблоки в октябре найти гораздо сложнее, чем налитые, сочные. Загадочно выглядит и фруктовое сравнение в этой повести: “мягко сжимающая сердце мохнатеньким абрикосом” [5, с. 281]. То ли Астафьев вывел новый сорт абрикоса, то ли перепутал абрикос с персиком?

В романе “Прокляты и убиты” в двадцатых числах сентября на Украине листья “сползают” с дубов, “шуршат под ногами” [6, с. 323]; кухня находится “в полуопавшем дубовом лесу” [6, с. 337]; “по крыше и стене <...>, словно пули, тюкают в черепицу плоды лесных дичков, жёлуди” [6, с. 356]. На правой же стороне, на плацдарме, “красно и жёлто догорали кустарники осенним листом” [6, с. 355], и даже после пожаров, вызванных бомбёжкой, шквальным артиллерийским и прочим огнём, стояли “яблоньки со свёрнутым листом” [6, с. 427].

В реальности листопад проходит в принципиально иной последовательности, а в сентябре листья ещё на дубах.

Видимо, закономерно и то, что Лёшка Шестаков, чья судьба во многом созвучна авторской, обладает природно-аномальным виденьем. Вот он, находясь у Великой реки, думает о доме: “В эту пору, в сентябре, в низовьях Оби начинается сенокос <...>” [6, с. 325]. Через день его размышление о жизни глубинной России начинается практически с тех же слов: “...именно в эту пору”. Однако вызывает недоумение то, что в воображении Шестакова в сентябрьском пейзаже России появляются “снежные поля”, а минувший трудовой день называется почему-то “предзимним днём” [6, с. 409].

Примерно так же катастрофически представлены и литературные реалии в текстах Астафьева. Только о Д. Мережковском, Н. Рубцове, Н. Островском, А. Куприне, И. Бунине в мире героев и автора романа “Прокляты и убиты” можно написать отдельную статью. Мы ограничимся одним примером.

В романе говорится: “У матери Натальи любимейшим произведением был рассказ Бунина “Солнечный удар”, который она ещё в молодости, до запрещения и изъятия из обихода Бунина, прочла будущему супругу вслух” [6, с. 342]. Этого быть не могло по следующим причинам. “Солнечный удар” Бунин написал уже в эмиграции в 1925 году и впервые опубликовал в парижском журнале “Современные записки” в 1926-м. В СССР рассказа впервые был издан уже после войны, то есть из “обихода” он не изымался вообще, и мать Наталья прочитать его по довоенному советскому изданию не могла.

В романе “Прокляты и убиты” об участии советской бригады десантников в операции на плацдарме сообщается следующее: “Сталинские соколы, не ожидавшие плотного зенитного огня противника и ветра, вверх довольно сильно, выбросили, в буквальном смысле этого слова, десант – целую бригаду, в тысячу восемьсот душ, до войны ещё сформированную, бережно хранимую для особой операции, и вот в эту первую и последнюю, как скоро выяснится, операцию наконец-то угодившую.

Сталинские соколы, большей частью соколихи, выбросили десант с большей, против заданной, высоты – припекало. Десантников разнесло кого куда, но большей частью на реку, в воду. Немцы аккуратно подчищали небо и реку, расстреливая парашюты и парашютистов; до оврагов, до берега, где сидели и смотрели на всё это безобразие бойцы, доносило изгальный хохот фашистов: “Давай! Давай, еван, гости, гости!” И какой-то фриц, знающий по-русски, добавил: “Тёще на блины!”

После выяснилось, лишь одна группа десантников сбилась где-то, человек с полтора, и оказала сопротивление, остальные разбрелись по Заречью, с криками о помощи перетонули в реке. В эту ночь и во все последующие десантники по двое, по трое переходили линию фронта, попадали в лапы к немцам либо под огонь перепуганных, беды из ночи ждущих постовых и боевых охранений русских. Большая же часть десантной бригады осела по окрестным лесам и сёлам, где их и повыволоки полицаи, лишь отдельные десантники, надёжно попрятавшись в домах селян и на лесных хуторах, дождались зимнего наступления Красной армии, явились в воинские части и были

немедленно арестованы, судимы за дезертирство, отправлены в штрафные роты — кто-то ж должен быть виноват в срыве тонко продуманной операции и понести за это заслуженное наказание” [6, с. 522-523].

В трёх абзацах текста Астафьев поразительным образом исказил исторические реалии, что вообще характерно для его “позднего” творчества. В романе десантируется 1800 человек, в действительности — почти 3000. В произведении из всей бригады оказывают локальное сопротивление “человек полтора”, на самом деле, 1200 десантников пробилось к партизанам. Они в романе отсутствуют: их всех успешно “зачистили” немцы. Однако партизаны вместе с десанниками уничтожили “свыше 3 тысяч гитлеровцев, 52 танка, 6 самоходно-артиллерийских установок, 18 тягачей, 227 различных машин и много другой техники”, а также “в 19 местах подорвали железнодорожное полотно, пустили под откос 15 эшелонов” [7, с. 402]. О судьбе десанников-одиночек, представленной в романе как очередная иллюстрация расхожих либеральных мифов, документальная информация нами не обнаружена. К тому же, о каком мифическом зимнем наступлении Красной армии говорит Астафьев? Операция по освобождению территории, где происходят романские события, началась 5 ноября 1943 года, и уже 6 ноября был освобождён Киев.

В приведённой цитате из романа проявляется ещё одна особенность “поздней” прозы Астафьева — отношение автора к смерти персонажей, вызывающих у него, скажем общо, недобрые чувства. Так, в сентябре 1943 года генерал Лахонин говорит майору Зарубину о десантной бригаде, которая “с начала войны в тылу сидела да с учебных самолётиков сигала” [6, с. 345]. Главное не то, откуда взял эту более чем сомнительную информацию Астафьев (узнал от кого-то или выдумал сам), а то, какой отклик она вызвала у писателя.

Версия о “бережно хранимой бригаде”, озвученная повторно уже автором, означает, что она задела Астафьева за живое и вызвала сильную негативную реакцию. Именно поэтому о судьбе десантников, большая часть из которых была уничтожена в воздухе и на земле, сообщается не только без сострадания, но и с явным злорадством. Обыгравая известное выражение, Астафьев ёрнически говорит и о лётчиках, чья вина, видимо, состоит в том, что они — “сталинские”: “соколы” и “соколихи”.

В данном эпизоде проявляется авторское антихристианское отношение к человеку, не совместимое с традициями русской литературы.

Не менее вольная трактовка отступления фашистов с юга России весной 1943 года даётся в повести “Весёлый солдат”. Автор произведения, отталкиваясь от факта сохранности одной железнодорожной станции, одной станицы и аккуратно вывезенного имущества одного госпиталя (Астафьев “забыл” о разрушенных Новороссийске, Краснодаре, Армавире, Кропоткине, Туапсе и других городах, сотнях станиц, десятках станций, об ином, общеизвестном), делает глобальный, явно не следующий из сказанного вывод: “И приходится верить рассказам жителей станицы и фельдмаршалу Манштейну, что с Кубани и Кавказа немецкие соединения отступали планомерно, сохранили полную боеспособность, но по нашим сводкам и свидетельству летописцев разных званий и рангов выходило, что немцы с Кавказа и Кубани бежали в панике, бросали не то что имущество и барахло, но и раненых, и боевую технику...” [5, с. 284].

Очевидную предвзятость и совершенную беспомощность Астафьева-мыслителя выявляют, в частности, следующие риторические вопросы. Где свидетельства станичников, к тому же, по версии писателя, почти поголовно сотрудничавших с фашистами? Почему автор повести верит этим рассказчикам, если они, конечно, действительно были? Как верит гитлеровскому военачальнику, а не Г. Жукову, А. Василевскому и другим советским полководцам, многочисленным документам и свидетелям. Разве всё это красноречиво не свидетельствует о позиции Астафьева?

Итак, приведённые примеры из романа и повести показывают, насколько несостоятелен Астафьев в интерпретации событий Великой войны. Чем же объяснить запредельную ложь писателя? Тем, что Астафьев, по его словам, не читал документы, а опирался, в первую очередь, на свои воспоминания? Но если автор обращается к историческим реалиям, то, конечно, он должен представить их художественный эквивалент, немислимый без фактологической и атмосферной правды событий. Думаем, Астафьев это прекрасно понимал,

но следовать данному правилу не мог: тогда бы ничего не осталось от его солдатской “правды”.

В “позднем” творчестве В. Астафьев последовательно реализовал свои взгляды 1960–1970-х годов на Великую Отечественную войну и человека. Но количество и качество фактологических ошибок не позволяют говорить ни о какой солдатской правде. Напротив – писателя отличают редкая предвзятость, мировоззренческая и личностная заданность видения, вопиющая некомпетентность во многих вопросах, неспособность фактологически точно, логически убедительно, эпически объективно изображать человека и время.

Использованные источники:

1. Астафьев В. Нет мне ответа...: эпистолярный дневник. – М.: ЭКСМО, 2012.
2. Распутин В. Повесть пронзительная и печальная // Завтра. 2015. № 11.
3. Дедков И. Объявление вины и назначение казни // Дружба народов. 1993. № 10.
4. Астафьев В. Затеси. Новая тетрадь // Новый мир. 1999. № 8.
5. Астафьев В. Весёлый солдат // Астафьев В. Царь-рыба: повести и рассказы. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018.
6. Астафьев В. Прокляты и убиты. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018.
7. Драбкин А., Исаев А. История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в одном томе. – М.: Яуза-каталог, 2019.

АЛЕКСЕЙ МАНАЕВ

В СМЕРТНЫЙ БОЙ НЕ РАДИ СЛАВЫ...

Всякий раз, перечитывая “Василия Тёркина”, автору которого, Александру Твардовскому, вот-вот исполнится 111 лет со дня рождения, всё чаще и чаще задумываюсь над веяниями, появившимися в отечественной литературе в постсоветское время. Эти веяния превратились даже в своеобразный катехизис современной литературы, и главный его постулат: война в художественных произведениях должна соответствовать правде жизни.

Звучит вполне закономерно. Только вот что понимается под такой правдой? И вот оказывается, что. Правда войны – это обязательно человеческая кровь на снегу, пока она яркая и пока ещё льётся. Это брошенные до весны солдатские трупы. Это шаги во весь рост, с открытыми глазами навстречу смерти. Это ключья шершавой солдатской шинели со сгустками крови и кишок, висящие на сучках и ветках деревьев. Это розовая пена в дыре около ключицы – у солдата оторвана вся нижняя челюсть и гортань. Это кирзовый сапог, наполненный розовым месивом. Это кровавые брызги в лицо разорванного снарядом солдата. Это нечеловеческие условия пребывания в живом состоянии на передовой, под градом осколков и пуль. Это беспардонная матерщина, оскорбления и угрозы со стороны штабных “фронтовиков” и “окопников”.

Таковы они – литературные святцы ряда современных тружеников пера. Поборником такой правды о войне, особенно на закате своих дней, рьяно выступал Герой Социалистического Труда, лауреат двух Государственных премий СССР фронтовик Виктор Астафьев: “Ничего грязнее, жёстче, кровавее, натуралистичнее прошедшей войны на свете не было. Надо не героическую войну показывать, а пугать... Носом, как котят слепых, тыкать в нагаженное место, в кровь, в гной, в слёзы, иначе ничего от нашего брата не добьёшься”. С ним солидарна Нобелевский лауреат по литературе Светлана Алексиевич, выразившая своё представление о войне в сочинении “У войны не женское лицо”. Для Алексиевич чем больше страдания, тем больше “правды жизни”.

МАНАЕВ Алексей Васильевич родился в 1949 году в Уколовском районе Воронежской области (ныне Красненский район Белгородской области). Окончил отделение журналистики Казанского государственного университета и Академию общественных наук при ЦК КПСС. Кандидат исторических наук. Работал в СМИ и на различных ответственных должностях в федеральных государственных органах. Государственный советник Российской Федерации I класса. Автор и составитель нескольких книг. Удостоен высоких государственных и общественных наград. Живёт в Москве.

Будет ли через полвека пользоваться спросом и авторитетом в читательской среде роман Астафьева “Прокляты и убиты” и творения Алексиевич, оценённые Нобелевской премией, где кровавое месиво клоками висит на каждой странице — большой вопрос. А написанный больше семидесяти лет назад “Василий Тёркин” до сих пор востребован. Загадка? Да ещё какая! Она сродни улыбке Моны Лизы — вечно меняющейся и вечно ускользающей. Попытки загнать поэму в жанровое стойло, назвав её эпическим полотном и тем самым объяснив популярность, мало что дают. Дело, в конечном счёте, не в жанре, не в количестве страниц и масштабности поэтического или беллетристического исследования. Порой несколько строчек (например, “Я только раз видала рукопашный...” Юлии Друниной) воистину *томов премногих тяжелей*.

Выходит, востребованность “Книги про бойца” как раз и объясняется тем, что написана она вопреки лекалам некоторых нынешних литературных эстетов. По крайней мере, очевидно: главный герой Тёркин — далеко не супермен, не богатырь сродни Илье Муромцу. Поэт пишет об этом без обиняков, что “парень сам собой // он обыкновенный”, что “красотой наделён // не был он отменной”, ростом же “не высок, не то чтоб мал”. Перед нами человек “не тот, что в сказке — // беззаботный великан, // а в походной запояске, // человек простой закваски, // что в бою не чужд опаски”. Иными словами, по физическим данным не один из многих, не Джеймс Бонд, не рыцарь без страха и упрёка, а, пожалуй, такой, как все. И это — очень важная особенность поэмы.

А теперь о поведении Тёркина на фронте. Присмотревшись, обнаруживаем, что Твардовский, будто предвосхищая призывы нынешней “литературной знати”, поступает ровным счётом наоборот. Солдатские перипетии не обойдены стороной. Мы видим, как “...столбом поставил воду // Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд. // Густо было там народу — // наших стриженных ребят... // И увиделось впервые, // Не забудется оно: // Люди тёплые, живые // Шли на дно, на дно, на дно...” Мы нутром чувствуем состояние бойца, переживающего очередной артиллерийский “сабантуй”: “Ты лежишь ничком, парнишка, // Двадцати неполных лет, // Вот сейчас тебе и крышка, // Вот тебя уже и нет”.

Но Твардовский ограничивает батальные сцены несколькими штрихами. И без того понятно, к чему ведут вражеские танковые атаки, артиллерийские обстрелы, налёты авиации. И без того ясно — любая война далека от пасторальных картин. Но даже в самых напряжённых батальных сценах мы не найдём астафьевского постулата: тыкать читателей, как котят, “в нагаженное место, в кровь, в гной, в слёзы”. Во-первых, рядовой труженик войны, советский солдат, в них не повинен. Для него война — не мать родна и даже не сварливая теща, а стихийное бедствие, апокалипсис. Во-вторых, стоит помнить о том, что поэма написана во время тяжелейшего испытания для всей страны. Тыкание в “нагаженное место”, в определённой мере уместное в послевоенное время, вряд ли поднимало бы боевой дух бойцов. Между тем, автор “Мечтал о существе чужде: // Чтоб от выдумки моей // На войне живущим людям // Было, может быть, теплей...”

Запомним это. Поэт избегает “натурализации” боёв, не стремится огоршить нас жёсткими и жестокими зарисовками с натуры. Он показывает нутро войны изнутри человеческого естества — души. С этой точки зрения кровь и пот на поле брани — фронтовая правда, может быть, не самая страшная. С ней смиряются, понимая, что любая война без жертв, без пота и крови не обходится. Куда страшнее жутких сцен живущее внутри тебя, распирающее твоё естество понимание того, что враг цинично пограл всё, что тебе дорого и свято, что носишь в себе с пелёнок, с младых ногтей. Это невыносимо — не чувствовать себя на родной земле хозяином, оставляя её пядь за пядью. Это невыносимо — пробираться к родному дому, к жене и детям, которые тебя не узнают, так, будто тать крадётся к наживе, и вороватой украдкой покидать семейное гнездо, переночевав и нарубив дров. Это невыносимо — предполагать, что, возможно, уже завтра здесь окажутся захватчики, и будут родные ходить сторонкой, боком, по улочке своей, потому что оккупанты диктуют: “Жить живи, дышать не смей”. Это невыносимо, — пройдя тысячи километров к родному дому, освобождённому от немцев, вдруг обнаружить: ни деревни, ни родного гнезда, ни родных — никого не осталось, “служивый — достоверный сирота”. Примостившись на краю сухой канавы, боец “с горькой, детской

дрождью рта, // Плакал, сидя с ложкой в правой, // С хлебом в левой, – сирота. // Плакал, может быть, о сыне, // О жене, о чём ином, // О себе, что знал: отныне // Плакать некому о нём”.

И возникает вопрос к этому самозванцу, который хозяйничает в твоём доме, издеваясь над стариками, женщинами и детьми.”Кто ты есть, // Что должны тебе в России // Подавать мы пить и есть?.. Кто ж ты есть? Мне толку нету, // Чей ты сын и чей отец. // Человек по всем приметам, // Человек ты? Нет. Подлец!”

И рождается, с каждым днём крепнет понимание: освободиться от диктатора подлеца можно одним путём – через войну, через схватку с врагом, через победу. Поэтому “Книга про бойца” – не описание войны как таковой. Это стремление проследить рождение подвига на войне, стремление одновременно указать путь к нему и объяснить его. Кажется мне, что Твардовский во имя главной цели осознанно обошёл стороной битву под Москвой, Сталинградскую и Курскую битвы, другие “громкие” операции. Потому что держать фронт надо было везде: и в безымянном болотце, и на речной переправе, и у заштатного сельца Борки. Тут у каждого – свой Сталинград и Курск. Солдат воюет не во имя заморских пляжей и блюд с омарами. А за то, “чтобы с лаской, хоть не детской, // Вновь обнять старуху мать, // Не под проволокой немецкой // Нужно было проползать... // Чтоб сердечным разговором // С земляками встретить день – // Не нужда была, как вору, // Под стеною прятать тень”.

Иными словами, идти в бой за Родину, которую терять “никак нельзя”. Поэт не утверждает, будто это лёгкая прогулка. Не однажды рефреном звучит: “Страшный бой идёт, кровавый, // Смертный бой не ради славы, // Ради жизни на земле”.

Дилеммы тут нет. Лично тебе доверен факел жизни, лично ты за него ответственен, и лично тебе его нести по полю, где господствуют большие и малые “сабантуи”. Никто не даст гарантии, что страна, семья не потеряют тебя. Но это не жертва, это самопожертвование.

С другой стороны, поэт далёк от того, что в бою воина непременно поджидает небытие. Твардовский говорит: посмотри на Тёркина. Он такой же, как ты, он одной крови с тобой. Он прошагал дорогами войны полстраны на Восток, и пол-Европы на запад, не однажды был ранен, и не однажды окружён. Но именно он наблюдает, как из одной тюрьмы глухой “по домам идёт Европа, // пух перин над ней пургой”. Это не подарок судьбы. Это отвоёванное у судьбы право. Ах, что за воин, этот Тёркин! Он расчётлив и одновременно беспечен. Он храбр до безрассудства и одновременно рассудочен. Он потешен, лукав и одновременно суров, твёрд, как кремль. Из племени тех, кто считает: “Пусть ты чёрт. Да наши черти // Всех чертей // В сто раз чертей”. Ну, как не походить на него, как не брать с него пример?

Может быть, скажет иной читатель, в войну и нужны были заповеди Тёркина, а сейчас-то какой в них прок? А что, возражу я вам, разве сейчас нам не приходится решать дилемму – выходить ли на бой с обстоятельствами, с недругами за достоинство страны, семьи, за личное достоинство? И когда ты помнишь о Тёркине, решать эту дилемму куда как проще. Да по сути её и нет. Потому что ты в строю избранных, в строю тех, кого слово Отечество приводит в трепет.

Твардовский вольно относился к жанровой принадлежности многолетнего труда, называя его то поэмой, то “Книгой про бойца”, то повестью, то сказкой, и подчёркивал, что в любой ипостаси “Василия Тёркина” он, автор, старался облегчить дороги победы солдату.

Мне больше по душе определение “сказ”, хотя, возможно, с теоретической точки зрения и оно неверно. Оно заставляет думать о великом предназначении искусства вообще и литературы в частности.

Дело ведь в том, чтобы не заместить реальную жизнь благостными идиллическими картинками, иллюзорными представлениями, навязчивыми фантазмагориями. А в том, чтобы вызвать жажду к жизни в “натуральном” её облики, пробудить надежду на достойную жизнь, уверовать в её возможность не в качестве манны небесной или милостыни, а в качестве личной победы над обстоятельствами. Может быть, этой способностью вдыхать жажду жизни в читателя и дорога нам “Книга про бойца”?

ПЁТР ТКАЧЕНКО

КАКУЮ БИБЛИЮ ЧИТАЛ МИХАИЛ ШОЛОХОВ*

Литература как история

Принято считать, что роман М. А. Шолохова “Тихий Дон” ценен, прежде всего и главным образом, своей исторической правдой и фактологической достоверностью, что он является не только художественной летописью, но и источником исторических сведений. При этом предполагается и само собой разумеется, что историчность романа более важна и более драгоценна, чем собственно его художественность, образность, чем его духовно-мировоззренческая основа, вне которой постичь творение духа невозможно. Да и понятно, ведь по давней недоброй позитивистской и материалистической традиции считается, что образность, художественность – это нечто вроде украшения, некое изящество и благозвучие, и не более того. А потому это нечто необязательное. Хорошо, мол, когда оно есть, но можно вполне обойтись и без него... И всё бы ничего, если бы такое упрощённое, чисто предметное представление не было столь распространённым, не становилось на наших глазах всеохватывающим и подавляющим. Если бы оно, в конечном счёте, не искажало в общественном сознании саму природу и сущность литературы, по сути, уничтожая её бытование.

Между тем, как историчность и достоверность произведения художественного является только непременным условием для образного постижения и изображения жизни. Можно даже сказать, что там, где историк заканчивает своё дело, там художник его только начинает. Это вовсе не в укор историкам, у которых свои задачи, это особенность восприятия образности, искусства вообще. Ведь те или иные исторические сведения мы можем почерпнуть не только и необязательно из художественной литературы. Более того, из других источников мы можем почерпнуть более надёжные факты. А потому, если историчность почитается конечной целью прочтения литературы, то получается,

---

ТКАЧЕНКО Пётр Иванович родился 15 июня 1950 года на Кубани, в станице Старожестеблиевской. Окончил Владикавказское высшее общевойсковое командное училище и Литературный институт по семинару критики. Служил в войсках, работал в журнале “Пограничник”, газете “Красная звезда”, в Военно-художественной студии писателей, главным редактором редакции художественной литературы книжно-журнального издательства “Граница”. Полковник, член Союза писателей России.

* Журнальный вариант

что литература вроде бы и ни к чему. Словно можно обойтись и без неё. . . В то время как художественность, образность дают человеку то, что никакая иная форма сознания ему дать не может. К тому же они являются основным условием интеллектуального развития человека. Ведь только через образное, духовное воззрение мы можем приблизиться к тайне человеческого бытия. Так было изначально, так остаётся всегда. И там, где в силу каких-то попущений и допущений происходило отступление от духовной природы человека, а это не однажды в истории бывало, происходило крушение цивилизаций и падение народов. Как неизбежное следствие утраты смысла существования. Потому Христос и говорит *притчами*, то есть образами и иносказаниями, что многим людям не дано знать тайны Царства Небесного, то есть смысла своего существования, без чего человек жить не может: “Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют” (Евангелие от Матфея, 13;13). “Всё сие Иисус говорил народу притчами, и без притчи не говорил им” (Мф, 13; 34). То есть притчевое, иносказательное, образное мышление есть верный путь к постижению тайны человеческого бытия.

И наоборот, когда город крепкий, “великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу”, тогда уничтожается и искусство: “И гóлоса играющих на гусях и поющих, и играющих на свирелях и трубящих трубами в тебе уже не слышно будет; не будет уже слышно в тебе никакого художника, никакого художества, и шума от жерновов не слышно уже будет в тебе” (“Откровение святого Иоанна Богослова”, 18: 22). Но это – “малое время”, на которое в мир приходит диавол и сатана, после того как он был скован на тысячу лет. Нам же важно отметить то, что с уничтожением искусства прекращается и шум жерновов, то есть всякая хозяйственная жизнь. . .

Потому “Тихий Дон” и соотносится больше с историей, что в наше позитивистское, материалистическое время духовный смысл жизни, да и самой истории оказался заслонённым иными, побочными, второстепенными явлениями и соображениями, далёкими от существа человеческого, оказался загромождён “цивилизацией”. Вот характерное, типичное суждение исследователя, влюблённого в “Тихий Дон”, составившего реестр, список героев, персонажей романа, преклонявшегося пред мудростью автора и встречавшегося с ним, Сергея Семанова: “Поражает удивительная, не имеющая подобия в классической даже литературе, историческая достоверность шолоховских описаний. Они таковы, что “Тихий Дон” является не только художественной летописью, но и историческим источником по изучению великой русской революции” (“Православный “Тихий Дон”, М., “Наш современник”, 1999). Заметим, что творение художника является, по автору, источником для изучения *революции*, а не опорой для постижения духовного смысла бытия. Так оказались перепутанными начала и концы в этом материалистическом мире.

Как видим, предпочтение отдаётся роману как историческому источнику, а не как величайшему творению человеческого духа. Его невероятная образность, духовно-мировоззренческая основа подразумевается чем-то само собой разумеющимся, не требующим объяснений. На самом же деле, именно эта основа романа, в первую очередь, требует объяснения, уяснения и постижения. Именно она осталась всерьёз не рассмотренной и, по сути, не изученной. При всём при том, что какие-то исторические аспекты М. А. Шолохов постиг намного глубже, чем собственно историческая наука. Скажем, то же Вёшенское восстание, которому в романе отдаётся столь много места. “Автор становится исследователем, – справедливо писал Ф. Бирюков, – опередившим по ряду научных откровений профессиональных историков”. В. Васильев: “Почти не нашедший своего отражения в отечественной исторической литературе, вёшенский мятеж и сегодня известен нам благодаря “Тихому Дону”, где ему отведена едва ли не четверть романа” (“Тихий Дон”. М., Военное издательство, 1995). И вовсе не случайно Вёшенское восстание остаётся не постигнутым нашей исторической наукой с такой глубиной, как это сделано М. А. Шолоховым в “Тихом Доне”. Оно изначально не соответствовало и до сих пор не соответствует тому представлению о революции и гражданской войне, которое было принято как “каноническое”, в согласии с господствовавшей официальной идеологией. И остаётся таковым вплоть до сегодняшнего дня. Ни в коем разе не хочу упрекнуть глубоких и честных исследователей. Они изучили “Тихий Дон”, насколько это было тогда возможно, исполнив свой долг.

Даже такой пронизательный и смелый критик и литературовед, как Н. Фёдь, видевший всемирный характер революции и гражданской войны в России, писавший о том, что автор “Тихого Дона” “раньше и глубже всех осознал весь трагизм исторического бытия XX века – века всеобщего кризиса, особенно – сознания”, всё-таки остаётся преимущественно на историческом, а не духовном понимании романа: “Шолохов судит с исторической точки зрения: братоубийственная война носит преходящий характер и не является отражением сущности человеческой природы” (“Парадокс гения”. М., “Современный писатель”, 1998). В этом суждении особенно наглядно видно, как чисто “исторический” подход к “Тихому Дону” не проникает в его истинный, духовный смысл. Ведь в братоубийственной войне, наоборот, духовная природа человека сказывается и проявляется в полной мере. Да и преходяще ли братоубийство со времён Каина?.. Иначе почему герои “Тихого Дона”, обеих противоборствующих сторон, называют друг друга не только политическими противниками, но Каинами? В равной мере. Причём, не только в разговорах, но и в официальных документах (в приказе № 100, приведённом в тексте романа). Мы ещё коснёмся этого аспекта, а пока обратим внимание на то, что многие участники революционной драмы объясняли происходящее не тем или иным революционным “учением”, получившим распространение, не той или иной идеологией, а именно библейскими представлениями. Скажем, И. Бунин в “Окаянных днях”: “Каин России, с радостно-безумным откровением бросивший за тридцать серебрянников всю свою душу под ноги дьявола, восторжествовал полностью”...

Оценка же “Тихого Дона” с точки зрения победителей или побеждённых в братоубийственной гражданской войне не может быть объективной, полной и окончательной. Так же, как не может быть объективной оценка земного бытия человеческого по логике Каина или Авеля исключительно. Не потому, что у каждого “своя правда”, а потому, что то и другое не есть целое, а лишь часть его, лишь одна сторона человеческого бытия и природы человека...

Да и в “Тихом Доне” этот библейский смысл происходящего является, можно сказать, основным. Дед Гришака задаёт Григорию Мелехову отнюдь не риторический вопрос: “Бог – Он вам свою стезю укажет. Это не про наши смутные времена Библия гласит?” Но именно этот основной библейский смысл “Тихого Дона” остался, по сути, не объяснённым. Пётр Палиевский, считавший так же, что в “Тихом Доне” дана “как бы точка зрения самой истории”, справедливо писал о том, что художественный мир М. А. Шолохова “так трудно уловим для профессионально-литературного подхода, столь распространённого” (“Шолохов и Булгаков”. М., ИМЛИ РАН “Наследие”, 1999). Да и как могло быть иначе, если литературоведение и критика, как никакой иной вид творчества, зависимы от господствующей идеологии и от расхожих представлений, нередко ложных. Как может быть иначе, если материалистическое миропонимание, насаждаемое огнём и мечом, кажется, окончательно восторжествовало, подавляя и отбрасывая всё живое. Причём насаждаемое издавна и не только властями, а “лучшими” людьми, “прогрессистами”, революционными демократами и всякого рода революционерами. Разумеется, во имя “цивилизации” и “прогресса”. В литературоведении и критике высшим критерием почитался “исторический” подход. А “против антиисторизма” велась борьба на уничтожение. Хотя “историзм” этот был не что иное, как соответствие догматам официальной, господствующей идеологии.

Литературовед Л. Якименко в своё время писал о том, что “Тихий Дон” как поистине великое произведение “стал в современном литературоведении и критике одним из решающих испытаний для исследователя”, так как исследователь “сталкивался с рядом сложных вопросов, рождённых взаимодействием действительности и искусства” (“Вопросы литературы”, № 7, 1968, “Литература и современность”, М., “Художественная литература”, 1969). То есть по отношению к М. А. Шолохову оценивался исследователь. Проходил “проверку” на его оценке: “свой” он или “чужой”... Получалось нечто вроде круговой поруки, когда исследователю воздавалось по его отношению к писателю, помимо, конечно, деклараций о величии его творения. Такая “методология” трагедии Григория Мелехова видела в трагедии “неверного, ошибочного выбора”: “В романе вершится суд истории над Григорием Мелеховым, суд с точки зрения победившей революции, со всеобъемлющих позиций коммунистического идеала”. Надо понимать, насколько исследователь следовал поиску в “Тихом

Доне” идеологического идеала, по этому он оценивался. Но очевидно, что это был не “суд истории”, а суд тех, кто взял на себя право говорить от её имени. Да и был ли идеал “всеобъемлющ”... Как увидим далее, в “Тихом Доне” вершится не суд “истории”, а Божий Суд...

И поскольку Григорий Мелехов является безусловным выразителем народного отношения к происходившей трагедии, то и судился, по сути, народ, не желавший принимать такие “идеалы”, в которых не находилось места Богу, да и самому народу. В этом и была истинная причина трагедии, а вовсе не в том, что неразумные герои романа не понимали всех выгод следовать чуждому им “идеалу”...

И вот “цивилизация” и “прогресс”, в конце концов, восторжествовали. Но оказалось, что – ценой умаления человека, когда опять “всякая плоть извратила путь свой на земле”... Не слишком ли большая плата за такой “прогресс”?

Продолжение Раскола

Совсем иное, чем у революционеров, понимание революции и гражданской войны предстаёт со страниц “Тихого Дона” М. А. Шолохова. Иное понимание жизни вообще. Вся жизнь в романе протекает по православно-церковному, народному календарю. Всё делается непременно с Богом и крестным знаменем. Друг друга приветствуют не иначе, как с именем Божиим: “Здорово ночевали. Здорово живёте – слава Богу”. Чинно семействами идут в церковь. Солдаты становятся на молитву. От вечерни в грозу, крестьясь, спешат старухи. Даже детская припевка со Христом: “Дождик, дождик, припусти. // Мы поедем во кусты. // Богу молитца, // Христу поклонитца”. Божье имя не сходит с уст казаков, что называется, на бытовом уровне: “Царица небесная, прости меня грешницу”, “Заброди с Богом”, “Истинный Бог – правда”. Даже потом, когда шла жизнь на “сбыв”, и человека убивали не иначе, как перекрестясь...

То или иное событие, то или иное дело связывается не с днём месяца, не с числом, а с тем или иным “праздником”: “С Троицы начался луговой покос”, “На осенний мясоед назначили свадьбу”, “После Покрова стаял выпавший снег”, “Ростепель держалась до Михайлова дня”, “На второй день Рождества взломало Дон”, “До Пасхи о войне не было ни слуху, ни духу”... Крестное знамение сопровождает человека с рождения до смерти. И даже после смерти остаётся с ним... Иногда, кажется, и вовсе дежурное, по привычке вроде бы творимое, оно тем не менее присутствует с человеком постоянно.

Вот и вовсе комическая ситуация. Пантелей Прокофьевич во время сватовства совершает нечто невообразимое. Видимо, от волнения и всей значимости переживаемого момента: “Пантелей Прокофьевич хотел зачем-то перекреститься, но заскорюзлые клешнявые пальцы, сложившись в крестное знамение и поднявшись до половины следуемого пути, изменили форму; большой чёрный когтястый палец против воли хозяина нечаянно просунулся между указательным и средним, и этот бесстыдный узелок пальцев воровато скользнул за оттопыренную полу синего чекменя, а оттуда извлёк схваченную за горло красноголовую бутылку”.

И – другое крестное знамение, которое осталось с казаком и после его смерти: “Григорий глянул на третью подводку. Он не угадал мёртвого, но руку с восковыми жёлтыми от табака пальцами приметил. Она свисала с саней, чертила тальний снег пальцами, перед смертью сложенными в крестное знамение”.

В разных видах сопровождает человека крестное знамение. Но совсем другая жизнь наступает, когда его не бывает, когда его забывают или когда оно перестает что-либо значить...

Это был мир, уклад жизни, складывающийся веками. И этот такой, казалось, незыблемый и прочный мир подлежал уничтожению. Уже рушился на глазах. И люди не знали и не понимали, почему это происходит. Не могли поверить в то, что такое может быть... Что предлагалось вместо него, взамен? Да, новое. Но разве лучшее и более совершенное? Нет. Предлагался мир без Бога. Но этого никак, ни при каких обстоятельствах не могли принять люди. Вот первопричина трагедии. Не сопротивляться такому безумию люди не могли. Толкователи же “Тихого Дона” зачастую представляли да и представляют

дело так, что казаки по своей отсталости не могли различить, а значит, и принять якобы благотворную “новую жизнь”.

Удивительным и невероятным, а по тем временам, кажется, и вовсе невозможным является то, что в “Тихом Доне” М. А. Шолохов приводит молитвы. Три молитвы: “Молитва от ружья”, “Молитва от боя” и “Молитва при набеге”. Казаки – второочередники с хутора Татарского – отправляются на войну, на фронт. Ночевали они на хуторе Ея. Хозяин – высокий дряхлый дед, участник турецкой войны, стал наставлять их, как надо вести себя в бою, чтобы уцелеть, остаться в живых. Для этого “надо человечью правду блюсть”. Правда же эта состояла в том, чтобы чужого на войне не брать, женщин упаси бог трогать, а ещё молитву такую знать, которая уберезёт от смерти. И старик убеждал казаков во всеильности молитвы своим опытом и примером: “Смерть за плечами, как перемётная сума, висела, и жив остался через эту молитву”.

Казаки усердно переписывали молитвы, хотя и не все из них. Привязывали их на гайтаны повыше нательных крестов: “Увезли казаки под нательными рубахами списанные молитвы. Крепили их к гайтанам, к материнским благословениям, к узелкам со щепотью родной земли, но смерть пятнала и тех, кто возил с собою молитвы”. Но те, кто оставался жив, нисколько не сомневались в том, что спасли их именно молитвы...

Можно понять удивление Сергея Семанова. Это действительно загадочно: как в “безбожную пятилетку” и во время новых гонений на Православие и Церковь могли быть вообще опубликованы молитвы в “Тихом Доне”: “Почему такое случилось, шолоховедами не объяснено. Полагаем, что без сил небесных тут не обошлось”. Ну, конечно же, всё в руке Божией. Только ответ на этот вопрос вовсе не обязательно ждать от “шолоховедов”, тем более от тех из них, кто просмотрел ранее и эти молитвы в романе, и вообще библейскую основу “Тихого Дона”. На него скорее могли бы ответить богословы, философы, психологи. Ведь заповеди Божии хорошо известны, никакой тайны не составляют. И весь вопрос в том, как человеку в них поверить. Что же касается до обстоятельств публикации молитв в “Тихом Доне”, то они могли быть такими. Редакторы и издатели, для которых эти молитвы ровным счётом ничего не значили, что-то вроде пережитка прошлого, могли пропустить их в качестве примера и назидания. Смотрите, мол, в какую “глупость” ещё совсем недавно верили тёмные, необразованные люди, пока свет “нового мира”, воссиявший вместе с революцией, не “вразумил” их... Хотя и при такой логике вопрос Сергея Семанова всё-таки остаётся открытым...

Как видно по всему, М. А. Шолохов основательно думал над тем, какие именно богослужебные и церковные тексты приводить в романе. Вот и молитвы приводит не какие-то расхожие, а редкие: “Пример крепкой народной памяти на указанные молитвы, обнародованные Шолоховым в “Тихом Доне”, просто потрясает. Не обнаруженные в известных науке изданиях (у Майкова и др.), они вдруг записываются в идентичном шолоховскому варианте в 1962 году. И не на Дону, а в деревне Рубцово Архангельской области от Вишняковой А. С. 1888 года рождения (см. “Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. Под редакцией проф. В. П. Аникина – М., издательство МГУ, 1998, № 2394, 2397, 2399” (Владимир Васильев).

Да, конечно, нехорошо, коль простоватый, весёлый, нравственно здоровый человек Прохор Зыков, доведённый нуждой до крайности, пустил Библию на самокрутки: “Новый завет был, такая святая книжка – тоже искурил, Старый завет искурил. Мало этих заветов святые угодники написали”. Можно увидеть в этом и кощунство. Но это ещё не беда. Жизнь от этого ещё не сдвинулась со своей основы. Ведь есть дед Гришака, который хранит и знает Священное Писание, примеряет его к происходящим событиям, вразумляет людей. Беда наступает тогда, когда хранитель веры, народного духа дед Гришака, как мученик, погибает за веру. Но это свидетельствует о торжестве веры, а не о её пресечении...

Среди хуторян, как и всегда, как и везде, есть и такие, которым Бог только мешает. Скажем, такие, как Дарья: “Мне он, Бог, зараз ни к чему, он мне и так всю жизнь мешал”. Но не они определяли и определяют общую жизнь хутора, общества, народа.

В “Тихом Доне” убедительно показано то, как нехотя, что ли, но неизбежно люди отпадают от своей исконной веры. И не сами по себе, но под

воздействием внешних влияний и складывающихся обстоятельств. Казаки, уже участвуя в революционном безбожном деле, вместе с тем ещё носят кресты и считают себя верующими. Участники экспедиции Подтёлкова говорят: “Большевики – большевиками, а в Бога веруем”. А “широколицый красногвардеец” похваляется: “Я перед тем, как из Ростова выйтить, в церкву ходил и причастие примал”. Видимо, это свидетельствует о том, что люди ещё не знают, что совместить одно с другим невозможно. А, может быть, представить не могут, поверить не могут, что такое вообще может быть, когда, как великое благо и необходимость, их будут жёстко и свирепо понуждать огнём и мечом отречься от Бога. Да и как в это поверить, если это невозможно, если такого меж людьми быть не может? Но невозможное оказалось возможным. Ну, а потом уже осеняли себя крестным знаменем перед тем, как убить человека. “Врага”, разумеется.

Как бы прологом к предстоящим вскоре трагическим судьбам казаков предстаёт Страстная неделя или Великая седмица. В народе её называли ещё Страшной неделей: “В ночь на Пасху небо затянуло черногрудыми тучами, накрапывал дождь. Отсыревшая темнота давила хутор... Под мерные удары церковного колокола отбивали “двенадцать Евангелий”. Это последняя неделя Великого поста, предшествующая Пасхе, посвящённая страданиям Спасителя. Торжественное богослужение этой недели, установленное в древние времена, следует евангельской истории земной жизни Христа. Страстные Евангелия – это благовестие о страданиях и смерти Христа, выбранное из всех евангелистов и разделённое на двенадцать чтений, по числу часов ночи. Это указывает на то, что верующие должны всю ночь провести в слушании Евангелий, подобно апостолам, сопровождавшим Христа в Гефсиманский сад. Но казаки ещё не знали, что совсем скоро этот страшный путь Спасителя станет и их путём... Предстоящие трагические испытания сравниваются со страданиями Спасителя, уподобляются им. Это и есть страдания Христовы, выпавшие теперь и им.

Вовсе не случайно, что одновременно со страстным всенощным стоянием в храме параллельно М. А. Шолохов изображает и другую жизнь, незримо проходившую в хуторе. Вечером в завалухе Косой Лукешки, у которой квартировал Штокман, собирается разный люд. После долгого отсева отбираются самые недалёкие и ничтожные, человек десять казаков. Среди них “Штокман был сердцевинной, упрямо двигался он к одному ему известной цели”. Сначала резались в подкидного дурака. Потом Штокман “подсунул” книжку Некрасова, затем Никитина. А потом он “подложил” запретную, “гнусного вида беспереплётную тетрадку” – “Краткая история донского казачества”, – в которой было писано и про Пугачёва, и про Разина, и про Кондратия Булавина. “Добрались и до крайних времён”, до казачества вообще: “Доступно и зло безвестный автор высмеивал скудную казачью жизнь, издевался над порядками и управлением, над царской властью и над самими казаками, нанявшимися к монархам в опричники. Заволновались, заспорили”. Так, в малом кругу казаков во главе со Штокманом зарождалась крамола, готовая поразить весь казачий мир. Ведь и одна заразная бактерия может погубить весь здоровый организм. Здесь в высшей мере примечательно то, что поводом и причиной для волнения и возмущения немногих казаков стала их собственная история, искажённая и тенденциозно изложенная, а также русская литература...

Революция в России носила все признаки *иновременного завоевания* народа и страны. Во всяком случае, была предпринята попытка такого завоевания. Отсюда, главным образом, весь трагизм происходящего. Ведь так просто духовная и культурная идентичность личности и историческая ориентация страны и народа не меняются. Ну, а как же иначе можно расценить то, что низвергалась, прежде всего, народная вера, Православие, разрушались храмы, а вместо веры с жестокостью и ослеплением насаждалась революционная “теория”. Вместо исконной веры – марксистская революционная “теория”, которая якобы могла объяснить человека. На это революционеры обычно отвечают: а кто всё это делал, сами и делали... Да нет, не так. Десятилетиями, в течение почти двух веков в культуре, в литературе, в образовании, в воспитании исподволь насаждалось революционное, каинитское сознание, которым, в конце концов, люди не могли не быть отравлены. И когда они начали бесноваться, указуют на них и говорят: так они сами... Как это происходит, как берутся люди “из среды другого народа”, описано в Библии.

Там — опыт тысячелетий жизни человечества. Потому Библия и запрещалась, что содержала этот опыт, который революционерам мешал, обнажал всю несостоятельность их “теории”.

В этом отношении примечательна и удивительна тайна Вёшенского восстания, которому в “Тихом Доне” уделено столь много внимания и места. Никакой тайны, конечно, нет. Всё убедительно представлено в своём истинном смысле в романе. Тайной она является в том смысле, что так и не стала достоянием общественного сознания, так и не постигнута историками, литераторами, толкователями революции и гражданской войны в России. . .

В самом деле, коль монархия оказалась свергнутой, государственность разрушенной, надо было как-то выходить из революционного анархизма. Здесь и стало проявляться то творчество масс, о котором революционеры столь много говорили. В казачестве родилась “формула”: “Советы без коммунистов”. То есть против советской власти казаки не выступали: “Воевать нам с вами не из чего. Мы не против Советской власти, а против коммуны. . .”. Более того, оставили Советы как форму власти, даже в обращении слово “товарищ” оставили. Даже в знаках различия попытались соединить, примирить “красное” и “белое”: на папахах крестом красная и белая нашивки. Но были против идеологии, которая отрицает веру и Бога. Открыли фронт, но получили геноцид казачества: “Вёшенская — как окружная станица — стала центром восстания. После долгих споров и толков решили сохранить прежнюю структуру власти. В состав окружного исполкома выбрали наиболее уважаемых казаков, преимущественно молодых. . . Были образованы в станицах и хуторах советы, и, как ни странно, осталось в обиходе даже некогда ругательное слово “товарищ”. Был кинут и демагогический лозунг: “За Советскую власть, но против коммуны, расстрелов и грабежей”. Поэтому-то на папахах повстанцев вместо одной нашивки или перевязки — белой — появилось две: белая накрест с красной. . .”.

Казалось бы, что это новое народное государственное творчество новая власть будет всячески поддерживать. Но она, блюдя “чистоту” революционной теории, в которой не было места народу, повела с ним жесточайшую борьбу. “Чистота” теории для неё была дороже самого народа. . . Такое самоуправление народа революционной власти, оказывается, было не нужно, так как нарушало “чистоту” революционной теории.

Из этого естественно следует, что революционерам то действительное творчество масс, которое проявлялось в реальной жизни, было не нужно. А было нужно своё, революционное, в котором жить становилось невозможным. Вышколенный на таких представлениях Мишка Кошевой не управлять собирается, а делать совсем иное: “Я вам, голуби, покажу, что такое Советская власть!”

Способный лишь на то, чтобы в революции и в войне найти какие-то свои личные выгоды, он, наконец, оказался у власти, не зная, что с нею делать: “Боже мой, каким же сукиным сыном был он всё это время, когда рылся в земле, не поднимая головы и по- настоящему не вслушиваясь в то, что творилось кругом. . . Злой донельзя на себя, на всё окружающее, Мишка встал из-за стола, оправил гимнастёрку, сказал, глядя в пространство, не разжимая зубов: “Я вам, голуби, покажу, что такое Советская власть!” И показывал. И показывали такие же недалёкие люди, как он, вышколенные Штокманами.

Удивителен персонаж в “Тихом Доне” дед Гришака, дед жены Григория Мелехова Натальи. Он участвовал в турецкой кампании 1877 года. За боевые отличия под Плевной и Рошичем имел два Георгия и Георгиевскую медаль. Доживал век свой у сына Мирона. Пользовался на хуторе всеобщим уважением за ясный до старости ум. Неподкупную честность и хлебосольность. Дед Гришака всё время читает Библию, Евангелие. Под образами у него — стопка церковных книг. Близким это его чтение Священного Писания не вполне понятно. Сноха его, жена сына Мирона, Лукинишна так и говорит Григорию: “Живой, а кубыть трошки умом начал мешаться. Так и сидит дни-ночи напролёт Святое Писание читает. Иной раз загутарит-загутарит, да так всё непонятно, церковным языком. . .” Таким “тронутым” он кажется снохе. В хуторе же он пользовался всеобщим уважением именно “за ясный до старости ум”. Но дед Гришака хотя и жил неприметно, и “остатки жизни тратил на воспоминания”, не только читал Библию, но давал свою оценку происходящему с высоты постигнутого им в Священном Писании. Чутко улавливал перемены, происходящие в жизни,

распознавал их истинное значение, что остальным было пока неведомо. Дед Гришака был хранителем духовной основы этой жизни. И как потом выяснится — мучеником за веру, погибая от руки ретивого революционера Мишки Кошевого, со словами Священного Писания на устах...

Григорий Мелехов зашёл проведать деда. Дед Гришака был непременно с Библией: “В горенке сидел дед Гришака, читал затрёпанное, закапанное воском, в кожаном переплёте Евангелие”. Читал же он церковные книги основательно, отмечая наиболее важное. В таких книгах никаких помет делать нельзя. А потому отмечали то или иное место воском. Потому в романе Евангелие — “закапанное воском”. Дед Гришака в народном мире, изображённом в “Тихом Доне”, занимает особое и исключительное положение. Он значимей и превышает даже священников. Вот он негодует в связи с тем, что поп плохо правит службу в храме — “никудышний служака” — и видит в этом знак и признак ослабления веры: “Беда!” А вот священник, отправляющийся на фронт, в полковые духовники, наоборот, говорит о том, что вера в народе крепнет: “Семья, знаете ли, бедный приход. Вот и еду в полковые духовники. Русский народ не может без веры. И год от года, знаете ли, вера крепнет”. Прямо противоположная оценка происходящего в действительности. Прав оказался дед Гришака. “Дед Гришака держал на коленях Библию. Из-под очков в позеленевшей медной оправе он глянул на Григория, открыл в улыбке белозубый рот:

— Служивый? Целенький? Оборонил Господь от лихой пули? Ну, слава Богу. Садись”.

И тут между ними происходит примечательный разговор о Библии. И о жизни, о происходящем в ней. Дед Гришака, который “топтал землю шестьдесят девять лет”, говорит Григорию, что ему “ить уже под сто пошло”. Смею утверждать, что этот их разговор является основным, ключевым для уяснения духовного смысла “Тихого Дона”.

Дед Гришака спрашивает Григория и сам же отвечает: “А через чего воюете? Сами не разумеете! *По Божьему указанию всё вершится*. Мирон наш через чего смерть принял? Через то, что супротив Бога шёл, народ бунтовал супротив власти. А всякая власть — от Бога. Хучь она и анчихристова, а всё одно Богом данная”. Замечу, что ранее дед Гришака говорил иначе, только о том, что эта власть антихристова...

И тогда дед Гришака начинает читать Григорию книгу пророка Иеремии — “Слово, которое изрёк Господь о Вавилоне и о земле Халдеев через Иеремию пророка”, — не сомневаясь в том, что это про наши времена Библия гласит... Приведу это место “Тихого Дона”, где цитируется книга пророка Иеремии, и ввиду его чрезвычайной важности для понимания основного смысла романа, и потому, что этого текста читатели не найдут ни в одном современном издании Библии, как, впрочем, не найдут и в дореволюционных её изданиях. И у них есть редкий случай сравнить текст книги пророка Иеремии, приведённый в “Тихом Доне” М. А. Шолоховым, с доступными им изданиями Библии. В “Тихом Доне” написано так:

— Ты не смеись, поганец! Людей на смерть водишь, супротив власти поднял. Грех великий примаешь, а зубы тут нечего скалить! Ась?... Ну, вот то-то и оно. Всё одно вас изничтожат, а заодно и нас. **Бог — он вам свою стезю укажет. Это не про наши смутные времена Библия гласит?** А ну, слухай, зараз прочту тебе от Еремии-пророка сказание... — Старик жёлтым пальцем перелистал жёлтые страницы Библии; замедленно, отделяя слог от слога, стал читать:

— **“Возвестите во языцех, и слышано сотворите, воздвигните знамение, возопиите, и не скрывайте, рцйте: пленен бысть Вавилон, посрамися Вил, победися Мירוдах, посрамишася изваяния его, сокрушишася кумиры их. Яко прииде нань язык от севера, той положит землю его в запустение, и не будет живяй в ней от человека даже и до скота: подвигнушася, отидоша”**... Уразумел, Гришака? С севера придут и вязы вам, вавилонщикам, посворачивают. И дале слухай: **“В тыя дни, и в то время, глаголет Господь, придут сынове Израилевы тии, и сынове Иудины вкупе ходяще и плачуще пойдут, и Господа Бога своего възыщут. Овцы погибшие быша людие мои, пастыри их совратиша их, и сотвориша сокрыти-ся по горам: с горы на холм ходиша”**.

— Это к чему же? Как понять? — спросил Григорий, плохо понимавший церковнославянский язык.

— К тому, поганец, что бегать вам, смутителям, по горам. Затем, что вы не пастыри казакам, а сами хуже бестолочи — баранов, не разумеете, что творите... Слухай даде: **“Забьша ложа своего, вси обретающи их снедаху их”**. И это в точку! Вша вас не гложет зараз?

— От вши спасенья нету, — признался Григорий.

— Вот оно и подходит в точку. Даде: **“И врази их рекоша: не пощадим их, зане согресиша Господу... Отыдите от среды Вавилона, и от земли Халдейски изыдите, и будете яко козлища пред овцами. Яко се аз воздвигну, и приведу на Вавилон собрания языков великих от земли полунощныя, и ополчатся нань: оттуда пленен будет, яко же стрела мужа силна искусна не возвратится праздна. И будет земля Халдейска в разграбление, вси грабители ея наполнятся, глаголет Господь: Зане веселитесь и велеречиваете, расхищающе наследие мое...”**

— Дед Григорий! Ты бы мне русским языком пересказал, а то мне непонятно, — перебил Григорий.

Но старик пожевал губами, поглядел на него отсутствующим взглядом, сказал:

— Зараз кончу, слухай: **“... Скакаете бо яко тельцы на траве, и бодосте яко же волы: Поругана бысть мати ваша зело, и посрамися родившая вас: се последняя во языцех пуста и непроходна, и суха. От гнева Господня не поживут век: но будет весь в запустение, и всяк ходяй сквозе Вавилон подивится, и позвиждет над всякою язвою его”**.

— Как же это понять? — снова спросил Григорий, ощущая лёгкую досаду.

Дед Гришака не отвечал, закрыл Библию и прилёг на лежанку”. (Выделено мной. — П. Т.)

Григорий, раздосадованный не только непонятными словами Библии, но и на самого деда Гришаку, вышел из горенки. И нашёл поначалу всему этому простое, расхожее объяснение: “И вот сроду люди так, — думал Григорий, выходя из горенки. — Смолоду бесуются, водку жрут и к другим грехам прикладываются, а под старость, что ни лютей смолоду был, то больше начинает за Бога хорониться. Вот хучь бы и дед Гришака. Зубы — как у волка. Говорят, молодым, как пришёл со службы, все бабы в хуторе от него плакали, и летучие, и катучие — все были его. А зараз... Ну, уж ежели мне доведётся до старости дожить, я эту хреновину не буду читать! Я до библиев не охотник”.

Тот факт, что человек к старости приходит к Богу, является, по сути, одним из доказательств бытия Божия. Перейдя море житейское, немало нагрешив, как и дед Гришака, по мнению Григория, человек обращается к Богу. Не из одного же страха и беспокойства перед конечностью человеческой жизни, пред вечностью, разумом непостижимой. Мог бы обратиться к какой-то высшей силе вообще. Но человек обращается к Богу.

И всё же потом, возвращаясь с Натальей от тётки, думал о разговоре с дедом Гришакой о таинственных, непонятных “речениях” Библии. Шли, чужие друг другу больше, чем когда бы то ни было. Наталья естественно злилась на Григория, так как ей стало известно, что на фронте он пьянствовал и гулял. Григорий принимает её упрёки, ссылаясь на то, что и “вся жизнь похитнулась”, и на то, что всё у него “помутилось в голове...”. Но вместе с тем услышанное от деда Гришаки соотносит с происходящим и с собой: “Вот и твой дед Гришака по Библии читал и говорит, что, мол, неверно мы свершили, не надо бы восставать. Батю твоего ругал”. На это Наталья сердито ответила: “Дед — он уже умом рухнул! Теперь твой черёд”. Расстроенный непониманием, Григорий говорит о своём состоянии: “Я сам себе страшный стал... В душу ко мне глянь, а там чернота, как в пустом колодезе...” Эта важная сцена беседы Григория с дедом Гришакой противостоит в романе другой — гибели деда Гришаки. Он ведь читал Священное Писание не только Григорию Мелхову, но и Мишке Кошевому. Более того, Кошевому читал не только из книги пророка Иеремии, но и из книги пророка Исаии. Но тот, в отличие от Григория, не задумался над услышанным, над таинственными “речениями” Библии, а просто застрелил старика — хранителя духовной основы жизни. Застрелил потому, что этот мудрец и пророк мешал ему строить “новую” жизнь без Бога.

Но это место в “Тихом Доне” примечательно ещё одной важной особенностью. Дело в том, что текст книги пророка Иеремии, приведённый М. А. Шолоховым в романе, не совпадает с современными изданиями Библии, как, впрочем, и с дореволюционными... В музее-заповеднике М. А. Шолохова

в станции Вёшенской, как я узнал, никаких изданий Библии не оказалось. Но я нашёл издание Библии, текст которого совпадает с тем, который приведён М. А. Шолоховым в “Тихом Доне”. Нашёл в частном собрании, у одного моего доброго московского товарища. Это — “Библия сиречь книги Священного Писания Ветхаго и Новаго Завета”. Это — переиздание Библии 1666 года, вышедшее в 1751 году. Но в таком случае это уже само по себе многое изменяет в понимании “Тихого Дона” вообще.

Эта Библия вышла в год знаменитого церковного Собора 1666–1667 годов. Собор расстриг и проклял Аввакума в Успенском соборе Кремля. В 1667 году на Соборе вселенские патриархи произнесли анафему всем, кто не согласился с исправлением богослужебных книг и не принимал новую обрядность. Раскол Русской Православной Церкви и последовавший за ним раскол русского народа на две непримиримые части состоялся. Это мрачное дело продолжат цари Алексей, Фёдор, Софья, Пётр I...

Библия же эта — дореформенная. То есть та, по которой жили старообрядцы. Нет никаких оснований утверждать, что М. А. Шолохов читал именно это её издание. Он читал такую же, находящуюся в этой, старообрядческой, традиции. До Алексеевско-Никоновской “правки”, точнее, порчи церковных и богослужебных книг.

Совершенно ясно, что М. А. Шолохов в работе над “Тихим Доном” обратился именно к такой Библии вовсе не случайно. Уже самим выбором её писатель однозначно и ясно указал, какой духовной, исторической традиции в истории России он придерживается. Кроме того, тем самым, *он не просто сравнил Раскол с новой революционной катастрофой России, но показал последнюю как неизбежное продолжение Раскола*. Это, пожалуй, самый главный мировоззренческий аспект “Тихого Дона”. Подтверждений ему множество в тексте романа. Вот почему столь часто в “Тихом Доне” встречаются казаки-староверы, причём в связи с разрешением самых важных и принципиальных вопросов. Эти отстоящие друг от друга на два с половиной века трагедии — Раскол и революция — носили все признаки духовной агрессии и катастрофы.

Для такого их сопоставления и уподобления есть все основания. Ведь и феномен российского казачества оформился окончательно после Раскола, в результате его. А потому постижение революционной трагедии русского народа через трагедию казачества стало для писателя естественным.

Революционное крушение России в начале XX века является прямым следствием Раскола Русской Православной Церкви и народа в XVII веке и продолжением его. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) видел прямую взаимосвязь между двумя этими несчастьями Церкви, народа и государства: “Расколом принято называть происшедшее во второй половине XVII века отделение от господствующей Православной Церкви части верующих, получивших название старообрядцев или раскольников. Значение Раскола в русской истории определяется тем, что он являет собой видимую отправную точку духовных нестроений и смут, завершившихся в начале XX века разгромом русской православной государственности”. Да об этом прямо говорится в тексте “Тихого Дона”: “В угрюмом молчании слушали могучую песню потомки вольных казаков, позорно отступавшие, разбитые в бесславной войне против русского народа”.

Вот тут действительно невозможно не прийти в изумление. Как могло так произойти, как случилось, что всё это было опубликовано в столь безбожное время, при тотально господствующей атеистической идеологии?.. Видимо, потому, что революционеры состояли не из одних таких, как Мишка Кошевой, видевших в революции лишь возможность самоопределения. И не из одних таких неистовых, как Штокман, который двигался к одному ему известной “цели”. Среди революционеров было немало действительно образованных людей, хорошо знавших Библию. И они не могли не видеть и не могли не осознавать, что “Тихий Дон” — это приговор их революционному делу... Они могли не допустить его в общественное сознание. Но если публикация “Тихого Дона” всё-таки состоялась, значит, это произошло действительно по Божиему Провидению... Нам не дано постичь это своим бедным разумом. Мы можем лишь надеяться на то, что Господь вразумил самых разумных из революционеров. И поскольку Божие дело нам неведомо, мы можем предположить логику таких возможных революционеров, от которых зависело обнародование “Тихого Дона”.

Да, “Тихий Дон” М. А. Шолохова – это приговор революции, происходящему сейчас. И появление его теперь нежелательно, так как будет не мобилизовать людей, а наоборот, отвращать их от борьбы за светлое будущее. Но по самому большому человеческому, цивилизационному, историческому счёту этот писатель с Дона М. А. Шолохов, не известно откуда взявшийся, которого после всего происшедшего в России вроде и быть не должно, безусловно прав... В мировом, в библейском значении эти революции и смуты имеют именно такой смысл, какими он их изобразил... Но мы-то думаем быть не только “сегодня”, но и всегда... А потому не будем гонителями истины. То, что он сделал, уже никуда не денешь, уже не утаишь. Спрячем пока истинный смысл его писания за его истолкованием, таким, чтобы большинство людей не поняли и не догадались о том, что постиг и что явил им этот человек...

Надо хотя бы кратко назвать причины Раскола – самой большой трагедии в истории русского народа. Его характер и особенности. И его значение в нашей многотрудной истории вплоть до сегодняшнего дня, ссылаясь на обстоятельные исследования последнего времени. Всё началось с так называемого византийского соблазна, или, как ещё называют эту блажь, – византийской прелести. Возникла идея, совершенно неосуществимая, что было ясно уже при её возникновении, – объединить весь православный мир под единое государственное начало. Создать Великую Греко-Российскую восточную империю со столицей в Константинополе, возглавляемую русским царём. При этом произошла подмена русской идеи, согласно которой Москва – Третий Рим выступала хранительницей чистоты православной веры. Эта же идея объединения была истолкована чисто политически. Но для этой цели надо было унифицировать русскую и греческую церковные практики. Причём по образцу греческой. Привести в согласие с греческой обрядность и главное – произвести правку церковных и богослужебных книг.

Совершенно справедливо пишет Б. П. Кутузов, что это был форменный церковный погром: “Реформа была навязана Русской Церкви искусственно, реформа не обоснована ни богословски, ни канонически... является по сути преступлением по отношению к Русской Церкви и обществу... Для проведения церковной реформы вообще не было никаких оснований. История показала, что константинопольский престол был лишь приманкой, чтобы склонить русских к проведению церковной реформы” (“Церковная “реформа” XVII в. как идеологическая диверсия и национальная катастрофа”. Барнаул, 2008).

В результате такой “реформы” русский народ раскололся на два враждующих лагеря. Цинизм состоял в том, что людей, устоявших в своей вере, – старообрядцев – обозвали раскольниками, якобы отступившими от веры и якобы виновными в том, что народ оказался расколотым. Староверы жестоко преследовались. Церковная литература была переполнена их обличением. Критика “реформы” вплоть до 1917 года была невозможной и выставлялась, как выступление против официальной Церкви.

А. В. Пыжиков отмечает, что “в середине XIX века Россия по сути уже была расколота. Когда в конце 1840-х годов правительство отправило по стране несколько исследовательских комиссий, выяснилась ужасающая картина: миллионы русских людей не считали себя приверженцами официальной церкви и крайне враждебно относились к действующей власти. Целые губернии были охвачены раскольничьей фрондой... По сути, была выстроена вторая, параллельная Россия” (“Грани русского раскола”. М.: Концептуал, 2016).

И только полвека спустя после церковных “реформ” власть озаботилась легализацией раскола в административном отношении. Акт от 8 февраля 1716 года установил запись и двойное налоговое обложение раскольников – двойной оклад. Со времён Екатерины II государство прекращает давление на староверов. В 1800 году уже при Павле I было учреждено *единоверие*, особая форма отношений синодальной Церкви и староверов. И только в 1971 году поместный собор Русской Православной Церкви отменил клятвы, анафематствования старого обряда. Но и до сих пор в нашем научно-историческом обиходе старообрядчество выставляется как нечто маргинальное, якобы не затрагивающее основ духовной и государственной жизни, “в трудах учёных оно традиционно предстаёт в качестве некоего этнографического чулана, откуда время от времени извлекаются свидетельства далёкой старины” (А. В. Пыжиков). Даже трёхтомный энциклопедический словарь “Христианство” всё ещё, и после Собора 1971 года, пытается убедить мирян, что “старообрядчество есть

следование церковной старине в той области, которая касается не существа веры, а внешней церковной жизни, то есть всего того, что относится к церковному чину и благоукрашению, а равно и церковным обычаям” (т. 2, М.: Большая Российская Энциклопедия, 1995).

Вячеслав Козляков в книге “Царь Алексей Тишайший” пишет: “Сторонники старой веры тоже ни в чём не отличались от адептов появившегося официального Православия” (М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 2018). Такая вот историческая “толерантность”, говорящая о том, что истинно верующие люди отстаивают свою веру не должны... Между тем, как честным исследователям давно было ясно: “На вопрос: кто вызвал раскол русской Церкви, кто расколол её, отвечает история и выносит в лице своих наиболее объективных исследователей старообрядчеству оправдательный приговор” (И. А. Кириллов. “Правда старой веры”, Барнаул, 2008). Книга написана в 1914 году.

Выдающийся философ, мыслитель нашего времени А. С. Панарин писал: “Церковный раскол XVII века породил опасную цивилизационную трещину в России. Настоящим хранителем цивилизационной самобытности России стала старообрядческая оппозиционная церковь. При этом любителям отождествлять самобытность с косностью и отсталостью следует сразу же напомнить: наиболее перспективные эволюционные сдвиги в России, связанные с зарождением народного предпринимательства, самоуправления, не зависящего от власти гражданского общества, твёрдого в правилах “третьего сословия”, имели своей социокультурной основой именно старообрядчество. Оно породило по-настоящему крепкие и яркие характеры: устойчивые нормы поведения, высокую мотивированность. Напротив, противоположная, сразу же ставшая политически и идеологически господствующей сторона, участвующая в расколе, дала “господскую церковь”, в которой канона и ритуала с самого начала было больше, чем подлинной веры” (“На перепутье (Новые вехи)”, М.: Логос, 1999).

Этот малый экскурс в судьбу и историю старообрядчества совершенно необходим для прочтения “Тихого Дона”. Из него видно, что старообрядчество занимает центральное место в русском народном самосознании. И главное — М. А. Шолохов в революционной трагедии своего времени видел продолжение раскола, покушение на народные начала жизни. И в своём романе “Тихий Дон” он изображает, как это нестроение совершается и как человеком преодолевается. Когда уже стало ясно, что чему противостоит в этой расстроившейся жизни, когда вполне определились, кто есть кто в этой, как говорит писатель, войне против русского народа, он третью книгу “Тихого Дона”, вроде бы вдруг, начинает с эпического описания “великого раздела”, начало которого “намечалось ещё сотни лет назад... Только в 1918 году история окончательно разделила верховцев с низовцами”... Говорится о “великом разделе” между верховцами и низовцами, но соотносится этот раздел с тем расколом народа, который произошёл от раскола Церкви.

Именно казак-старовер, подводчик даёт оценку деятельности революционеров — Штокмана, Ивана Алексеевича, Мишки Кошевого. Они выехали из хутора Чеботарёва в Усть-Хопёрскую. Штокман начал разговор с подводчиком с пустяков. Но скоро перешли к главному. Казак-старовер и говорит: “Ваша власть справедливая, только вы трошки неправильно сделали...” На недоуменный вопрос Штокмана подводчик отвечает: “Потеснили вы казаков, надурили, а то бы вашей власти износу не было. Дурасного народу у вас много, через это и восстание получилось”. И далее казак-старовер рассказывает, как в станице Букановской комиссар Малкин расстреливает казаков, несправедливо обращается с народом, что “этот Малкин чужими жизнями, как Бог, распоряжается”... Примечательно, что, по представлению подводчика, Малкин этот самодурствует, а такие права ему от Советской власти не даны: “Мандата, небось, нету на такие подобные дела...”

В церковной “реформе” XVII века правка богослужебных книг, “книжная справа” занимает центральное место. Б. П. Кутузов пишет, что “шла не правка книг, а их порча”. И подтверждает это конкретными текстуальными примерами. Кроме того, как неопровержимо доказано исследователями, источником, образцом для правки были не древние рукописи из Византии, а современные греческие книги, напечатанные в Париже и в Венеции. Это уже однозначно говорит о том, что эта “правка” была предпринята как духовная агрессия против Русской Православной Церкви, русской государственности

и русского народа... Потому и остаются труднообъяснимыми та жестокость, с которой эта “реформа” проводилась, и то зверство, с которым преследовались “раскольники” настоящими раскольниками и отступниками...

Есть факты поразительные в истории нашей духовности и нашей государственности. Как известно, Иерусалимским патриархом для “правки” книг в Алексеевско-Никоновскую “реформу” был рекомендован Арсений Грек. Он воспитывался в иезуитской коллегии в Риме, неоднократно переходил из Православия в латинство и обратно, принимал и магометанство, и униатство... То есть для столь важной работы, как правка церковных книг, он никак не подходил. Вокруг этого в церковных кругах шла, как видно, борьба: “Его арестовывают и отправляют в Соловецкий монастырь. В 1552 г. прибывший на Соловки Никон освобождает этого еретика и религиозного авантюриста и делает его правщиком и переводчиком богослужебных книг” (Б. П. Кутузов). Факт поразительный, говорящий о том, что эта “книжная справа” действительно была “идеологической диверсией”...

Но самое удивительное и, казалось бы, невозможное состоит в том, что аналогичная “правка” церковных и богослужебных книг в нашей истории уже была. Когда великий князь Василий III, отец первого русского царя Ивана IV Васильевича Грозного, предпринял правку книг, он запросил у афонских старцев прислать ему знающего человека. Был выбран Максим Грек, не знающий ни русского, ни церковно-славянского языков. То есть, опять-таки, для такой работы абсолютно неподготовленный. Два года находясь в Крыму, он готовился к этой миссии, но как оказалось, не книжной, а скорее идеологической и политической. Его келья превратилась в пристанище оппозиционеров к верховной власти. За еретическую правку книг он был осуждён двумя церковными Соборами. *Впрочем, почему-то канонизирован в наше время, к 1000-летию Крещения Руси...* Эта странная миссия Максима Грека на Руси обстоятельно показана в монографии выдающегося историка И. Я. Фроянова “Драма русской истории” (М.: Издательский дом “Парад”, 2007). В монографии также даны текстологические примеры “правки” книг Максимом Греком...

Однотипность этих миссий, этих “книжных справ” говорит сама за себя.

А потому на вопрос о том, какую Библию читал М. А. Шолохов, работая над “Тихим Доном”, следует ответить, что писатель читал настоящую Библию, не правленную в Алексеевско-Никоновскую “реформу”. Ведь даже те отрывки из книги пророка Иеремии, которые приведены в “Тихом Доне”, в сравнении с современными изданиями Библии, как и с дореволюционными, вызывает множество вопросов, свидетельствует, мягко говоря, о небрежном отношении к тексту Священного Писания.

Приведу только некоторые примеры. В современных изданиях Библии: “Возвестите и разгласите между народами и поднимите знамя”. В Библии 1666 года, текст которой совпадает с шолоховским: “*воздвигните знамение*”. Совершенно ясно, что это не одно и то же. В назидание поверженным вавилонцам говорится о том, что они прыгали, резвились бездумно, как телята, и бодались, как волы, вот и пришла им за это расплата, отмщение: “Скакаете яко тельцы на траве и бодосте яко же волы”. В нынешних текстах: “Прыгали от радости, как телица на траве, и ржали как боевые кони”. В первоисточнике, как видим, вовсе не телица, а телята, и откуда-то взялись боевые кони. Такая замена ничем не оправдана, так как волы – животные жертвенные...

Вот павший, разрушенный Вавилон в современных изданиях Библии: “Всякий, проходящий чрез Вавилон, изумится и *посвищет* на все язвы его”. Непонятно, почему всякий, увидевший развалины Вавилона, посвищит. В первоисточнике: “Всяк ходяй сквозь Вавилон подивится и *позвиждет* над всякою язвою его”. Позвиждет – это, видимо, – *позвиздание* – осмеяние, освистание. То есть, всякий проходящий через развалины Вавилона, освищит его, в смысле – осмеёт.

Есть и принципиальнейшие расхождения в переводах Библии, имеющие важное значение для понимания Божеского устройства мира. В ныне издаваемых переводах Библии говорится о том, что Господь *раскаялся* в том, что сотворил человека на земле: “И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своём” (Бытие, 6; 6). То есть Бог якобы совершил “ошибку”, создав человека, которую потом “исправляет”, изгоняя первых людей из рая, допуская братоубийство Каином Авеля, посылая, наводя водный потоп, чтобы все, что есть на земле, лишилось жизни: “И сказал Господь:

истреблю с лица земли человека, которых Я сотворил... ибо Я раскаялся, что создал их" (Бытие, 6;7).

Но Господь не раскаивался в том, что сотворил человека на земле. Истинно верующий человек не может даже мысли допустить о том, что Бог может совершить "ошибку". Это невозможно. Он размышлял о том, как сотворить человека. Вот как в оригинале, мало чем сходном с переводами: *"И помысли Бог, яко сотвори человека на земли, и размысли"*. То есть и подумал Бог, как сотворить человека, и поразмышлял. Иными словами, Господь думает о том, как сотворить человека. Но он не раскаивается в своем творении. Господь не говорит, как именно Он создал человека, Он говорит лишь о том, что, сотворяя человека, Он хорошо подумал, а значит, таким именно человек и должен быть, каким Он его создал.

Но и сегодня православные читают о "раскаянии" Господа, допуская мысль, что Он может "ошибаться". Если допустить, что Он "ошибался", создав человека, то "можно" подвергнуть сомнению и сотворённый им мир и начать его "переделывать" по своему усмотрению... Вот где таится мировоззренческий исток "оправдания" бунта против Бога. Но Господь однозначно говорит о том, что созданный Им мир будет существовать вечно: "Впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся" (Бытие, 8; 22).

Приводя в "Тихом Доне" истинный, направленный текст Священного Писания, М. А. Шолохов, понимает, знал, чем отличается дореформенный текст Библии, что это была за борьба, в результате которой такая "книжная справа" была всё-таки совершена. Знал, что это была борьба против Православия и русской государственности. Об этом однозначно свидетельствует сам текст "Тихого Дона".

Главное же состоит в том, что в "Тихом Доне" Григорий и дед Гришака оценивают происходящее в жизни как некое уклонение от правды. И истинные пути этого мира они находят в Библии. Правдой, в ней заключённой, поверяют правду своего времени. А потому их обращение к библейской мудрости и закономерно, и неизбежно. Справедливо пишет Н. В. Корниенко: "Библейский текст в романном пространстве "Тихого Дона" выступает не как архаический, а как идеальный, задающий иерархические отношения между реальным сознанием и истиной-правдой..." ("Сказано русским языком...", М.: ИМЛИ РАН, 2003).

Но было бы не вполне точным, если бы мы обращение М. А. Шолохова к Библии всецело объяснили "опытом прочтения русской революции через Библию", что было распространённым в литературе 1920-х годов. Скажем, С. Есенин: "И даже с тайной Бога веду я тайный спор". То была всё-таки в подавляющем большинстве "тема" христианства в художественном тексте, "тема" Православия. Но нельзя не заметить, что у А. Блока, у М. Шолохова, М. Булгакова – это не "тема", не взгляд с некой интеллектуальной высоты на всё, в том числе и на христианство, но само православное понимание происходящего.

Ярмо деревянное и стальное

То или иное обращение писателя к библейским текстам вообще, а в "Тихом Доне" в особенности, не является самоцельным. Оно, так или иначе, служит разрешению той или иной художественной задачи. А потому установление того, какую именно художественную и мировоззренческую задачу разрешает писатель, обращаясь к библейскому тексту, и должно быть обязанностью и целью исследователя. Факт такого обращения сам по себе мало о чём говорит, и установление его не может быть конечной целью исследования.

Примечательна в этом отношении в "Тихом Доне" личность Бунчука. Это – революционер-агитатор, но происходивший из казаков, что подчёркивалось даже его фамилией – Бунчук. Он убивает офицера Калмыкова. И это – первая жертва братоубийственной войны в романе. Когда при штабе Сиверса организовывается революционный трибунал, творивший крутой суд и расправу над захваченными пленными, он обслуживал нужды этого суда. Потом был направлен на работу в революционный трибунал при Донском ревкоме, став, по сути, палачом. Рьяно и неистово защищает он дело революции, "по необходимости физически уничтожает контрреволюционеров",

“истребляет человеческую пакость”, “грязь”. У него — хотя и нехитрая, но целая “философия” оправдания этого душегубства: “Они нас или мы их. Серёдки нету. Пленных нету. На кровь — кровью. Кто кого... Война на истребление... Убивать их надо, истреблять без пощады! Они нам пощады не дадут, да мы в ней и не нуждаемся, и их нечего миловать. К чёрту! Скребать с земли эту нечисть! И вообще — без сантиментов, раз дело идёт об участии революции”. Высшей ценностью для него становится революция.

Во время так называемого Корниловского мятежа на Петроград были двинуты казачьи части — 3-й конный корпус и Туземная дивизия — якобы на подавление рабочих волнений. Бунчук был послан в их среду для агитации, чтобы остановить во что бы то ни стало продвижение казачьих частей на Петроград.

Казачи, поведавшие много разных агитаторов, относятся к нему с доверием, так как он вроде бы свой — из казаков: “Мы слушать — слушаем, а веры им даже не даём. Чужой народ. Может, они нас под монастырь надворничать ведут — кто их знает? Откажись, а Корнилов черкесов направит — и вот опять кроворазлитие выйдет. А вот ты — наш, казак, и мы тебе веры больше даём...” Он твёрдо знал, что задержит эшелон в Нарве. Но для этого нужен был особый язык агитации, ведь это были его земляки, казаки, и “требовался иной, полузабытый, чернозёмный язык, ящериная изворотливость”. То есть Бунчук очень тщательно готовится к этой агитационной акции. Тут никаких случайностей, непредвиденностей не должно было быть. В ходе этой агитации и происходит сцена, вскрывающая истинный смысл происходящего. Причём помимо воли самого Бунчука.

Он обращается к казакам с такой речью: “В Петрограде вам делать нечего. Никаких бунтов там нет. Знаете вы, для чего вас туда посылают? Чтобы свергнуть Временное правительство... Вот! Кто вас ведёт? — царский генерал Корнилов. Для чего ему надо спихнуть Керенского? Чтобы самому сесть на его место. Смотрите, станичники! *Деревянное ярмо с вас хотят скинуть, а уж ежели наденут, так наденут стальное!*” И тут Бунчук, как видим, вроде бы вдруг, для пущей убедительности, обращается к библейской притче о деревянном и железном ярме.

Напомню смысл этой притчи, как она изложена в книге пророка Иеремии. Когда “дом Израилев” — народ отпадает от Бога, то отпадают все — и князья, и цари, и пророки, и священники: “Как вор, когда поймают его, бывает осрамлён, так осрамил себя дом Израилев: они, цари их, князья их, и священники их, и пророки их” (2: 26) “Ибо от малого до большого, каждый из них предан корысти, и от пророка до священника — все действуют лживо” (6: 13). Тогда и появляются пророки, пророчествующие от себя, ложно, которых Господь не посылал.

Попутно отмечу, что в наше время вроде бы “возвращения к вере” не было усвоено именно это библейское положение. Материалистическое сознание, не смотря на свою беспомощность и ища своего сохранения и продолжения в обществе, представило дело так, что наша земная Церковь не претерпела всеобщего отпадения от Бога и сохранилась в своей первозданности. И она сама была представлена всего лишь как общественный институт наряду с другими, а не в своём истинном значении “посредника” между Богом и человеком...

Итак, бывают пророки, которые пророчествуют ложно. Таким пророком в книге пророка Иеремии является Аняния. Он вознамерился даровать свободу пророку Иеремии, освободить его от тягот жизни, снять с него ярмо лишений и невзгод: “Тогда пророк Аняния взял ярмо с выи Иеремии пророка и сокрушил его” (28: 10). На что было слово Господне к Иеремии о том, что на самом деле сделал Аняния: Господь же сказал, что Аняния не освободил Иеремию, а, наоборот, ещё больше его закрепостил. Он снял с него ярмо деревянное, а заменил его ярмом железным: “Иди и скажи Анянии: так говорит Господь: ты сокрушил ярмо деревянное — и сделал вместо него ярмо железное” (28; 13). В этом убеждается и пророк Иеремия, говоря Анянии: “И сказал пророк Иеремия пророку Анянии: послушай, Аняния, Господь тебя не посылал, и ты обнадёживаешь народ сей ложно (28: 15). Железное ярмо — это значит неволя, “железное ярмо возложу на всех этих народов, чтоб они работали Навуходоносору, царю Вавилонскому, и они будут ему служить” (28: 14).

Обращает на себя внимание обстоятельство, наталкивающее на размышления: почему М. А. Шолохов вместо библейского ярма железного пишет о ярме стальном? Вполне возможно, что это являлось тонким намёком на то, что наступившие революционные времена являются ещё более жестокими, чем библейские, не железными, а стальными... Заменяя ярмо “железное” на “стальное” в устах революционного агитатора Бунчука, мы не знаем, какое именно значение придавал этому автор. Но у нас нет никаких оснований полагать, что это ничего не значило, что это простая описка или красивость.

Итак, притчу о библейском ярме вспоминает революционный агитатор из казаков Илья Бунчук. Он обещает освободить казаков и от ярма Корнилова, и от ярма Временного правительства. И взамен обещает им дать революционную свободу. Значит, *Бунчук в тексте “Тихого Дона” уподобляется ложному пророку Анании, которого Господь не посылал* и который, может быть, и не преднамеренно обманывает истинного пророка Иеремию. Коль Бунчук обещает казакам независимость и свободу, то есть сокрушить их ярмо, есть полные основания уподобить его лжепророку Анании. Он делает то же самое, что делал Анания, – пророчествовал ложно и напрасно обнадёживал людей...

Уподобляя революционного агитатора Бунчука ложному пророку Анании, которого Господь не посылал, М. А. Шолохов тем самым говорит о том, что революционное дело его неправедно, и вопреки обещаниям на этом варварском пути он не только не освобождает людей от ярма, то есть от несправедливости, а уготовляет им ярмо ещё более тяжкое... Его революционное дело ложно и обречено. Иного смысла из этой образной картины в “Тихом Доне” извлечь, пожалуй, невозможно. Впрочем, такова природа всякой и каждой революции в истории человеческой цивилизации. Не являясь величиной положительной и созидательной, она разрушает существующее. Иных задач и целей у неё просто нет.

И когда, выходя из задних рядов, небольшой казак, такой же коренастый, как и сам Бунчук, сказал: “А большевики, как заграбастают власть, какое ярмо на нас оденут?” – Бунчук на это ответить ничего не смог, кроме того, что ярмо надевать, мол, будет некому. Как оказалось, в условиях революционно-анархизма и беззакония охотников надеть новое “ярмо” на народ оказалось более чем достаточно.

Самое поразительное и трудно-вразумительное состоит в том, что Бунчук – сам из казаков, но “жестокость, ставшая символом революционного долга, сожгла в рабочем парне человеческое начало, погасила огонь души, превратив в обугленную головешку” (Н. Федь). Но в этом, пожалуй, нет ничего удивительного. Значит, он уверовал в такого бога, который берёт себе людей “из среды другого народа”. А вот почему он отрёкся от своего Бога – вот дилемма, которую уразуметь не так просто...

С первого журнального издания “Тихого Дона” до сороковых годов включительно Бунчук сопровождал чтение Ленинской статьи казакам своими “пояснениями, которые имеют ключевое значение для понимания внутреннего мира этого исключительного в общем строе романа персонажа: “Рабочие не имеют Отечества. В этих словах Маркса глубочайшая правда. Нет и не было у нас Отечества! Дышите вы своим патриотизмом! Проклятая эта земля вас вспоила и вскормила, а мы... бурьяном, полынью росли на пустырях... Нам с вами не в одно время цвести”. Эти жуткие слова “выкрикивает, словно в злобном припадке, коренной донской казак, боевой русский офицер, сын глубоко православной матери. Как же, чем же нужно было отравить его душу, чтобы он свою родную землю называл самым, кажется, страшным словом в русском языке – “проклятой” (С. Семанов).

Так как пророк Анания пророчествовал от себя, ложно, Господь удаляет его: “Посему так говорит Господь: вот я сброшу тебя с лица земли, в этом же году ты умрешь, потому что ты говорил вопреки Господу” (28: 16) “И умер пророк Анания в том же году, в седьмом месяце” (28: 17). Так же погибает и Бунчук, не назвав своей фамилии, без имени, то есть оставшись не внесённым в Книгу Бытия. Тем самым автор говорит о том, что дело его обречено.

Примечательно, что идеологическую и политическую марксистскую мотивацию поведения Бунчука, согласно которой он отрекается от Отечества и проклинает родную землю, писатель опускает в последующих изданиях романа, оставив только библейскую. Видимо, потому, что считал последнюю первопричинной, а значит более глубокой, важной и убедительной.

Революционный пророк пророчествовал ложно и напрасно обнадёживал людей так же, как и пророк Аняния, которого Господь не посылал. Об этом говорит Григорий: “Спутали нас учёные люди. Господа спутали. Стреножили жизнь и нашими руками вершат свои дела”. Об этом говорится в книге пророка Иереми: “Народ мой был, как погибшие овцы, пастыри их совратили их с пути, разогнали их по горам; скитались они с горы на холм, забыли ложе свое” (50; 6). “Господа” в устах Григория и “пастыри” в книге пророка – суть одно и то же. Из этого вовсе не следует, что М. А. Шолохов одобрял или отрицал революцию. Таким образом он говорил о том, что всякая революция есть великое бедствие для страны и народа, преодолеваемое большой духовной работой и созидательным трудом народа. Автор “Тихого Дона” сказал о том, что такой варварский, революционный способ установления справедливости есть смена одного ярма на другое, одного зла на другое, как и сказано о том в книге пророка Иереми: “Усиливаются на земле неправедно; ибо переходят от одного зла к другому, и Меня не знают, говорит Господь” (9: 3).

В “Тихом Доне” М. А. Шолохов постигает и представляет не только социальные причины революции, но и психологическую природу человека с революционным сознанием. И поскольку общественному сознанию изначально навязано исключительно положительное, “очистительное” значение революции, на эту, психологическую её природу внимание обычно не обращают. Более того, считается, что эта сторона революционного сознания не достойна серьёзного исследования. Она ведь очень даже неприглядна. Между тем, как всякий революционер обладает ярко выраженным психотипом составляющим суть его натуры. Ведь это человек, решительно выходящий из привычного круга вещей, нарушающий закон юридический и нравственный, переступающий все нормы взаимоотношений между людьми, складывающиеся веками. При достаточном преобладании такого психотипа общество погружается в психоз и, как писал И. Бунин в “Окаянных днях”, в “повальное сумасшествие”.

Такое аномальное состояние характерно для всех сторон жизни человека – мировоззренческой, нравственной, психологической и физиологической. Оно охватывает все существо человека. Известно, что революционеры в большинстве своём отличаются психопатологией и сексуальной нетрадиционностью.

В этом плане Бунчук был классическим типом революционера. Вот его посылают на работу в революционный трибунал при Донском ревкоме, на “работу” палача, “на грязную работу”, на какую “идут или дураки и звери, либо фанатики”, – расстреливать “этих гадов”. Разумеется, он полагает, что всё это ради будущих счастливых людей: “Сгрести нечисть, удобряю землю, чтоб тучней была”. Так патология “исправляла” норму...

Ну, что же, есть такой тип людей, такой психический выверт человека. Но, казалось бы, зачем к этому комплексу автор “Тихого Дона” добавляет ещё и то, что Бунчук был импотентом? Нет, без этого облик революционера-агитатора будет неполным... Более того, эта психопатология является основной для такого типа человека. Ведь неизбежно встаёт вопрос, и это видно из текста романа, что является причиной, а что следствием: эта его психопатология является следствием его палаческой “работы” или же наоборот, “работа” так травмировала его, что “за неделю он высох и почернел”, так как нет таких, кто, убивая людей, не носил... не был нравственно исцарапан... Вроде бы от такой “работы” Бунчук “опустошён”. Однако несостоявшаяся любовная сцена Бунчука и Анны говорит о том, что первопричиной является всё-таки психопатология. Анна, сама пришедшая к нему, видя его бессилие, поначалу “гневно оттолкнула его, с отвращением и брезгливостью”, полагая, что он “израсходовался раньше”, но потом приходит к выводу, что это его “выпила” такая “работа”, что таким и должен быть “чистильщик” рода человеческого, и уже по-матерински заботится о нём...

Таким же психопатологическим типом является и Максимка Грязнов, пристрастившийся к картёжной игре. Он самовольно ушёл с поля боя: “Объявился он уже в Ростове, вскорости проиграл в “очко” серебряную шашку, взятую у зарубленного им есаула, проиграл оставшуюся на руках конскую справу, шаровары, шевровые сапоги и нагишом пришёл в команду к Бунчуку. Тот его приодел, примолвил”. Здесь он и погибает: “Будто и не было на белом свете вёшенского казака Грязнова – конокрада в прошлом и горького пьянуги в недавнем вчера”. Оказывается, Максимка преступил нормы человеческой

жизни ранее – был конокрадом, потому и оказался в среде революционеров. А вновь приобретённым от ужаса происходящего было уже его пьянство.

Характерно и то, как организуются для своего дьявольского “дела” эти тины с врождённой психопатологией. Бунчук решил принять участие в экспедиции в северные округа. Кривошлыков говорит ему: “Зайди к деду Орлову, он у нас звездочёт”. Кто такой “звездочёт”? Надо полагать, тот, кто “знает” пути этого мира и отбирает для дьявольского “дела” соответствующих, пригодных для этого людей. . .

Можно сколько угодно иронизировать над трудами Григория Климова как якобы экстремистскими и даже запрещать их, отрицать связь между общественно-политическим и сексуальным поведением людей. Однако никуда не деться от того факта, что причиной библейского Потопа стало то, что “земля растлилась”, что “всякая плоть извратила путь свой на земле” (Бытие, 6:12). И это бедствие имело сексуальную основу, когда “сыны Божии”, сифиты, последователи авелеской цивилизации, стали брать в жёны “дочерей человеческих”, последователей Каина, каинитской цивилизации. То есть был нарушен изначальный порядок. А Потоп был уже только следствием этого бедствия: “Не Потоп был мировой катастрофой, а то, что ему предшествовало – между сынами Божиими и дочерьми Каина” (Е. А. Авдеенко “Тема “Каин” в современном мире”. М.: Классис, 2014). Можно сказать, что всякие потрясения, в том числе и революционные, имеют в большей мере не социальную, а психологическую причину, то, что “всякая плоть извратила путь свой на земле”... Иначе почему автор “Тихого Дона”, изображая революционное потрясение, касается и этой психологической стороны? Видимо, потому, что считал её составной частью этого катаклизма.

Анна Погудко погибает. Илья Бунчук тоже погибает, не назвав своего имени. Этому типу людей противостоит в “Тихом Доне” Григорий Мелехов, как сказала о нём попутчица, “святой во вшивой шинели”... .

Кто же из них Каин?

Удивительно и вроде бы странно, что все противодействующие персонажи “Тихого Дона” в равной мере обращаются к библейским представлениям и обвиняют друг друга в каинитстве, называют друг друга Каинами.

Дед Гришака говорит Мишке Кошевому: “Так это ты и есть, сударик? Мишкой тебя нарекли при святом крещении? Хорош! Весь в бату пошёл! Энтот, бывало, за добро норовит г... заплатить, и ты стал быть таковский?” Любопытно, что дед Гришака упрекает Мишку сначала за принадлежность к роду-племени, а потом уже за то, что он в антихристовы слуги подался: “В антихристовы слуги подался? Красное звездо на шапку навесил? Это ты, сукин сын, поганец, значит, супротив наших казаков? Супротив своих-то хуторных?” Мишка Кошевой – Каин, отмеченный печатью, “красным звездо”. Но вот Бунчук предупреждает уже казаков, чтобы они не стали каинами. Таким образом, все обвиняют друг друга в каинитстве. Но так ведь не может быть, чтобы все люди были Каинами. Кто-то из них Каин, а кто-то нет.

Причём в каинитстве обвиняются люди даже в официальных документах. Приказ № 100 от 25 мая 1919 года председателя Революционного военного совета республики прямо называет Каинами казаков и предписывает чинить над ними расправу и истребление: “Пробил час расправы с Каинами... Гнёзда бесчестных изменников и предателей должны быть разорены. Каины должны быть истреблены”. Председатель Революционного военного совета называет казаков изменниками потому, что они, по его мнению, предали дело революции. *Не от Бога отпали, а от революции.* Но при чём тогда тут Каин, отступивший от Бога? И главное – Господь не расправляется с Каином за убийство брата Авеля, не истребляет его, а оставляет в живых. Более того, он оберегает Каина, чтобы никто не убил его. Он накладывает на него знамение, печать: “И сказал ему Господь: посему всякий, убивающий Каина, всемерно отмстится. И положил Господь на Каина знамение, чтобы не поразил его всякий встречающий его” (Бытие, 4: 15). И тем самым каинитская цивилизация продолжилась до сего дня. Таким образом, председатель Революционного совета, призывающий истребить Каинов, то есть поступающий вопреки Господу, и есть Каин. Но чтобы никто не догадался о том, что он и есть Каин, он обвиняет в каинитстве других. . .

Революционер не может никого обвинять в каинитстве. Не может потому, что Каин — это отступивший от Бога, как и сам революционер. Скорее они заодно. Но если он это делает, значит, он лукавит, обманывает. Значит, его обвинение просто агитационно направлено на людей, чтобы они всех в угоду революционеру посчитали Каинами и повели с ними борьбу на истребление.

И мы видим, что Мишке Кошевому крепко запомнились слова: “Гнёзда бесчестных изменников должны быть разорены, Каины должны быть истреблены”. И он действует согласно этому лукавому приказу: “Рубил безжалостно! И не только рубил, но и “красного кочета” пускал под крыши куреней в брошенных повстанцами хуторах. А когда, ломая плетни горящих базов, на проулки с рёвом выбегали обезумевшие от страха быки и коровы, Мишка в упор расстреливал их из винтовки”.

Откуда такая жестокость и беспощадность? Казалось бы, быки и коровы здесь при чём? Жестокость оттого, что действует он не только согласно этому приказу, но и согласно писанному в книге пророка Иеремии: “Убивайте всех волов её, пусть идут на заклятие: горе им”.

Ясно, что всякое обращение революционеров к библейской аргументации, поминание каинитства для мотивации своих действий и в своё оправдание является лукавым и ложным. Но ведь чрезвычайно важно то, почему они, бунтующие против Бога, прибегают к библейской аргументации. Видимо, не только для преднамеренного обмана людей, остающихся ещё верующими, но и потому, что их социальная догматика о том, что в результате революции устанавливается справедливость, не могла объяснить происходящее и была очень уж неубедительной. В результате крушения государственности, духовного насилия над человеком, разбушевавшегося беззакония из бездны поднялась такая стихия, которую охватить бедным человеческим разумом было уже невозможно. Тут были уже бессильны какие бы то ни было “теории” и “учения”. Люди воевали, уже не зная того, почему и зачем они воюют... Об этом говорит дед Гришака в беседе с Григорием. Были забыты причины войны. Это извечное состояние людей, восходящее к библейскому положению: “За что Каин убил Авеля? Или: почему Каин убил Авеля? Ни за что, без мотива, без причины. “Потому что дела его были лукавы, а дела брата его праведны (Ин. 3:12) Каин ни за что убил брата: Авель был жертва. Он не просто убил, он “восстал” и убил (Бытие 4:8), он заклал брата своего” (Е. А. Авдеенко. “Тема “Каин” в современном мире”. М.: Классис, 2014). И в этой революции люди уже не знали, почему и зачем они воюют.

Глубокий исследователь В. Ю. Катасонов, говоря о духовном смысле мировой истории, пишет о том, что человечество разделилось на две цивилизации, два полюса — Каина и Авеля — и что эти цивилизации проходят через всю историю, изначально и до сего дня: “Вся человеческая история — борьба между каинитской и сифитской (авелевой) цивилизациями. Борьба, прежде всего, духовная, но иногда переходящая в острые формы военного противостояния”.

Это была стихия труднообразимая и непонятная, захватывающая в свой губительный и беспощадный водоворот всех без исключения. И тех, кто эту стихию будил. Их, может быть, в первую очередь. Пошатнулись какие-то основы жизни. Людей охватывало порой труднообъяснимое беспокойство и тревога, “тревога беспредметная и бесцельная” (Ф. Достоевский).

Главная ошибка, что ли, если это вообще ошибка, а не нечто совсем иное, в произведениях литературы, изображающих революционную смуту, состоит в том, что авторы изображают противоборство праведных и неправедных. С одной стороны — бунтарей, зверей в человеческом облике, с другой — людей, смутой якобы не тронутых, словно это возможно. Но праведных в революционной смуте не бывает. Когда происходит несчастье отпадения от Бога, — а всякая революция это, прежде всего, бунт против Бога, — когда начинают служить “чужим богам в земле своей” (кн. пророка Даниила, 5:18), то отпадают от Бога все — и народ, и цари, и князья, и пророки и священники, как сказано в книге пророка Иеремии.

А потому все люди, живущие во времена смуты, не могут быть не поражены ею. Это и изображает М. А. Шолохов в “Тихом Доне”. Григорий Мелехов тоже поражён смутой. Он разуверился в Боге, поверил в то, что Бога вообще нет, иначе Он не допустил бы такое убийство людей. За ним будущее, он — из тех немногих, кто способен преодолеть смуту, но пока он уверен совсем в ином:

“Одной правды нету в жизни. Видно, кто кого одолеет, тот того и сожрёт”. Потому что все пока одинаково не праведны. Казак, конвоировавший пленных красноармейцев, говорит: “Всё одно из нас праведников не получится”. Именно поэтому революционная смута и не может быть постигнута с точки зрения той или иной из противоборствующих сторон. Она постигается только с точки зрения Божеского устройства мира.

Н. В. Корниенко совершенно справедливо пишет о том, что истина-правда в “Тихом Доне”, которую задаёт библейский текст, соотносённая с реальным сознанием, “не отдаётся ни одному из их героев-идеологов”. Да, внешне автор вроде бы не отдаёт правду-истину ни одному из героев. Ведь все они, вступившие в братоубийственную войну, – Каины. Декларативно – да, “никому не отдаётся предпочтения”.

Но образное представление имеет другой смысл. Ведь те герои романа, кто уничтожает Каинов и являются Каинами, отступившими от Бога, так как Каина Господь не только не убивает, но и охраняет... С Каинами в романе борются Троцкий (приказ № 100) и Мишка Кошевой, неистово исполняющий этот приказ.

В “Тихом Доне” изображается не только то, кто, в конце концов, победил, но и то, кто оказался духовно и морально прав. Победители не всегда оказываются правыми, тем более в такой войне, как гражданская. Ведь сама военная победа ещё не является торжеством правды. Правда будет устанавливаться потом, долго и мучительно, после победы военной.

Читатели часто задаются вопросом о том, что может быть с Григорием дальше? В то время как его духовный и нравственный облик к концу романа вполне ясен. Он остаётся с правдой народной и Божеской, насколько в такое время это было возможно: “Святой во швивой шинели”.

Мне же кажется, что важнее задаться вопросом, о том, что будет с Мишкой Кошевым и такими, как он, неистовыми революционерами? То ли он изменится под напором восстанавливающейся жизни, разрушенной войной и беззакониями. То ли будет сметён, как мешающий её восстановлению...

“Отверженное серебро”

Но если борьба за свой образ мира между праведными и неправедными неустранима, значит, она должна вестись по логике и представлениям Бунчука – или мы их, или они нас, пленных нет? Значит, одни должны быть непременно убиты, а другие остаться? Но ведь это представление человека с пошатнувшейся душой, ставшего служить чужим богам в родной земле. Разве оно может быть преобладающим и всё определяющим? Есть иное, противоположное, Божеское устройство. Ведь Бог и Каина не только не убивает, но и “охраняет” его, возложив для отличия на него знамение, печать.

Пророк Иеремия с недоумением вопрошает Господа: почему путь нечестивых благополучен и почему неправедное и вероломное благоденствует? А я – пред лицом Твоим, Ты меня знаешь и постоянно испытываешь сердце мое: “Почему путь нечестивых благоуспешен, и все вероломные благоденствуют?” (12: 1). “А меня, Господи, Ты знаешь, видишь меня и испытываешь сердце мое, каково оно к Тебе” (12: 3). И просит Иеремия Господа: “Отдели их, как овец на заклание, и приготовь их на день убиения”, то есть просит о том, чтобы Он уничтожил неправедных и чтобы остались на земле одни праведные. Господь соглашается с ним, – да, действительно, они упорные отступники, живут клеветой, предались корысти и всё развратили. И называет их медью и железом. Но вместе с тем говорит, что отделить их невозможно. Плавильщик плавил, но злые не отделились: “Все они – упорные отступники, живут клеветой; это – медь и железо, – всё они развратили. Раздуваемый мех обгорел, свинец истлел от огня: плавильщик плавил напрасно; ибо злые не отделились; Отверженным серебром назовут их; ибо Господь отверг их” (6: 28, 29, 30).

Но это не значит, что их, злых, живущих неправедно, надо уничтожить. Они остаются в жизни, но при этом их называют “отверженным серебром”, то есть отвергнутых Господом.

Вот Божеское устройство – остаются все, никто никого не убивает. Остаётся и Каин, и “отверженное серебро”. Это только Мишка Кошевой и Бунчук уничтожают тех, кто видит иным, чем они, устройство этого мира, который не укладывается в их до предела упрощённые и даже примитивные догмы.

Григорию понятны такие люди, как Кошевой и Листницкий, которым “с самого начала всё было ясно”, “у них у обоих свои прямые дороги, свои концы”... Даже брат Петро был понятен, хотя дороги их “растекались врозь”: “Гнула Григория война, высасывала с лица румянец, красила его жёлтой желчью, не чаяя конца войны дожидаться, а Петро быстро и гладко шёл в гору... Сама жизнь улыбалась Петру, а война радовала потому, что открыла перспективы необыкновенные: ему ли, простому казаку, с мальства крутившему хвосты быкам, было думать об офицерстве и иной сладкой жизни?”

Петро ведь по своему уровню не мог понять и поверить в то, что *он только потому и допущен к бывлой “сладкой жизни”, что она больше уже не существует*. Но он об этом пока не знает.

В высшей мере показательно, что М. А. Шолохов в “Тихом Доне” не изображает смертное столкновение кровных братьев. Наоборот, Петро при прощании вручает Григорию молитву: “При прощании Петро сунул брату в руки сложенный вчетверо лист бумаги.

– Что это? – спросил Григорий.

– Молитву тебе списал. Ты возьми.

– Помогает?

– Ты не смейся, Григорий.

– Я не смеюсь.

– Ну, прощай, брат. Бывай здоров. Ты не вылётывай вперёд других, а то горячих смерть метит! Берегись там! – кричал Петро.

– А молитва?

Петро махнул рукой”.

Братоубийство – дело не Божеское, а человеческое. Господь говорит: “Я взыщу и вашу кровь, в которой жизнь ваша, взыщу со всякого зверя, взыщу так же душу человека от руки человека, от руки брата его” (Бытие, 9; 5). От руки человека, а не от Бога... И далее: “Кто прольёт кровь человеческую, того кровь прольётся рукою человека; ибо человек создан по образу Божию” (9; 6). Непросто уразуметь это библейское положение, настолько оно многозначно. Нам же понятно из него то, что братоубийство – дело человеческое, а не Божеское. Есть в этой жизни последователи Авеля, а есть последователи Каина – “отверженное серебро”, от которого никуда не вернуться, вместе с которым приходится жить.

“Что же вы будете делать после всего этого?”

Современность и даже злободневность “Тихого Дона” обусловлена тем, что изображённое в нём в иной, конечно, форме продолжилось и в наше время. Библейская притча о яре деревянном и железном (стальном) снова обнажилась своим неприглядным смыслом. Об этом, по сути, пишет, к примеру, Г. М. Шиманов: “На месте христианского мира выросла новая цивилизация, называющая себя либеральной, но на самом деле лишь маскирующая свою антихристианскую суть маской свободы” (“История как промысел Божий”. В. Ю. Катасонов, В. Н. Тростников, Г. М. Шиманов, М.: Издательский дом “Кислород”, 2016).

Примечательно, что в канун новой, очередной, либеральной революции в России девяностых годов вроде бы вдруг вспомнился “Тихий Дон” как надежда на спасение. На страницах “Литературной газеты” произошёл знаменательный диалог выдающегося мыслителя, литератора и историка Вадима Кожина и маститого публициста Бенедикта Сарнова: “Кто виноват?” (8 марта 1989), “Россия и революция” (15 марта 1989), “Что делать?” (29 марта 1989). Это был диалог и даже столкновение традиционной патриотической мысли в лице Вадима Кожина и мысли либеральной, революционного сознания в лице Бенедикта Сарнова. Отличие этих направлений мысли, сказавшихся и на диалоге, состояло в том, что В. Кожин искал истину не в трагедии отдельных личностей, революционеров, а в трагедии народа. Был убеждён в том, что “мы о ней ещё очень мало знаем и ещё меньше в ней понимаем”. И добавил как главный аргумент: “Сейчас необходимо заново читать шолоховский “Тихий Дон”. Видимо, он полагал, что нет более необходимого и драгоценного не исторического, не социального, а человеческого документа, который во всей полноте представлял бы и выражал бы то смутное революционное и наше невнятное время, кроме “Тихого Дона”.

Б. Сарнов же оправдывал революцию как некое объективное действие, от нас не зависящее, а потому в нём нет ни преступления, ни виновных. Он, не беря в расчёт собственно трагедию народа, печалился о трагических судьбах революционеров. Задавался вопросом о том, почему их настигла столь печальная участь. Словно она могла быть иной... То есть исповедовал то наивное представление революционеров, согласно которому в огне революции должно сгореть всё плохое, а остаться только хорошее.

Тогда, в конце восьмидесятых годов, в самый канун новой революции – либеральной и криминальной – опыт “Тихого Дона” оказался невостребованным. Роман не прочитало и не перечитало *ветренное племя*. Но его спасительный опыт, несмотря ни на что, существует. Судя же по тому, что русская литература сейчас всё ещё остаётся сброшенной с “корабля современности”, вытесняется из общественного сознания и изгоняется из образования, нет никакой надежды на то, что “Тихий Дон” на этот раз будет прочитан, что теперь его опыт убержёт нас. И пред нами встаёт тот же самый вопрос из книги пророка Иеремии, вопрос тяжелый и страшный: “Что же вы будете делать после всего этого?..” “Изумительное и ужасное совершается на сей земле: Пророки пророчествуют ложь, и священники господствуют при посредстве их, и народ Мой любит это. Что же вы будете делать после всего этого?” (5; 31).

Что будем делать... То же самое, что и предтечи наши. Будем безумствовать, “восставать”, как Каины, будем мучиться и погибать в новом “очистительном” огне; жить будем...

ВЛАДИМИР КРУПИН

ПЕРО ЧАЙКИ

Виктора Лихоносова долгое время причисляли к подражателям Бунина, или Паустовского, или Пришвина. И Юрия Казакова считали его наставником. Все эти фамилии уважаемы, но миновали годы, выходили его книги, и становилось понятно: в России в середине XX века появился новый писатель. И без его этих книг представить русскую литературу невозможно: это писатель со своим голосом, своими героями, своей интонацией, манерой повествования, со своим строем фразы, и всё это подчиняющий главному – России, её истории, людям, природе.

Писательский стиль Лихоносова необыкновенен. Он особый, он какой-то лёгкий, мерцающий, летящий, он рисует картины, которые оживают у тебя в сознании, будто ты не книгу читаешь, а прямо в этой книге живёшь.

Писатель раньше подолгу жил в посёлке Пересыпь на берегу Азовского моря, любил подолгу ходить по отмели и собирать уроненные чайками перья. И кажется, что проза его пишется именно этими пёрышками: чистойшей белизны, лёгкости, дающими ощущение полёта над пространством.

Рождённый в Сибири, на станции Топки, около Кемерово, затем он вырос в Новосибирске. Рос без отца, отец погиб в Великую Отечественную войну, и Виктор всегда помнил об отцовской мечте – вернуться из Сибири в места проживания предков. У Виктора было слабое здоровье, и врачи настоятельно советовали сменить климат. Именно поэтому он, окончив школу, выбрал для дальнейшей учёбы Краснодарский университет. И навсегда связал судьбу с Кубанью. Потом и матушку свою любимую Татьяну Андреевну перевёз к себе. И в своё время похоронил её на Таманском кладбище.

И это была его судьба: и человеческая, и писательская. И счастье для Краснодара.

Но сейчас легко говорить. А каково было пробиваться сквозь казацкое недоверие к сибиряку, чалдону: как это так, да кто он такой, чтобы кубанские казаки были героями его книг? Но он имел на это право, право дала ему любовь к истории России и казачества в особенности. И обострённое чувство справедливости: как же можно предать забвению историю этого края, который стал его второй и окончательной родиной.

Писатель, сибирский уроженец, явился защитником кубанского казачества, его певцом. “И пришли, и высадились в Тамани и на Ейской косе с войсковым скарбом и куском ржаного хлеба, протянули живые силы через всю заболоченную степь. Куда пришли?! Теперь чего только не брешут про казаков, но куда они пришли, на какие страдания?! Ничего, кроме неба, камышей и малярии?! Кто теперь это поймёт, кто им, дряхлым или погубленным смертью, посочувствует?”

Внешне в писательской биографии Лихоносова всё складывалось замечательно: тридцати лет ему не было, как рассказ “Брянские” сделал его

знаменитым. А головокружительный успех повести “Осень в Тамани”, повестей “Чалдонки”, “Люблю тебя светло”, романа “Когда же мы встретимся”, – что говорить!

Какой радостью напитывало чтение его книг, какой светлой, врачующей грустью обволакивало душу! Вот Тригорское, Михайловское, вот тропа меж ними. Вот учитель, сидящий на холме над Соротью. И ты сидишь рядом и не только видишь то, о чём написано, но и слышишь запахи и звуки Пушкиногорья.

И, казалось, многие удачи ждали автора на проторённом им пути воспевания человеческих судеб, как оказалось, что все эти замечательные работы – только подступы к главному труду сибиряка, к созданию художественного полотна “Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж”.

И в предыдущих всё громче звучала тема России. Но в “Маленьком Париже” это стало основной нотой. Валентин Распутин сказал о романе: “Безсомненно, главный герой этого романа – Память. Память как вечность и непрерывность человека, как постоянное движение из поколения в поколение духовного вещества. Нельзя жить на земле, не помня, чем жили здесь прежде, не зная о трудах, славе, присяге и искренних заблуждениях наших предков”.

“Много меж черноморцев весёлых Гоголей, ничего не писавших, но не было Нестора”, – сетует Лихоносов. Но и он не берёт на себя труд летописца: писатель – человек своего назначения, он взялся за более трудное дело, он воскрешает прошедшую эпоху в событиях, судьбах, красках.

Трагична судьба казачества, об этом мы знаем и начитаны. И о красных, и о белых. Но представить казаков только в страданиях было бы несправедливо. Казаки – это простодушные, чистые сердцем люди, иногда просто дети, непосредственные и живые. И входят в наше сознание, в нашу жизнь новые люди, сохранившие свои жизни для нашего восприятия. Сила таланта прозаика такова, что мы просто воочию видим, как ездит по Екатеринодару ямщик Терёшка, как приворачивает к заведению неунывающего Баграта, понимаем сострадательную душу Манечки Тостопят, которая “даже комару, который её укусил, ножку перевяжет”, и как эта Манечка в своих чудом сохранившихся дневниках воскрешает события, тревоги и радости 1918 года. Словно воочию видно, как мальчишки идут на защиту Кубани: “В учебных тулупках и пальто, с узелками ушли серьёзные гимназисты. Тысячи обывателей спрятались за их спинами. А день тёплый, солнечный. Мне как-то было не по себе, что детям придётся по необходимости стрелять и убивать. Что их ждало, что станет с их беззащитными родными?”

И как таинственна мадам В.! А правдоискатель Лука Костогрыз со своими стихами: “Не знайте в жизни дней ненастья, // цветите сердцем и душой, // и пусть судьба цветами счастья // вам посыпает путь земной”. И, конечно, хранитель казацких преданий Попсуйшапка с его рассказами о доле казацкой. И хитроватый атаман Бабыч. Да даже и Фосса, только мелькнувшего в повествовании, помним. А тоскливая парижская жизнь четы Бурсаков, вся наполненная мыслями о родине, и их возвращение. Всё настолько зримо, всё так озвучено, что ты невольно становишься в центр любого описываемого события. Мы сопереживаем и гордимся теми, кто попадает на службу в царский конвойный полк, и вместе с ними ужасаемся кончине царской семьи. И представляем, как ходит и ходит молитвенница Анисья, нигде надолго не оставаясь, будто надеется перемерить своими ногами побольше пространства, чтобы помолиться за него Господу. Вот её слова: “Иду себе помаленьку да иду, а земелька-то позади остаётся, а глянешь вперёд – и впереди ещё много”.

Этот роман – образец полифонического звучания самой жизни. Это не летопись, это реконструкция прошедшего времени, возрождение его для нас с вами.

В “Осени в Тамани” доморощенный летописец Юхим читает вслух свои записи и как только доходит до слов: “Теперь Тамань уже не та”, – заливается слезами и дальше не может читать. Что говорить нам в XX веке: теперь не та уже вся Кубань.

Виктор Иванович создал книгу обращения к совести, к душе, затронул струны памяти, живущие в нас, они откликнулись, сделали нас чище и лучше.

“Мне не спится. Я выхожу во двор, прохожу мимо тёмных окон и иду по улице. Ночью, только ночью так пробуждается душа, так чувствуешь пространство и время, и соединяет тебя в странствии со всеми, кто был и есть,

с домом и звёздами. Хочется поклониться всему: кладбищам, храмам, дебрям, горам и пустыням Востока, полям Европы и Сибири, лазурным берегам морей, хижинам, дворцам, пирамидам... Бесконечна дорога жизни, и не перечитать всех книг о ней. Зачем ещё и я со своими листами? Душа моя выше моих слов – я теперь это вижу, перечитывая свою работу и вспоминая то, что неуловимыми знаками трепетало во мне. Теперь мне горько: так мало я выразил из того, что чувствовал. Иду и думаю: кому это нужно? Много ли я унесу с собой навсегда, как уносят все люди, что-то в душе своей созерцавшие и наутро никому ничего не сказавшие...”.

Это не роман, это песня.

Как с живыми, мы прощаемся и с Петром Толстопятом, и с Дементием Бурсаком и с Калерией Шкуропатской. И Олимпиаду Швыдкую будем помнить и жалеть. Будем помнить озорство, дерзость, безумные скачки, свидания и разлуки. И звуки военных труб, и топот конницы, и залпы орудий, шум базаров, вокзальные крики – всё уносится к какому-то пределу. “Ранней степью простучали на подводе какие-то люди и исчезли. Как всегда, как во веки вечные. Проехали, и нету их до сего дня...” А для нас всё стучат и стучат колёса этой подводы. И идёт, и идёт богомолка Анисья.

Очень ценны для нас и работы Виктора Лихоносова последних десятилетий. Это “Записки перед сном” и “Одинокие вечера в Пересыпи”. Это именно лихоносовские работы: в них всегда говорит душа.

Виктор Иванович признаётся: “Я всю молодость свою прожил под звездой Шолохова”. Конечно, свет шолоховской звезды освещает “Маленький Париж”, и это так благотворно. А второй титан, влиявший на судьбу Лихоносова, это Твардовский. “Я обязан ему самой жизнью. Не успехами, не слабым огоньком имени, жизнью, жизнью!”

И главное признание: “Да я просто не выжил бы, литература спасла!”

А нам заповедано: много нами русской земельки перемеряно, но и остаётся ещё очень много.

И уже закончил было эту маленькую работу, как вспомнил одну встречу с кубанским казаком. Говорил он именно о том, что дух Запорожской Сечи не угас и сама Сечь не погибла, она переместилась на Кубань.

– Как раз об этом и Лихоносов пишет, – сказал я.

– Иваныч? – радостно возгласил казак. – О, то ж наш Иваныч! Щирый казак!

– Дуже щирый, – согласился я. – Только он не казак, он сибиряк.

– Та ты шо? Казак! Он у письменников атаман.

И я понял, что переубеждать его не нужно. Мы просто пошли и выпили с этим казаком за здоровье Иваныча. Казак мне понравился тем, что жила в нём та самая древняя сила духа, что шла из глубины времени и которую так хорошо выразил Виктор Лихоносов.

– Эх вы, москали! – кричал мне казак. – Что ж вы, даже не пискнули, когда нашу Софию в Константинополе оттягали, а?

– Стыдно, конечно. А вы, запорожцы, сядьте, да и напишите письмо турецкому султану, а?

– А шо, сядем, Иваныч подмогнёт, сочиним письмену султану! Хай вертает!

ЛЮДМИЛА ВОРОБЬЁВА

“НА ГЛАГОЛИЦЕ ДАЛЬНИХ МИРОВ”

О философии космизма в поэзии Натальи Егоровой

*Нам останется — Русь, и Христос, и забытые хаты.
Да безлюдья тоска, да распахнутый в вечность порог.
Да пустынный простор с клеверами и лесом сохатым...
Заповедная Русь. Журавлиная Русь без дорог...*

Наталья Егорова

В книге литературной критики “Традиция — совесть поэзии” выдающийся русский поэт XX века Татьяна Глушкова поднимает принципиально важный вопрос, без которого для художника не может быть подлинного творчества, — вопрос о сущности самой традиции, о том, что “в традиции можно только быть, пребывать”, что не всегда она должна нести нечто новое, ведь традиция подразумевает “целостное, а не разорванное” представление о мире, подразумевает “знание и мужество прозрения”. В поэзии Натальи Егоровой традиция и предполагает то новое, которое не обязательно означает разнообразие стилизованных изысков, невероятных тем и сюжетов, экспериментальных поисков.

В её творчестве на первый план выходит родовая идея единого целого, прочно опирающаяся на почву древней истории Святой Руси. Возможно ли в таком сложном и ответственном деле, как поэзия, обойтись без Промысла Божия? Не так много сегодня поэтов, которым удаётся на фоне собственной судьбы отразить и судьбу Родины, её путь от самых истоков, удаётся связать времена и эпохи, выйдя за пределы индивидуального видения к космическим высотам духа.

Наталья Егорова — автор нескольких поэтических книг, к тому же блестящий критик, лауреат многих литературных премий. Тесную взаимосвязь её поэзии с национальной традицией, обогащённой историческим опытом предыдущих веков, эту уникальную способность творить историю человечества по-особенному, с чистого листа, с присущим только ей особым вселенским взглядом, прослеживает в своём аналитическом очерке “Мы сами — музыка и боль...” историк и литературовед Сергей Куняев. Он подчёркивает не только “размашистость поэтического жеста”, но и обращает внимание на “смешение временных пластов” в поэзии Натальи Егоровой, на то, что “это труднейший путь — идти к органической связи эпох...” Её поэзия и поражает именно этим свойством — метафоричной космогонической архитектурой текстов, когда пространство и художественное время развиваются до исторической и космической бесконечности. Ведь гладко написанный текст — ещё отнюдь не

признак настоящей литературы. Литература – напряжённая внутренняя работа, то, что возникает над текстом. Она, как преодоление времени, – живи вне времени. Русские историки Средневековья для объяснения исторических событий всегда искали нравственные причины. В подобном ключевом поиске становится понятна и общая историческая предопределённость, где всеобщая история – это лишь часть истории личной. В процессе создания художественного образа данный пространственно-временной феномен приобретает исключительное значение.

Пожалуй, далеко не каждому поэту дано связать, соединить надмирное с повседневным, дано провести эту таинственную взаимосвязь, не нарушая закономерный ход вещей, при котором внутреннее зрение поэта обретает искомую остроту и избирательность. Наталья Егорова словно открывает некую перспективу изнутри: её поэтические повествования пронизаны иносказательной исповедальностью, они не существуют сами по себе, как “искусство для искусства”, а органично вписываются в кровеносный круг бытия, размыкающий кольцо времён и представляющий целостное мировосприятие. Стихи её, возможно, не так легки для обобщённо-эстетического понимания, поскольку содержат синтез: и фантастически-легендарного, и реалистически-вещественного, и романтически-лирического, и эпически-сказового. Поэтическое пространство произведений Натальи Егоровой обладает невероятной глубиной времени. Лев Николаевич Толстой считал, что крупные события и чувства вырастают из глубины. Возможно, постижение непостижимого помогло и Наталье Егоровой отыскать свой путь в русле поэтических традиций. Материальный мир в её поэзии приобретает универсальное понятие, без приторно-идиллического привкуса, и держится на основополагающих смыслах: веры, молитвы, любви, красоты, радости. Отсюда у автора и высшее представление о жизни, граничащее с трагической мудростью:

*О, прекрасен ты, мир, в переплёте весны,
И сверкают твои межпланетные сны,
Как посланцы мечты, — без порока.
А о том, что ты груб и безумно жесток,
Я когда-то забыла дослушать урок,
Навсегда убежавши с урока!*

*Эти взрослые глупости мне не нужны.
Я люблю в крутобокой плавильне весны
Острый запах запретной свободы —
Дерзость быть вопреки, перейдя за черту,
Жить, распахнутой настежь, и душ высоту,
Что идет по судьбе, как по водам.*

*В древнем мире своём, в вольном детстве своём,
Я, забывшись, слилась навсегда с бытиём —
Безоглядно, всерьёз, без остатка.
Перемазалась солнцем в горячем песке,
Засмеялась, упрятав грозу в кулаке,
Над обрывом сверкнула касаткой.*

*И простор захватила потоком огня
Жизнь, текущая шире и дальше меня —
Золотым полыханьем без края.
В каждом волю сверчащем пропащем сверчке,
В каждом рот разевающем глупом мальке,
В каждом грозном дыхании мая.*

Всеобъемлющий, планетарный взгляд, утверждающий силу и энергию самой жизни, которая начинается на солнечной стороне бытия и длится, длится без конца и без края, являет она миру в этих одухотворённых, исполненных вдохновения стихах. Но может ли жажда жизни стать искуплением вины за то, что эта жизнь летела в огненном потоке, не давая остановиться, задуматься? “Не вины же виной, не кори меня злом, // Я упрямо жила свою жизнь

о другом, // Всё узнав и простивши на свете”, — исчерпывающе звучат авторские интонации страстного принятия неделимого чувства вины. “Это не литература, говорящая о жизни, но жизнь, говорящая о самой себе”, — так писал Владимир Кожин о сильном эмоциональном воздействии прозы писателя-фронтовика Виктора Курочкина. Слова известного литературоведа можно отнести и к не менее убедительной поэзии Натальи Егоровой, где тоже жизнь бьёт ключом и правдиво рассказывает обо всём и после прочтения произведения, рассказывает и не умолкает, независимо от воли и желания автора, ибо стихи написаны так, что они — и продолжение, и преодоление жизни.

Поэтические тексты Натальи Егоровой рожают яркий зрительный ряд, в который всегда незримо и естественно вплетается религиозное начало, некий первоэлемент абсолютного, и незримо живёт в нём, взаимно отражая две стороны земного бытия — материальную и духовную. И то, и другое требует от поэта напряжённой внутренней работы. Присутствие Божественного и является для художника высшей задачей и целью. Лишь в этом слиянии — истоки народной памяти, единство живого, генетического образа Руси — России — Родины. В нём глубинные истоки и художественного универсума — философского космизма, характерного для поэзии Натальи Егоровой.

“За Христовую Русь...”

*Узнаю тебя, Русь. И не буду в обиде.
И свой подвиг свершу, как смогу...
Ты — единый мой свет на моём раздорожье.
И единая пристань моя.*

Николай Тряпкин

Дух ушедших эпох, смысл исконный и высокий вобрала в себя Русь. На Руси и до обращения в христианство обладали нравственными христианскими ценностями, что имело значение для развития широкой традиции, уходящей корнями в глубь веков, к архаической Руси — первородине, источнику внутренней энергии народа. Об этой “дохристианской эпохе”, как её назвал в стихах Натальи Егоровой Сергей Куняев, она и пишет будто на сказово-былинном языке. Вечный зов из того далёкого прошлого, что на грани перехода от Руси языческой к Руси христианской, начало той жизненной ломки, надрывы исторического бытия явственно отзываются и в произведениях Натальи Егоровой, представляющих мифопоэтическое единство человека и природы. И мы слышим, как текут реки — могучие и древние реки поэзии:

*Заревёт ли медведь, зазвонит ли рассвет,
Тронет душу неведомый сон, —
Здесь великие реки выходят на свет
Из берложьего зева времён.*

*Здесь медведицы-сосны на лапах рудых
Лижут мёды зари спозарань.
Не напейся из следа болотной воды
И медведицей лютой не стань.*

Архаическая мистика язычески-природных начал будто раскрывает безграничные метафорические контексты доисторических времён. Русь здесь — праистория человечества, предшествующая средним векам. Борис Шергин, русский писатель-сказитель, говорил: “Моё упование — в красоте Руси”. Эту красоту и мощь не пересилить вовек. Красота природы нерукотворна. Вот и в текстах Натальи Егоровой, в которых просто растворяешься, исчезаешь, поражаясь их яростной, могучей, прекрасной силе, поражаясь тому, какая возможность любви заложена в звере и вообще в дикой природе. Об этом неоднократно упоминал в своих наблюдениях Пришвин, погружаясь в нескончаемые странствия по самым неизведанным и заповедным местам русской природы. Связь Руси и России в этих будоражащих воображение стихах метафизически неразделима:

*Нас сквозь дебри смертей и рождений вели
Знаки войн и горящих планет.
Это — глубже меня, это — долгие земли,
Это знание древнее, чем свет.*

*Мы пришли из России и канули в Русь,
След оставив и песнь на земле.
Всё пройдёт и исчезнет — но я не боюсь
Раствориться в светящейся мгле.*

*Не рыдай о прошедшем, а тропку приметь
Через гари — в страну старину.
Заиграет ли лось, заревёт ли медведь,
Взроет дикий кабан целину.*

*Там, на просеке, чёрные тени лежат,
Гривы сосен от ветра дрожат,
И медведица-матерь ревёт на закат
И выводит к Днепру медвежат.*

Связь двух ипостасей Руси — России сопряжена в своём единстве навечно. Так же была на Руси нерушима и связь человека с Богом. Стихи “Лампада Ильи Муромца” дышат тоже не только былинной историей народного эпоса, но обращают наши взгляды к лучезарному образу Христа, мы воочию видим Его Божественную силу не только чудесного телесного исцеления, но и чудо спасения человеческой души:

*Догорел у киота огарок свечи.
Развалилось крыльцо. Прохудилась бадья.
Тридцать лет и три года сидел на печи
Хворый костью и телом болящий Илья.*

*Старый дом по макушку в сугробины врос.
А в округе — раздолье ворью и зверью!
Но снегами прошёл мимо хаты Христос —
И помиловал нищего духом Илью.*

.....
*Встал Илья воевать — во всю удаль и ширь —
За Христовую Русь, исцелённый Христом.
Тот, кто Богом богат, — на Руси богатырь
С харалужным мечом и червонным крестом.*

.....
*Даже силушка Божья — без Бога пуста!
Станет ржавью мой меч.
Станет прахом мой конь.
Но зажгу я лампаду от Света Христа,
Чтобы цвёл над снегами бессмертный огонь!*

*Ты отвоедаешь, Родина, горя и слёз.
Враг посева затопчет и храмы спалит.
Но пройдёт мимо нищенской хаты Христос
И великою силой тебя напоит!*

Каков эпический охват, разлёт во всю русскую ширь и удаль этой бессмертной легенды, что становится поистине народной песнью героизма и доблести русского меча, и нескончаемой песнью горячей веры в Христа, без Которого нет победы! Вернуть бы нам эту тоску Ильи по Христу. Смысл и цель литературы заключается в том, чтобы вести людей к Спасителю. Когда же и где мы потеряли эти смыслы, завещанные нам предками? На каком историческом рубеже, на каком переломном моменте?

с красными крыльями”, приводит веские слова писателя В. Бондаренко, сказавшего в книге о Глушковой достаточно исчерпывающе, что она предпочла остаться в великом и трагическом XX веке. В той или иной мере не минула сия чаша и саму Н. Егорову. Принято задаваться вопросом – учит ли чему-то история? Я думаю, история никогда и никого не учит. Каждое время переживается будто впервые. “Но не эти дни мы звали...” – писал в 1921 году Александр Блок, мечтая о новом, совершенно другом времени. “Не моё это время, не родное, оно прервалось”, – скажет уже о своей эпохе, постперестроечной, Наталья Егорова. Именно новейшее время заставляет её вновь обратиться к истории России, к её стержневому корню. Для истории всегда важен не только фактический облик эпохи, отдельной личности, но и важно их отражение в культурной памяти современников и потомков. Не напрасно звучит сегодня завет классиков – чтобы представить будущее, надо непременно заглянуть в прошлое. Опоэтизированная Н. Егоровой легенда о Китеж-граде содержит зримые, забываемые мифопоэтические истоки художественной картины мира и говорит о том, что всё в истории когда-то было. Высшая точка её – воплощение Христа; всё, что после этого – удаление. Может, поэтому и нужно отыскать этот “взыскуемый град”, может, в нём наше возрождение? “Таинственный град”, затонувший в водных глубинах, не перестает волновать до сих пор.

Предание гласит, что только те, кто чист сердцем и душой, найдут свой путь в Китеж, в “Русскую Антлантиду”, что скрывает озеро Светлояр. Двойственный образ, потаённый, в котором есть и мрачное, губительное отражение тёмной бездны, напоминающей человеческую душу, замутнённую плохим, покинутую Богом, уставшую без Него в своём одиночестве:

*Слезой сквозь набухшие веки
Пробьются страданья твои.
Сольются в печальные реки
Все долгие муки земли.*

*А утром прощенье приснится.
Увидит очищенный взгляд,
Как в каждой слезе на реснице
Всплывает взыскуемый град.*

Но не только из фольклорно-мифологической традиции вырастает творчество поэта. Прежде всего, оно питается почвой национальной, включающей эпическую, философскую, метафорическую составляющую. “Всё великое в искусстве исходит из недр глубоко национальных”, – отмечал Немирович-Данченко. Драматичное полотно русской истории, насыщенное мощными образами, – произведение Н. Егоровой “Волоковая”, которое можно отнести к историко-философской поэзии и которое, безусловно, по праву может занять особое место в жанровом и тематическом многообразии современной литературы России.

*Черны чугулки, и старинные живы ухваты,
И угли в золе полыхают, как звёзды в ночи.
Ты крестишь порог и гостей приглашаешь у хату,
И ставишь картоху в остывшем горшке на печи.*

*И шепчешь устало, по углям бывлое читая,
А Каспля шумит и, как щуку, хранит твою весть,
Что волок лежал за деревнею Волоковая,
Ведь тысячу лет простояла над озером весь.*

Национальная трагедия всех войн, когда человеческая жизнь теряет свою ценность, ныне приобретает новое осмысление, что, разумеется, здесь прочитывается. К тому же точно отразился народный характер эпохи, история войны и мира, жизни и смерти – основа бытия Руси – крестьянство, земля-кормилица. Миг бытия, что становится поэтической вечностью. “У Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день”, – гласит Священное

Писание (2 Пет. 3:8). Метафорические архетипы, сложные ассоциативные образы – жизнь в бесконечном вселенском времени величественно предстаёт в этих планетарных стихах. Развёрнутые метафоры вширь и вглубь создают метафоризацию текста в целом.

*И сколько жила ты — войной полыхала равнина,
И вечные всходы болезнью сжигала роса.
А ты всё ждала в партизаны сбежавшего сына
И Бога молила, чтоб дочку хранили леса.*

*Ты чёрные руки положишь на белую скатерть.
Кто был здесь в гостях, позавяжешь на память узлы.
Разломишь картоху — великая вечная Матерь,
Вся в чёрных морщинах чернее земли и золы.*

*Зарю над деревней твоей повернуло на полночь,
И звёзды над Каспией на волок идут посолонь.
Ты смотришь во мрак и, беззубая, шамкаешь: “Помню!”
И в старой печи поднимается Вечный огонь.*

Символ огня – древний родовой очаг, что из плоскости земного бытия восходит в пространство духа, разжигая небесный вдохновенный огонь, который негасимо пылает в поэзии Н. Егоровой. Разве не русские женщины вынесли на своих плечах все тяготы и лишения, разве не их измождённые от непосильного труда руки сеяли хлеб, сохранив Россию, её детей, а значит – будущее?! Самое заветное и глубокое в народе – материнское сердце. Об этой народной силе, рождённой в дереве матери, писал Андрей Платонов в рассказе “Дерево Родины” – “божье”, так прозвали его старые люди: “<...> у последней избы росло одинокое божье дерево”, – которое сын постоянно вспоминал на войне, попав в плен и восстав всем русским духом против смерти. Ведь жизнь ему дала мать, и никто не вправе её отнять! “Дерево жизни”, согласно Владимиру Топорову, “актуализирует мифологический образ жизни во всей полноте её смыслов и, следовательно, противопоставлено дереву смерти, гибели, злу”. Платоновский язык мирового величия матери, возраставшей на родной земле и своих детей, и древо жизни, что вплелось корнями в сердце русского человека, проступает и в стихах Н. Егоровой, глобально открывающих нам разное понимание времени. Историческое – линейное время, в отличие от того же циклического. Хотя в чём-то линейно и нынешнее время. Автор даёт понять, что история состоит не только из событий, а из явлений тоже. Вопрос лишь в том, что считать событием. Победы и войны, которые забываются и переписываются историей, или боль и слёзы матери, спасительный огонь “в старой печи”, которому не погаснуть вовек, пока стоит земля русская и её “великая вечная Матерь”, пока побеждает её грандиозная материнская мысль?! А может, пока стоит русский человек, генетически не забывший свою праматерь, бросившую когда-то в земную почву зерно, что проросло и дало плоды небесные, духовные? Решайте сами!

Тексты Натальи Егоровой многомерны, их смыслы выходят за пределы сюжунутного, а творчество воспринимается как национальное явление современной литературы, продолжающей русскую классическую традицию. Все её произведения – мера судьбы, мера каждого события жизни, окрашенного мощной нравственной силой, укоренённой в национальной почве. Вот и стихи “Гнёздово” очерчивают вечный круг бытия, размыкая и замыкая его вновь, ибо сам мир молит “о возвращении сюда”:

*Мы придём однажды, утром рано,
Хвойною дорогою туда,
Где о камни гнёздовских курганов
Шкуру трёт днепровская вода.*

*По долинам смерти свет клубится,
И курганы чуть дрожат во мгле,
Будто это свили чудо-птицы
Гнёзда исполненные в земле.*

Однажды – слово, преодолевающее проклятие временем. Единственность и неповторимость утверждения всего происходящего – однажды. Пред нами простираются скифские курганы, напоминающие древних “чудоптиц”, – всеобщая соединённость с миром природы, – где за каждой метафорой – земная сила, связывающая автора с природой Руси. Но сила земная напитывается и силой небесной, как в других стихах, полных трагического эпоса: “А вещая песня – великою вестью красна. // Мы вновь побеждаем. И снова приходит весна. // Но Феникс горит, и сгорает в огне окоём, // И воют развалины в сердце бессонном моём” (“Когда отходил от соборов пылающих лях...”) Образ волшебной птицы Феникс, стародавний, сказочный, что воспламеняется от небесного огня, взлетая ввысь, здесь не случаен. Он живёт во многих мифологических культурах, а к нам пришёл из исторического Средневековья Руси, символизируя веру в человеческое возрождение, в бессмертную жизнь во Христе.

Человеческая судьба интересна автору, когда она проходит на фоне истории времён. Пронзительный “свет из глубин бытия” излучает её Рогнеда, полоцкая княжна, сумевшая подняться над своей несчастной судьбой и остаться в веках символом веры и любви, навечно найдя успокоение на белорусской земле, в одном из тихих и живописных городов, Заславле. “Но пустая судьба человека // не волнует всевидящих птиц”, – так может этот архаичный образ, взирающий на жизнь людей бесстрастно и равнодушно, видеть и их судьбы. Н. Егорова в стихотворении “Прадед” не просто рисует судьбу, она пишет настоящую сагу: рассказ об эпическом прошлом, но рассказ, непременно включающий семейную, родовую историю, которую посвящает своему прадеду, священнику, расстрелянному за веру.

*Где ты, прадед, русский поп усталый,
В святцах Неба — мученик простой.
Вновь горит на чёрной рясе алым
Крест церковный, чисто золотой.*

*Под распевы древней Литургии
Бьётся грудкой ласточка о склеп.
И выносишь ты Дары Святые
Из алтарных врат — вино и хлеб.*

Как же ясно было всё в этой незамысловатой жизни, ход которой внезапно нарушился: “И, смеясь, цвела твоя округа // От молитвы древней и простой // Синей-синей васильковой выюгой – // Осиянный Богом красотой”. По праву кровного родства пишущая эти сокровенные строки, в которых ощущается почвенность, первородство во всей полноте его жизни. Боль и вина за Русь не утихают, потому что потеря всякого человека и всякой вещи является частью смерти, какая есть потеря всего, что и случилось с её прадедом. Ведь в его невозполнимой потере род лишился и своих полнокровных корней:

*Век мы ждали вести. Век искали
След твоей судьбы — да не нашли.
Лишь сиял над вымершею далью
Светлый столп от неба до земли.*

*Где ты, Русь? Колодец сгнил у стога.
Чёрны избы. Луч зари угас.
Только ангел посреди острога
Всё поёт: “Помилуй, Боже, нас!”*

Удивляет, насколько же потрясающим слогом и языком XIX века, абсолютно не свойственным нашему времени, написаны пронизанные божественным светом любви к матери стихи “Мама моя, из-под тихих седин...” Они несут Вечный свет взаимной любви, струящийся из материнского и дочернего сердца. Разве возможно это измерить?! “Плод твой, таимый до оного дня // В древней, открытой мирам глубине – // Как ты носила когда-то меня, // Так ты сегодня созрела во мне”, – честно, признаюсь, подобное я читаю впервые.

Какой-то сладкий ком в горле, внезапно перехватывает дыхание, и подступают слёзы. Много ли нынче таких стихов, от которых плачешь?! От классиков — да, от современников — нет. Невероятно, но это бывает, когда строки обволакивают тебя, уносят в другую реальность, где и есть жизнь настоящая, в своей изначальной природе искренних чувств, жизнь чистого влюблённого сердца: “Долго ты зрела в дочерней тиши — // Мира основа, вселенская ось. // В необоримых просторах души // Всё с твоей нежностью тихой срослось”. Не менее прекрасно и стихотворение “Сини очи бабушки моей...”, которое так же отвечает отечественной традиции философского катарсиса. “Я смотрю на мягкие черты, // На лицо без хитрости и зла. // Больше нет в России красоты — // С вашим поколением ушла”... Однако кто же знал, что будет эта Родина продана, и придут совсем не такие времена, и будут поэтом написаны портреты, изображающие лица ненужных стране людей, про которых обычно не пишут. “Нищенка с голубями” со своей несчастливой судьбой, на какую снизошло Божье милосердие, и “Старуха”, полуголодная, одинокая женщина, брошенная собственной же страной на выживание: “Она дошла до самого Берлина. // ... Подайте ж милостыню ей! ..” — как укор всем живущим пробивают насквозь эти эмоционально сильные строки, взывающие к совести и справедливости.

Характерный, самобытный мотив в творчестве Натальи Егоровой — это мотив русской провинции, сотворённый ею пронзительно и благородно, с незабываемыми символами малой родины. “В подлинности, в живой правде того творческого поведения, которое... дышит в каждой... строке”, — видел ценность поэзии художника слова Вадим Кожинов. Провинция отдала лучшее русской поэзии. Она должна быть обязана ей чистотой и душевностью. Примечательно, что в стихах Н. Егоровой при всей их интеллектуальной глубине напрочь исключена некая библиотечность ума, скучное однообразие, наоборот, везде присутствует живая связь слов и земли и неба, есть та сила слов, что заключается именно в их традиционной “провинциальности”. Книга Натальи Егоровой “Русской провинции свет” удостоена Всероссийской православной литературной премии имени Александра Невского Санкт-Петербургской Свято-Троицкой Александро-Невской лавры — это дорогого стоит. Стихотворные циклы автора, адресованные провинции, читаются как единая восхитительная поэма уходящей старины, которую можно найти, лишь затерявшись в русской глубинке. Таковы и стихи о родителях — своеобразное признание в любви тихому провинциальному уголку бытия, его незыблемым вековым устоям, его поистине мудрому патриархальному укладу:

*Русской провинции тайна —
В брызгах смородины сад.
Локон сирени случайный,
Синий, как ласточка, взгляд.*

*Крыши в черемушных тучах.
В облаке мальв — резеда.
Ворот колодца скрипучий.
В чёрном провале — звезда.*

Не в этой ли неразгаданной тайне сокрыта её магическая власть и притягательная сила? Попробуем раствориться в глубине природы, словно пропуская через глубины своей души её же образы:

*Кто же назвал тебя — сонной,
Нищей, убогой, больной?
Светел покой, осенённый
Древней лесной тишиной.*

*Свят — у поющих обочин
Сосен и вереска дым.
Зачаровала ты очи
Отрокам тихим твоим.*

И не в ней ли одной, завещанной нам с рождения Богом и некогда покинутой, последней обители, всё ещё хранящей тут былую величавую державность, наше с вами спасение? Вспомним Блока: “И я люблю сей мир ужасный: // За ним сквозит мне мир иной, // Обетованный и прекрасный, // И человечески-простой...” Человеческую простоту, сокровенную тишину души и мысли сосредоточила в себе провинция – Воскрешение вопреки и благодаря. Не нарушая ход времён, живут своим размеренным старинным укладом, почитая давние русские традиции, и “дорогобужские мещане”. И это хорошо, ничего унижительного и мелкого по значению, как пытались нам привить, в этом слове и названии нет, потому как не прерывается кровная связь поколений. Слава Богу, что пока Россия не перестаёт удивлять своей неброской красотой природы, скромным “бытом старинным, провинциальным”: “домики жёлтые с белыми трубами” – всё тут знакомое, родное и близкое до слёз. Гоголь удивительно отзывался о языке русской провинции, сочетающем в себе великое и простое. Он считал, что в глубине России существует система знаний о природе и мироздании, разработанная самим народом. Писатель призывал сохранить, не потерять ту единственную Россию, в которой тепло и спокойно было бы нашей душе. Нечто бунинское, светлое, освобождённое от мировых скорбей и утрат, лёгкое счастье детства, утопающее в свежем цветении и буйстве природных красок: “радость, вольно бьющая из трав”, “дерзкий праздник любованья” – весь мир и вся жизнь упоительно звучат и в стихах Натальи Егоровой: “Сто шмелей из ста ромашек пьяных // Прозвенят шмелихам на лугу. <...> И на дне сетчатки отразится // Сквозь гудящий зноем медовар // Родина – как свищущая птица. // Родина – как солнечный удар”, – завершающие строки которых действительно, как солнечный и восхитительный удар в сердце.

Так велика и неизбывна Россия, так велик и неповторим русский человек! И характер его, порой непредсказуемый, мятущийся и страстно жаждущий свободы, что замечал и Бердяев, зависит от необъятных и вольных просторов России. Поэтому русский человек всегда в пути, всегда в дороге. Древний архетип дороги испокон веков олицетворял Русь. “О, Русская земля! Ты уже за холмом...” – приходят на ум вещице строки “Слова о полку Игореве”. Время идёт по кругу, но круг, как известно, замкнут и равен вечности. Движение времени подобно спирали – переживание нового, неизведанного, но не с чистого листа, а с памятью о пережитом прежде. Отсюда и динамичное произведение “Третья скорость...” – это не гимн дальним дорогам в его традиционном романтическом понимании. Дорога – мощная составляющая, формирующая в данном тексте развитие метафоры “крутая дорога” в философском представлении тех испытаний, что выпали на долю России. Очень часто художники, изображая дорогу, прибегают и к ассоциативному образу поезда. Н. Егорова использует совсем неожиданный элемент, создающий свой определённый темпоритм стиха, – машину, побеждающую российскую дорогу, вернее, её бездорожье:

*Третья скорость. Печаль и тревога.
Быстрый промельк летящих огней.
Вновь живёшь ты, ночная дорога,
Потаённую жизньнюю своей.*

*Плывя тени и светлы живые,
Спят деревни и реки обочь.
И машины — громады ночные —
Исчезают, как призраки, в ночь.*

Дорога – скорость в стихах, разлёт, когда нужно уловить правильную интонацию, оказаться в центре пространства и времени, тех категорий, которые единственно равны и непреложны главным законам бытия, когда жизнь и поэзия летят вместе, в одной ключевой связке:

*И рождаясь во мраке могучем,
На обочине бросив село,*

*Вся Россия, как звёздная туча,
В лобовое несётся стекло.*

.....
*Нас пленили в пути бесконечном
Не леса и столицы вдоль трасс —
Ясно зрящая звёздами вечность,
Мир, что выше и праведней нас.*

Почувствовать “смысла живую основу”, чего некогда так жаждал Заболоцкий, ощутить надмирность происходящего, дающую обозрение внутри себя и вокруг, — то, что зримо открывается в лобовом стекле стремительно несущейся машины, будто в иллюминаторе космического корабля:

*Но на чёрных разбитых дорогах,
Мчась лесами к Полярной звезде,
Ждали правды и вечного Бога,
Забывая легко о себе.*

*И миры различая во мраке,
Пели песни России своей,
Наплевав на дорожные знаки
В тройном космосе встречных огней.*

Нескончаемая дорога России становится целым пространством Земли и Неба. Она лучшее лекарство от всех бед, ведь движение вперёд — это Вера. А значит — и вечная надежда на то, что у Бога непоправимости нет.

“Древний Космос и наша Земля”

“В поэзии мне всегда хотелось проникнуть в неведомые глубины — будь то глубины сознания, духа, вселенной, соединить несоединимое — Христа и устремлённость России в космос, жизнь русской провинции и задымленного мегаполиса, заглянуть в тайники человеческой души и подслушать мысли цветка. Для меня весь мир — живой, весь — мыслящий. Провести границы между живым и неживым, разумным и неразумным мне никогда не удавалось”, — пишет Наталья Егорова в предисловии к своей книге избранных стихотворений “Русской провинции свет”. Именно эти её мысли приводит в обзорно-критической статье, упомянутой нами выше, и Сергей Куняев. Мир един. Мы лишь небольшая частица огромного космоса. Вселенная — извечная загадка бытия. Индивидуальное виденье вещей окружающих, повседневных Наталья Егорова совмещает с планетарным кругозором вещей глобальных — бессмертия Космоса, ставшего расцветом жизни, разума и творческого гения человека. Об этом ратовали русские мыслители-космисты: К. Циолковский, А. Чижевский, В. Вернадский, веривший в мечту о ноосфере, идею всеединства воплотил в своих трудах философ В. Соловьёв. Выдающиеся учёные, прежде всего, видели и ставили в науке великую цель духовного преобразования человечества. Личностно-мировой взгляд помогает и Наталье Егоровой овладевать философскими категориями высшей духовности. “Свет плывёт по великому кругу // От коптилки к Душе мировой. // Ночью в чёрные дыры округу // Тянет вместе с землей и травой. <...> Тянет в омут познания планету. // В чёрных дырах, а всё же живём. // Видишь, Боже, и мы не без Света // В погибающем мире Твоём!..” — низкое и высокое, казалось бы, несовместимое сопрягает она, уверовав в разум и волю Творца, в искру Божью.

Стихотворение, начинающееся строками “Когда опускается ночь над твоей головой, // Огромное небо беседует внятно с тобой”, — объединяет в себе три начала: Землю, Небо, Космос, глаголящий “огнём остывающих звёзд”. Грандиозность картины впечатляет необъятностью двух природных стихий, где торжествует небесно-земная принадлежность, где невозможно одно отделить от другого, разять на части, настолько всё в мире до мельчайших подробностей и деталей продумано Создателем:

*Всё больше созвездий. Всё больше неведомых снов.
Всё больше над миром горящих огнями миров.
Земля шевелиётся в пространстве, расступится тьма,
И мир неизвестностью сводит, как в детстве, с ума.
И мир искушает, огромностью тайны маня,
Прийти приглашает для жизни — тебя и меня.
Мы сходим с крыльца — прямо в снег и трескучий мороз.
И лает нам вслед житель вечного космоса — Пёс.*

Природа в поэзии Натальи Егоровой всегда космична. В почвенно-космических, живительных связях она находит ответ и на мучительные вопросы истории, так неожиданно сулящие выход из “детского сна несбывшейся мечты” в пространство иных измерений, туда летит и её “Небесный конь”: “Да что терять седым усталым детям, // Над ложью мира вставшим в стремя! // Лети же, конь! Спасенье есть на свете! // Мы не вмещались в наши времена! <...> Лети же, конь! Над отчею разрухой, // Над чашей боли, выпитой до дна, // Над областью растоптанного духа — // Навылет пробивая времена!” (“Швырнет Смядынь багряных листьев с неба...”) Поразительно, что это было написано явно в сложный жизненный период, но какая колоссальная энергетика духа, поднимающая человека над собой, уносящая от всего суетного и вновь возрождающая его для жизни, словно огненную птицу Феникс!

Время, когда ты живёшь, как в космосе, свято храня свой секрет, — это твоё бессмертное детство. Детство — такая пора, когда и день, и минута, и мгновение осознаются вечностью, длясь до бесконечности. “Древней тайной зажгутся пути и миры. // Скроют сумерки смерть и зачатые. // Тайной Жертвы нальются Святые Дары. // Тайной Господа вспыхнет Распятые”, — дорогу к небесной родине — вертикаль, вверх, в Небо выстраивает автор в стихотворении “Секрет”, дающую удивительную возможность увидеть нечто за горизонтом, встретить “жизнь и рассвет”. Собственно, повседневно и есть счастье, которое доступно лишь детям, способным придавать ему свои необъяснимые смыслы. Просто надо жить на родине, как в детстве, спокойно постигая упорядоченность мира, что во взрослой жизни, да, видимо, и в самой русской жизни, — исключение. “Наше детство поёт над лесами, // Где разумны все твари подряд. // Ведь Господь между миром и нами // Никаких не поставил преград” (“В лодке”), — ибо нет “пределов говорящим мирам естества”, уверен поэт. И кто знает, не отдыхала ли природа от своей упорядоченности, чтобы, собравшись с силами, из хаоса вновь превратиться в космос?

В любом случае, космос — особая тема в творчестве Натальи Егоровой. Весь XX век был ознаменован новым космическим мировоззрением, мистическими предчувствиями. Познание Вселенной, как и путешествия первооткрывателей, подтверждали миру непрерывность пространства. Причём становится очевидно, что человек летающий видит больше и дальше человека, крепко стоящего на земле, прямоходящего: чувство полёта, наблюдательности и жажда открытия движет им. Вот и стихотворение “Лампа Гагарина” рассказывает о горестных моментах детства будущего героя космоса, о том, как русский человек мог даже во время войны, в эти самые тяжёлые периоды жизни, не забывать о своей мечте, всматриваться в грозное небо и видеть звёзды, создавать свой космический рай, придающий ему силы быть человеком!

*Бродит смерть по военным дорогам.
Пахнет кровью в колодцах вода.
Догорает в землянке убогой
Керосиновой лампы звезда.*

*Над темнеющим Клушиным небо —
В чётких фарах немецких машин.
Над краюхой чёрствого хлеба
Плачет мальчик — Гагариных сын.*

.....

*И великий огонь Аладдина
В мир выводит из творческой тьмы
Звёздный космос, плывущий лавиной
Над фронтами военной зимы.*

За святой наивностью, трепетным испугом той детской судьбы смоленско-го мальчишки проступает и вся его будущая большая судьба, предначертанная свыше и подкреплённая непоколебимой верой в Победу. Сами Силы Небесные помогли России в её жертвенном порыве к Победе, в защите жизни и мира, в торжестве правды: “И вминают, буксуя, машины // Звёзды в грязь, вдоль воронок руля, // Чтобы стали однажды едины // Древний Космос и наша Земля”. С точки зрения человеческого разума всегда было и будет существовать непостижимое, сверхъестественное, необъяснимое. Божественное предназначение удивительным образом соединяется здесь с предназначением космическим. Не бывает истинного знания без веры, но и сильная вера превращается в знание. Космический взлёт — и нет глубины падения человека в бездны мрака и безверия, пока кто-то может вымалить его из этих бездн, пока чья-то душа сохраняет связь Земли и Неба, раскрывающих сакральные таинства: “А Гжать за храмом делалась все тише, // И говорил со звёзд могучий Дух, // Что всех орбит и всех планет превыше // Вот это пеньё скорбное старух. // Что где-то там, причастный тайнам Духа, // Летит Гагарин в вечной звёздной мгле, // Пока поёт последняя старуха // В забытой церкви Богу — о Земле” (“Гжатск”).

Русский мыслитель Н. О. Лосский писал об интеллектуальной интуиции, направленной по ту сторону мира, к сверхкосмическому принципу — Звёздной философии будущего, — рассматривая мир как органическое целое. В структуре мироздания искал смыслы учёный А. Л. Чижевский, биофизик, философ, поэт и художник. Раздвигает привычные смысловые рамки и Н. Егорова: её стихотворение “Тёмное небо. Провал в неизведанный мрак...” проникнуто неземной философской глубиной и высотой помыслов, предельно обнажено, открыто миру, предельно исповедально в своём трагическом стоицизме:

*Тёмное небо. Провал в неизведанный мрак.
Мысль неземная таинственно напряжена.
Над косогором качается огненный мак.
Думают сосны. Тревожная светится мгла.*

*Что там потряслось? За леском закричала желна?
Что там случилось с таинственной жизнью моей?
Дизель прошёл? Одинокая зрелость пришла?
Встану на тёмном крыльце посредине скорбей.*

*Чутко услышу, как падают капли на жёсть,
И, приутив к неземному простору печаль,
Хвои вдохну и отвечу вселенной — я есть!
Вечному небу раскрыв соразмерную даль.*

В одной строке сосредоточены два или даже три предложения, где точка — не просто знак препинания — она сжатая конкретика скрытых смыслов. Лирическая героиня вышла навстречу неведомой, роковой силе, вышла, словно леденя от собственной смелости, преодолевая космический холод веков и утверждая саму себя. Ведь в отчаянном одиночестве нет предательства самого перед собой, и ужас перед мирозданием может быть побеждён. Литературные параллели ведут к выдающемуся поэту России Светлане Сырневой, к её не менее поразительным стихам “Противостояние Марса”, и тут же другая параллель — известный поэт Николай Заболоцкий и его стихи с таким же одноимённым названием. Строки из произведения С. Сырневой ярко свидетельствуют о метафизической силе противостояния неведомым планетарным связям:

*Я не ищущу судьбы иной
и не гонюсь за лёгкой славой:*

*не отразить мне свет ночной,
насквозь пропитанный отравой.
Но травы, птицы и цветы
меня о будущем просили.
И молча вышли я и ты
навстречу неизвестной силе.*

У Н. Заболоцкого речь идёт об отрицательной оценке разума, когда “дух, полный разума и воли, // Лишённый сердца и души”, рационально испытывает человека на стойкость:

*Был бой и гром, и дождь, и слякоть,
Печаль скитаний и разлук,
И уставало сердце плакать
От нестерпимых этих мук.*

*И над безжизненной пустыней
Подняв ресницы в поздний час,
Кровавый Марс из бездн синей
Смотрел внимательно на нас.*

Поэт изначально противопоставляет бесстрастному равнодушию и холоду планет человеческую душу, наполненную светом, принимающую эту землю, пусть горькую, но всё равно любимую им до слёз, до сердечной боли:

*И там есть муки и печали,
И там есть пища для страстей,
Но люди там не потеряли
Души единственной своей.*

*Там золотые волны света
Плывут сквозь сумрак бытия,
И эта малая планета —
Земля воскресшая моя.*

Разумеется, поэтика стихотворений Н. Егоровой, С. Сырневой, Н. Заболоцкого стилистически отличается, хотя сравнения — вещь опасная и невыигрышных сопоставлений вообще-то лучше избегать, но это как раз тот случай, когда “бывают странные сближенья...” Тем более что мысль у них одна: человек должен выстоять в этом непостижимом мире не только перед любой природной стихией, но и сам перед собой. Разные поэты — неповторимые индивидуальности, но все они наделены исключительным духовным зрением. Их стихи покоряют необыкновенным мистическим ритмом. Кантовский таинственный императив близок и Н. Егоровой. Кантовское звёздное небо и нравственные законы внутри нас побеждают так же и в её произведении. Стихи Н. Заболоцкого “Противостояние Марса” вошли в Антологию русской поэзии. Думаю, что и стихи Н. Егоровой также этого заслуживают. Прочитаем внимательно их дальше:

*Дышится вольно на звёздной околице трасс.
Каждой былинке написано здесь житиё.
Снова ты думаешь, сильное Небо, за нас:
Быть иль не быть нам? — и властно диктуешь своё.
Верно, что ты, наделяя судьбой свою дочь,
Чувствуешь то же, что люди Земли искони?
Гляну с крыльца — во всю древнюю долгую ночь
Звёздной Психеи горят роковые огни.*

*Знаю тебя, как себя, вечный морок души.
Кто ты там — хаос иль космос за облаком хвой,
Милуй, карай, — только звёзды гасить не спеши.
Вся я раскрылась — и молча стою пред тобой.*

Героиня мужественно совершает выход в область свободы — своей собственной, тесно соприкасающейся с информационным космосом, — Абсолютом, соединяющим и тело, и душу, и дух. Как будто разверзлись небеса, и в небесах был виден Бог. Свобода Духа в глубоком, если угодно — религиозном смысле слова. Свобода как дар Божий. И как не вспомнить вестника миров иных, мистика и пророка, воина и героя М. Ю. Лермонтова, как не принять его такое же внутреннее одиночество, метафизически чувствующее природу и человека, а ещё тот неведомый мир, частичку какой-то незнакомой, застывшей, мятущейся планеты, так похожей на души людей, фатально обречённых на непрестанные поиски самого главного — Бога в себе.

“Бог спасенья и Бог бытия”

Религиозный мыслитель Константин Леонтьев призывал реализовать одну-единственную мечту о призвании России восстановить единство христианского мира. Человечество должно видеть цель. Иначе оно погибнет. Мысль, лишаящую русского человека Христа, в России не внедрить никогда. Россия, что понятно из её многовекового пути, живёт в вечности, а Христос — это и есть вечность. Ибо только вера делает человеческую жизнь изначально ясной и определённой. Но нам сегодня пытаются привить некую теплохладность, безразличие, некое духовное равнодушие. Вера, Родина и Бог даются каждому от рождения, даются естественным ходом природных вещей, тогда как знание и опыт приходят гораздо позже.

*Высок мой Бог. А полдень мира — чист.
Простёр Ты землю, как кленовый лист.
Здесь между чёрных хат по солнцу вод,
Пугаясь, лебедь белая плывёт.
В ботве борозд за островом осок
Трещит картошкой старый костерок,
И Богородица, откинув плат,
В грибном лесочке крестит листопад.
Мычат коровы. Пахнет сеном тьма.
Зачем мечтать? Мечта сведёт с ума.
Копай картошку, пей дожди полей
И песню пой о родине своей.
Пространство — слушай. Времени — внемли.
Лишь кротких ждёт наследие земли.
И дедам Бог — к молитвам гордых глух,
Земную ширь вручил за кроткий дух.
А клёны полыхают всей листвою,
Что жив Господь. Что Бог всегда с тобой.*

Из этого стихотворения Натальи Егоровой, дышащего светлой любовью к Богом данной родной земле, не представляется возможным удалить ни одной строки. Во всём ощущается присутствие Всевышнего и бережное касание души нашей, направленной Его рукой к добру и просветлению. Вечная русская молитва, русский дух — победитель всех страданий. Бытие невозможно без веры.

“Есть какая-то грозная власть, перед которой нужно держать себя в чистоте, чтобы не погибнуть окончательно... совесть, трепещущая перед Богом”, — предупреждал Василий Розанов. Заповеди Божьи, органично вплетаясь в саму жизнь, со спокойной уверенностью входят и в поэтические тексты Натальи Егоровой. Сердечный, совестливый человек тождественен по существу религиозному человеку. “Прощаю смерть в последней глубине, // И мир, что не нуждается во мне, // И жизнь, что, полыхнув, почти прошла. // В земном пути — не поминаю зла. <...> И говорю: с земной своей судьбой // Смирись — и вспыхнет солнце над тобой”, — это и есть главные библейские заповеди. Прощение, смирение, преодоление страха смерти, которой не надо бояться, ведь для православного человека существует память смертная, те узкие врата, за которыми после рождения является вторая и главная тайна нашей жизни, где смерть — точка стечения всех человеческих

одинокость, одиночество последнее и крайнее. Оно предупреждает, что в последнюю минуту каждый остаётся наедине с Богом. “Многими скорбями надлежит нам войти в царство Божие” (Деян. 14:22), — гласит Писание. Текст Вечной Книги Наталья Егорова прочитывает тоже по-своему, отсюда и такая неординарная трактовка её сюжетов. Связь между людьми через Бога и связь с Богом через людей проявляется в стихотворении “В последнем из странствий. . .” У Бога нет времени — только вечность. И все у Него живы. Во времени конкретном нуждается лишь мир материальный: “У вечного Бога // Кончается время в руке”, — напишет Н. Егорова, подразумевая лишь земную конечность бытия для любого живого создания, будь то маленькая букашка, неутомный кузнечик или беззаботный мотылёк. Но есть и другие пределы, когда она скажет: “У вечного Бога // Меня подожди хоть чуть-чуть! // Не ради свиданья, // Не ради любовных утех, // А ради молчанья — // Последнего знания на всех”. Точно замечено, мудро. Сколько раз в жизни нам приходится жалеть о сказанных словах, имеющих магическое свойство сбываться, но никогда — о молчании. Екклесиаст не зря напоминает нам: “Всему своё время. . . время молчать и время говорить” (Екл. 3:1,7).

В стихах Натальи Егоровой нет уныния — этого смертного греха, очень часто приводящего к отчаянию. Православная религия несёт радость жизни, радость встречи с человеком и с Богом. Давняя русская традиция всегда считала наиболее судьбоносными и достоверными произведения исповедального характера. Внутренняя исповедь, честная, где-то беспощадная, вне сомнения, — самое ценное в литературе. “И жизни своей, промелькнувшей огнями не мимо, // Озоном любви и грозой сомнений дыша, // Признаюсь я честно, что молодость неистребима, // Как неистребима и в чёрной печали душа”, — откровенно льётся её строка, в которой и боль, и надежда, и радость — горько-сладостный напиток, что полностью ещё не испит из чаши жизни. Радость — великое чувство, далеко не каждому оно даётся, чтобы вот так легко, не будучи отягощённой грузом бытия, высказать сокровенное, словно пропеть саму жизнь:

*Я несу свою ношу, не зная
Потаённого смысла пути.
Но, страдая, Христу помогаю
Крест Его до Голгофы нести.*

*И рождается в сердце беспечном
Невозможный и ясный ответ:
Если жить, то, конечно же, вечно,
И сомнения в выборе нет.*

*Что мне смерть, если дышат приветом
Жизнь моя и судьбина моя,
И твердит о бессмертье из света
Бог спасенья и Бог бытия.*

Екатерина Козырева, анализируя поэзию Натальи Егоровой, подчёркивает: “Поэтическая почва Натальи Егоровой укрепляется торжеством православия и утверждается многовековой историей нашего Отечества. Историческая тема в современной русской поэзии разве что Юрию Кузнецову была по плечу. . . Как Россия своеобразна в своей истории, так своеобразна и её поэзия. Поэтессе удалось соединить духовное творчество с исторической его основой. Она работает со словом, как археолог на раскопках, осторожно извлекая найденный предмет, оберегая его, очищая, с любовью всматриваясь, и, наконец, передавая всем на обозрение — таково свойство её терпеливой музы: “Купол и крест в златоструйной листве. // Тёмные лица старух. // Белые козы на синей траве. // Древний, сияющий дух. < . . . > Пусть пролепечут беззубые рты // Сказ о добре и о зле. // Это — последний оплот красоты // На запустевшей земле” (“Терпеливая муза”).

Таков русский мир поэта в широком, надмирном, понимании этого столь распространённого ныне словосочетания. Связь неба с землёй не так проста, как мы привыкли считать. Надмирность — что в этом слове? Надмирность же включает главное качество — святость.

В сиюминутной изменчивой реальности остаётся нетленным в веках и творчество русского иконописца Андрея Рублёва. Неземным светом вечно-го духа просвечивают сквозь столетья лики его Святой Руси. Воистину ему было дано по вере. Он доказал первостепенное: для человека нет ничего невозможного. Русь и давала художнику силы творить, превозмогая трагизм бытия. Молчащее искусство скорбного бесстрастия будто заговорило, услышав голос, ниспосланный Богом, чтобы сказать человеческому сердцу гораздо больше, пронзительнее любых слов.

*А ты, чернец, где мог, искал свой жребий —
Безвестный гений с метой на челе,
Земной тропой скитался, словно в небе,
Тропой небесной шёл, как по земле.*

*Ты видел здесь трубу сгоревшей хаты,
В спалённых градах — мёртвые тела.
Ты видел там — бой ангелов крылатых
Над бездной вулканического зла.*

*Но где нашёл ты синь и охру эту
И дух, такой высокий и святой,
Что ни один из мастеров планеты
По силе не сравняется с тобой?*

Только учась у самого Творца, можно было сотворить подобное. Гениальный художник земные дни, отпущенные ему Спасителем, провёл без оглядки, с великой верой, любовью, с надеждой на возрождение Руси. Так жизнь превращается в житие. С древних времён Бог призывал человека найти самого себя и свой путь на земле. И на память приходят евангельские слова: “Царство небесное силою берётся, и употребляющие усилие восхищают его” (Мф. 11-12).

*...Ожжёт роса... Заломит тяжесть тело...
Лежать в траве и с детской верой знать,
Что хорошо, проснувшись в роще белой,
На Троицу берёзы заломать.*

*И слушая, как солнце множит тени,
Как зреет рожь и шепчется листва,
Забиться в триедином постиженье
Родной земли при свете Божества.*

Знак, символ, ядро древнерусской культуры — икона — церковный образ, соответствующий своему благодатному и спасительному назначению, столь же вселенскому, как и само Православие. Икона, источая бесчисленные чудеса, изначально могла противостоять силам зла, силам тьмы в те давние времена, в недрах которых зарождались сакральные символы Руси, она непостижимым образом предвосхищала грядущее, заключая в себе и веру, и диво дивное. Ф. М. Достоевский, досконально исследовавший духовно-религиозную проблематику в творчестве и не мыслящий судьбу России без христианского мировоззрения, говорил в “Братьях Карамазовых”: “...вера не от чуда рождается, а чудо от веры”. Иконописный образ несказанного света, удивительно сочетающий в себе два таинственных феномена, — Богородица. В произведении “Одигитрия Смоленская” Н. Егорова широкими и свободными мазками талантливого живописца рисует картину путешествия иконы Богородицы из Византии и дальше по русским просторам; этой иконе было суждено стать символом чистоты и искренности христианской веры. Как известно, Смоленская икона Божией Матери — почитаемая в Православии чудотворная икона Богородицы, — ограждает и защищает западные пределы России. Переплавить человеческие страдания в свет, дать надежду, исцеляющую душу, — в этом заключалось великое предназначение Богородицы на Руси: “Мчались конюшки снежной пустыни. // Колокольчики веяли грусть. // Из

далёкой земли Византии // Богородица ехала в Русь... // Протрубили: “Христос наш воскрес!” // – Гуси-лебеди в снежном раю, // И уделом Царицы Небесной // Назвала Ты Россию свою”.

“Божьего слова родник...”

Любовь и слово — вместе вы всегда...

Наталья Егорова

Сегодня, когда мы можем наблюдать расширение границ различных литературных направлений, их уход от традиционных жанров и стилей, важно сохранить эстетическое соотношение правды жизни и правды искусства. Вот что пишет Наталья Егорова о современной поэзии, пытаясь разрешить проблемы русского слова: “Мы утратили нечто первостепенно важное и фундаментальное — тот строй души, породивший особый строй русского стиха, который, подчас независимо от воли поэта и вразрез со сказанным, самим своим глубинным, неразрушимым христианским духом — любовью, гармонией, чистотой, архитектурой, звуком — свидетельствовал о том, что человек создан по образу Божьему”. Дабы дать читателю почувствовать динамику забытой письменности, аромат древнерусского источника, обратимся к её стихам “Берестяная грамота”, в которых она развивает идею Божественности Слова. Основа сущего — древнерусский язык славян, когда всё соединено в Боге, весь наш мир, представляющий вселенскую матрицу человечества с его бесконечным количеством судеб, записанных на всевозможных наречиях и языках:

*Вскинешь голову — полночь, прохлада.
Звук неясный... Невнятная мысль...
И слепит белизною и ладом
Рябь стволов, уходящая ввысь.*

*Словно букву, под веяньем мига
Метку чёрную тронет рука,
И раскроется древняя книга
В мерном шелесте березняка.*

*Это наши разлуки и встречи,
Весь наш мир до глубинных основ
Записала усталая вечность
На глаголице дальних миров.*

Древнее Слово, полузабытое ныне, инобытие — самое трогательное прикосновение к душе человека, равноценное прикосновению Бога. И самые сильные, самые лучшие слова надо искать в истоках старославянского языка. Утерянная связь вещи и слова, не столь осязаемая сейчас, была неразрывна и очевидна на Руси. О чём это говорит? О том, что человек был ближе к Богу, к природе, к вечности, у этого человека не было лишних вещей и предметов, а было только существование. Где и когда мы утратили эту “ариаднину нить”? — волнует и не покидает поэта мысль, от которой так много зависит в судьбе и в творчестве художника слова. Екатерина Козырева выделяет редкое качество литературного дара Натальи Егоровой — “писать стихи, как древнюю грамоту”. Она и пишет их, словно разворачивает ветхозаветный свиток, вмещающий длинную историю земли, где открывается один исторический пласт за другим.

*И за жизнь, что дарована даром
Вместе с белой берёстою дней,
Как за короб, набитый товаром,
Каждый просит цены покрупней.*

*Но ведь мы-то бессмертны, как Боги,
В блеске звёзд, на дорогах страны.*

*И не зря этих рощиц чертоги
Шепчут в полночь, что мы спасены.*

*И не вся наша правда — о хлебе,
Если лёгкий, как Божий сквозняк,
Разметавшись в темнеющем небе,
Спит и грезит во сне березняк.*

“Истина есть духовное завоевание”, — считал Н. Бердяев. Истинный момент мировоззренческих поисков Н. Егоровой, её духовное завоевание — первозданное русское Слово. В письме к Батюшкову Куприн говорил: “Но есть одна — только одна область, в которой простителен сам узкий национализм. Это область родного языка и литературы”. Он считал, что язык “требует самого нежного, самого бережного и любовного отношения”, а “русскую народную культуру и мудрость” определял, как “крестьянскую культуру и крестьянскую мудрость” (“Слово о русском Слове”, очерк А. Байбородина). Н. Егорова аналогично уверена в том, что сохранение нашей речи и нашего языка во многом означает и сохранение нас самих. Её стихи “Берёзовый венок” действительно можно назвать исконно русскими, — поскольку катастрофически иссякает духовный родник, питающий подобную поэзию, — напоминают нам о сакральных тайнах творчества, когда изначально поэт был человеком песенного и письменного текста. “Вскрывается Божьего слова родник”, и Боян, и Ходына — два русских песнотворца — поют о любви. Н. Егорова, а это невозможно сделать искусственно или, скажем, умышленно, концентрирует в себе уникальный талант: выразить в поэтическом слове целый спектр чувств, эмоций, смыслов, которые, как Божественное благословение, нисходят к ней свыше. Этот “берёзовый звук” “берёзовой музыки”, характерный только для русской поэзии, чего не отыскать ни в одной зарубежной литературе, — непреходящая мелодия всей России и мелодия её мощной лиры, становящейся с течением времени лишь многомерней, философичней. Она гениально высвечивает значимость творческого и человеческого наследия выдающихся русских художников слова:

*Я в берёзовой роще закрою глаза —
Меж стволами плывут голоса, голоса...
Русский терем души, белой Троицы храм —
Только листья и слёзы кипят по стволам!
Это Пушкин поёт о сиянии глаз.
Это Лермонтов демона зрит сквозь Кавказ.
Это плачет Есенин о рощах земли.
Это к Блоку, как музы, летят журавли.
Это Тряпкин из гнёзд выкликает скворцов.
Это спит в соловьином яйце Кузнецов.*

В чём же вообще предназначение творчества? Проклятие невыраженности Н. Егорова рассматривает применительно к себе в стихах, написанных в форме доверительного разговора с самим Творцом: “Попросила я Бога: “Даруй мне, Святой, // Дар поэзии — счастье без муки! // Стоит мира подлунного сон золотой! // Стоят верности вещи звуки!” Но бывает ли творчество без муки?! Занятие делом поэзии ближе всего к понятию миссии. “Белый дом запылал посреди тишины. // И узнавши, что люди — не братья, // Я пошла по руинам великой страны, // Имя Бога твердя, как заклятье”, — человеческое измерение, что соединяется с измерением Спасителя, как видим, при всей гиперболизации, художественном обобщении образов исключает что-либо абстрактное, чисто афористичное. Н. Егорова совершает выход в область собственной свободы духа, поражая своей откровенностью. Для поэтов земной и небесной, высшей правды, подобных Н. Егоровой, это неизменно, непреложно. Исповедальность её не замыкается лишь на себе, на своей личности, она полна боли за страну, за разорение отчих мест, за покинутые хаты и деревни, преданные забвению. Автор исповедует перед Богом и за нас, тогда творчество и становится служением. Сегодня многие художники ставят человека не перед Богом, а перед собой, сосредотачиваясь

на голом самовыражении, лишённом подлинной правды. “Великие произведения искусства выбираются историей лишь из числа произведений “исповедального характера”. Только то, что было исповедью писателя, только то создание, в котором он сжёг себя дотла, для того ли, чтоб родиться для новых созданий, или для того, чтоб умереть, — только оно может стать великим”, — на все времена сказал Блок. “Меняются тревожные картины // Столиц, морей, роящихся светил. // Земную жизнь пройдя до половины, // Стою в лесу, как Данте говорил”, — личное признание в текстах Н. Егоровой переходит постепенно в извечную философскую исповедь человека и художника, ответственного за свои земные деяния. Отсюда понятна и жизнестойкость такой строки: “Ищу и в безысходности исхода”, как понятна и её гражданская “смелость жить разоренью назло...”

Следует обозначить и особенности художественного стиля, что присущи поэзии Натальи Егоровой, обратит пристальное внимание на процесс построения её стиха, совмещающий, казалось бы, несовместимое и вызывающий интерес своей достаточно объёмной композицией. Белинский всегда призывал художников создавать исключительно лаконичное и короткое лирическое произведение. Но у Н. Егоровой не всё однозначно, когда лирическое тесно сплетается с эпическо-драматическим. К тому же не бывает правила без исключений. Некоторые критики уже обращали внимание на длинноты её стиха, где-то чрезмерные для поэтического текста. Возможно, и так, но лишь отчасти. Лично я нахожу всё возможное и невозможное в произведениях Н. Егоровой, мне они напоминают мини-поэмы либо особую поэтическую прозу, когда неисчерпаема глубинная философия каждой строфы — ты не можешь напиться, не можешь утолить жажду, генетически накопившуюся в тебе, разливающуюся в твою кровь, бегущую по твоим жилам и нервам. Всегда ли одна краткость — основное качество таланта? Тот же Белинский отмечал следующее: “Творческая деятельность поэта представляет собою <...> особый, цельный, замкнутый в самом себе мир, который держится на своих законах, имеющих свои причины и свои основы, требующие, чтоб их, прежде всего, приняли за то, что они суть на самом деле, а потом уже судили о них”. Вот и многие стихотворения Н. Егоровой словно предчувствуют пред-стихотворный вариант, некий глубинный код, некую бесконечную словесную фактуру стиха. Вопреки канонам, она и творит свою поэзию, которую нужно понять и принять внутренне, в широком философском контексте, при этом осознать как непреложную данность, никем другим неповторимую, прочитать как собственную жизнь. А ещё услышать нарастающую, как гул, насыщенную метафоричность её поэтической речи. Н. Егорова изумительно использует такие тропы, как метафоры, которые тоже нужно чувствовать, ведь за ними очень часто стоит жёсткая конкретика.

*Я жила, как кувшинка озёр и болот,
Донный стебель толкнув в никуда,
Выплывала над глубями тёмных свобод,
Чтоб цветок не накрыла вода.*

*На губах отцветал неслышанный стих —
Звук крушения, вкус лебеды.
Но держала я голову выше других,
Золотую — над топью беды.*

*Мир тянулся сорвать, не по-детски жесток,
Заплести меня в чей-то венок.
Но пружинистый стебель звенел про исток,
Вглубь толкал непокорный цветок.*

*И посмела я сердцем живым уцелеть
В тёмной тине и омотах вод,
И посмела я песню по-своему спеть
О застойном дыханье болот,*

*О теченьях и илах на сумрачном дне,
О зелёной речушек крови,*

*О таинственной древней озёр глубине,
Что меня родила для любви.*

(“С лёгких вёсел срываются брызги вразлёт...”)

Здесь буквально всё построено на метафоре, красочной, эмоциональной и по-философски глубокой. У автора нет безысходности, новое и вечное начало побеждает. “Я знаю в поэзии толк!” – воскликнет она в других стихах, увлекающих своей сказочной фантастичностью. Или, к примеру, стихи “Гонец неземного эфира...”, где воплощается особый и загадочный оттенок поэтического слова, который и придаёт жизни магнетическое напряжение, заставляющее автора “писать в неизвестную вечность, // Любить неизведанный Свет!” В русле этой метафорической образности не следует ставить во главу угла и сам критерий соответствия реальности в поэзии. Он в творчестве Н. Егоровой весьма условен. Метафорическое восприятие мира, напряжённая образность, космическая интуиция дистанцируют художника от его текста. “Поэт начинается там, где кончается человек”, – утверждал Хосе Ортега-и-Гассет, подразумевая то, что поэту открыто гораздо больше, чем обычному человеку, он способен творить то, чего нет, несуществующее. По мнению Льва Толстого, именно только “реальное изображение жизненных безобразий есть самая большая ложь в искусстве, ибо не из них состоит жизнь”. Нечто недостижимое, невидимое в реальности бытия пытается найти и Н. Егорова, пытается постигнуть тайну слова. Слова и реальность исследовал Н. Бердяев в книге “Судьба России”. Он писал: “Слова имеют огромную власть над нашей жизнью, власть магическую. Мы заколдованы словами и в значительной степени живём в их царстве. Слова действуют как самостоятельные силы, независимые от их содержания”. Магическая власть слова, творящего чуда, живёт и в поэзии Н. Егоровой, в нём одном заключается и великое счастье, и неизживаемая боль поэта.

Достаточно тонко и не так просто, как могло бы показаться на первый взгляд, раскрывается в творчестве Н. Егоровой и философия любви. Впрочем, сколько людей – столько историй любви. Исконная женская судьба выпадает у автора из обычного празднично-бытового ряда: любовь приобретает как всеобъемлющее, равносильное космическим стихиям, так и личное, глубоко исповедальное, звучание. “За каплю веры – свет в ночном окне – // Грозится век десницею своей. // Я всё отдам, но дело не в цене. // Служу Любви, как лучшей из идей”, – это великое чувство она обязательно укрепляет верой. “Бог есть любовь”, – лаконично сказано в Священном Писании (1 Иоанна 4:8), но не секрет, что постижение данной истины требует порой целой жизни. Любовь и даётся нам как великий дар, как предназначение нести свет:

*Диктуют звёзды, поджидает рок,
Грозится смерть, смакуя слово “прах”,
Но солнцем жжёт огонь в разрывах строк
И вспыхивает вьюгами в мирах.*

*А в подворотне старенький фонарь
Скрипит всю ночь — киваю фонарю.
В морозный шарф закутавшись, январь
Звенит коньками... Я опять люблю...*

*И учит непрожитая зима
Вставить со льда, собрав осколки сил.
Но что мне целый мир, коль я сама —
Вселенная в снегу ночных светил!*

Категории вечного в любви главенствуют и в поэзии Н. Егоровой: “Золотой весной воскреснуть // И полюбить в бессмертии своём!” – такая любовь ждёт лишь избранных. Её лирическая героиня дерзко и смело бросает вызов обществу, оправдывая страсть любви. Ведь страсть – слово многозначительное. Страсть – это и страдание.

*Дай мне пройти цветущими садами
По улочкам, не знавшим перемен,
С накрашенными дерзкими губами,
С бессмертным алым розаном Кармен.*

*Пусть льётся свет. Звенят восторги встречных.
Гудят такси. Поют волос ручьи.
И бьют часы в проулках — только вечность
Для всех влюблённых в городе любви.*

*Не говори, что время к нам жестоко, —
Грядёт пора стареть и умирать.
Вольней и выше времени и рока
Влюблённых женщин огненная стать.*

Ярчайшая метафоричность, когда весь мир словно вращается на мандельштамовской метафоре, и “земля гудит метафорой...”, будто встречаются равновеликие стихии. Только так и можно утвердить свою извечную женскую сущность, своё высшее право быть женщиной, обречённой на любовь. А иначе вселенная не имеет смысла, лишь ради любви в ней стоит жить и умирать! Невозможно запрограммировать жизнь, “любовь случайна...”, она, словно “невызнанная тайна”, не бывает без страсти: “Надену сарафанчик продувной. // Качну качели в неподвижных звёздах. // Смешает ветер волосы с листвою, // И месяц раскачается в берёзах. // Всплывут со дна кувшинок огоньки // Огнём любви и ревности забытой. // Спою, взлетев над омутом реки, // О вечной страсти дерзко и открыто”. К тому же все произведения о любви проникнуты лиризмом, что-то есенинское сквозит в таких стихах поэта, как “Вечный май, горячий бред любовный...” — вещь “дерзкая” и редкая для сегодняшней русской лирики.

Дабы настроиться на восприятие стиха Н. Егоровой, обратимся к образности, к сравнениям, к символу. Мистическое произведение, своеобразная перекличка с веком Серебряным:

*За годами и снегом не видно во мгле,
Что нам Бог на земле приготовил.
Светит роза сухая на тёмном столе,
Словно сгусток запёкшейся крови.*

.....
*Затянуло фрамугу узорами льда,
Паутиной седого мороза.
В мирозданье за рамой замёрзла вода.
Это я — твоя чёрная роза.*

*Это мне предназначено ждать и терпеть,
Тлеть и вянуть, считая напасти,
В паутине сухими цветами гореть,
В алый прах рассыпаясь от страсти.*

.....
*И сквозь годы и снег ощущаю спиной,
Как с весёлой и дерзкой отвагой,
Раскрасневшись от ветра свободы шальной,
Лепестки наполняются влагой.*

Символ сухой розы говорит о метафизических предчувствиях неясности бытия, когда уходит время, и чувства уже напрасны. Н. Егорова чудесным образом напитывает свою давно увядшую розу вспыхнувшим чувством любви, и она оживает, будто по велению свыше вдыхая в человеческую душу любовь. Образ розы присутствовал и в средневековой поэзии, земной мир как пустота внутри мировой розы воспринимается в самой мистической книге XX века — “Розе Мира” Даниила Андреева, где роза — цветок, способный стать духовным оформлением нашей планеты, символом соборной Любви

и вселенского разума. Только любовь способна возвысить нас над брэнностью бытия: “А всё ж мы любили, // и выжить на свете смогли мы...” — благодаря любви, нежной, спасительной и всесильной, убеждена Наталья Егорова. Ибо настоящая любовь вне времени. Она может ждать хоть целую вечность — любовь предопределяет жизнь и судьбу.

И вполне закономерно, о чём бы ни писала Наталья Егорова, к каким бы темам и образам ни обращалась, в её творчестве всегда ярко выражены грани православной традиции, на которой базируется русская литература. Читая Наталью Егорову, как раз и убеждаешься, что феномен русской культуры и искусства вне своей религиозной природы и традиции не имеет смысла. Её произведения впитали многомерность, многосложность этой единой культуры, она сама живёт в её большом времени, оставаясь честной перед собой и перед читателем.

Всё в мире имеет путь и цель, всё движется к своему началу, к всеобщей жизни, сотворённой Господом. Собственное начало и заключает в себе это удивительное умение возвращаться к истокам. Поэзия Натальи Егоровой возвращает нас к истокам народной памяти, к сокровенным истокам художественного образа Руси, к ясному осознанию единства всего живого на земле с единством бесконечного космоса. И возвращаться свойственно не только птицам, но и людям. Должна быть в жизни какая-то логическая завершенность. “Быть и сбыться — времени назло”, — так скорбная и светлая поэзия Натальи Егоровой продолжает побеждать само время, продолжает покорять великой правдой, добром и красотой.

Завершая путешествие-исследование в мир поэзии Натальи Егоровой, с лёгким изумлением нахожу у неё и эти потрясающие стихи, настолько отчётливо, пророчески они звучат, словно адресованы нам всем, страстно мечтающим о любви и единении в столь смутные, неясные времена:

*Дорогие мои, я прошу — продержитесь подольше,
Проживите побольше на этой весёлой земле.
Пусть в прихожей смеётся залётной судьбы колокольчик
И глазунья шипит на тяжёлом дубовом столе.
Это просто, как жизнь. Надо только поверить: ты — вечен!
И любить эту землю и этих небес полюблю.
И отступится зло. И окажутся долгими встречи.
И обиды, и ложь не польстятся на душу твою.
Так сойдёмся же в круг и степенно беседу затянем
Всё о том же, о том, что нас больно и ясно роднит.
Пусть гармошка поёт и летает над кринкой с геранью,
Словно красная птица над красною птицей парит.*

г. Минск

МАРИНА ВОРОПАЕВА

“...ЕЁ ПЕСНЯ НА СВЕТЛУЮ ЧАШУ ВЕСОВ...”

Пение народной певицы России Татьяны Юрьевны Петровой отличается не только своей выразительностью, артистизмом и мастерством, но и принципиально новым вообще для исполнительского искусства качеством. Ученица известного педагога Гнесинки народной артистки СССР Нины Константиновны Мешко, она развила своим вокальным мастерством фундаментальные основы школы своего педагога. Именно Нине Константиновне, в частности, принадлежит очень важное высказывание: “Искусство – это служение”. Сама природа творчества Татьяны Юрьевны выявляет подлинный смысл этого определения. И дело не только в многожанровости её репертуара, в котором есть и народная песня, и романс, современная и авторская песня. А рядом, здесь же, духовные песнопения Чеснокова, Христова, а также неизвестных авторов, чьи произведения остались в истории русской музыкальной культуры.

Каждым своим концертом, каждым исполнением того или иного произведения она отвечает на главный вопрос: служение кому? Искусство для неё – это служение Богу, своему Отечеству, своему народу.

Мне уже приходилось в своих публикациях и в журналах, и на радио “Радо-неж” сопоставлять своеобразие пения Т. Петровой с исполнительством ее знаменитых предшественниц, и прежде всего – с Н. Плевицкой, Л. Руслановой, Л. Зыкиной... И всё-таки повторяюсь, потому что это отличие носит принципиальный характер. Они ведь потому и остались в нашей памяти, что пели с душой. Но как писал митрополит Московский Филарет, есть душа душевная, а есть душа духовная, равно как и любовь есть душевная, плотская, а есть любовь духовная. Именно такая – духовная любовь – и окормляет всё искусство Татьяны Петровой, порождая доселе не известное вокалистам качество – одухотворённость. И оказывается, совсем не важно, к какому роду пения принадлежит певец: оперному, народному, эстраднему. Главное, “Про Что” он поёт. Вся русская культура: и литературная, и музыкальная, и художественная – формировалась в ответе на этот вопрос, в котором её отличие от культуры европейской, для которой всеопределяющим становится вопрос: “Как?” Отсюда особое внимание к форме. В то время как для русского художника, независимо от сферы его творчества, ответом на вопрос “про что?” оказывается проповедь христианских добродетелей.

Ещё в XIX веке известный художник А. Г. Венецианов говорил: “Чёрта в том Просвещении, если в нём нет веры!” А спустя десятилетия не менее известный художник В. Г. Перов вложил в уста героя своего рассказа “Новогодняя легенда о счастье” такие слова: “У счастья только один глаз – на макушке, устремлённый в небо, где живёт Бог”.

Преподающий сегодня в Московской консерватории доктор искусствоведения В. В. Медушевский посвятил свою докторскую диссертацию сложной, но необычайно актуальной теме: духовный анализ музыки. Вышедшая впоследствии книга сохранила это название и пользуется ныне не только у музыкантов, но и просто у любителей музыки большим спросом.

Вокальное искусство Т. Ю. Петровой своей природой, характером и предначертанностью, и, прежде всего, своей одухотворённостью безусловно способствует духовному преображению нашего общества. Это явление в вокальном искусстве новое, доселе не известное.

Правда, в начале XXI века, в 10-е годы наметилось нечто подобное в творчестве знаменитой оперной певицы Елены Образцовой. Она пошла в храм, обретая во время богослужения ту Божью благодать, которая питала её зарождающуюся веру. А вскоре её духовным наставником стал ныне митрополит Кавказский Меркурий. Непосредственное общение с ним помогало певице, духовно укрепляло её. К тому времени в её репертуаре было немало народных песен. В принципе, в самом этом факте ничего удивительного нет, так как уже давно, ещё в 1950-е годы русская народная песня заняла свое достойное место в консерваторских программах вокалистов. Но теперь у Образцовой стало меняться очень многое. Певицу издавна тянуло к народному музыкальному творчеству. И так же, как Т. Петрова в конце 1980-х — начале 1990-х годов искала своего композитора, то же самое переживала и Елена Образцова. Для Татьяны Петровой это был Владимир Волков с его песнями “Православные”, “Монастырь”, “Царице моя, Всеблагая” и др. А Елена Образцова нашла близкое ей в песнях Г. Свиридова из его цикла “Курские песни”. И непосредственное общение с митрополитом, и исполнение песен Свиридова, наполненных народным музыкальным эпосом, безусловно, способствовало обретению новых качеств исполнительского искусства Елены Образцовой.

В 2015 году она записала народную песню “На улице дождик”, которую исполнила в нехарактерной для оперных певцов манере. Она спела её как молитву, рожденную верой и духовным преображением самой певицы.

У Татьяны Петровой этот процесс начался несколько ранее. Она была одним из инициаторов и организаторов знаменитых Монастырских вечеров, проходивших ещё в 1990-е годы в Даниловом монастыре по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Тогда же она спела свою “Славянку”. Но спела эту давно написанную В. И. Агапкиным песню уже в новой литературной редакции. Слова к этой песне написал актер Иркутского театра А. Мингалёв. Написал уже в иной манере, стилистике, поэтике, в которых патриотическая тема была духовно преображена. И где бы певица ни исполняла эту песню — в деревенском клубе, сельском Доме культуры, в залах городских филармоний и даже в Кремлёвском дворце, — далеко не случайно на словах: “Встань за веру, русская земля” каждый раз весь зал встаёт и, стоя, слушает, словно гимн, эту песню до конца. Я не просто так, не оговоркой упомянула этот термин. Уже в наши дни “Прощание славянки” именно в исполнении Татьяны Петровой стала гимном одной из непризнанных республик на востоке Украины.

В своих прежних публикациях о творчестве Татьяны Петровой много внимания уделялось подробному анализу исполняемых ею произведений. Но для меня особенное значение имеет вступительная статья в книге “Песня — свеча души”. И, прежде всего, потому, что в ней как бы собраны те выводы, к которым приходишь, постигая самую суть искусства певицы. Эта книга не просто посвящена ей — в её создании сама Татьяна Юрьевна принимала непосредственное участие. В книге представлены и её статьи, и выступления на различных конференциях, и интервью, данные ею в разные годы в разных городах России. Северодвинск и Камчатка, Екатеринбург и Севастополь, Киев и Хабаровск — вот координаты концертных маршрутов певицы.

В книге приведены также и высказывания об искусстве Татьяны Петровой наших ведущих деятелей культуры. Начинает этот перечень Н. К. Мешко, основательница целой школы сольного народного пения, воплощённой в соответствующем учебнике, не потерявшем своей актуальности и по сию пору.

В этом перечне представлены широко известные нашей публике имена художников, писателей, актёров. Среди них В. А. Солоухин, И. С. Глазунов, В. Г. Распутин, Н. С. Михалков, В. В. Кожин, В. Н. Ганичев, Н. П. Бурляев и др.

Книга получилась не совсем обычной. Она интересна не только своим текстом. В ней обстоятельно представлен богатый иллюстративный материал из личного архива Татьяны Юрьевны, а также ноты любимых ею песен, стихи известных русских и советских поэтов. Ей очень хочется, чтобы эти стихи стали песнями, поскольку они отвечают и её внутреннему миру, мыслям и идеям, которые она исповедует, чувствам, которые она переживает, наконец, запросам Времени, которые она остро ощущает.

Слушая её записи, бывая на её концертах, анализируя её работы, особенно начиная со второй половины 1980-х годов, когда было очень много разговора в вокальной среде об интонированном пении, вдруг открываешь для себя, что среди певцов-народников, к которым принадлежит и сама Татьяна Юрьевна, она одной из первых, если не самой первой, овладела этим способом. Дело не в новизне как таковой, а в том, что интонация раскрывает смысл каждого слова. Но для этого необходим, кроме вокальных данных, ещё и соответствующий уровень актёрского мастерства. Им певица владеет блестяще, пройдя курсы сценического искусства ещё в Свердловске (ныне Екатеринбург), учась в студии Уральского русского народного хора.

Но и этого недостаточно для выявления самой сути искусства Татьяны Петровой, которое в значительной степени определяет её мировоззрение, её вера. Что человек исповедует, то он и поёт. Она первой среди народников наполнила своё искусство состраданием к героям своих песен, искренним, сердечным переживанием и болью за них, пропуская через себя их жизнь. Так родилась главная тема певицы – тема судьбы. Даже в вокализе “Ожидание” Ю. Клепалова, где нет ни единого слова, звучит отчётливо и даже исповедально тема человеческой судьбы. Исповедальность – это ещё одно новое качество, которым обогатила вокальное искусство Татьяна Петрова. Постигая своеобразие, выявляя отличительные особенности творчества Татьяны Юрьевны, раскрывая одухотворённую природу её искусства, его принципиальную новизну, сегодня начинаешь понимать, что именно ею создано, по сути, новое направление в исполнительском искусстве, его культуре. И характерная, главная черта этого направления – его духовное начало, проповедь христианских добродетелей. Именно оно, исполненное любви, сострадания, исповедальности и веры, и определяет его отличительную особенность. В одном из интервью певица заметила, что творчество вокалиста – это, прежде всего, “исповедь и проповедь”. Очень точное определение, раскрывающее самую сущность не только вокального искусства, но и вообще русской культуры в целом, стержневой основой которой и является исповедальность и проповедь духовно-нравственных идей. В этом смысле, искусство Татьяны Юрьевны развивается в присутствии нашей культуры устоях, принципах и традициях, которые формировались в ней веками.

В связи с этим невольно вспоминаешь замечательного русского художника Михаила Васильевича Нестерова, создавшего новое направление в русской религиозной живописи. В отличие от своих предшественников и современников – мастеров религиозной живописи, избиравших сюжеты для картин и даже целых циклов из Священного писания, – Нестеров обращается к евангельской теме только в произведениях, создаваемых им для Церкви.

Религиозная живопись Нестерова представляет собой явление совершенно иное. И в “Страннике”, и в цикле картин, посвящённых Сергию Радонежскому, и в “Лисичке”, и в росписи трапезной Покровского собора в Марфо-Мариинской обители, и в “Святой Руси”, и в “Страстной седмице”, и во многих других произведениях Нестеров создаёт композиции, в которых раскрывает смысл духовного бытия монашествующих, показывает, что значит путь ко Христу, передаёт свои ощущения Времени, наполняя создаваемые им произведения евангельскими идеями, христианскими ценностями, верой в духовное возрождение русского народа, его преображение. Своему “духовно оскудевшему обществу” он предлагает путь к спасению, отвечая тем самым главным запросам Времени.

Невозможно не почувствовать, как перекликается духовная направленность религиозной живописи Михаила Нестерова с исполненным религиозных чувств вокальным искусством Татьяны Петровой. Сердцем, “открытым горé”, она творит образы, наполненные не только любовью, жертвенностью, но и призывом к покаянию, терпению и смирению. Есть в репертуаре певицы и такие песни, которые в её исполнении звучат как молитвы. И заполненный до отказа зал слышит и с благодарностью воспринимает этот молитвенный образ, что сокровенно хранится в генетической памяти народа.

Ещё сравнительно недавно многие мои коллеги критически воспринимали творчество И. С. Глазунова. Сегодня пересматриваешь отношение к нему. Поднимая русскую национальную тему, воспевая вековые деяния наших предков, художник своим искусством способствовал, так или иначе, пробуждению исторической памяти народа. Но сегодня запросы Времени, опираясь на этот пласт, диктуют необходимость пробуждения иного – памяти духовной. Об этом в своих произведениях говорил, в это несокрушимо верил Нестеров. Об этом вдохновенно, исповедально и одухотворённо поёт и Татьяна Петрова.

*Президенту Российской Федерации
Путину Владимиру Владимировичу*

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Уважаемый Владимир Владимирович!

В настоящее время в нашей культурной жизни совершается противоправное действие, направленное на уничтожение Института русской цивилизации и его издательства, которым руководит доктор экономических наук, замечательный русский учёный Олег Анатольевич Платонов.

Цели и задачи института, созданного в 2003 году, сформулированы следующим образом:

“Целью института является творческое объединение учёных и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времён до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной “Энциклопедии русского народа”, а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния русских сил мирового зла, русофобии и расизма”.

На протяжении более 20 лет научно-исследовательским и издательским центром “Энциклопедия русской цивилизации” и Институтом были подготовлены и выпущены в свет более двух десятков томов Большой энциклопедии русского народа “Русская цивилизация”, “Русское Православие”, “Русское государство”, “Русский патриотизм”, “Русский образ жизни”, “Русское хозяйство”, “Русская литература”, “Русская икона и религиозная живопись” и другие. Были изданы книги классиков отечественной философии, политологии, истории и литературы И. Киреевского, И. Аксакова, Н. Гоголя, Л. Тихомирова, Т. Филиппова, Ап. Григорьева, Н. Данилевского, А. Хомякова, Ю. Самарина, С. Булгакова, Г. Флоровского, А. Гильфердинга, Н. Страхова, Ф. Достоевского, И. Солоневича, К. Леонтьева, К. Победоносцева, М. Ломоносова, Ф. Тютчева, И. Ильина, М. Меньшикова, Н. Бердяева, В. Розанова, а также отцов Церкви преп. Иосифа Волоцкого, преп. Нила Сорского, митр. Илариона, митр. Антония (Храповицкого), митр. Иоанна Санкт-Петербургского и Ладожского. Институт выпустил книги избранных работ наших замечательных современников Игоря Шафаревича, Вадима Кожина, Михаила Лобанова, Владимира Крупина, Станислава Куняева, Владимира Личутина, Сергея Бабурина и других. Выпущено в свет уникальное издание, какого ещё не было ни в нашей стране, ни в мире: Славянская энциклопедия в 3-х томах.

Одно перечисление этих имён говорит о том, какую напряжённую плодотворную просветительскую работу осуществляет Институт русской цивилизации и его руководитель. Но, как видно, эта работа не по душе тем чиновникам, которые делают всё возможное, чтобы прервать эту благотворную деятельность.

23 декабря 2020 года состоялся суд над учёным, в процессе которого Олег Анатольевич Платонов был признан виновным по 282-й статье (часть 2, пункты “б” и “в”) по обвинению в “действиях, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершённые публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”. Основанием для подобного обвинения стали **переизданные в 2015 году исторические исследования** Олега Платонова, **впервые опубликованные много лет назад**, а именно в 1990-е годы, **когда** никакой 282-й статьи не существовало в природе. В исследовательском заключении, составленном экспертами ФЦСЭ при Минюсте РФ, указано, что в этих книгах **“отсутствуют высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии”**.

Исследуемые в книгах материалы были изданы в 1903 году и являются историческим документом. Происхождение их до сих пор является предметом научной полемики, не имеющей отношения ни к каким “действиям, направленным на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии”. Сугубо научный характер носят и указанные книги О. А. Платонова.

Тем не менее их автор был приговорён к 4 годам тюремного заключения условно с испытательным сроком на 3 года.

Совершенно очевидно, что данное обвинение, основанное на фактически не доказанной вине, направлено на то, чтобы прервать работу Института русской цивилизации по просвещению соотечественников. Очевидно также, что названные книги О. А. Платонова являются в данном случае лишь предлогом для прекращения его многолетней благотворной работы, за которую ему благодарны миллионы и миллионы людей.

Мы просим Вас обратить внимание на совершающееся беззаконие и по возможности вмешаться в ситуацию, грозящую уничтожением Института русской цивилизации.

ПИСЬМО ПОДПИСАЛИ

1. **Виктор Лихонос** – прозаик, лауреат Государственной, Патриаршей и других литературных премий, Герой труда Кубани, член высшего творческого совета при правлении Союза писателей Российской Федерации (г. Краснодар).
2. **Михаил Тарковский** – прозаик, главный редактор журнала “Енисей”, лауреат Патриаршей и других литературных премий, президент Фонда имени В. П. Астафьева (г. Красноярск).
3. **Юрий Павлов** – главный редактор журнала “Родная Кубань”, лауреат премии Александра Невского “России верные сыны” и других литературных премий, доктор филологических наук, профессор, член СП России (г. Краснодар).
4. **Анатолий Байбородин** – прозаик, главный редактор журнала “Сибирь”, лауреат Большой литературной премии, имени В. Г. Распутина и других литературных премий, член СП России (г. Иркутск).
5. **Николай Зиновьев** – поэт, лауреат премии имени Александра Невского и других литературных премий, Герой труда Кубани, член СП России (г. Кореновск).
6. **Ирина Калус** – литературовед, главный редактор журнала “Парус”, доктор филологических наук, профессор, член СП России (г. Москва).

7. **Виктор Бараков** – литературовед, главный редактор “Вологодского литератора”, лауреат премии имени Александра Невского и других литературных премий, доктор филологических наук, профессор, член СП России (г. Краснодар – г. Вологда).
8. **Вячеслав Шульженко** – литературовед, доктор филологических наук, профессор, член СП России (г. Пятигорск).
9. **Андрей Безруков** – литературовед, доктор филологических наук, профессор (г. Армавир).
10. **Олег Мороз** – литературовед, доктор филологических наук, профессор (г. Краснодар).
11. **Людмила Яцкевич** – литературовед, доктор филологических наук, профессор, член СП России (г. Вологда).
12. **Николай Крижановский** – литературовед, зам. главного редактора журнала “Родная Кубань”, кандидат филологических наук, доцент (г. Армавир).
13. **Михаил Карачёв** – поэт, председатель Вологодского отделения СП России (г. Вологда).
14. **Андрей Рудалёв** – критик, публицист, главный редактор ИА “Беломорканал”, лауреат общероссийской литературной премии имени Фёдора Абрамова, член СП России (г. Северодвинск).
15. **Станислав Куняев** – поэт, критик, публицист, главный редактор журнала “Наш современник”, лауреат Государственной премии РСФСР, лауреат Патриаршей премии, лауреат Большой литературной премии (г. Москва).
16. **Сергей Куняев** – критик, литературовед, лауреат Большой литературной премии (г. Москва).